

А. Вольский

ИСТОРИЯ
МЕКСИКАНСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

А. ВОЛЬСКИЙ

**ИСТОРИЯ
МЕКСИКАНСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ**

Москва

2024

УДК С 38
ББК 63, 66

Научные редакторы, авторы вступительной статьи, пояснений:

Д. ист. н., ведущий научный сотрудник ИЛА РАН,
профессор кафедры теории и истории международных
отношений СПбГУ В.Л. Хейфец

Д. ист. н. ведущий научный сотрудник ИЛА РАН,
профессор кафедры американских исследований
СПбГУ Л.С. Хейфец

История мексиканских революций. – М.: ИЛА РАН,
2024. – 416 с. и 16 вкл.

ISBN 978-5-6050822-3-1

Книга является репродуцированным изданием монографии, которая стала одним из первых исследований проблем Латинской Америки в СССР. Ее автор - первый советский полпред в Мексике Станислав Станиславович Пестковский («Андрей Вольский»). Институт Латинской Америки РАН приурочил публикацию к 100-летию советско-мексиканских отношений, продолжая традицию знакомства современных ученых и широкого круга читателей, интересующихся латиноамериканской историей, с памятниками отечественной латиноамериканистики.

В настоящем издании сохранены орфография, пунктуация, обозначение стран, написание фамилий, как это было у авторов данного сборника. Сохранены типографическая композиция, оформление сносок, что позволило передать все особенности и характерные черты эпохи зарождения советской школы латиноамериканистов.

ISBN 978-5-6050822-3-1

© ИЛА РАН, 2024.

© В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Станислав Пестковский – первый советский латиноамериканист (В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец).....	4
Предисловие автора.....	49
Вступление.....	52
Глава I. Доколониальный период истории Мексики.....	60
Глава II. Испанское владычество в Мексике.....	68
Глава III. Борьбы за независимость Мексики.....	87
Глава IV. Борьбы либералов и консерваторов.....	109
Глава V. Диктатура блока помещиков и иностранного капитала.....	135
Глава VI. Либеральная революция 1910 года.....	161
Глава VII. Разгар крестьянского движения в Мексике.....	173
Глава VIII. Контрреволюция блока мексиканских консерваторов и иностранных империалистов.....	186
Глава IX. „Конституционная революция”	201
Глава X. Борьба национал-либералов с иностранным империализмом.....	221
Глава XI. Конституция 1917 года.....	243
Глава XII. Современное положение Мексики.....	255
Заключение.....	297
Комментарии к оригинальному тексту.....	301

Станислав Пестковский – первый советский латиноамериканист

Прежде чем начать разговор о публикуемой вновь почти спустя сто лет работе Андрея Вольского (Станислава Пестковского) «История мексиканских революций», нельзя не вспомнить бурную историю пребывания этого революционера на посту полпреда Советского Союза в Мексике. Это было время, когда СССР был вынужден регулярно отбиваться от обвинений в использовании дипломатических представительств для политического и идеологического проникновения в жизнь других стран.

Кто Вы, товарищ Андрей?

Одним из первых и громких дипломатических скандалов стал случай с речью наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина в Баку на III сессии ВЦИК (3 марта 1925 г.), в которой говорилось о характере отношений Советского Союза и Мексики. В его центре оказался Станислав Станиславович Пестковский.

Речь шла о невинной фразе наркома, касавшейся единственной латиноамериканской страны, решившейся к этому времени преодолеть дипломатическую блокаду СССР: «...мы успели восстановить дипломатические отношения с соседом Соединённых Штатов, Мексикой, которые дают нам политическую базу на Новом материке... Советская республика в Мексике чрезвычайно популярна. Наш

* Виктор Лазаревич Хейфец – д.и.н., проф., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН; Лазарь Соломонович Хейфец – д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН.

полпред Пестковский встретил в Мексике самый восторженный приём... Мексика даёт нам, таким образом, весьма удобную политическую базу для развития наших дальнейших связей»¹. Так как речь шла об анализе дипломатической деятельности СССР, ясно, что никакого скрытого смысла Г.В. Чичерин в эту фразу не вкладывал: речь шла о Мексике как базе для дальнейшего развития дипломатических отношений СССР с латиноамериканскими странами, а не для проникновения коммунистической идеологии. Однако прочитана она была в США, а вслед за этим и в Мексике именно как угроза идеологической и политической экспансии Коминтерна в Новом Свете. Долгие годы советские исследователи, опираясь на буквальную интерпретацию этой фразы наркома, категорически отметили даже тень подозрения на возможность такого вмешательства со стороны советских дипломатов в Мексике, да и советской дипломатии в целом.

Тридцать лет назад интерес к событиям 1925 г. вспыхнул вновь, и они стали предметом дискуссии, возникшей на страницах журнала «Латинская Америка». Одна из известнейших мексиканистов Вера Николаевна Кутейщикова охарактеризовала слова Г.В. Чичерина как наглядную иллюстрацию «симбиоза дипломатической и коминтерновской политики, который нанёс, да и не мог не нанести удар по нашим отношениям с Мексикой»². Эта точка зрения подверглась критике сотрудником Института Латинской Америки Александром Ивановичем Сизоненко, посчитавшего, что Кутейщикова «следует аналогичной оценке правящих кругов США» и расценивает заявление наркома как проявление «коминтерновской» политики»³.

¹ Цит. по: Кутейщикова В. Еще раз о первых советских послых в Мексике // Латинская Америка, 1994, №1, с. 100.

² Там же.

³ Сизоненко А.И. Не впадать в тенденциозность // Латинская Америка, 1994, № 7-8.

О принципиально важных аспектах ситуации можно судить даже без документов (что всегда и делали на Западе). Для советского руководства вовсе не существовал принцип несовместимости дипломатической деятельности с пропагандой коммунистических идей и их внедрением в революционное движение стран, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. Внешняя политика Москвы и политическая линия Коминтерна не могли радикально различаться, формируясь по одним и тем же принципам, да в общем-то и одними и теми же людьми, по крайней мере, в 1920-е годы. Формы, методы проведения в жизнь политики НКВД и Исполкома Коминтерна (ИККИ) могли быть разными, но суть политики и ее направленность от этого не менялись.

Советский нарком иностранных дел Г. Чичерин, как и его заместитель Л. Карахан, курировавший отношения со странами Азии, Африки и Латинской Америки, являлись членами Исполкома Коминтерна. Могли ли эти люди делить свою жизнь как доктор Джекил и мистер Хайд: утром respectable дипломаты, а вечером коммунистические эмиссары? Были ли советские полпреды также и полномочными представителями Коминтерна, если не по должности, то по духу? Они должны были ими являться как члены «объединения коммунистических партий, единой мировой коммунистических партий» – Коминтерна, в Уставе которого говорилось, что «при переезде из одной страны в другую каждый член Коммунистического Интернационала встречает братскую поддержку местных членов III Интернационала»⁴. Советский дипломат мог рассчитывать на помощь коммунистов страны пребывания в выполнении своей миссии. А они – на его совет, участие? Ведь становясь дипло-

⁴ Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, принятые на II конгрессе, состоявшемся в Москве с 17 июля по 7 августа 1920 г. Петроград, 1921, с. 9.

матом, он не переставал быть коммунистом. И так ли страшно признать то, что дипломат (и не только советский, и не только коммунист) мог заниматься и своей профессиональной работой, и той, которую не принято афишировать. Нарушение норм дипломатической этики – вопрос не идеологический.

Формально такое совмещение тоже могло происходить. Так, например, помощник полпреда РСФСР и представителя Коминтерна и РКП/б/ в Бухаре Валериана Куйбышева Георгий Скалов писал: «Основная задача нашего полпредства была... совершенно не похожа на работу обычных дипломатов – это была политическая подготовка советизации Бухары и организации Бухарской КП...»⁵. Мексика не Бухара и прямой аналогии не могло быть лишь в методах и масштабах работы. Иное дело – вопрос принципов и идеологии. Мексиканская революция рассматривалась в СССР, как родственная Октябрьской. Многие политические деятели в Мексике (отнюдь не коммунисты) смотрели на процессы, происходившие в Советской России, как на нечто близкое мексиканским реалиям.

Первый полпред СССР в Мексике Пестковский прибыл в Веракрус 31 октября 1924 г. и вручил свои верительные грамоты президенту Альваро Обрегону 7 ноября того же года⁶. Через месяц (8 декабря) из Мексики в Москву ушел первый доклад представителя Коминтерна в этой стране «Андрея»⁷. Потом эти доклады стали поступать в ИККИ регулярно. Анализ их содержания дает возможность высказывать предположения об уровне полномочий посланца Коминтерна, характере его деятельности и его личности.

⁵ Личное дело Г.Б. Скалова. – РГАСПИ, ф. 495, о. 65а, д. 4569, л. 37.

⁶ Discurso de Alvaro Obregón el 7 de noviembre de 1924. – Archivo General de la Nación, Ramo A. Obregón – P.E. Calles, с. 44, exp. 104-R-28; «Правда», 11 ноября 1924 г.; Сизоненко А.И. В стране ацтекского орла. М., 1969, с. 17-18.

⁷ Доклад Андрея в ИККИ. – РГАСПИ, ф. 495, о. 108, д. 39, л. 10.

Оценивая членов ЦК компартии Мексики, «Андрей» писал: «Одного из них, т. Рамиреца, пришлось недавно исключить за целый ряд политических жульничеств ...пока я здесь, Рамирец не будет лидером компартии»⁸. И это говорилось об одном из основателей КППМ, ее генеральном секретаре Мануэле Диасе Рамиресе, делегате III конгресса Коминтерна и I конгресса Профинтерна, встречавшемся с Лениным. «Андрей» предупреждал ИККИ: «Так как Штирнер является единственным человеком у Вас, знающим испанский язык, и, следовательно, единственным Вашим информатором по латино-американским делам, я рекомендую Вам относиться очень осторожно к его информации»⁹. Предостережение относилось к выступившему в защиту Рамиреса швейцарцу Штирнеру (его настоящее имя – Эдгар Воог), который еще в 1920 г. стал одним из основателей Федерации коммунистической молодежи Мексики и участвовал в процессе объединения коммунистического движения страны. Как представитель Мексики Штирнер избирался членом ИККИ и Интернациональной контрольной комиссии, был референтом ИККИ по Южной Америке, занимал немалое положение в аппарате Коминтерна и пользовался авторитетом и доверием руководства. Сколь высоким должен был быть уровень полномочий «Андрея», чтобы в письмах, отправлявшихся для прочтения генсеку ВКП/б/ Иосифу Сталину и председателю Коминтерна Григорию Зиновьеву, он мог давать подобные оценки и делать такие организационные выводы?

Цитируемое письмо содержало и такие слова: «...должен Вас поругать сильно: отправил Вам два доклада (в январе и марте) и Вы не известили меня об их получении их ...не буду Вам описывать экономического и политического поло-

⁸ Доклад Андрея в ИККИ 11.VIII.1925. – Там же, ф. 495, о. 19, д. 179, лл. 29, 30 об.

⁹ Там же, л. 30 об.

жения Мексики, так как все это Вы найдете в моих докладах, отправляемых по начальству»¹⁰. В «романтический» период существования Коминтерна можно представить, что представитель ИККИ в той или иной стране, мог себе позволить «поругать» руководителей. Но что же это за «начальство», которому он посылает другие доклады? Очевидно, он служил и по другому ведомству, при этом выбор вариантов оказывался невелик: разведка или дипломатическая сфера. Советская разведка, пожалуй, не делилась конфиденциальной информацией с ИККИ, тогда как с НКВД ситуация могла быть другой: Чичерин и Карахан, являясь членами ИККИ, естественно, знакомились с документами, поступающими в штаб-квартиру международной компартии.

Наконец, во всех письмах и докладах «Андрея» слова «коммунизм» и «коммунистический» все время написаны с одной «м». Маловероятно, что в 1924 г. Коминтерн назначил своим представителем полуграмотную персону, понятия не имевшую, как следует правильно писать по-русски эти слова. Нам показалось более вероятным, что родным языком этого представителя был не русский язык, а какой-то другой, орфография которого в данном случае совпадала с испанским. И этот язык мог быть польским – родным языком полпреда.

Даже столь лапидарная информация позволила сделать выводы: «Андрей» был вхож в коридоры коминтерновской власти и мог быть связан с полпредством в Мексике. Дипломатическое представительство СССР несомненно было в курсе его деятельности как эмиссара Интернационала. В архиве хранятся телеграммы секретарю ИККИ Осипу Пятницкому из Мексики с подписями «Андрей. Хайкис», визами: «Пест.» и посланиями из Москвы от Пятницкого, адресованными «Полпреду. Андрею», не оставляющими ни малейшего сомнения в том, что глава дипломатического пред-

¹⁰ Там же, л. 27.

ставительства СССР в Мексике и его советник Леон Хайкис были знакомы с деятельностью «Андрея» и служили для него, по меньшей мере, почтовым ящиком. Или... кто-то из них и был представителем Коминтерна.

Полпред Пестковский и представитель ИККИ «Андрей» являлись одним и тем же человеком. «Андрей» («Андрей») – первая партийная кличка вступившего в 1902 г. в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы двадцатидвухлетнего Пестковского, который затем постоянно возвращался к этому псевдониму: в 1920 г. под именем «Андрей Вольский» делал доклад «Как возникла Польская Республика» в Коммунистическом университете им. Свердлова, в 1928 г. подписал им книгу «История мексиканских революций» и ряд статей. Под статьей «Контрреволюционный заговор в Мексике» стоит подпись «Андрей Боровский», объединившая две партийных клички времен подполья. По возвращении из Мексики Пестковский получил назначение на должность «заведующего движением Латинской Америки» Крестинтерна под именем «Андрей Павлович Вольский», сменившимся псевдонимом «Бандерас»¹¹. Ностальгическое пристрастие Пестковского к имени «Андрей» очевидно.

У революционера имелся немалый опыт: в октябре 1917 г. он входил в число руководителей вооруженного восстания большевиков в Петрограде, был лично знаком с Лениным и Сталиным, занимал пост замнаркома по делам национальностей, позднее возглавил Военно-Революционный Комитет Киргизии. В январе 1923 г. Президиум ИККИ командировал его на Балканы в качестве своего уполномоченного (в основном Пестковский нелегально работал в Греции). В декабре 1923 г. его избрали генеральным секретарем

¹¹ Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej 1917-1920. Biografie. Warszawa, 1967, s. 655; «Правда», 13.5.1920; «Путь МОПРа», 1929, № 6; РГАСПИ, ф. 495, о. 252, д. 506, л. 81; Cimek, Henryk. Tomasz Dąbal. 1890-1937. Rzeczów, 1993, s.175, 180.

Международной организации помощи пролетарским революционерам (МОПР) и Пестковский пребывал на этом посту вплоть до своего отъезда в Мексику в августе 1924 г.¹² Такая биография служила великолепной базой для назначения этого старого большевика представителем ИККИ в Мексике. Кстати, как раз со временем возвращения Пестковского в Москву совпадает исчезновение докладов из Мексики «Андрея».

Точку в расследовании позволили поставить документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Первый очень короток. Представитель Секретариата ИККИ на IV съезде КПМ Штирнер направляет в Малую комиссию Исполкома Коминтерна документы о своем пребывании в Мексике. Под номером 3 в сопроводительном письме значится «Доклад об участии посольства в руководстве партии». Сам же доклад носит еще более красноречивое название – «О руководстве КПМ тов. Андресом»,¹³ а встретившееся в тексте сочетание слов «Botschaft» (посольство) и «Andres» показало, что косвенные доказательства вывели нас на правильный путь.

Содержание документа свидетельствует о принципиальных разногласиях между двумя линиями в руководстве КПМ, остро проявившихся на партийном съезде, и о том, что за носителями противостоящих идей стояли два видных деятеля международного коммунистического движения, один из которых занимал при этом положение официального дипломатического представителя СССР в Мексике. «Говариц Андрей» выступал перед мексиканскими коммунистами «не только как посол, но и как старый член русской партии». И в том, и в другом качестве, свидетельствует Штирнер, он оказывал серьезное давление на молодых коммунистов. Следует отметить, что некоторым из них

¹² Известия, 27 августа 1924 г.

¹³ РГАСПИ, ф. 495, о. 108, д. 61, лл. 74-82.

столь авторитетный оппонент не смог навязать свою волю, хотя и связывал напрямую свое официальное положение в Мексике с развитием ситуации в КПМ. Как прямой шантаж руководителей партии можно расценивать слова: «Если они реабилитируют Рамиреса, то я должен подать в отставку как посол»¹⁴. Штирнер же, защищавший «подлеца и мошенника» Диаса Рамиреса, был заклеимлен Пестковским как «адвокат политических проходимцев».

Исключение Диаса Рамиреса было вызвано противоречиями между партийными руководителями в отношении мятежа Адольфо де ла Уэрты. Американско-мексиканский коммунист Бертрам Вольф в своих воспоминаниях заявляет, что де ла Уэрта якобы связался с тогдашним генеральным секретарем КПМ и предложил ему денежную помощь в обмен на поддержку со стороны коммунистов. Мемуары Вольфа следует, однако, рассматривать с известной долей предосторожности, ибо его версия событий зачастую базируется исключительно на защите собственной точки зрения и общей тенденции преувеличивать исключительность своих способностей¹⁵.

Какова бы ни была истинная подоплека исключения, оно резко осложнило отношения компартии с Аграрными лигами штата Веракрус в силу значительного влияния Диаса Рамиреса в регионе. Конфликт этот был весьма серьезен и привел к фактическому отколу от КПМ ее организации в штате Веракрус во главе с Урсуло Гальваном и Мануэлем Альмансой, поддержавших Диаса Рамиреса в его оппозиции Центральному Комитету партии. Связь между КПМ и ее сторонниками в Веракрусе превратилась в тот момент, по словам представителя американских коммунистов в Мекси-

¹⁴ Там же. О внутрипартийном конфликте, приведшем к исключению из КПМ М. Диаса Рамиреса, см.: Martínez Verdugo A. Historia del comunismo en México. México: Grijalba, 1985, pp. 80-82.

¹⁵ Wolfe B., A Life in Two Centuries, N. Y., 1981, pp. 302-304.

ке Чарльза Филиппа, в «лишь тоненькую ниточку»¹⁶. Лишь IV съезд КПП по настоянию Штирнера признал совершенную ошибку и начал процесс примирения с крестьянскими организациями штата.

Степень причастности немногочисленных сотрудников посольства к партийным делам была крайне высока: «Фактически Центральный Комитет не существовал. 3-4 товарища из ЦК регулярно приходили в посольство. Там были приняты... важнейшие решения... В заседаниях ЦК... принимал участие югославский товарищ, служащий посольства [Видас, работавший охранником полпредства. – В.Х., Л.Х.]. ...Секретарь посольства тов. Х. [Хайкис] заявил, что крестьяне представляют опасность для партии. ...На съезде югославский товарищ... делал все, чтобы помешать мирному решению конфликта с Рамиресом»¹⁷.

Логика полпреда была проста: он полагал, что руководителям компартии не хватало опыта и марксистского образования. По его словам, «единственным, марксистски образованным лидером» являлся американец Б. Вольф, работавший в КПП и высланный президентом П.Э. Кальесом из страны за активную роль в забастовке железнодорожников. Другие члены ЦК КПП показались ему «ребятами преданными, но слабыми»¹⁸. Лидер Лиги Аграрных сообществ Ве-

¹⁶ Доклад М.Гомеса о IV съезде КПП. – РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 717, л. 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Доклад Андрея 8 декабря 1924 г...., л. 10; доклад Андрея в ИККИ 11 августа 1925 г...., л. 28 об. Мнение Пестковского о Вольфе сложилось еще до приезда в Мексику. За время пребывания в Москве в 1924 г. Вольф разговаривал с Чичериным и настолько понравился советскому наркому, что тот дал полпреду в Мексике инструкции советоваться с этим американским коммунистом для того, чтобы лучше разобраться в запутанной политике в Мексике. – См. Wolfe B., Op. cit., p. 335. Не разговаривая по-испански в течение первых трех месяцев пребывания в Мексике, Пестковский был вынужден опираться на оценки коммунистов, знающих английский язык (а кроме самого Диаса Рамиреса, это

ракруса У. Гальван был охарактеризован Пестковским как «сильный товарищ», который нуждался в то же время в политическом образовании. Рафаэлю Каррильо мешали в работе молодость и недостаточная энергичность. За исключением этих трех человек советский дипломат вообще не видел в партии способных руководителей. Прочих членов ЦК он охарактеризовал так: «Х. Герреро, живописец, хороший и преданный товарищ, но с весьма малым марксистским багажом. ...сенатор т. [Луис] Монзон. Человек честный, дисциплинированный и преданный. ...Но политически совершенно необработанный и нет надежды на его обработку, т.к. ему уже 52 года и имеет 9 человек детей. ...железнодорожник т. Карлос Рендон. Парень хороший и с большим темпераментом, но скорее тип мексиканского радикала, чем коммуниста.

... [Давид Альфаро] Сикейрос, тоже художник, весьма плохой коммунист, богемского пошиба, хотя человек доброй воли»¹⁹. В сложившейся ситуации Пестковскому – старому члену большевистской партии с дореволюционным стажем – оставалось, как он полагал, лишь одно: заняться обучением руководителей КПМ, а пока что взять в свои руки бразды правления партией.

Временами эта руководящая роль полпредства порождала новые конфликты внутри партии. Полученные Пестковским в 1925 г. деньги для Крестьянской лиги штата Веракрус он отправил по назначению с изрядным запозданием (желая сначала получить резолюцию Москвы по «делу Диаса Рамиреса»). Большинство членов ЦК КПМ понятия не имели, что финансовые средства направлялись Коминтерном через посольство и расходовались в согласии с полпредом (без какой-либо финансовой отчетности). Очень быстро

были Р. Каррильо и Б. Вольф), а в силу их конфликта с Диасом Рамиресом соответственно повел себя и Пестковский.

¹⁹ Доклад Андрея ИККИ 11 августа 1925 г. ...

некоторые из них открыто обвинили генсека Рафаэля Каррильо и казначея партии, известного мексиканского художника Хавьеро Герреро, в мошенничестве²⁰. И теперь уже Штирнеру на закрытом заседании съезда пришлось вытаскивать этих двух руководителей из ямы, выкопанной их собственным и Пестковского легкомыслием, поясняя возмущенным членам ЦК, что ревизия не выявила никаких финансовых злоупотреблений, и обещая обязать казначея впредь отчитываться ежемесячно.

Между посланцами Коминтерна: приехавшим специально для урегулирования разногласий, и тем, кто уже давно находился в стране и имел прямое отношение к зарождению конфликта, возник принципиальный спор о степени допустимого участия советских дипломатов в делах КПМ. Штирнер считал, что «партия будет благодарна всякому хорошему совету, который она получит из посольства». Пестковский же, информировавший ИККИ об отсутствии в компартии Мексики опытных кадров, настаивал на том, что «руководство должно быть в руках посольства. Посольство должно иметь право вмешиваться против неверных решений Центра [ЦК]. ... правительство знает, что руководство партией находится в посольстве. Если что-то случится, меня сделают за это ответственным. Так что уж будет лучше, чтобы руководство партией, по крайней мере до того, как здесь не будет никакого представителя ИККИ, находилось на деле в моих руках»²¹.

Очевидно, Пестковский в данном случае неплохо знал, о чем говорил. Вполне резонным будет вопрос: можно ли было воспринимать участие советских дипломатов именно в Мексике с ее специфическими условиями, а не в какой-либо другой стране, в деятельности местной компартии, как вмешательство во внутренние дела страны? Правительство

²⁰ Там же, л. 82.

²¹ Там же, л. 80.

действительно было достаточно осведомлено о контактах КПМ с посольством, которые и не скрывались. Если бы не давление извне, такая ситуация могла долго восприниматься как внутреннее дело коммунистов. Само правительство было напрямую связано с другим течением рабочего движением (КРОМ и Лабористской партией) и даже назначало в состав посольств (в т. ч. в СССР) «рабочих атташе», деятельность которых была шире дипломатической.

В оценке своеобразия ситуации вокруг полпредства в Мексике и понимания его роли в Москве с Пестковским полностью солидарен Штирнер, отмечаящий: «Русское посольство – единственное... на американском континенте. Поэтому его политическое значение очень велико. Все угнетаемые американским империализмом мелкие национальности Центральной и Южной Америки видят в факте признания Мексикой Советской России удар против Соединенных Штатов. ...Посольство имеет большие пропагандистские возможности. ... Тов. «Андрес» справедливо сетовал на недостаточное внимание, которое Наркоминдел уделяет этому делу и малое политическое понимание того значения, которое имеет посольство в Мексике. Мексиканское правительство само не может никак препятствовать разумно проводимой советской пропаганде» [подчеркнуто нами. – В.Х., Л.Х.]²².

Следует вспомнить, что IV съезд КПМ происходил почти через год после инцидента с речью Чичерина, который был до поры до времени предан забвению правительством Мексики. Тем не менее, полпред в своей официальной деятельности не стремился к тому, чтобы выставлять напоказ свои связи с компартией. Не скрывал, но и не афишировал, а при случае стремился дистанцироваться от партии. Когда заграничный агент лидера реформистского профцентра КРОМ Луиса Моронеса Ретингер дал ему понять, что для

²² РГАСПИ, ф. 495, о. 108, д. 61.

улучшения отношений с Моронесом и президентом Мексики Плутарко Элиасом Кальесом было бы полезно дать директивы КПМ о прекращении нападок в партийной прессе на них, Пестковский ответил о невозможности такого посредничества, т. к. он является представителем правительства СССР, а не Коминтерна, и не может давать никаких директив здешней компартии²³.

Анализируя документы «Андрея» – Пестковского в целом, можно прийти к выводу о том, что скрытый смысл в речи Чичерина в Баку все же был, если сопоставить слова наркома с высказыванием его подчиненного: «...Вы обращали до сих пор мало внимания на т. н. Латинскую Америку. С моим приездом сюда работа усилилась и обещает дать значительные результаты», «...расшевелить Латинскую Америку – дело громадной важности, ввиду того озлобления, которое господствует здесь против Штатов. Если Вы обратите на это дело серьезное внимание, то... через 2-3 года наше влияние в Латинской Америке станет достаточно сильным»²⁴. Пестковский в первом же своем докладе подробно перечислил, что предстоит сделать – наладить связи с коммунистическими группами в Сальвадоре и Панаме (с гватемальскими коммунистами он установил связь уже в ноябре 1924 г.), усилить «воспитательную работу среди членов партии», издавать крестьянскую газету хотя бы раз в месяц. И все это в первую очередь собирался делать он сам. Полпредство же должно было служить каналом финансирования партийной и антиимпериалистической деятельности.

²³ Руководителей КРОМ, впрочем, заявления советского полпреда несколько не убеждали, и в марте 1926 г., на ежегодном съезде КРОМ, была принята резолюция, осуждающая советское вмешательство в дела этой профсоюзной организации. – См.: Кутейщикова В. Еще раз о первых советских послах в Мексике..., с. 100.

²⁴ Доклад Пестковского в ИККИ 8 декабря 1924 г. – РГАСПИ, ф. 495, о. 108, д. 39, л. 11 об.; доклад Пестковского в ИККИ 11 августа 1925 г. – Там же, ф. 495, о. 19, д. 179.

8 декабря 1924 г. Пестковский предложил ИККИ обратиться от его имени в МОПР с тем, чтобы ему направили «для начала» 500 долларов для помощи политзаключенным в Центральной Америке²⁵.

Деятельность советского полпреда является, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров прямого вмешательства официального представителя иного государства (СССР) во внутренний конфликт одной из партий страны, причем вмешательства резкого и бесцеремонного, чуть ли не «хозяйского». Но заметим, что Пестковский вовсе не кривил душой, когда заявлял перед отъездом в Мексику, что «нормальные хозяйственные и политические отношения в международном масштабе» могут быть обеспечены только при полной независимости государств и невмешательстве в их дела. Советские полпреды жили в двух измерениях, и по приезде в Мексику представитель СССР открыто уточнил свои взгляды на дипломатию, указав, что помимо «исключительно официальных отношений» (как в случае советско-британских отношений), существуют еще «искренние и дружественные отношения» между рабочими и крестьянами разных стран,²⁶ и в данном случае для него не существовали границы. Но как раз это и не могло устроить мексиканских лидеров, столь чувствительных к нарушению суверенитета своей страны – вне зависимости, шла ли речь о Советском Союзе или о Соединенных Штатах Америки.

В двух измерениях жил не только советский полпред, в двух измерениях жил и американский коммунист Мануэль Гомес (Чарльз Филипс, тот самый, что вместе с Бородиным и Роем создавал в 1919 г. Мексиканскую Коммунистическую партию). В апреле 1925 г., месяц спустя после скан-

²⁵ Доклад Пестковского в ИККИ 8 декабря 1924..., лл. 11-11 оборот.

²⁶ СССР и Мексика (из беседы с полпредом СССР в Мексике тов. С.С. Пестковским) // Правда, 29 августа 1924 г.; Discurso del Embajador de los Soviets en la celebracion del 7 de noviembre // El Machete, 13-20 de noviembre de 1924, num. 21.

дала с речью Чичерина, он взял у Пестковского интервью, и уточнив, что тот «воспринимает свои дипломатические обязанности всерьез», интервьюер тут же обрушился с гневными филиппиками на «псевдо-рабочее правительство» Мексики и «союзника американского империализма» А. Обрегона. Тут же, впрочем, М. Гомес уточнил, что это – его мнение, советский же полпред никогда бы этого не сказал и как аккредитованный дипломат заинтересован прежде всего в «усилении связей между Мексикой и Советской Россией»²⁷. Гомесу-Филипсу ли было не знать, что его слова имели мало общего с реальностью. И неужели он не понимал, что и сам Пестковский, и мексиканское правительство прекрасно осознавали происходившее? Конечно же, понимал. Но не хотел замечать.

И уж конечно на страницы «Дэйли уоркер» не могли попасть следующие слова из отчета М. Гомеса руководству Рабочей (коммунистической) партии Америки о его пребывании в качестве «братского делегата» на IV съезде КПМ и встречах с Пестковским: «Наш друг посол сказал мне вчера, что он иногда думает о том, что лучше всего было бы распустить эту чертову контору [КПМ – В.Х., Л.Х.], оставив лишь группу для пропаганды. По его мнению, Каррильо чуть ли не единственный настоящий коммунист в Мексике. Он чрезвычайно резко настроен в отношении Рамиреса, глубоко разочарован в Гальване и вроде бы имеет какие-то подозрения по поводу Флореса Магона»²⁸.

Недавно опубликованы потрясающие документы Г.В. Чичерина из Архива внешней политики Российской Федерации. Смертельно больной наркоминдел писал Сталину в 1929 г.: «Если вместо хороших работников нам навяжут учеников Ломинадзе, Шацкина, Андрея, Семенова

²⁷ Soviet Flag to Fly in Mexico This May Day. Gomez interviews Red Minister, Pestkovsky // Daily Worker, 27.4.1925.

²⁸ РГАСПИ, ф. 515, оп. 1, д. 717, л. 5

и Мифа, я могу быть лишь за тысячу верст. Мне достаточно будет маленькой пенсии... Буддийские деревянные мельницы молитв, то есть механически пережевывающие заученные мнимореволюционные фразы гг. Ломинадзе, Миф, Андрей, Семенов, Шацкий и прочие комсомольцы этого факта не изменили»²⁹. Нет, этот «Андрей» (он же Семенов-Васильев) не имеет к Пестковскому никакого отношения. И имел в виду Чичерин не Мексику, а Китай. Но точность оценки удивительно совпала с событиями мексиканскими. И совсем не удивительно, что Советское правительство было вынуждено «счесть за благо» (не дожидаясь высылки?) «дать иное назначение гражданину Станиславу Станиславовичу Пестковскому отозвав его с поста Полномочного Представителя Союза Советских Социалистических Республик в Соединенных Штатах Мексики»³⁰.

Несмотря на это, Мексика навсегда вошла в жизнь Станислава Пестковского. Покидая страну, он отправляет из Веракруса телеграмму министру иностранных дел Аарону Саэнсу с выражениями наилучших пожеланий мексиканскому народу от «искреннего друга прекрасной страны»³¹. И если послание министру могло быть не более чем жестом вежливости, то визит в мексиканское посольство во Франции уже является примером показательным. Еще раз выразив послу свои теплые чувства в отношении Мексики, Станислав Пестковский запросил у того ряд информационных сведений о жизни народов испанской Америки. Посол Альфаро Рейес, польщенный «любезным визитом» и свидетельствами «добросердечного внимания», проявляемыми посто-

²⁹ Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 08, оп. 12, п. 74, д. 55, л. 88, 92-93. Цит. по: Новая и новейшая история, 1994, №2, с. 12-15.

³⁰ М.И. Kalinin a P.E. Calles el 19 de septiembre de 1926 // AHSRE, expediente 3-17-56, fs. 4-5.

³¹ Telegrama de Pestkovsky a A. Saenz el 12 de octubre de 1926. Ibid., sin numero de foja.

янно полпредом СССР во Франции Х. Раковским и его заместителем Я. Давтяном, не замедлил благожелательно откликнуться на просьбу бывшего советского полпреда³².

“У нас будет называться Ортега...”

Уже по дороге из Мексики в Москву с Пестковским начала происходить некая метаморфоза. Его личность как бы раздвоилась. В Гаване бывший полпред Станислав Пестковский встречается с Группой минористов, элитой леворадикальной кубинской интеллигенции. В то же время, как следует из более позднего письма секретаря компартии Кубы А. Сотомайора, находящийся в Гаване работник Крестинтерна товарищ Бандерас, в беседе с руководителями партии предостерегает их, говоря, что «исключением из партии Мельи партия совершает самоубийство»³³. Речь шла о серьезной коллизии в недавно созданной КПК – исключении из партии одного из ее основателей и вызванных этим шагом противоречиях с мексиканской компартией, включившей молодого кубинца в свой ЦК и предложившей его кандидатуру на пост генерального секретаря Континентальной Комитета Всеамериканской антиимпериалистической лиги. Этот конфликт привел к задержке приема кубинской партии в Коминтерн в качестве национальной секции.

Сегодня мы знаем, что Пестковский и Бандерас – это одно лицо. Трудно представить, что дипломат, пусть уже и бывший, как в плохом детективе, переодетый и загримированный, пробирается на конспиративную квартиру нелегальной компартии для проведения тайного инструктажа кубинских товарищей. Очевидно, Пестковский высказал свое мнение через кого-то из минористов (скорее всего, че-

³² Informe de A. Reyes a la SRE de México el 2 de noviembre de 1926. Ibid., sin numero de foja.

³³ Доклад А. Сотомайора в ИККИ, 1926 г. – РГАСПИ, ф. 495, оп. 105, д. 1, л. 41.

рез Рубена Мартинеса Вильену, одного из лидеров группы и одновременно человека очень близкого и к Мелье, и к некоторым руководителям тогдашнего руководства КПК, но в то время еще не являвшегося формальным членом партии). Можно предположить, что кто-то из партийных руководителей все-таки участвовал во встрече напрямую.

Важно, пожалуй, другое. Для Пестковского начался уже во время этой поездки качественно новый этап жизни, когда он одновременно действует на разных участках революционной борьбы. Казалось бы, ему не привыкать к тому, чтобы жить под псевдонимами и принимать на себя разные личности. Но одно дело работа в подполье, как это было в юности в Польше или в 1923 г. на Балканах, или даже сосуществование в одном человеке полпреда Пестковского и представителя Коминтерна «Андрея» в Мексике. Другое – такое сосуществование двух или даже трех-четырёх лиц в одном в Москве, в штабе мировой революции.

В Москве Станислав Пестковский возвращается к работе члена Президиума Исполкома МОПР, которую оставил при назначении на пост полпреда в Мексике. А 19 ноября 1926 года зачислен в Международный Крестьянский Совет (Крестинтерн) на должность заведующего «движением Латинской Америки с окладом по XVII разряду» «Андрей Павлович Вольский»³⁴. А в Международной Ленинской школе Коминтерна вскоре появится преподаватель «Станислав Станиславович Бандерас».³⁵ Станным образом данные их анкет полностью совпадают с биографией С.С. Пестковского. И так будет продолжаться до конца жизни Станислава Станиславовича, где бы он ни работал. А доведется ему служить делу мирового пролетариата и в качестве заместителя заведующего англо-американским отделом Профинтерна (сюда его направят после ликвидации в январе 1931 г.

³⁴ Личное дело Пестковского. – РГАСПИ, ф. 495, оп. 252, д. 506, л. 81.

³⁵ Там же, л. 70.

аппарата Крестинтерна), и политическим консультантом одного из ведомств советской внешней разведки – ИНО НКВД (с начала 1933 г. по декабрь 1935 г.), и политическим помощником секретаря ИККИ Ван Мина, а затем – Д. Мануильского («у нас будет называться Ортега»), написал кадровик ИККИ на анкете)³⁶. Одновременно ему придется преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока (там тоже готовили, как и в МЛШ, кадры для латиноамериканских компартий), быть ответственным редактором журнала «Иностранная книга» и заведовать издательством Президиума ВЦИК СССР «Власть Советам». Товарищ «Бандерас» постоянно участвует в обсуждении проблем революционного движения Латинской Америки на заседаниях Латинского (а затем и Латиноамериканского) секретариата ИККИ.

Очень много работает Пестковский как ученый-латиноамериканист и публицист. В 1928 г. почти одновременно выходят две его книги: «История мексиканских революций» (под псевдонимом «Андрей Вольский») и «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике» (подписанная «Диего Ортега»). Обе были написаны почти одновременно (предисловие автора к первой подписано в октябре 1927 г., предисловие редакции ко второй – 26 августа 1927 г.) и были практически первыми научными исследованиями мексиканских проблем, опубликованными в СССР после Октябрьской революции, и написанными «с точки зрения материалистического понимания истории»³⁷.

Отметив в предисловии к «Мексиканским революциям», что «книга страдает целым рядом существенных пробелов и недостатков», в первую очередь из-за отсутствия в Мексике «какой бы то ни было библиографии по общественно-политическим вопросам», Пестковский тем не менее взял на

³⁶ Там же, л. 54.

³⁷ А. Вольский. История мексиканских революций. М.-Л., 1928, с. 3.

себя смелость предложить настоящую книгу советскому читателю, не избалованному литературой о Мексике, которая, как подчеркнул автор, представляла для СССР «громдный интерес» благодаря своей борьбе против «империалистического засилья»³⁸.

Обе монографии дают краткий обзор истории Мексики с доколумбовых времен, но основную часть исследования автор посвятил новейшему времени, что легко объясняется тогдашним политическим интересом к Мексике. В книгах приводится много документов, позволяющих читателю лучше представить события в Мексике и вокруг нее. Автор довольно хорошо изучил мексиканскую историографию тех лет, а также работы, вышедшие в XIX столетии, опирался он – в полном соответствии с принципами научной объективности – на работы авторов разных школ и тенденций; при этом автор не забывал о сквозной нити собственного исследования – изучал Мексику через развитие народных (в первую очередь, крестьянских) и революционных движений, анализировал ее развитие с точки зрения соотношения феодального и буржуазного государства с трудящимися массами. Использовал Пестковский и информацию конфиденциального характера, позволявшую внимательному читателю, знакомому с мексиканскими реалиями, легко понять, кто скрывался за псевдонимом «Андрей Вольский»: так, например, автор подробно цитирует свою беседу с министром иностранных дел Мексики генералом Кандидо Агиляром о позиции Мексики по отношению к первой мировой войне³⁹. А в посвящении к «Аграрному вопросу...» («памяти погибших в борьбе против помещиков и иностранных империалистов революционных вождей мексиканского крестьянства») среди «самоотверженных борцов» крестьянского движения от М. Идальго до М.П. Монтеса

³⁸ Там же, с. 4.

³⁹ А. Вольский. История мексиканских революций. М.-Л., 1928, с. 147.

можно встретить и фамилию Бандерас. Совершенно очевидно, что псевдоним «Бандерас», под которым Пестковский работал в Крестинтерне, был взят не только за звучность испанской фамилии, но и за ее символическое значение.

Важное значение имеют политические оценки, содержащиеся в книгах Пестковского. Он считал, что в стране имелись две основные общественно-политические силы: «громкая сила иностранного империализма, имеющая внутри Мексики могущественных союзников в лице помещиков и католического духовенства» и «рабочий класс и крестьянство, представляющие в потенции большую силу, но до сих пор раздробленную и слабо организованную». Основную слабость этой силы Пестковский видел в «отсутствии единого рабоче-крестьянского фронта». Между этими силами, по его мнению, маневрировало мексиканское правительство, «составленное в своем большинстве из промежуточных мелкобуржуазных элементов», неспособное «по существу своему» выполнить задачу организации рабочих и крестьянских масс населения для «борьбы против сильнейшего врага мексиканского народа» – иностранного империализма⁴⁰. В «Аграрном вопросе» он дал еще более жесткую оценку этой третьей силы: «результатом этой революции (1910-1917 гг. – В.Х., Л.Х.) является военно-полицейская диктатура мелкобуржуазных промежуточных элементов. Отсутствие крупной национальной буржуазии и слабость пролетариата являются основной предпосылкой этой диктатуры. Диктатура эта держится постольку, поскольку ее поддерживают крестьянство и рабочие»⁴¹. Исходя из этого, Пестковский сформулировал стратегию и тактику революционного движения Мексики: не переставая («перед лицом

⁴⁰ Там же, с. 176.

⁴¹ Диего Ортега. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике. М.-Л., 1928, с. 137.

единого фронта помещиков и иностранных капиталистов») поддерживать до поры до времени мелкобуржуазное правительство, крестьяне и рабочие Мексики должны неустанно «подготавливать почву для создания подлинного рабоче-крестьянского правительства, единственно способного вывести трудящихся из плена помещиков и капитала»⁴².

Авторы предисловия к «Аграрному вопросу», высшие руководители Крестинтерна Н. Мещеряков и Т. Домбаль пошли еще дальше в определении перспектив революции на континенте: «образование рабоче-крестьянского правительства и союза рабоче-крестьянских республик Латинской Америки – вот те задачи, которые встают во весь рост перед революционным движением этих стран»⁴³.

Работы Пестковского являлись в какой-то мере ответом на статью Евгения Варги, известного специалиста Коминтерна в области статистики, который с 1927 по 1947 гг. возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой политики (предшественник нынешнего ИМЭМО им. Е.М. Примакова). Варга, изучая опыт аграрных реформ в различных странах, обратил внимание на возможности сотрудничества между коммунистами и революционными националистами по данному вопросу (он опирался на примеры такого альянса в Китае, при этом не занимался общим сравнением двух революций). По мнению Варги, опыт двух стран позволял предположить в тех странах, где пролетариат все еще являлся самым слабым звеном в классовой структуре, возможность руководства социальной революцией организованными крестьянами, а не пролетариатом, как указывала марксистская доктрина. Несмотря на свою ограниченность, утверждал Варга, мексиканская аграрная реформа улучшила условия городского пролетариата⁴⁴. Подобная постановка

⁴² Там же, с. 138.

⁴³ Там же, с. 5.

⁴⁴ Варга Е. Мексика // Плановое хозяйство, 1926 (Сентябрь), № 9, с. 137-154.

вопроса могла бы способствовать формированию коминтерновской политики, направленной на укрепление связей КПМ с крестьянством, однако точка зрения признанного высшим большевистским руководством экономического авторитета не была типичной для теоретических подходов Москвы.

Интересно сравнить восприятие Мексики теоретиками III Интернационала с публикациями в прессе СССР. В статьях, выходящих из-под пера советских аналитиков на протяжении 1920-х годов, обычно высмеивался мексиканский революционный национализм, а усилия Мексики в деле экономического восстановления изображались как неудачная битва против империализма. Однако те же самые статьи свидетельствуют о различиях между политической практикой и теоретическими дискуссиями. В то время как ряд функционеров Коминтерна указывал на революционный потенциал мексиканского пролетариата, другие авторы отмечали, что в стране, где национальная буржуазия слаба, ее развитие определяется иностранными промышленниками, а пролетариат численно и качественно слаб. Между тем они постоянно подчеркивали: крестьяне были наполнены революционным духом, что и представляло важные перспективы для мексиканских революционных процессов.

В книгах Пестковского приводится интересная информация об истории мексиканского коммунистического движения, которая долгие годы проходила мимо внимания исследователей. Характеризуя деятельность губернатора Юкатана Фелипе Каррильо Пуэрто, он, в частности, отметил, что тот некоторое время являлся членом МКП и входил в «Американское Бюро» Коммунистического Интернационала.

Он также отметил, что кроме официальной компартии (секции III Интернационала) в Мексике существовали еще несколько «коммунистических партий», из которых Студенческая Коммунистическая партия была некоторым обра-

зом связана с МКП, прочие же не имели с той ничего общего и представляли собой «рабоче-мелкобуржуазные группировки»⁴⁵.

Дискуссия по мексиканскому вопросу, открытая Пестковским на страницах двух его книг, углубилась на VI Всемирном конгрессе Коминтерна, оказавшимся «звездным часом» для компартий Латинской Америки. Впервые за почти десятилетие существования всемирной коммунистической партии проблемы континента стали одной из центральных тем обсуждения ее высшим форумом. Тон обсуждению заявлением о «втором открытии Америки» задал Генеральный секретарь Профинтерна С. Лозовский, который незадолго до конгресса, выступая на латиноамериканской профсоюзной конференции в Москве (1928 г.), отметил, что «в Коминтерне...не знают достаточно ...об этом огромном резерве антиимпериалистической энергии, об этих огромных революционных силах, которые, хотя возможно и находятся в примитивном состоянии, но обещают многое и имеют большие перспективы»⁴⁶.

В Москве собралась самая представительная за все годы существования Коминтерна группа латиноамериканских коммунистов. В стенографическом отчете говорится о 17 делегатах из 9 латиноамериканских партий. На самом деле их было больше: на конгрессе присутствовали и латиноамериканцы – слушатели Международной Ленинской школы, и функционеры Коминтерна, связанные с работой в Латинской Америке. Значительная часть из них была старыми знакомыми Станислава Пестковского (участниками конгресса были мексиканцы Р. Каррильо, М. Диас Рамирес, Х. Герреро, американцы Б. Вольф и М. Гомес, швейцарец Э. Воог, входивший в делегацию КПМ с правом совеща-

⁴⁵ А. Вольский. История мексиканских революций..., с. 203.

⁴⁶ Losovsky A. El movimiento sindical Latino Americano. Montevideo, 1929, p. 51.

тельного голоса; приехавшие в Мексику в 1925 г. по делам Коминтерна Сергей Гусев /«Травин»/ (член делегации ВКП /б/ на VI конгрессе) и приглашенный на конгресс работник ОМСа Михаил Грольман /«Освальд»/).

Многое из недоговоренного, недоспоренного в Мексике обсуждалось в Москве – на трибуне и в кулуарах конгресса. И С. Пестковский был одной из центральных фигур этого обсуждения. Он не входил официально ни в одну из делегаций и не числился в опубликованном списке приглашенных, но, по всей видимости, участвовал в конгрессе в двух ипостасях: как член коммунистической фракции Крестинтерна и как представитель КПМ при ИККИ (в мае 1928 г. в шифрованной телеграмме за подписью «Фасоль» (Р. Каррильо) КПМ подтвердила назначение Андрея «нашим представителем»). Телеграмма была передана для ознакомления секретарю ИККИ О. Пятницкому самим «Андреем» – «Бандерасом» 14 мая 1928 года⁴⁷. Только во время конгресса он передаст эти функции своему мексиканскому антагонисту М. Диасу Рамиресу, назначенному представителем КПМ при ИККИ съездом партии.

Товарищ «Бандерас», выступив на конгрессе первым в прениях по обсуждению содоклада руководителя Латинского секретариата ИККИ Жюля Эмбер-Дро «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах» (основной доклад по этому вопросу делал секретарь ИККИ Отто Куусинен), подверг резкой критике предложенную швейцарским коммунистом идею «латиноамериканизма», противопоставлявшуюся им панамериканизму, «являющемуся орудием порабощения Латинской Америки северо-американским империализмом». «Я и мексиканские товарищи, говорил «Бандерас», – мы возражаем самым решительным образом против новой идеи, которую выдвинул т. Эмбер-Дро о латино-американизме. ...пропаганда такого

⁴⁷ Телеграмма КПМ в ИККИ. РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 84, л. 40.

лозунга коммунистами была бы весьма опасной, потому что в революционной борьбе против американского империализма чрезвычайно важно сохранить единство действия и постоянный контакт с коммунистическим движением в Соединенных Штатах. А эта идея латино-американизма как раз будет играть на-руку тем буржуазным и мелкобуржуазным течениям в антиимпериалистическом движении, которые хотят раздавить северо-американский пролетариат и пролетариат латиноамериканский. ... Мы считаем, что пропаганда этого латиноамериканизма внесет безусловно сумятицу в головы коммунистов. Ведь сам Эмбер-Дро говорил, что наши компартии весьма слабы во многих странах, идеологически они весьма слабы»⁴⁸.

Несогласие с главным идеологом латиноамериканской политики Коминтерна С. Пестковский выразил и по вопросу о характере мексиканской революции, подчеркнув, что нельзя говорить о «решительном повороте, решительном отливе мексиканской революции». «Да, правда, есть отход буржуазных элементов, но так как эта революция, по определению самого товарища Эмбер-Дро, является буржуазно-демократической, то ясно, что в связи с отходом буржуазных элементов нельзя говорить о революционном отливе мексиканской революции, потому что эти частичные отливы буржуазных элементов были в мексиканской революции в 1911 г., и вообще вся мексиканская революция состояла до сих пор из отливов и приливов, и настоящий отлив является также только одним из этих отливов, а не является каким-нибудь решительным поворотом»⁴⁹.

Отметив, что «весьма полезно, что конгресс Коминтерна впервые подошел так близко к латино-американским вопросам, потому что почти все или во всяком случае большин-

⁴⁸ Стенографический отчет конгресса Коминтерна. Выпуск 4. Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. М.-Л., 1929, с. 140.

⁴⁹ Там же, с. 139.

ство стран Латинской Америки, находятся сейчас в революционном положении, и буржуазно-демократическая революция, которая получила сейчас такое серьезное развитие в Мексике, развивается во многих латино-американских странах», Пестковский-Бандерас обратил внимание на то, что правильное разрешение этих важнейших вопросов «может быть дано только тогда, если Коминтерн обратит надлежащее внимание на Латинскую Америку»⁵⁰.

Высказывания С. Пестковского были неоднозначно восприняты делегатами. Его позицию поддержал С. Гусев, заявив, что лозунг латино-американизма «есть только новая разновидность теории Монроэ для Латинской Америки – Латинская Америка для латинян». Он предостерег: «Его примут охотно все мелкобуржуазные элементы... почему они его примут? Потому, что они не захотят принять лозунга антиимпериалистического союза рабоче-крестьянских республик (или федерации советских республик Латинской Америки...)»⁵¹.

На сторону «Бандераса встал и мексиканский делегат «Контрерас» (итальянец Витторио Видали), заявивший, что латиноамериканизм является «идеологией чисто мелкобуржуазного антиимпериалистического движения, которое борется против коммунистического движения и утверждает, что марксизм и ленинизм не имеют почвы в Латинской Америке», а Антиимпериалистическая Лига является «агентом Москвы»⁵².

В защиту Ж. Эмбер-Дро выступил один из основателей мексиканской компартии, ее делегат на II конгрессе Коминтерна и участник большинства съездов КПМ, руководитель североамериканской секции Всеамериканской Антиимпериалистической лиги М. Гомес (тот самый, который брал у

⁵⁰ Там же, с.141.

⁵¹ Там же, с.241.

⁵² Там же, с.307.

полпреда Пестковского интервью для «Дейли Уоркер» в 1925 г. в Мехико), заявивший: «Товарищу из Крестинтерна не нравится весь этот «латино-американизм». Он боится: 1) что мелкая буржуазия может воспользоваться этим для утверждения своей гегемонии в движении; 2) что это может отвлечь латино-американские массы от идеи объединения с пролетариатом САСШ. Я не боюсь этого. Тов. Бандерас не встретит у латино-американской мелкой буржуазии жажды бороться за союз латино-американских стран: точно также среди революционных элементов Латинской Америки он не встретит противников союза с классово-сознательными пролетариями САСШ»⁵³.

Зато другая идея С. Пестковского, правда не отраженная в стенограмме конгресса, но очевидно высказывавшаяся им во время совместных обсуждений с делегациями Латинской Америки и США, о том, что «неправильно обсуждать вопрос о Латинской Америке в Латинском секретариате Коминтерна и КИМа», была решительно поддержана в ряде выступлений (С. Дарси (КИМ), Х. Карденас (Колумбия), Б. Вольф (США)). Последний подчеркнул, что аппарат Коминтерна, «к несчастью, построен на базе языка, вместо того, чтобы быть построенным на базе общей политической проблемы. И поэтому Латинская Америка, Италия, Испания и Франция очутились в одном единственном секретариате, в котором по необходимости никакого внимания, или очень мало внимания может быть уделено Латинской Америке. Я считаю, что известная реорганизация должна последовать после этого конгресса»⁵⁴.

Настойчивость сторонников этой идеи увенчалась успехом. После конгресса действительно произошло радикальное изменение структуры аппарата Коминтерна – появились лендер-секретариаты ИККИ, в том числе и Латиноамери-

⁵³ Там же, с. 173.

⁵⁴ Там же, с. 351.

канский. Было бы преувеличением считать, что эта реорганизация – результат деятельности Пестковского, но следует отметить, что он одним из первых озвучил идею, которая должна была сделать работу Коминтерна более плодотворной и результативной.

X пленум ИККИ (июль 1929 г.) направил острие борьбы компартий против «правой» опасности в коммунистическом движении. В Латинской Америке она не рассматривалась ВКП /б/ и Коминтерном как главная. Секретарь ИККИ Д. Мануильский поставил перед «молодыми» компартиями задачу «разорвать самым решительным образом с идеологией и традициями мелкобуржуазного радикализма, рядящегося в тогу «страшно левого» анархизма, выкинуть из партии все либеральные и полулиберальные элементы, строить компартию на социальном базисе рабочего класса, воздействуя и увлекая крестьянские массы через посредство организаций, стоящих под влиянием партии, идейно укреплять компартию на основах марксизма и ленинизма, на богатом опыте ВКП и коммунистических партий Европы»⁵⁵.

В отличие от VI конгресса на пленуме латиноамериканское коммунистическое движение не было широко представлено. Это не говорило о снижении внимания Коминтерна к его проблемам, скорее наоборот. Только что закончились два важнейших форума, проходивших непосредственно на земле Нового Света: континентальная профсоюзная конференция в Монтевидео, закончившаяся созданием Латиноамериканской профсоюзной конфедерации, и Первая конференция компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе, самая представительная встреча коммунистов континента за все годы существования Коминтерна. Этим объясняется отсутствие в Москве представителей ведущих пар-

⁵⁵ X пленум Исполкома Коминтерна. Июль 1929. Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. Выпуск первый. М., 1929, с. 56.

тий Латинской Америки, избранных на VI конгрессе в руководящие органы Коминтерна (ИККИ и Интернациональную контрольную комиссию).

О проблемах Латинской Америки говорили только два участника пленума – «Америко Ледо» (генеральный секретарь КП Бразилии Астрожилдо Перейра, избранный на пленуме членом Президиума ИККИ, но, правда, вскоре исключенный и из ИККИ и из КПБ) и представитель коммунистической фракции Крестинтерна Бандерас, который в данной ситуации оказался святее самого папы.

Если в докладе Мануильского слово «правый» применительно к Латинской Америке даже не было произнесено, Бандерас весь пафос своей речи обратил именно на «правую опасность», которая, по его мнению, выражалась в компартиях континента главным образом существованием на практике так называемых «широких партий». «Мы знаем, – говорил он, – что этот меньшевистский лозунг получил достаточно широкое распространение в разных частях мира, и в особенности в Латинской Америке». Самым характерным примером такой широкой партии Бандерас назвал Социалистическую Революционную партию Колумбии.

В КПМ такой опасности Пестковский не усмотрел, отметив, что там “был другой факт, что в партию входят и занимают руководящие посты люди, которые не имеют ничего общего с коммунистической идеологией, которые приходят из двух лагерей: или из анархо-синдикалистского лагеря или из лево-буржуазного”⁵⁶.

Важно отметить, что руководство КПМ и находившийся в Мексике представитель ИККИ «товарищ Педро» (Михаил Грольман) разошлись в оценках с недавним наставником партии «Андреем». Заседавший почти одновременно с заседанием ИККИ пленум ЦК мексиканской компартии в полном соответствии не с буквой, а с духом X пленума ИККИ,

⁵⁶ Там же, с. 373-374.

обрушился именно на «правую опасность», исключив из партии Диего Риверу, Урсуло Гальвана, Федерико Баха (Фрица Сульцбахнера) и других видных партийных функционеров.

Так или иначе, относительная идеологическая и интеллектуальная открытость 1920-х гг. и возможности дискуссий по теоретическим вопросам внутри Коммунистического Интернационала стали лишь достоянием прошлого после сталинизации СССР и всемирной компартии. К тому времени как правление И.В. Сталина достигло своего апогея в 1930-е гг., марксизм в СССР практически был, по оценке П. Андерсона, «сведен к формальному упоминанию»,⁵⁷ что обрекало на застой и любые попытки неортодоксального анализа проблематики других стран, осуществлявшиеся в коминтерновских структурах. Уже с 1929 г. та небольшая историческая специфика, которую идеологи III Интернационала (и то не сразу) признали за Мексикой, уступила место универсальной пролетарской интерпретации социальной революции. Начиная с 1929-1930 гг., Мексика была отнесена теоретиками Коминтерна к группе стран, где доминировали «фашизм и фашистские методы, приемы, формы правления», получавшие непосредственную помощь со стороны империализма США»⁵⁸.

Книги Пестковского открыли серию публикаций по проблемам Латинской Америки в СССР. Вскоре вышла в свет книга Г. Донского (Дашевского) «Борьба за Латинскую Америку», брошюры М. Диаса Рамиреса «Мексика» и А. Ледо (А. Перейры) «Бразилия» и «Аргентина», Х. Брунини (А. Волкова) «Крестьянство и батрачество Кубы и Гаити», «Крестьянство и батрачество в Аргентине», «Уругвай и Парагвай». Вместе со статьями в международной комму-

⁵⁷ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991, с. 33.

⁵⁸ Некоторые проблемы в связи с революционным движением в Латинской Америке [май 1930 г.] // Коминтерн и Латинская Америка. Сб. документов. М., 1998, с. 145.

нистической прессе ответственных работников Коминтерна и его латиноамериканских секций, а также советских ученых, тесно связанных с работой в III Интернационале (Ж. Эмбер-Дро, С. Минева (Шавароша), С. Гусева (Травина), Р. Гриеко (Гарланди), А. Гуральского, Б. Михайлова (Вильямса), Г. Якобсона и других), они дали толчок последующим исследованиям проблем Латинской Америки в СССР⁵⁹ и познакомили советских людей с проблемами незнакомого доселе далекого континента.

Многоликий автор откликается своими публикациями на важнейшие события в Мексике, связанные с революционным движением страны. В газетах помещаются написанные им некрологи Хулио Антонио Мельи («Комсомольская правда») и Хосе Гуадалупе Родригеса («Правда»), статьи «Контрреволюционный заговор в Мексике» («Путь МОПРа», 1929, № 6, под псевдонимом «Андрей Боровский») и «Гражданская война в Мексике» («Мировое хозяйство и мировая политика», 1929, № 7, под псевдонимом «Диего Ортега»). В «Правде» за 22 октября 1927 г. Д. Бандерас знакомит читателей с проблемой «Октябрьская революция и мировое крестьянство», в книге «Десять лет белого террора» (М., И-во ЦК МОПР СССР, 1929) А. Вольский публикует статью «Белый террор в эпоху гражданской войны в СССР», а на страницах журнала «Путь МОПРа» (1928, № 5) С. Пестковский рассказывает «Откуда взялось название МОПР». Активное участие принимает бывший полпред в работе созданной в 1929 г. при Международном аграрном институте Ассоциации по изучению Латинской Америки, в которую были привлечены практически все советские ученые, занимавшиеся проблемами континента. С докладами на заседании Ассоциации выступали и латиноамериканцы,

⁵⁹ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн и рождение советской школы латиноамериканистики // Латинская Америка, 2019, №7, с. 90-105.

работавшие в Москве, в частности посол Мексики в СССР Хесус Сильва Эрцог⁶⁰.

Жизнь Пестковского в Москве – это напряженная работа, составляющая радость для человека, посвятившего всего себя мировой революции. Но в этой жизни были серьезные трудности, никогда не попадавшие в поле зрения исследователей, и о которых дают представление документы фонда Общества Старых большевиков, хранящиеся в РГАСПИ. Партийный функционер высокого ранга постоянно жалуется на житейскую неустроенность: «Снимаю у Общества маленькую квартиру, в 6 1/2 кв. саж[ени] ... Задолжал кварт. плату в сумме около 400 рублей»,⁶¹ «... нахожусь на стадии полного разорения»⁶². Эти слова постоянным рефреном звучали в его заявлениях. Как писал Пестковский в Бюро Общества 21 ноября 1930 г., причиной бедственного состояния было то, что он являлся единственным работником в семье из четырех человек. «Раньше я подрабатывал немного литературным трудом, но в последнем году меня так сильно нагрузили политической и партийной работой, что я не в состоянии писать. У меня больны жена и дочь – нуждаются в усиленном питании. За последнее время этот вопрос обстоял плохо, приходилось докупать на вольном рынке. Мы все в семье лишены самых необходимых частей гардероба и ходим почти в лохмотьях». И жена Пестковского, Мария Наумовна, и дочь Евгения страдали серьезными заболеваниями. Серьезно болен был и сам Станислав Станиславович. 11 июля 1924 г., перед самым назначением на работу в Мексику, он просит материального содействия для лечения на курорте, ссылаясь на «переутомление, потерю памяти и тяжелую неврастению». Перечень болезней во многом объясняет то нервное состояние, с перепадами настроений, ко-

⁶⁰ Аграрные проблемы, 1930, № 6-7.

⁶¹ Заявление Пестковского от 12 ноября 1930 г. – РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1473, лл. 50-51.

⁶² Заявление Пестковского от 21 ноября 1929 г. – Там же, л. 46.

торое было присуще полпреду и представителю Коминтерна в Мексике. Можно, пожалуй, только восхищаться тем, как интенсивно работал, несмотря на столь серьезные семейные и личные проблемы, этот человек.

Возвращение в Исполком Коминтерна

На работу в Исполком Коминтерна в качестве его сотрудника Пестковский (С. Ортега) вернулся после VII Всемирного конгресса международной коммунистической партии, вошедшего в историю как «исторический поворот», ознаменовавший переход к стратегии Народного фронта. Но в то же время серьезные изменения произошли в жизни самого Коминтерна и в первую очередь его аппарата. И связаны эти перемены были с процессами, происходившими на родине мирового пролетариата – в СССР.

Репрессии, обрушившиеся на партийно-государственную элиту страны, не обошли стороной и штаб-квартиру III Интернационала. Одной из первых жертв сталинских чисток стал Георгий Скалов (Г. Синани), заместитель заведующего лендер-секретариатом Южной и Карибской Америки, который почти пять лет фактически возглавлял работу на латиноамериканском направлении деятельности Коминтерна. В день открытия VII конгресса, 25 июля 1935 г., начался и печально знаменитый процесс по «кремлевскому делу», самым известным участником которого был Лев Каменев, соратник Ленина и первый глава Советского государства – председатель ВЦИК РСФСР. Скалов, обвиненный в руководстве «контрреволюционной группой бывших белогвардейцев», готовивших покушение на Сталина, был приговорен к 10 годам тюремного заключения⁶³.

⁶³ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Триумф и трагедия советской латиноамериканистики. Год 1934-й // Проблемы Южной и Карибской Америки. М., с. 4-26.

Вскоре из лендер-секретариата один за другим исчезли его работники, которые все эти годы работали вместе с Синани. Были арестованы – другой заместитель заведующего л-с ЮКА, бывший секретарь Южноамериканского секретариата Коминтерна в Буэнос-Айресе и Монтевидео Август Гуральский (Рустико), референт л-с ЮКА Юлий Розовский (Хулио Гомес), в конце 1920-х годов игравший важную роль в деятельности КПМ и получивший рекомендацию в партию от советника советского полпредства в Мексике Л. Хайкиса, технический секретарь лендер-секретариата Ольга Мешковская. Сам Хайкис, занимавший в 1936-1937 гг. пост советника полпредства, а затем – полпреда в Испании, был отозван в Москву и расстрелян. Исключили из партии и отстранили от работы в Коминтерне Владимира Мирошевского – одного из основоположников советской латиноамериканистики. Не обошли репрессии и латиноамериканских коммунистов, находившихся в Москве. Был арестован и долгие годы провел в ГУЛАГе студент Международной Ленинской школы Эвелио Бадильо, до приезда в СССР возглавлявший комитет КПМ Мехико. «Легко отделался» генеральный секретарь компартии Кубы (в 1920-е гг. он активно работал также и в компартии Мексики) Хорхе Абилио Виво д'Эското – его исключили из партии и на долгие годы даже его имя исчезло со страниц партийной прессы и исторических монографий.

В течение очень короткого времени латиноамериканское направление деятельности Коминтерна практически оказалось обезглавленным. Была разрушена команда специалистов, сложившаяся в начале 1930-х годов, которая, помимо выполнения задач по стратегическому и тактическому руководству коммунистическим движением на континенте, заложила серьезные основы научного исследования проблем Латинской Америки в СССР. Новые люди, пришедшие в лендер-секретариат, спецификой латиноамериканских проблем не владели. Очевидно, перевод С. Пестковского из

Иностранного отдела НКВД обратно в Коминтерн имел своей целью частично решить эту проблему. Станислав Станиславович безусловно был одним из крупнейших экспертов по латиноамериканским проблемам в стране.

И задачи, которые Пестковский-Ортега решал в Коминтерне в новых условиях, носили в значительной мере исследовательский характер. Основная масса документов, подписанных новым политическим помощником секретаря ИККИ – это аналитические записки, рассматривающие характер деятельности латиноамериканских секций Коминтерна, кадровую политику компартий, оценивающие социально-политическую ситуацию в странах Латинской Америки, соотношение политических сил и т.д.

Товарищ Ортега, в полном соответствии с духом времени, давал политические оценки руководящим деятелям компартий, очевидно хорошо понимая, что за этим могут последовать «оргвыводы» – исключение из руководства и партии. Так, например, в докладе «О положении в Колумбии» 23 апреля 1937 г. он пишет: «... линия VII конгресса /после возвращения делегатов/ лишь....., что несмотря на выдвижение партией лозунга за ЕДИНЫЙ фронт, в партии остаются сильные пережитки ЛЕВАЧЕСТВА, носителем которого является в первую очередь генсек партии т. Торрес Хиральдо, воспитанник Синани и Гуральского, работавший вместе с ними ... до конца 1934 г.»⁶⁴. Естественно, через короткое время Игнасио Торрес Хиральдо был отстранен от руководства Коммунистической партии Колумбии.

Понимал ли Станислав Станиславович, что каток репрессий может не обойти и его самого? Даже если и понимал, мог ли он действовать в тех условиях по-другому? Правила игры заставляли играть так и не иначе. Но даже,

⁶⁴ Доклад Пестковского 23 апреля 1937 г. о положении в КП Колумбии. – РГАСПИ, ф. 495, оп. 20, д. 263, л.1.

если и понимал неминуемость для себя опалы или гибели, вряд ли он мог предположить, что с ним и его близкими это произойдет так скоро. И, конечно же, даже в кошмарном сне он не мог представить, КАК это случится с ним.

Путь на Голгофу

Народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности Николай Ежов в секретном циркуляре информировал руководителей региональных органов о том, что НКВД Союза раскрыта диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой «польской организации войсковой» («ПОВ»), созданной Пилсудским на СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ (!) «НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» (!) (в 1914 г.) и непосредственно после нее». Организация, как утверждал Ежов, руководилась центром, находившимся в Москве – в составе Уншлихта, Муклевича, Ольского и других, охватила «антисоветской работой» НКВД, РККА, Разведуправление РККА, аппарат Коминтерна, Наркоминдел, оборонную промышленность, транспорт, сельское хозяйство».

НКВД обвинила членов мифической шпионской организации в активной антисоветской работе по подготовке в 1918 г. (!) совместно с левыми эсерами и бухаринцами свержения советского правительства, срыва Брестского мира, провоцировании войны РСФСР с Германией и сколачивании вооруженных отрядов интервенции; широкой, всесторонней подрывной работе на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны, с прямой целью поражения Красной Армии и отрыва УССР и БССР; прямых контактах и соглашении с «руководителем военно-фашистского заговора предателем Тухачевским» в целях

срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны»⁶⁵.

Станислав Пестковский стал по сценарию Ежова одним из главных фигурантов дела «ПОВ». Он обвинялся, среди прочего, в подготовке антисоветского переворота в первый период революции. Польские коммунисты Уншлихт, Лещинский и Долецкий якобы, действуя как члены «ПОВ» в интересах Пилсудского, ориентировавшегося в тот момент на Антанту и «направлявшего деятельность своих организаций по директивам французского штаба», вместе с Бухариным и левыми эсерами разработали план ареста Совнаркома во главе с Лениным. «В этих целях Пестковский, по поручению Уншлихта, установил связь с представителем французской разведки в Москве генералом Лявернь и руководством левых эсеров...»⁶⁶. Помимо этого Пестковский, как член московского центра «ПОВ», обвинялся в вербовке агентов для «ПОВ» в Коминтерне, научных институтах и других учреждениях, «причем вербовал большей частью не поляков непосредственно для польской разведки, как таковой, и только в некоторых случаях прямо в «ПОВ», поскольку варшавский центр санкционировал организацию включать в отдельных случаях в «ПОВ» также и непольские элементы (русских, украинцев)...». Обвинители утверждали, что Уншлихт, Пестковский, Сосновский, Витковский, Бортновский и др. встречались с приезжавшими в СССР представителями варшавского центра «ПОВ» и 2-го отдела польского генштаба⁶⁷.

Сценарием «польского» дела Пестковский был предназначен также на роль одного из главных террористов. Циркуляр Ежова информирует: «По директивам из Варшавы Уншлихт, Пестковский, Маковский, Домбаль, Висляк, Ма-

⁶⁵ А. Судоплатов. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. Книга первая. М., 1998, с. 366.

⁶⁶ Там же, с. 373.

⁶⁷ Там же, с. 377-378.

тушевский и другие, вместе с троцкистами, вели подготовку центральных террористических актов», причем «член московского центра Пестковский вел, якобы, «наряду с террористической работой в настоящее время» подготовку «боевых групп для совершения центральных террористических актов в момент военного нападения на СССР» и «крупного резидента», имевшего «сложные шифры и пароли для связи»⁶⁸.

Неподготовленному читателю, не очень хорошо знакомому с реалиями Советского Союза периода сталинских «больших чисток» даже трудно представить, что подобные обвинения предъявлялись без наличия каких-либо доказательств, помимо собственных признаний обвиняемых, данных ими на следствии под пытками или под угрозой их применения. В качестве злонамеренных действий им предъявлялась вся их предыдущая жизнь революционеров и пламенных большевиков. То, что всю жизнь считалось их достоинством, то, за что их возвеличивали, продвигали по партийной и государственной лестнице вверх, теперь выворачивалось наизнанку и объявлялось антисоветской, диверсионной, шпионской деятельностью. Следователи из НКВД умели во всем увидеть «состав преступления», от их обвинительного настроения не спасало ничто. Чего стоит, например, такой раздел циркуляра: «...участники «ПОВ», пробравшиеся на должности, дававшие им возможность официальных встреч с составом иностранных посольств, пользовались этими встречами для разведывательной сети (Логановский – на официальных приемах, Морштын – по работе в НКВД, Пестковский – в различных польско-советских комиссиях и т.д.)»⁶⁹.

Как мог, например, подследственный Пестковский опровергнуть обвинение, заключающееся в том, что он, входив-

⁶⁸ Там же, с. 385-386.

⁶⁹ Там же, с.389.

ший в состав российско-украинско-польской комиссии по демаркации границ после войны 1920 г., во время работы этой комиссии встречался с польскими разведчиками, входившими в польскую часть комиссии? Конечно, он встречался с членами польской делегации, а кто из его визави на заседаниях комиссии был разведчиком, кто не был, мог ли он это знать тогда? Да и были ли они разведчиками или это этот факт был плодом воображения следователей?

И это можно сказать о любом пункте обвинения. Даже удивительно, что в материалах следствия Пестковскому не вменили в вину связь с попавшим к тому времени в опалу (пусть и посмертно) советским историком Михаилом Покровским, которому бывший полпред и посвятил «Историю мексиканских революций» и которого назвал своим учителем в деле постижения истории с материалистической точки зрения.

Приговор «польским шпионам и диверсантам» был предрешен. Но прежде чем убить физически этих людей, с гордостью считавших себя профессиональными революционерами, их уничтожили морально. У них отняли революционное прошлое, превратив то, что все послереволюционные годы было их гордостью, их достоинством, в грязную шпионско-диверсионную деятельность во благо государства Пилсудского, государства, против которого они все эти годы страстно и яростно боролись всеми доступными им средствами. Причем основание для этого обвинения было примитивно простым. По мнению Сталина и его сатрапов, они ДОЛЖНЫ были быть и БЫЛИ агентами Пилсудского только потому, что они были ПОЛЯКАМИ. Может быть, «дело ПОВ» было одним из первых опытов репрессий режима Сталина по национальному принципу.

Пестковского уже, вероятно, не было в живых, когда Коминтерн организует последние десанты своих посланцев в Латинскую Америку. Они были связаны с событиями непохожими, но чрезвычайно важными: деятельностью

Народного Фронта в Чили и подготовкой убийства Троцкого. Впрочем, в событиях в Мексике в 1940 г. уже почти невозможно провести грань между деятельностью представителей Коминтерна и агентов разведки.

К тому времени, однако, репрессии, обрушившиеся на партийное, советское, военное руководство СССР, затронули и корневую систему Коминтерна – его связи с партиями. Генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров и секретарь ИККИ Д. Мануильский пишут в 1937 г. секретарям ЦК ВКП /б/ Н. Ежову, А. Андрееву и А. Жданову: “В последнее время органами Наркомвнудела выявлен ряд врагов народа и вскрыта шпионская организация в аппарате Коминтерна. Особенно засоренным оказался важнейший отдел аппарата Коминтерна – Служба связи (Отдел международной связи ИККИ. – Прим. В.Л. и Л.С. Хейфецев), которую нужно сейчас вполне ликвидировать и приступить сейчас к организации этого отдела из новых, тщательно отобранных и проверенных работников... В прошлом аппарат Коминтерна укомплектовывался преимущественно за счет кадров иностранных компартий ... опыт показал, что такой способ укомплектования ... в нынешних условиях опасен и вреден ... Мы просим ЦК ВКП /б/ помочь нам людьми, членами ВКП /б/, особенно настоятельно и спешно требуется помощь в деле укомплектования Службы связи, ибо приостановка ее работы отрезала нас совершенно от заграницы!”⁷⁰.

И хотя Г. Маленкову было поручено «подобрать группу работников для ИККИ в месячный срок», спасти разрушенное оказалось невозможно. Да и сам Коминтерн уже не устраивал Сталина как инструмент менявшейся внешнеполитической линии. А вторая мировая война, создав принципиально новую политическую ситуацию, в конечном итоге способствовала принятию в 1943 г. решения о роспуске III

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 259, лл. 36-37. Цит. по: Исторический архив, 1993, №1, с. 221.

Интернационала. Важная глава в истории международного коммунистического движения завершилась.

* * *

В России выросли новые поколения латиноамериканистов. Опубликовано сотни монографий и тысячи статей по проблемам континента. Созданы специализированные исследовательские центры, и главный из них – Институт Латинской Америки РАН. Не исключено, что молодые ученые считают, что тогда и началась в нашей стране наука латиноамериканистика. Но истоки отечественной латиноамериканистики лежат в далеких двадцатых-тридцатых годах XX столетия. Поэтому представляется чрезвычайно важной инициатива научного руководителя Института Латинской Америки РАН В.М. Давыдова и директора ИЛА Д.М. Розенталя по переизданию памятников отечественной латиноамериканистики. В прошлом году это был коллективный труд под редакцией Г. Синани (Г.Б. Скалова) «Проблемы Южной и Карибской Америки». Сейчас вниманию всех, интересующихся латиноамериканской тематикой, предлагается книга Станислава Станиславовича Пестковского (Андрея Вольского). Многие из сделанных в ней оценок верны и сегодня, другие – вызовут бурные дебаты. Переиздание этого научного труда в год столетия установления дипломатических отношений СССР и Мексики дает возможность взглянуть на мексиканскую историю глазами первого советского полпреда и первого советского ученого-латиноамериканиста.

P 136
656

А. ВОЛЬСКИЙ

ИСТОРИЯ
МЕКСИКАНСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ

Посвящается Николаю Покровскому,
любимому учителю и товарищу
этой книги
А. Вольский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1928 * ЛЕНИНГРАД

С.С. ПЕСТКОВСКИЙ (А. ВОЛЬСКИЙ)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Настоящая книга является первой попыткой дать очерк революционного движения в Мексике с точки зрения материалистического понимания истории.

На пути к осуществлению своего плана автор встретил громадные трудности, благодаря чему книга страдает целым рядом существенных пробелов и недостатков.

Отсутствие в Мексике какой бы то ни было библиографии по общественно-политическим вопросам привело к тому, что автор пользовался только тем материалом, который попадал в его руки более или менее случайно. Особенную трудность автор встретил при изучении социально-политических условий Ацтекской империи.

Относительная кратковременность пребывания в Мексике и другие занятия не дали автору возможности заняться расшифровкой уцелевших иероглифических материалов, откуда можно было бы черпать непосредственные данные о социально-политических условиях этой империи. Автору пришлось ограничиться изучением книг, написанных прибывшими непосредственно после завоевания Мексики испанскими монахами, которые пытались восстановить историю индейских царств главным образом на основании устных преданий. Но все эти книги, не исключая самой знаменитой, написанной монахом Саагуном (в трех томах), дают богатый материал для истории культуры и этнографии, но не для экономических и социальных исследований. Для последних пришлось пользоваться главным образом капитальным пятитомным коллективным сочинением «Mexico a Travès de Los Siglos», но и там материал, касающийся Ацтекской империи, имеет значение главным образом для истории культуры. Поэтому глава об Ацтекской империи разработана весьма слабо.

Лучше обстояло дело с изучением периода испанского владычества. Богатейший материал я нашел в «Своде зако-

нов Индий» («Las Leyes de Las Indias»), где много места уделено экономическому и социальному законодательству испанских колоний.

В период уже независимой Мексики и вплоть до наших времен дело опять ухудшается. Частые перевороты и перманентная гражданская война в Мексике отнюдь не способствовала процветанию экономических, социальных и политических наук. Многочисленные политические памфлеты этого времени носят чрезвычайно субъективный характер. События освещаются в них не столько с точки зрения социальных или политических группировок, сколько с персональной точки зрения того или другого лидера. Этот «персонализм» является результатом распыленности общественно-политических группировок—распыленности, обусловленной мелкобуржуазным характером революционных движений.

Даже в новейшее время дело со статистическими данными обстоит плохо. Обстановка гражданской войны не способствует расцвету статистической дисциплины:

а) До сих пор в Мексике отсутствует точный учет населения, даже тогда, когда страна находится «в состоянии внешнего мира». В разных местах идет партизанская борьба, не дающая возможности производить более или менее точный учет населения, тем более что последнее иногда враждебно относится ко всяким «статистикам», боясь новых налоговых обложений или повинностей.

б) Аграрная статистика находится в весьма плачевном состоянии. Нет полных данных о распределении земельной собственности по категориям владений. Совершенно отсутствуют данные о национальном составе помещиков. Наконец, правительственный департамент статистики до сих пор не опубликовал полных данных о результатах проведения аграрной реформы.

в) Имеющиеся данные о состоянии разных отраслей

народного хозяйства страдают весьма часто неточностью. Цифры мексиканской статистики никогда почти не совпадают с данными статистических учреждений Соединенных Штатов по одному и тому же вопросу.

Благодаря всем этим трудностям книга страдает существенными пробелами.

Тем не менее, принимая во внимание, что у нас совершенно отсутствует литература о Мексике, а страна эта в настоящее время благодаря своей борьбе против империалистического засилья представляет для нас громадный интерес,—автор взял на себя смелость предложить настоящую книгу советскому читателю.

Андрей Вольский.

Октябрь
1927 года.

ВСТУПЛЕНИЕ.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ МЕКСИКИ.

Мексика расположена в южном конце Североамериканского материка, где он постепенно суживается, переходя в Панамский перешеек. Она имеет форму треугольника, основание которого упирается в Соединенные Штаты. С востока омывается Атлантическим океаном, с запада—Тихим. Северная оконечность Мексики достигает $32^{\circ} 43'$ северной широты, южная— $14^{\circ} 28'$ той же широты.

Таким образом Мексика расположена в теплом и тропическом климатических поясах, но благодаря оригинальному устройству поверхности, высоким плоскогорьям, прорезанным долинами в Мексике, мы встречаем все климаты, начиная от тропического, кончая, на некоторых высоких вершинах, полосой вечных снегов.

Обычно географы разделяют Мексику по климату на три полосы: 1) «Жаркая земля»—побережья обоих океанов, весь полуостров Юкатан и Южная долина: эти местности расположены на высоте от уровня воды в океане до 800 м над ним; 2) «Теплая земля»—от тропической полосы до высоты в 1 400—1 600 м; 3) «Холодная земля»—от 1 600 до 2 600 м и выше над уровнем моря.

Это деление, а собственно—наименование, является не совсем правильным, так как на юге Мексики места высотой 2 600 м над уровнем моря имеют, по нашим понятиям, теплый климат, где холода зимою весьма редко доходят лишь до 5° Цельсия ниже нуля, и то только ночью; деревья местного происхождения круглый год покрыты зеленью, и круглый год цветут цветы. Холодный же климат встречается только на вершинах высоких гор и в некоторых лишь местах на севере Мексиканского плоскогорья, выше 2000 м.

Весьма интересно Центральное мексиканское плоскогорье. Оно начинается немного севернее южной оконечности

Мексика и идет к северу, к Соединенным Штатам, постепенно, почти совершенно незаметно, понижаясь. Так, в то время, когда на юге Мексики оно достигает высоты в 2 600 м над уровнем моря, на севере, на расстоянии около 2 000 км, высота понижается до 1 300 м. Благодаря этому при путешествии с юга Мексики на север перемена в климате чувствуется очень слабо. Но совершенно другая картина получается, если ехать, например, из столицы Мексики (19-я параллель) на восток, к побережью Мексиканского залива. Сейчас же после перевала за восточный хребет Сиерра-Мадре начинается головокружительный спуск и резкое повышение температуры. И немудрено: на расстоянии каких-нибудь 400 км высота с 2 600 м понижается до уровня воды в океане.

Это Мексиканское плоскогорье окаймлено с двух сторон, с востока и с запада, двумя цепями гор Кордильеров, которые называются здесь Сиерра-Мадре. В южной части Мексики они соединяются третьим поперечным горным хребтом. Среди этих гор имеется множество вулканов, многие из которых действуют до сих пор.

Это устройство поверхности играет большую роль в распределении дождевых осадков. Пассаты, дующие через Мексику с северо-востока на юго-запад, встречают на своем пути сперва восточную горную цепь. На этом предгорья они теряют большую часть своей влаги, так что центр плоскогорья получает уже сравнительно немного осадков. Но на юге Мексики, где высота значительно понижается, где две горных цепи соединяются уже в одну и где полоса суши между двумя океанами чрезвычайно суживается, там выпадает большое количество дождя. Чем дальше на север плоскогорья, тем меньше дождей; наконец, на северо-западе Мексики дождей уже так мало, что эта часть—около двух седьмых территории всей страны—представляет собою пустыню, местами лишь покрытую кактусами и редкой травой.

По распределению дождевых осадков Мексику в общем можно разделить также на три части. 1) Полоса обильных тропических дождей; сюда входит вся южная часть Мексики за исключением восточной части полуострова Юкатана, и большая часть побережья Атлантического океана. 2) Полоса умеренных дождей—северная часть восточного побережья, восток Юкатана, южная часть Мексиканского плоскогорья и средняя часть западного побережья, включая юг полуострова Калифорнии. 3) Полоса редких дождей—северная и северо-западная части Центрального мексиканского плоскогорья и северная часть полуострова Калифорнии.

Благодаря столь неравномерному распределению дождей, а также благодаря тому, что материк здесь узок и перерезан вдобавок высокими цепями гор, Мексика не изобилует многоводными реками. Главное количество рек падает на северо-восточную и южную части Мексики, причем весьма немногие из этих рек судоходны.

В геологическом отношении мексиканская земля вулканического происхождения сравнительно молодой формации. Те вулканические силы, которые дали ей нынешнюю форму, сталкивались на узком пространстве между двумя морями, результатом чего, как говорят геологи, является чрезвычайное богатство мексиканской подпочвы всякого рода минералами, в особенности нефтью.

Столь разнообразные природные условия, будучи сосредоточены на сравнительно небольшом пространстве—около 2 000 000 кв. км (следовательно, меньше половины прежней Европейской России), приводят к чрезвычайному разнообразию растительного и животного мира. В этой, по нашим понятиям, небольшой стране мы находим почти все климаты и растительность почти всех климатических поясов. С одной стороны, мы встречаем здесь почти все растения, свойственные Америке, с другой—европейские колонизаторы Мексики завезли сюда массу растений из Европы, ко-

торые здесь, в соответствующих климатических поясах, очень хорошо прививаются. Из европейских хлебов в Мексике распространены: пшеница, ячмень, овес, местами даже рожь. В значительном количестве имеется рис. Кроме того большое распространение получили многие сорта фасоли и гороха, а также картофель и другие корнеплоды. Из местных хлебов прежде всего следует отметить кукурузу, которой Мексика считается родиной, благодаря чему она и получила здесь самое широкое распространение. В изобилии растут какао, кофе, сахарный тростник и известный сорт чая (так называемый ацтекский чай). Из технических растений Мексика богата табаком, хлопком, хенекеном ¹ и разными сортами резиновых деревьев. Кроме того имеется чрезвычайное изобилие и разнообразие фруктов как тропических, так и европейских, а именно: кокосовые орехи, финики, бананы, ананасы, «масляный» фрукт, манго, апельсины, лимоны, фиги, дыни, арбузы, персики, яблоки, груши, сливы, вишни и другие. Кроме того Мексика богата различными лекарственными травами.

Фауна Мексики также весьма разнообразна и богата. Чрезвычайное обилие птиц: много сортов попугаев и других тропических птиц, разные породы орлов, коршунов и ястребов, а также все сорта наших домашних птиц (Мексика является родиной индюков). Из четвероногих: много пород обезьян, тигр (ягуар), американский лев (пума), медведь, кабаны и все виды наших домашних животных. Мексика богата всякого рода пресмыкающимися: крокодилы, всякого рода змеи (среди них знаменитая гремучая змея) и разные породы черепах. Если сюда добавить еще многочисленные породы рыб, то у нас будет лишь слабое представление о богатстве мексиканской фауны.

¹ „Хенекен” (манильская конопля) род кактуса, из волокна которого делается дешевый шпагат, употребляемый, главным образом, для вязания снопов.

Выше говорилось уже о минеральных богатствах Мексики.

На первом месте стоит серебро: Мексика добывает сейчас около 38% мировой добычи этого металла, занимая, таким образом, первое место в мире. По добыче золота она занимает сейчас четвертое место (Южная Америка, Соединенные Штаты, Австралия). По добыче меди Мексика занимает второе место после Соединенных Штатов. Кроме того Мексика богата железом, марганцем, цинком, свинцом, оловом и ртутью; запасы каменного угля сравнительно незначительны.

По добыче нефти Мексика занимает сейчас второе место после Соединенных Штатов: в 1923 году было добыто около 140 000 000 баррелей. Но так как нефтяные богатства Мексики далеко еще не исследованы, а запасы Соединенных Штатов быстро истощаются, то возможно, в близком будущем Мексика займет первое место по добыче этого вида минерального топлива.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на сравнительно незначительную площадь, Мексика по количеству и разнообразию естественных богатств является, может быть, первой страной в мире.

Несмотря на эти громадные естественные богатства, крестьянское и рабочее население Мексики живет очень бедно. Объяснение этой бедности читатель найдет в дальнейшем, в тех главах, где говорится об историческом развитии Мексики.

В настоящее время Мексика насчитывает 14 000 000—15 000 000 населения.

В этнографическом отношении население делится на три главных группы.

1. Индейцы составляют около 50% населения; почти все они крестьяне; имеется и индейская интеллигенция.

2. Метисы—смесь индейцев с белыми—около 40%

населения; часть из них крестьяне, остальные—рабочие, мелкая буржуазия, интеллигенция и т. и.

3. Креолы—белые, родившиеся в Мексике; большинство их—интеллигенция и мелкая буржуазия.

Мексика является земледельческой страной, около 80% населения ее—крестьяне. Среди крестьян грамотных всего 10%. Земледельческая культура очень отстала: урожайность ниже, чем в СССР. Земледельческие орудия чрезвычайно примитивны. Кроме технической отсталости, развитию земледелия мешает во многих местах недостаток орошения.

Рабочих, занятых в промышленности и транспорте, около 300 000. Кроме этого, имеется около 240 000 домашней прислуги. Рабочие гораздо более развиты и культурны, чем крестьяне. Среди них грамотных не менее 50%. Все же они живут чрезвычайно бедно.

Особенностью Мексики является обилие лиц, занятых в так называемых «свободных профессиях», т. е. интеллигенции. Она устремляется главным образом в политическую деятельность; кроме того имеются десятки тысяч литераторов, поэтов, художников и т. п. В Мексике насчитывают также сотни тысяч мелких торговцев.

Крупная и средняя торговая и промышленная буржуазия—не мексиканского происхождения: это американцы, англичане, французы, испанцы, немцы и т. д.

Среди помещиков не менее половины иностранцев—испанцев, американцев, французов и т. д. Другая половина—мексиканцы. Среди иностранцев-помещиков больше крупных, чем среди мексиканцев.

До сих пор в Мексике не менее 80% удобных земель находится в руках помещиков. Крестьяне живут главным образом общинами; много крестьянских общин без земли; она была у них отнята лет 40—50 тому назад. Поэтому многие крестьяне работают в качестве батраков у помещиков.

Кроме помещиков и крестьян-общинников, в Мексике

имеются еще хуторяне. По-испански они называются «ранчерос». Они составляют класс средних землевладельцев и пользуются наемным трудом.

В политическом отношении формально Мексика является демократической федеративной республикой. Она разделяется на 28 штатов, 2 территории и 1 федеральный округ.

Каждый штат имеет свою небольшую палату депутатов. Кроме этого, существуют общереспубликанские Центральная палата депутатов и Сенат.

Исполнительная власть принадлежит президенту республики, который избирается всенародным голосованием на четыре года.

Штаты управляются губернаторами, которые также избираются.

Правом голоса пользуются лишь мужчины, достигшие 21 года.

Мексика имеет довольно революционную конституцию, по которой вся земля и недра принадлежат нации; церковь отделена от государства; существует также весьма прогрессивное, по сравнению с буржуазными странами, рабочее законодательство. К сожалению, многие из хороших законов не исполняются. До сих пор 80% земли находится в руках помещиков.

Самые главные штаты и города Мексики следующие:

Федеральный Дистрикт, где находится столица республики — город Мексико (около 600 000 жителей).

Штат Вера-Круц и порт того же названия на берегу Мексиканского залива.

Штат Тамаулипас и порт Тампико, в окрестностях которого находятся самые знаменитые нефтяные источники.

Штат Пуэбла и город того же названия. В этом же штате находится город Оризаба, центр текстильной промышленности Мексики.

Штат Халиско и город Гвадалахара, второй по величине,

в Мексике (около 150 000 жителей).

Штат Юкатан и город Мерида. Этот штат считается мировым центром производства манильского шпагата.

Штат Морелос и город Куэрнавака. Этот штат был центром знаменитого революционного крестьянского движения «сапатистов».

Штат Сонора, на севере, богат серебряными, золотыми и медными рудниками. В этом штате живут воинственные индейские племена, часто восстающие против владычества белых, а между ними—самое знаменитое племя Яки.

Штат Чигуагуа, занимающий площадь, по величине равную Франции, но пустынный. Главный город Сиудад-Хуарец расположен на самой границе с Соединенными Штатами.

ГЛАВА I.

ДОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ МЕКСИКИ. ИНДЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Благодаря своему удобному географическому положению (на переходе между Северной и Южной Америкой), мягкому климату, чрезвычайному богатству растительного и животного царства Мексика еще до завоевания ее испанцами привлекала к себе кочующие индейские племена. Одно за другим эти племена покидали Северную Америку, направляясь к югу через Мексику. Многие из них, найдя здесь очень удобные условия жизни, оседали.

По разным памятникам старины, статуям и т. п. ученые заключают, что самым древним племенем, населявшим Мексику, потомки которого сохранились до сих пор, являются отомы.

Племенами, оставившими более значительные следы своей культуры, являлись племена майя, потомки которых до сих пор живут в Юкатане. Майя оставили после себя каменные постройки художественной ценности в виде храмов и дворцов; развалины их хорошо сохранились во многих местах до сих пор. Эти постройки доказывают, что у майя существовала уже довольно развитая общественная организация. Так как большинство этих построек, если не все, служили целям религиозного культа, то ясно, что во главе их общественной организации стояло жреческое сословие.

Исследователи исторических памятников, оставшихся от майя, пришли к заключению, что у них существовали уже письмены в виде картинных иероглифов. Стены храмов покрыты этими письменами, и ученые утверждают, что они представляют собою хроникерские заметки, называемые в Мексике «кодексами». Разбирая эти «кодексы», исследователи пришли к заключению, что майя создали государственную организацию на полуострове Юкатане и в бли-

Древний ацтекский театр в Сан Хуан Теотюкан.

Остатки древней крепости Толызюков.

жайших его окрестностях. Кроме жрецов, видную роль в их обществе играло военное сословие.

Приблизительно в одно время с майя в центре Мексики поселилось могущественное племя тольтеков. Их общественная организация в общем была сходная с майя, с большим еще преобладанием влияния жреческого сословия, так как главные памятники их зодчества—это знаменитые мексиканские пирамиды. Эти пирамиды сохранились хорошо еще до сих пор и, по-видимому, служили одновременно храмами и крепостями. Они находятся километров на 50 к западу от теперешней мексиканской столицы, города Мексико.

Самого большого могущества в Мексике достигло племя ацтеков. О них мы имеем уже более значительные данные в виде многочисленных памятников архитектуры, скульптуры и памятников письменности в форме тех же кодексов.

Ацтеки появились в центральной Мексике приблизительно в начале XIV столетия и в половине того же столетия основали на острове озера Тецкоко город Теночтитлян, в настоящее время известный под именем Мексико. Предание говорит, что, когда ацтеки искали места для постройки города, они однажды увидели на острове озера орла, сидевшего на кусте кактуса и державшего в своих когтях змею. Это явление они сочли хорошим предзнаменованием и здесь основали город, а орел со змеей в когтях с тех пор является национальным гербом мексиканского государства.

Город был построен на острове и соединен с сушей плотинами.

Ацтеки создали путем завоеваний и союзов ту мексиканскую империю, которую пришлось завоевывать испанцам вначале шестнадцатого столетия.

Экономическое и социальное устройство Ацтекской империи.

В эпоху, предшествовавшую завоеванию испанцами, Мексика была земледельческой страной, где земледелие и садоводство являлись главными занятиями основной массы жителей; рыболовство и охота в центре Мексики являлись лишь подсобными промыслами, будучи, однако, сильнее развиты на западе и севере—в местностях, фактически не входивших в состав Ацтекской империи.

До завоевания центральной Мексики ацтеками в большинстве местностей преобладал строй, основой которого был первобытный коммунизм. Но, как говорят исследователи Мексики, уже в конце XIII столетия¹ вводятся мероприятия, ограничивающие этот коммунизм и укрепляющие родовой строй; так, например, племя чичимека вводит следующие ограничения: 1) запрещается жечь поля и пастбища; 2) запрещается похищать дичь, убитую другими; 3) запрещается охотиться на «чужих» полях.

Приблизительно в то же время появляются законы, карающие супружескую неверность, причем, как говорят исследователи, они карали как мужчин, так и женщин.

Возникновение всех этих ограничительных законов объясняется тем, что чичимека желали оградить свои роды от анархии, угрожающей со стороны многочисленных кочевых групп, бродивших в окрестностях.

Уплотнение населения в центральной Мексике сыграло, без сомнения, большую роль в деле постепенного разложения первобытного коммунизма, так как система хозяйства первобытных коммунистических групп требует больших площадей. Когда появились ацтеки, они застали уже значительное население в долинах центральной Мексики. Ацтеки, завоеывая разные территории и покоря различные

¹ Вообще не следует доверять этой дате, как и многим другим, приводимым мексиканскими исследователями и относящимся к первобытной истории Мексики.

племена, сами оставались господствующим жреческо-военным сословием, на которое покоренные должны были работать.

Но так как вся центральная и южная Мексика состоит из долин, прегражденных горными цепями, то довольно трудно было ацтекам держать постоянно в повиновении завоеванные ими племена. Индейцы не имели тогда никаких выючных животных, и все походы приходилось совершать пешком, а всякого рода груз носить на себе. Недостаток питьевой воды тоже сильно затруднял походы.

Все эти условия привели к тому, что ацтеки должны были по отношению к различным племенам употреблять различную тактику. В конце концов выработались три главных формы политической зависимости разных индейских племен от ацтеков:

1) некоторые племена сохранили свою внутреннюю независимость и своих вождей (королей), состоя лишь в военном союзе с ацтеками и платя им небольшую дань. К этой категории «вынужденных» союзников принадлежали пять царств: Тлакопан, Арколюакан, Мичоакан, Чоуоиян, Уэсоцинко и республика Тляскайян;

2) другие племена платили уже большую дань, но сохраняли своих вождей (кациков), которые, однако, утверждались ацтеками;

3) затем шли племена вполне подчиненные, с кациками, назначаемыми ацтеками из своей среды.

Социальное устройство Ацтекской империи являлось смесью кастового строя с феодализмом. Кастовое устройство выражалось в том, что пребывание внутри касты являлось наследственным: члены ее не только были прикреплены к известным занятиям, но имели свою особую одежду, иногда даже свои специальные кушанья. Так, например, особая группа военной аристократии, к а л ь м а к а к , пользовалась исключительной привилегией потребления какао.

Вот главные касты Ацтекской империи:

- 1) жрецы;
- 2) военная аристократия;
- 3) рядовое воинство;
- 4) купцы;
- 5) ремесленники;
- 6) земледельцы;
- 7) рабы.

Среди первых двух каст не было такого строгого различия, как среди остальных. Так, например, многие члены военной аристократии, в том числе и император, исполняли одновременно и жреческие функции.

Таким образом в Мексике господствовал союз жрецов и военной аристократии. Из среды последней набирались главным образом и правительственные чиновники.

Купцы занимались не только торговлей: так как они много путешествовали по разным частям Мексики по торговым делам, то правительство возлагало на них обязанности военной разведки.

Ремесленники делились на цеха. Главные цеха были: изготовители украшений из перьев (амантека), ткачи, столяры, каменщики, ювелиры и т. д. Художники (живописцы, архитекторы, скульпторы) тоже входили в касту ремесленников и имели цеховую организацию.

Во всех цехах ремесло переходило от отца к сыновьям по наследству.

Земледельцы в Ацтекской империи подвергались самой тяжелой эксплуатации.

Вся земля считалась собственностью императора и распределялась следующим образом:

- 1) часть в пользовании императорской семьи;
- 2) часть в пользовании военной аристократии;
- 3) часть в пользовании храмов;
- 4) часть в пользовании земледельцев;
- 5) усадебная земля.

Частною собственностью, переходящей по наследству посемейно, считалась только усадебная земля. Остальные земли считались общей собственностью соответствующих каст; все эти части обрабатывались земледельцами и рабами. Способ пользования был также общинно-родовой. Впрочем, к концу Ацтекской империи в некоторых местах Мексики, поближе к столице, земля начала переходить в пользование семейств, но, если семья неисправно платила повинности, земля у нее отбиралась, переходя опять в ведение общины.

Кроме тех тягот, которые несли земледельцы по обработке земли, принадлежавшей высшим кастам, они были еще обременены разными другими тяготами и налогами. Так, они должны были платить постоянный налог продуктами на содержание рядового воинства. Кроме того храмы имели право на первые продукты земледелия и животноводства¹, а также собирали дань изделиями домашней промышленности². Если не хватало рабов, земледельцы должны были работать по постройке храмов, а также носить груз во время военных походов.

Начавшееся во время Ацтекской империи разложение родового строя привело к тому, что начальники родов становились кациками: они являлись на местах агентами государственной власти и следили за правильным исполнением общинами всех тягот и повинностей. Звание кацика стало переходить по наследству к старшему сыну, и они превращались в эксплуататоров земледельческой касты, увеличивая таким образом ее тяготы.

¹ „Первые продукты” — первые копны с каждого урожая, первый приплод в году от домашних животных.

² Нужно отметить, что строгое отграничение ремесленников от других сословий в Мексике имело место лишь в городах; в деревне индейцы-земледельцы большую часть предметов своего потребления приготовляли сами. В этом существенная разница между Мексикой и Индостаном.

Таким образом, кацик к концу Ацтекской империи являлся скорее сеньором, чем начальником рода, что и составляло признак развивающегося мексиканского феодализма. Различие его от европейского состоит в том, что этот кацик-сеньор был гораздо больше подчинен центральной власти, чем это имело место в Европе.

В самом несчастном положении в Мексике находились рабы.

Они происходили: 1) от военнопленных, 2) от земледельцев, продавших себя «добровольно» в рабство в годы голода и других стихийных бедствий.

Так как управляющим классом было жреческо-военное сословие, то мексиканская религия отличалась особою жестокостью. Жрецы при всяких торжественных праздниках и случаях приносили мексиканским божествам кровавую жертву из сотен и тысяч рабов. Так как большинство этих рабов составляли военнопленные, то эти кровавые жертвоприношения служили для военной аристократии средством террора против внутренних и внешних врагов: после каждого военного похода значительная часть военнопленных была истребляема путем этих кровавых жертвоприношений. С другой стороны - такое уничтожение рабочей силы объясняется тем, что господствующие касты, доведя до высокой степени эксплуатацию «свободных» земледельцев, не имели особенной потребности в рабах как в рабочей силе. Последние, за исключением тех, которые шли в жертву богам, считались предметами домашнего обихода для личного услужения семействам владельцев, переходя по наследству к их потомству. В случае надобности рабы исполняли роль выючных животных.

Нужно отметить, что эта присущая ацтекам жестокость религиозных обрядов не была распространена среди союзных племен.

Вся эта стройная система хозяйственной, политической

и религиозной эксплуатации вызывала ненависть не только со стороны покоренных племен, но и со стороны союзников.

Так как вся центральная и южная Мексика состоит из долин, отделенных друг от друга горными цепями, то при тогдашних средствах сообщения и при отсутствии вьючных животных мексиканские племена жили обособленную жизнь. Эта обособленность отнюдь не способствовала постоянной хозяйственной связи между разными племенами: каждая долина экономически была более или менее изолирована. Поэтому господство ацтеков над всей центральной Мексикой представляло для них в меньшей мере непосредственный экономический интерес, чем военно-политический. Экономически в полной мере эксплуатировались ими лишь ближайшие к столице племена. Остальные, более отдаленные, должны были служить им военными союзниками для защиты их эксплуатации. Правда, и союзники часто платили дань ацтекскому центру, но это не носило регулярного характера и происходило в большинстве случаев во время какой-нибудь карательной экспедиции. Тем не менее союзные племена тяжело чувствовали господство ацтеков, особенно довольно частую дань людьми в пользу ацтекских богов.

Все это привело к тому, что испанцам удалось завоевать Мексику с помощью весьма незначительных военных сил.

ГЛАВА II.

ИСПАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В МЕКСИКЕ. ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ.

Выше мы видели уже, что ацтекам не удалось создать централизованного государства на всей территории Мексики. Естественная трудность сообщения между разными долинами Мексики, отсутствие водных путей сообщения, а также отсутствие вьючных животных привело к тому, что непосредственная власть жреческо-военной ацтекской касты с императором во главе распространялась постоянно лишь на долины Мексики; другие же долины имели своих королей или вождей и считались «союзниками».

Несмотря на свою автономию, они терпели этот «союз», лишь уступая военной мощи ацтеков.

В 1519 году высадился на восточном побережья Мексики военный авантюрист Фердинанд Кортес с несколькими сотнями испанских авантюристов и бродяг и приступил к завоеванию этой сказочной страны. Он прибыл сюда на нескольких кораблях с острова Кубы, который в это время был опорой испанского владычества в Америке.

Испания в то время была самой могущественной державой Европы.

Вытеснив с Пиренейского полуострова мавров, испанцы совместно с португальцами явились владыками полуострова, обладающего многочисленными удобными гаванями и расположенного на крайнем западе европейского материка. Это была очень удобная база для колониальных завоеваний.

Долгий период борьбы за независимость против мавров создал в Испании две общественных силы: католическую церковь и многочисленное военное дворянство; они-то являлись главной опорой испанской монархии.

Интересы католической церкви требовали расширения пределов испанской короны, являвшейся орудием в руках

Адтекский театр с видом на пирамиду солнца.

Пирамида солнца, воздвигнутая около XIII столетия.

церковной организации. Того же расширения требовали интересы весьма многочисленного военно-дворянского сословия: только часть последнего могла получить земельные владения в родной Испании. В результате к концу XV столетия создан в Испании многочисленный дворянский «пролетариат», падкий на авантюры.

Встретив на севере преграду своим завоеваниям со стороны уже сильной тогда Франции, испанцы стали искать новых земель за морями, вне пределов Европы.

Одним из следствий этих стремлений явилось открытие и завоевание испанцами в конце XV столетия Антильских островов, а затем и завоевание Мексики и остальной Америки.

Каков был состав этого авантюристского отряда, который с Кортесом во главе высадился на восточном берегу Мексики?

Кроме нескольких духовных лиц, весь отряд состоял: 1) из небольшого количества всадников-дворян (*caballeros*) и 2) из пехотинцев-кнехтов (*peones*).

Первые принадлежали к той категории авантюристов благородного происхождения, которые, не имея возможности устроиться в Испании, искали счастья за морем. Вторые—представляли разный сброд: беглые преступники, матросы, беглые крепостные, разорившиеся ремесленники и купцы и т. п.

Все эти авантюристы не останавливались ни перед чем, лишь бы разбогатеть. Единственным моральным авторитетом, который они признавали, была церковь. А так как последняя также страстно желала расширить свои владения, не останавливаясь даже перед употреблением оружия, то она только способствовала замыслам завоевателей. Римский папа Александр VI своей «буллой» отдал весь американский материк во владение испанской короны даже еще до его завоевания.

Когда этот отряд авантюристов и преступников высадился в Мексике, то многие индейские племена приняли их с распростертыми объятиями. Кроме того испанцы умели внушать индейцам суеверный страх. Они употребляли огнестрельное оружие, в то, время как индейцы были почти безоружны, к тому же испанцы имели лошадей¹

Испанцы сразу нашли многочисленных союзников против ацтеков; особенные услуги им в этом деле оказали тляксколяццы. Индейские союзники служили испанцам не только военной силой, но и заменяли вьючный скот при военных переходах.

В течение двух лет было завершено завоевание Ацтекской империи. Оно сопровождалось со стороны испанцев неслыханными зверствами. Столица ацтеков Мексике подверглась совершенному уничтожению, и все почти население ее погибло.

Организация «Новой Испании».

На месте Мексики Испания организовала колонию под именем Новая Испания.

В состав ее современем вошли: 1) южная часть теперешних Соединенных Штатов (штаты: Калифорния, Новая Мексика, Аризона, Техас и Луизиана); 2) теперешняя Мексика; 3) теперешняя Центральная Америка (Гватемала, Никарагуа, Коста-Рика, Сан-Сальвадор и Гондурас).

Экономическая, общественная и политическая организация Новой Испании явилась следствием соотношения сил и интересов трех «держав»:

- 1) испанской короны;
- 2) католической церкви;

¹ То предание, что индейцы, увидев первый раз всадника с лошадыю, сочли их единым существом,—верно. Слово „гачупин”, служившее для обозначения этого существа, до сих пор употребляется в Мексике, как презрительная кличка испанцев.

3) испанских колонизаторов с дворянством во главе.

Интересы этих трех сил в общем совпадали, но в деталях часто расходились, и тогда между ними возникала борьба. Интересы испанской короны представляли прежде всего интересы испанской казны. Поэтому одним из первых актов правительства метрополии было введение своего рода торговой монополии в Новой Испании (как и во всех других испанских колониях). Колониям была запрещена какая бы то ни было торговля с другими странами: все свои продукты они могли вывозить лишь в Испанию или ее колонии. Ввозить товары имели право лишь испанские корабли. Добыча благородных металлов являлась казенной регалией. Для руководства торговлей с колониями Америки была создана в Севилье торговая палата из привилегированных испанских купцов, занимавших деньги для торговли у богатых монастырей.

Когда со временем стала развиваться в испанской Америке кое-какая промышленность, основанная на дешевом принудительном труде индейцев, она стала угрожать серьезной конкуренцией промышленности Испании и Фландрии. Тогда испанская корона под давлением своих промышленных кругов «взяла под защиту жестоко эксплуатируемых индейцев», издав целый ряд декретов (подробнее поговорим о них дальше), ограничивающих эксплуатацию индейских рабочих. В угоду же испанским и фламандским торговцам неграми был разрешен в Америку ввоз «черных» рабочих рук.

Интересы католической церкви в общем совпадали с интересами испанской короны, но иногда расходились с интересами светских колонизаторов. Впервые, между церковной организацией и дворянством в колониях шла всегда борьба за овладение землями: церковь была здесь всегда крупнейшим помещиком. Во вторых, церковь в Новой Испании брала всегда «под свою защиту» индейцев против дворян.

Благодаря «завоеваниям», «усмирениям» и жестокой экономической эксплуатации количество индейцев стало быстро уменьшаться, а оставшиеся в живых предпочитали скрываться в лесах и горах. Церковь же была самым крупным землевладельцем и нуждалась в рабочей силе. Уменьшение количества индейцев было также вредно и для испанской короны, так как уменьшалось количество плательщиков королевских налогов; здесь интересы короны и церкви сходились на охране индейского населения от истребления.

Кроме того церковь преследовала и другие интересы. Ей папой и короной было поручено «духовное владение» индейцами. За это церковь получала от индейцев «десятину» и пользовалась всякими другими поборами, не считая уже вознаграждений за духовные требы. Все это приводило к тому, что духовенству было весьма выгодно выступать в роли защитника индейцев против светских помещиков.

Политика светских колонизаторов была политикой «сегодняшнего дня», а именно самой грубой, беззастенчивой и неограниченной эксплуатации индейцев, ведущей к их вымиранию. И если бы их не сдерживала церковь и корона, они, вероятно, совершенно истребили бы индейцев ¹.

Эти помещики-колонизаторы неоднократно выступали против церкви. Причин этой борьбы было очень много: индейский вопрос, церковные земли, влияние церкви на местное самоуправление и т. и. Но благодаря лучшей организованности церковь почти всегда побеждала.

¹ Что это истребление было вполне возможным,—доказательством этому служат не только Соединенные Штаты, где никем не стесняемая „личная инициатива” протестантских колонистов привела почти к совершенному истреблению индейцев, но также и крайний юг Америки, а именно: Аргентина, Чили и Уругвай, где от индейцев тоже почти ничего не осталось. Там, на юге не было ни лесов, ни больших гор, а открытая степь, поэтому индейцам негде было скрываться, хотя бы на время, от истребительной политики светских колонизаторов.

Экономическое и правовое положение индейцев при испанском владычестве.

Вначале первые завоеватели Новой Испании заботились не столько о колонизации, сколько о получении главным образом драгоценных металлов. Они грабили те запасы золота и серебра, которые были уже добыты ранее индейцами, и, желая завладеть ими, не останавливались перед массовым истреблением индейцев. Поэтому последние бежали от испанцев в горы и леса. Был период в Мексике, когда все долины центра почти опустели.

Испанская корона начала уделять больше внимания колонизационным вопросам: казна метрополии желала не только получить одновременно известное количество драгоценных металлов, а была заинтересована в более или менее постоянном их притоке из колоний, а следовательно, и в постоянной эксплуатации горных и других богатств. Кроме того она имела также в виду получать постоянные доходы от налогов, пошлин и т. п., но для достижения этой цели необходимо, чтобы были налицо трудящиеся массы; ими не могли быть малочисленные колонизаторы, жаждущие быстрого обогащения, только туземцы могли играть роль рабочей силы, поэтому испанская корона взяла курс на сохранение индейцев в целях более правильной их эксплуатации.

В этом отношении корона получила полную поддержку от могущественной организации католической церкви: в расчеты последней совсем не входило исчезновение индейцев. Епископам и попам нужны были прихожане. В Испании, кроме избыточного количества дворянства, имелось также излишнее количество духовенства, которому не доставало паствы, для того чтобы стричь ее. Этим объясняется усиленная тяга священников и монахов, желавших основать во вновь открытых странах. В их интересах было привести индейцев в «мирное подчинение» для того, чтобы не только получать церковную «десятину», но и другие доходы, вроде платы за требы и т. д.

И вот, подобно тому как в каждой «благоустроенной» стране существуют законы об охоте, дабы предупредить совершенное исчезновение дичи, так и испанская корона совместно с духовенством издает декреты об охране индейцев.

Сперва идут декреты об индейских поселениях. Какую роль в издании и редакции этих законов играла церковь— ясно из самого текста ¹.

Закон от 21 марта 1551 года гласит:

«С большой осторожностью и с особенным вниманием мы старались всегда найти самые подходящие условия для того, чтобы, индейцы были обучены католической святой вере и евангельскому закону и, забыв заблуждения своих древних обрядов и церемоний, жили дружно и политично. Для того, чтобы сие было осуществлено с лучшей точностью, мы решили, что индейцы должны быть приведены в поселки, а не жить, будучи отделенными лесами и горами, лишаясь всякого благополучия духовного и преходящего без помощи наших священнослужителей и тех обязанностей, которые вызываются человеческими нуждами и долгом людей по отношению друг к другу...»

Закон четвертый того же титула и книги говорит, что в каждом таком индейском поселке должна находиться церковь с воротами и ключами.

Закон от 19 февраля 1560 года говорит:

«С большей охотой и скоростью вернутся индейцы в поселки, если у них не будут отнимать земель и строений, которые они имели в местах, покинутых ими. Приказываем, чтобы здесь не было перемены, и чтобы они сохранили то, что имели раньше для обработки и своего блага».

Этот закон впервые говорит о закреплении известных земель за индейцами; к этому вопросу мы еще вернемся.

До сих пор говорилось о приведении индейцев в те по-

¹ Все эти декреты цитирую по своду: „Las Leyes de Las Indias”. Мадрид, изд. 1789 г., 4 тома.

селки, где они жили раньше; но есть закон о создании новых поселков.

Закон от 24 ноября 1601 года гласит, что для блага и работы шахт между ними распределяются индейцы, приведенные из отдаленных мест и поселков с большим для них вредом и ущербом. Желая положить этому конец, декрет этот предписывает устраивать здесь «в удобных здоровых местах» поселки для этих индейцев.

Оставались ли свободными, неприкрепленными те индейцы, которые были приведены в свои прежние поселки и даже получили ли обратно часть своих земель?

Не тут-то было. Закон от 10 октября 1618 года гласит:

«Приказываем, чтобы ни в каком индейском поселке не находился никто, принадлежащий к другому поселку».

А следующий закон приказывает губернаторам и судьям не давать разрешений на переход индейцев из одного поселка в другой, кроме как в исключительных случаях (например, сиротам).

Таким образом, мы видим, что под испанским владычеством индейцы стали крепостными в полном смысле этого слова.

В чьих интересах лежало это закрепощение?

В этом были заинтересованы все завоеватели: казна, духовенство и дворяне.

Выше мы говорили о выгоде для казны от прикрепления индейцев к шахтам. Но она была заинтересована и в общем закрепощении: так как все индейцы были обложены налогом в пользу испанской короны, то его (налог) гораздо легче было учитывать и собирать, когда плательщики были прикреплены к определенным местам, чем когда они бродили по разным поселкам.

Казенные налоги взимались продуктами или деньгами.

Закон от 9 апреля 1633 года запрещает взимать королевский налог в форме трудовой повинности. Эти налоги

должны были платить все мужчины, начиная с восемнадцатилетнего возраста. Новообращенные в католическую веру были освобождены от королевского налога в продолжение десяти лет. Эти налоги должны были платить не только индейцы, имевшие землю, но также и те, которые принудительно работали в шахтах и фабриках.

По законам, всякий принудительный труд должен был оплачиваться.

Закон от 22 февраля 1549 года гласит, что размер заработной платы индейцев должен быть установлен путем добровольного соглашения, а не распоряжением властей, но в случае если индейцы требуют платы выше «справедливой оценки» и благодаря этому может прекратиться работа в шахтах и других предприятиях, размер платы устанавливается вице-королями, аудиенциями¹ и губернаторами.

Таким образом, на практике выходило, что не только труд, был принудительным, но и плата была нормирована сверху. Кажется достаточно ясным, что главным мотивом правительственных декретов, устанавливающих платность принудительного труда в шахтах и других промышленных заведениях, было желание казны, дабы работающие в них индейцы платили королевские налоги. Но иногда к этим мотивам присоединялись и другие, совершенно иного порядка.

Так, например, закон Филиппа III от 11 апреля 1612 года запрещает принудительный труд индейцев на суконных фабриках, объясняя причину этого запрещения опасностью конкуренции колониальных суконных фабрик для фабрик метрополии. Если суконные предприниматели в Америке будут употреблять даровой (т. е. за скудные харчи) труд индейцев, то этим они нанесут большой ущерб суконным фабрикам в Испании, где производству сукна «уделяется должное внимание».

Здесь цель ясна: главной причиной охраны труда индей-

¹ Аудиенциями назывались советы при вице-королях

цев в этих предприятиях являлось желание уменьшить возможность конкуренции с суконным производством метрополии.

Чтобы покончить с вопросом об отношении к индейцам со стороны испанской короны, необходимо указать, как относилось правительство к тем остаткам первобытного коммунизма, который испанцы застали в Америке во время завоевания.

Говоря об ацтекском государстве, мы указывали, что базой его организации была земледельческая община, на ней основывалась эксплуатация индейских масс четырьмя условиями: двором, духовенством, аристократией и воинством.

Такая организация как нельзя лучше соответствовала целям испанского владычества, в задачу которого входило закрепление эксплуатации индейцев.

Отсюда и стремление к сохранению старых основ, хотя бы и с некоторыми изменениями. Выше мы уже говорили о восстановлении индейцев во владении (частью, правда) их прежними общинными землями. Дальше идут заботы о восстановлении прав начальников родов (кациков). Закон говорит, что те из бывших кациков и индейских сеньоров или их потомков, которые приняли католическую веру, должны быть восстановлены в правах кациков. Но отсюда не следует, что они были уравнены в правах с испанскими сеньорами: им запрещается именоваться сеньорами, а также запрещается носить оружие. Кацики и их старшие сыновья освобождаются от налогов. Таким образом, испанцы частично восстанавливают туземную аристократию, но ставят ее в подчиненное положение по отношению к сеньорам испанского происхождения.

Особого внимания заслуживают законы о функционировании домов-касс индейских общин.

Очевидно, эти дома-кассы существовали еще в ацтек-

ские времена, так как в «Своде законов Индии» нет никакого следа декрета об их формальном учреждении, а говорится лишь о регулировании их деятельности.

Законы, относящиеся к регулированию этого вопроса, гласят, что: «в кассу общин должно поступать всякое добро, которое имеет индейская общественность каждого селения, для того чтобы отсюда расходовать на общее благо всех, и нужно следить за его сохранением, увеличением и всем, что нужно, распределяя по вексялям, хорошим счетам и рассудку»; что этими кассами должны вестись королевские чиновники; что из этих касс, не нарушая основного капитала, должны уплачиваться те налоги, которые должны короне индейцы; что расходы по содержанию духовных миссий и индейской семинарии должны оплачиваться из этих касс; что индейцы должны обрабатывать каждый год по десять брасо¹ земли в пользу общин и, следовательно, в пользу этих касс.

Таким образом испанцы сделали из этих—вероятно, довольно древнего происхождения—общинных касс новое орудие своего экономического господства. Впервых, община через свою кассу отвечала за всех неисправных плательщиков налогов. Здесь мы имеем хорошо нам знакомую из нашего прошлого «круговую поруку». Вовторых, значительная часть расходов на содержание католического духовенства шла из этих касс. Они находились в ведении не выборных от индейцев, а королевских чиновников, что давало испанской короне и церкви еще одно лишнее оружие для закрепления господства над индейскими массами.

Индейцы и церковь.

Испанская корона была орудием в руках католической церкви и дворянства. Благодаря своей организации церковь

¹ Брасо — соответствует нашему понятию полоса.

в колониях еще более, чем в Испании, господствовала над правительством и дворянством.

Выше мы уже видели, какую роль сыграли интересы духовенства в деле прикрепления индейцев к поселкам и в реорганизации индейских коммунальных касс.

Следует признать, что политика церкви в Мексике и вообще в испанских колониях была чрезвычайно осторожна и умна. Хитрые и для своей эпохи образованные католические миссионеры сразу поняли, что для того, чтобы сделать варваров-индейцев преданными сынам церкви, нужно приспособить католическое учение к быту индейцев. Вообще нужно сказать, что та католическая религия, которая господствует по сей день в Мексике, является чем-то совершенно отличным от европейской католической религии. Это даже не католицизм, приспособленный к индейскому быту, а скорее древняя индейская религия, приспособленная к интересам католической церкви. Главное отличие ее от ацтекской состоит в том, что место индейских жрецов заняли католические священники и что были отменены кровавые человеческие жертвоприношения, которые, впрочем, никогда не пользовались популярностью в широких индейских массах.

Католические местные празднества приспособлены к традиционным индейским празднествам. Так, например, Пасха празднуется довольно скромно, но зато престольные праздники в честь местного святого отличаются чрезвычайным великолепием. Эти местные святые—это по большей части разные индейские божества, лишь переименованные на католический лад. Как раньше индейские боги были олицетворением той или другой природной стихии, так и сейчас эти «католические» святые имеют отношение к разным явлениям природы: так, они являются покровителями урожая, ниспосылателями дождя, покровителями скота, защитниками от пожаров и т. п.

Чтобы «католическая» религия еще больше походила на

индейскую, были сохранены религиозные танцы—и по сей день еще можно наблюдать их на больших престольных праздниках, на площадях перед церквями, как в провинции, так и в самой столице.

Не в пример европейским странам, в Мексике не существует никаких постов. Объясняют это тем, что так как индейские массы постят круглый год, питаюсь впроголодь, то нет никакого резона устанавливать специальные посты.

Правда и то, что католические священники все время жестоко эксплуатировали индейцев. Но ведь то же самое делали ацтекские жрецы, требуя еще вдобавок кровавых жертвоприношений. Церковная «десятина» и всякие другие поборы церкви почти ничем не отличались от налогов и поборов в пользу индейской жреческой касты.

Католические священники всегда имели одно преимущество пред испанскими дворянами и правительственными чиновниками: они всегда были тесно связаны с индейской массой. Они жили в индейских поселках в то время, как помещикам по закону запрещалось там жить¹. Многие священники говорили на местных индейских наречиях. Для достижения этой цели не только испанцы учились местным наречиям, но в Мексике была учреждена специальная индейская духовная семинария, в которую направляли индейских юношей, главным образом сыновей индейских кациков. Они выходили из семинарии католическими священниками, и их отправляли нести службу в свои родные места.

Ради хороших отношений между индейцами и церковью даже инквизиция была урезана в своих правах. Закон запрещает инквизиции судить индейцев; церковные наказания предоставляется налагать простым священникам, а случаи «колдовства и убийства посредством колдовства» передаются в королевский суд.

¹ Закон от 10 октября 1618 года запрещает сеньорам иметь жилища в индейских селениях или проводить там больше чем одну ночь. Сеньоры должны были жить в ближайших городах.

Объясняя причины такой терпимости, мексиканский историк Завалья говорит, что индейцы были так забиты и невежественны, что никому не могла прийти в голову мысль о проникновении в их среду какой-нибудь ереси¹.

Церковь пользовалась всегда большим политическим влиянием во всех испанских колониях, так как королевский совет по делам Индий, аудиенции при нем, а также аудиенции при вице-королях почти всегда находились в ее руках.

В чем выражалось экономическое могущество церкви в Мексике?

Как мы уже упоминали, католическое духовенство сохранило все те церковные налоги, которые существовали в ацтекские времена, а следовательно: 1) «церковный налог», известный под именем «десятины»; 2) «налог первого продукта»—первые продукты земледелия и животноводства предоставлялись церкви; 3) участие населения в постройке храмов.

«Свод законов Индий», не упоминает нигде, чтобы индейцы могли быть принуждены к работам по постройке церквей; понималось, что для этой цели духовенство должно нанимать добровольцев. Но ясно, что здесь дело не обходилось без всякого рода фактически принудительной жестокой эксплуатации. Так, например, мексиканский архиепископ Монтуфар, которого никак нельзя заподозрить в ненависти к католическим священникам, жалуется перед королевским советом по делам Индий:

«...что касается постройки монастырей, то в местностях, где имеются всего два или три монаха, находятся столь пышные монастырские постройки, которые превосходят церкви и монастыри Вальядолида... Туда, где существует уже один монастырь, прибывает какой-нибудь монах и предпринимает новую работу стоимостью в десять тысяч и

¹ Лоренцо - де - Завалья, Опыты по истории революции в Мексике, Мексика 1845 г., стр. 15.

больше дукатов, привлекая к работе по очереди индейцев, иногда до пяти или шестисот тысяч человек, без всякой платы и даже не давая куска хлеба, и заставляет этих индейцев ходить на работу из мест, лежащих зачастую в четырех-шести, а иногда даже в двенадцати милях... Других заставляет заготавливать материалы или покупать их за свой счет... Я видел две таких постройки, которые были закончены в течение одного года, на счет денег и пота многих бедных... и некоторые индейцы умерли на этих работах, не будучи в состоянии привыкнуть к ним и к скудной пище вне своих домов»¹.

Нарисованная здесь картина совсем напоминает фараонские времена в Египте.

Если ко всем этим поборам и повинностям прибавить еще платы за всякого рода духовные требы, жертвоприношения, переход имений к церкви по завещаниям и т. п., то станет ясно, какие громадные богатства должна была скопить церковь в Мексике.

И действительно, эти богатства были громадны. Гумбольдт в описании своей поездки по Мексике предполагает, что церкви принадлежит четыре пятых всех земель. Мичоаканский епископ, доктор Мора, считает, что принадлежащие церкви ипотечные и другие «благотворительные» капиталы имели в 1804 году ценность около 44 500 000 мексиканских пезо².

Экономическое могущество церкви, а в особенности концентрация земель в ее руках, возбудило недовольство среди мексиканского дворянства. Вообще все время владычества испанцев в Мексике характеризуется некоторой борьбой между духовенством и дворянством. С одной стороны—духовенство всегда выступало «защитником» ин-

¹ Цитирую по капитальному сочинению „Население долины Сан-Хуан-Теотиуакан”, т. I, „Введение”, стр. 45.

² Мексиканское пезо равно приблизительно 1 рублю.

дейцев от «излишней» эксплуатации местным дворянством, справедливо полагая, что если дворяне будут брать с индейцев лишнее, то для церкви меньше останется. С другой стороны—дворяне протестовали перед короной против концентрации земель в руках духовенства, опасаясь, что для них ничего не останется.

Очевидно, эти протесты не имели никаких серьезных последствий, и церковь во все время испанского владычества была экономически и политически гораздо сильнее дворянства. Доказательством этого может служить факт, что все ипотечные долги дворянства принадлежали духовенству¹.

Дворянство и индейцы.

Несмотря на конкуренцию духовенства, дворянство в Мексике жило припеваючи. Общеизвестен тот факт, что все крупные помещики и их семьи проводили большую часть своей жизни в Испании, получая доходы от своих имений в Мексике.

Как мы уже упоминали неоднократно, индейцы были прикреплены к поселкам, а следовательно, и к сеньорам. Теперь является вопрос—в какой мере они были зависимы от сеньоров?

Закон запрещает обращать индейцев в рабство, продавать их, менять или убивать—«без уважительных причин». Исключение делается для тех жителей Караибских островов, которые являлись людоедами. Последние, кроме женщин и детей до четырнадцатилетнего возраста, могли продаваться в рабство.

Закон также запрещает дарить индейцев другим лицам или учреждениям или закладывать их, разделять индейцев, принадлежащих к одному поместью.

¹ Лазаро Гутьерес де-Лара, Мексиканский народ и его борьба за свободу, Лос-Анжелос.

Теперь посмотрим, в какой мере сеньор, не имея по закону права собственности на личность индейца, имел право на его труд.

В общем целый ряд законов запрещает, как правило, бесплатный принудительный личный труд индейцев. Но эти же законы устанавливают очень много исключений из этого правила.

Выше мы говорили уже о допустимости принудительного труда индейцев в шахтах, допускается он и во многих других случаях.

Закон разрешает «принудительно нанимать» индейцев для переноса грузов в тех местах, где нет дорог и вьючных животных. Он же разрешает «принудительно нанимать» индейцев для работы в шахтах и полях, если не хватает других рабочих. Нужно отметить, что, по закону, во всех вышеуказанных случаях индейцам полагалась заработная плата. Но, подобно вышеуказанному примеру при постройке монастырей, целый ряд историков устанавливает, что обычно «принудительно нанимаемые» индейцы не получали платы, а лишь весьма скудные харчи. В этих случаях их положение было хуже, чем положение рабов, так как гибель индейцев не причиняла прямых убытков помещику или предпринимателю, если индейцы не происходили из его собственного поместья. Так или иначе, по закону, помещик не имел права на даровой труд индейца «для личных услуг».

Итак, формально в Мексике не существовало барщины в обычном виде. Но, как мы уже видели, законы разрешали массу отступлений от этого правила в виде разного рода принудительных работ «за плату». В награду за свою «опеку» над индейцами дворяне-сеньоры получали в свою пользу большую часть «королевской дани», которую обязан был платить каждый индеец мужчина, достигший восемнадцатилетнего возраста. Размер этой дани колебался от 4 до 6 мексиканских пезо в год.

Индейцам при закреплении их в поселках должны были возвращаться их земли. Об этом говорили многие декреты. Но на практике редко случалось, чтобы индейская община получала обратно все те земли, которыми она владела в ацтекские времена.

Вопервых, все это происходило после кровопролитнейшей войны, когда разбежавшихся индейцев искали по горам и лесам и силою приводили на старые места. Они должны были тогда доказывать своим новым хозяевам, испанским сеньорам, право на свою землю, а доказать это было довольно трудно. Кроме того землемеры были у помещиков своими людьми. Вообще помещики имели на своей стороне и силу, и правосудие. Они находили тысячу способов обходить законы, а королевским властям из Мадрида очень трудно было их контролировать.

Так, например, законами было воспрещено помещикам присваивать себе выморочные земли индейцев. Последние должны были возвращаться индейским общинам. Но на практике этот закон почти никогда не выполнялся.

Расхищение индейских общественных земель шло таким быстрым темпом, что королевская власть была принуждена в виде компромисса установить минимум размеров земель для каждого индейского поселка. Приказ Карла V от 23 июня 1583 года возлагает на вице-королей Новой Испании задачу «указать каждому поселению место, где оно может основаться и размножиться, а также земли и усадьбы, которые должны оставаться за ними». Вице-король Новой Испании, маркиз де-Фалясес, приказом от 26 мая 1577 года установил как минимум 500 «вара»¹ для основания каждого поселка. Десять лет спустя этот минимум был увеличен до 600 вара. Урезанные общественные владения индейцев получили название э х и д о с .

¹ В ара соответствует приблизительно 1 м. Здесь речь идет, повидимому, о квадрате, сторона которого равнялась приблизительно 600 м.

Если вдуматься во все эти вышеизложенные детали экономического, общественного и политического быта индейцев во время испанского владычества в Мексике, то приходится признать, что колониальная политика испанцев была довольно искусной.

1. Они, главным образом благодаря хитроумию церкви, ловко воспользовались тем экономическо-общественным укладом индейской жизни, который они застали на месте, приспособив его к своим интересам.

2. Они, опять-таки благодаря усилиям церкви, сумели превратить индейцев в преданных католиков, пожертвовав для этого многими католическими канонами и традициями. В результате и по сей день, несмотря на бесчисленное множество мексиканских революций, основная масса индейского населения является все еще орудием в руках католической церкви.

3. Несмотря на крайнюю эксплуатацию индейских масс и не слыханное в силу этого обогащение короны, церкви и дворянства, испанцы сохранили в Мексике индейское население, правда—в сильно уменьшенном количестве, в то время как на севере Америки англо-саксы, действуя совершенно другими, «более передовыми» методами, а именно—предоставляя колонизаторам всюду «свободную инициативу», ухитрились почти совершенно истребить население, несмотря на то, что начали колонизацию гораздо позже, испанцев.

Однако все это колонизаторское искусство не спасло испанскую корону от потери своих колоний.

ГЛАВА III.

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ МЕКСИКИ.

Разложение экономической диктатуры Испании.

Вплоть до начала XIX столетия испанская монархия была орудием диктатуры духовенства и дворянства. Поэтому, несмотря на обладание столь богатыми и обширными колониями, она все время оставалась экономически весьма отсталой страной. Результатом этой экономической и политической отсталости было то, что испанская торговля не могла свободно конкурировать с развивающимися буржуазно-капиталистическими странами, как Англия, Франция и Голландия. Чтобы обеспечить себе экономическое господство в собственных колониях, Испания должна была прибегнуть к системе торговой монополии.

Эта монополия состояла в том, что весь вывоз из колонии и ввоз туда был исключительной привилегией испанской короны, которую последняя передоверяла от себя разным корпорациям и частным лицам.

Только испанские корабли могли заходить в колониальные порты. Если же являлась необходимость снабжать колонии товарами неиспанского происхождения, то они могли доставляться туда лишь испанскими купцами и на испанских кораблях.

Самой богатой испанской колонией являлась Новая Испания (Мексика и Центральная Америка). Посмотрим, как отражалась на ней испанская торговая монополия.

Пока Испания была могущественной морской державой, пока колонии находились в «первобытном состоянии», пока все белые завоеватели и их потомки жили припеваючи—экономическая монополия Испании оправдывала себя кое-как за счет непомерной эксплуатации индейских масс.

Но с начала XVII столетия постепенно падает могущество Испанской империи.

Промышленность Испании не может развиваться, оставаясь все время в состоянии средневековой распыленности в руках цеховых организаций. Торговый капитал существует в самой отсталой, хищнической форме. Главные владельцы его—духовенство, высшая бюрократия и привилегированные «королевские» купцы.

Живая фламандская буржуазия, столь способствовавшая расцвету испанской колониальной политики в ее первый, завоевательный период, отрывается от Испании, образуя независимую Голландию.

Англия бьет Испанию на море, а Франция—на суше.

Но испанская торговая монополия продолжает еще существовать. Могущественная международная организация католической церкви пока что спасает еще связь Испании с колониями. Последние являются главным источником богатства испанского духовенства, дворянства и их агента—испанской короны. А среди них первое место принадлежит Мексике.

Интенсивность экономической эксплуатации Мексики Испанией в конце XVIII столетия ярко характеризуется следующими цифрами.

Торговый оборот между Испанией и Мексикой
в 1790 году ¹.

Ввоз		Вывоз	
Спиртные напитки.....	2 000 000	Серебро.....	14 000 000
Воск для церковных свечей.....	500 000	Продукты земледелия.	8 000 000
Железо.....	600 000	И т о г о	22 000 000
Какао.....	1 000 000		
Текстильные товары и др. изделия промышленности.	14 000 000		
Прочие товары.....	900 000		
И т о г о	19 000 000		

¹ Lorenzo de Zavala, Ensayos Históricos de la Revolución Mexicana, 1845, т. I, стр. 23—26.

Мы допустили бы большую ошибку, полагая, что мексиканское население, вывозя в Испанию продуктов на 22 000 000 пезо, действительно получало из Испании товаров на 19 000 000 пезо. Ничего подобного.

Мексиканский историк Бульнес ¹ говорит:

«В 1809 году Новая Испания экспортировала в метрополию товаров приблизительно на 22 000 000 пезо. Приблизительно на такую же сумму номинально получила она товаров из метрополии. Но в действительности стоимость этих последних равнялась лишь 5 000 000—6 000 000 пезо. Разница приблизительно в 16 000 000, распределялась почти поровну в виде премий между испанскими экспортерами и мексиканскими импортерами. Те 8 000 000 премии, которые получались мексиканскими купцами, не возбуждали большого негодования, так как последние были креолами ², но другие 8 000 000, остававшиеся в Испании, возбуждали среди мексиканских жителей большое негодование».

Но этим не ограничивалась эксплуатация Мексики метрополией. Прибавлялись еще налоги.

В 1809 году бюджет вице-королевства Новой Испании представлялся в следующем виде ³.

Доходы

Общая сумма.....	15 693 895 мекс пезо
(В том числе)	
Серебряные рудники.....	2 086 565 мекс. пезо
От чеканки монеты.....	1 628 259 “ “
Дань индейцев.....	1 159 951 “ “
Военный налог.....	646 459 “ “
Акциз от «пульке» ⁴	750 462 “ “
Пошлины.....	2 664 618 “ “
Табак (регалия).....	3 927 822 “ “

¹ Francisco Bulnes, La Guerra de Independencia, México, 1910.

² Так назывались испанцы, родившиеся в Америке.

³ Lorenzo de Zavala, т. I, стр. 23—24.

⁴ „Пульке” — индейский напиток, приготавливаемый из особой породы кактуса.

Расходы

Общая сумма.....	7 390 999	мекс пезо
	(В том числе)	
Расходы по сбору налогов.....	596 260	мекс. пезо
Списано в расход.....	647 939	“ “
Фортификационные работы.....	800 000	“ “
Войско.....	3 000 000	“ “
Суды и миссионеры.....	250 000	“ “
Пенсии разным лицам.....	200 000	“ “
Госпитали и ремонт прави- тельственных фабрик.....	400 800	“ “
Превышение доходов над расходами	8 302 896	“ “

Таким образом, в 1809 году доходы превышали расходы более чем на 100 процентов; весь этот излишек попадал в кассу испанской короны.

Из тех же 7 000 000, которые расходовались в Мексике, больше половины шло на военные расходы, а почти весь остаток на оплату чиновников и духовенства. Лишь маленькая сумма в 400 000 пезо значитсся как расход на нужды местного населения (госпитали и ремонт фабрик).

Картина ясна: метрополия брала у Мексики все, что возможно, не давая взамен почти ничего.

Но этим эксплуатация колонии еще не ограничивалась. Высшее духовенство, высшие чиновники и военное командование—все это были лица, командируемые из Испании. Местному населению, хотя бы и белого происхождения, трудно было получить «теплое местечко». К этому вопросу мы еще вернемся.

Ясно, что такая отчаянная эксплуатация Мексики не могла способствовать экономическому процветанию этой, столь богатой от природы страны.

Развитие местной торговли и промышленности тормозилось двумя причинами: 1) привилегиями испанской промышленности и торговли; 2) узостью рынка сбыта, так как все продукты можно было сбывать лишь в Испании же, которая по своей отсталости не могла поглощать большего количества товаров.

Испания, правда, являлась торговым посредником между Мексикой и другими странами, но это посредничество, будучи результатом политических причин, экономически являлось лишь препятствием. Ясно, что сосед Мексики— Соединенные Штаты могли бы гораздо успешнее торговать с ней непосредственно; Кроме того торговый флот Испании был в это время уже довольно слабым и не мог удовлетворять потребностей всех обширных колоний в транспорте. Ничтожная роль Испании как торгового посредника ясна из следующих цифр:

В 1802 году вест ввоз в Мексику из Испании составлял.....	19 600 000	мекс.	пезо
В том числе товаров испанского происхождения.....	11 539 219	“	“
Иностраннх товаров.....	8 060 781	“	“

Отсюда видно, что большинство товаров шло из Испании¹. Так как последняя в промышленном отношении была тогда самой отсталой страной Западной Европы, то ввоз из нее в обширные колонии и ее столь ничтожное торговое посредничество не могли удовлетворять действительных нужд колонии.

Все эти условия не давали возможности развиться местной промышленности—она находилась лишь в зачаточном состоянии. Главным объектом ее была эксплуатация минеральных богатств, особенно золота и серебра, которые вывозились в метрополию. В 1790 году все производство текстильной промышленности Мексики выражалось лишь в сумме 600 000 мексиканских пезо. В то же самое время ввоз промышленных изделий в Мексику, главным образом текстильных, равнялся, как мы видели выше, сумме в 14 000 000 пезо.

Не меньше отставало в Мексике и земледелие. Испания сама была земледельческой страной и не могла являться рынком сбыта для какого-нибудь значительного количества

¹ Lorenzo de Zavala, т. I, стр. 28.

продуктов земледелия. Кроме того существовал еще целый ряд других причин, тормозивших развитие земледелия в Мексике.

Упомянутый уже нами мексиканский историк Бульнес утверждает, что введенный испанцами закон об индейских поселках, гласящий (см. глава II), что где только соберется определенное количество индейцев, там помещики обязаны устраивать для них поселки и отводить им даром землю,— этот закон мешал заселению помещичьих земель индейцами; благодаря ему помещики не заботились о расширении посевной площади.

Таким образом, из всего вышеизложенного ясно, что экономическая связь Мексики с Испанией приносила пользу лишь Испании и была тормозом для хозяйственного развития Мексики.

Состояние мексиканского общества накануне провозглашения независимости.

Несмотря на столь интенсивную экономическую эксплуатацию Мексики Испанией, еще в первые годы XIX столетия в Мексике почти не замечалось никаких признаков движения в пользу отделения от Испании. Это объясняется главным образом тем обстоятельством, что привилегированные классы населения Мексики были тесно связаны своими интересами с Испанией и, Кроме того были испанского происхождения.

Первым сословием в Мексике было духовенство. Ему принадлежали: 1) большая часть земли, 2) все ипотечные капиталы, 3) право взимания в свою пользу налогов (одна только «десятина» с индейцев дала в 1790 году духовенству 2 250 000 мексиканских пезо). Кроме того духовенство имело еще громадные доходы от плат за требы и всяких пожертвований.

Но духовенство обладало не только громадной экономической силой—в его руках была сосредоточена также гро-

мадная политическая власть: 1) все школы были в его руках; 2) на все книги и газеты существовала духовная цензура; 3) духовенство было официальным покровителем индейцев, и это давало ему в руки оружие против дворянства; 4) аудиенция, т. е. совет при короле и вице-королях был фактически его орудием.

Сила духовенства была так велика, что не только индейцы, но и белое население чувствовало свою зависимость от него даже в своей повседневной жизни.

Вот как описывает упомянутый уже нами неоднократно мексиканский историк Лоренцо де-Завалья быт мексиканского мещанина белого происхождения.

«Большая часть торговцев страны происходила из так называемых «полисонов». Это имя давалось тем бедным юношам, которые эмигрировали из разных провинций Испании, не имея другого имущества кроме узелка с одеждой. Многие из них едва были грамотны и на своей родине слушали только проповеди священников и советы матерей. Многие из них не знали, что существуют другие страны, кроме Испании, другие языки и другие религии, кроме католической. Ехали они с намерением присоединиться к какому-нибудь родственнику, имеющему уже здесь (в Мексике) «дело», и поступали к нему в учение. Утром, с восходом солнца они, едва одевшись, отправлялись в церковь слушать мессу. Возвратившись, они завтракали и садились затем за прилавок, читая какую-нибудь набожную книгу. В двенадцать часов закрывали лавку, так как это было время обеда и после обеденного сна. В три часа дня—молитва на четках; затем открывали лавку до семи часов вечера. В семь часов—ужин, четки, специальные молитвы и затем сон. Каждый пятнадцать дней шли к исповеди и причастию, а в великий пост кроме обычной мессы посещали еще каждый день специальные проповеди в своей приходской церкви. По воскресеньям и праздничным дням утром—церковь, а после обеда—бой быков. Таков был их образ жизни, их се-

мейств и слуг до самой смерти. Газет не существовало, не было театра, не было танцев, клубов и никаких общественных собраний»¹.

Таким образом почти все население находилось под духовной диктатурой священников.

Но в это время образовался уже в Мексике довольно многочисленный новый слой белого населения, в котором преобладали «недовольные элементы». Это была городская интеллигенция, довольно многочисленная и, в противовес торговой мелкой буржуазии, «благородного» происхождения.

Испания и латиноамериканские страны вообще всегда отличались обилием интеллигенции. Руководящий слой ее—«дворянские пролетарии». Обычно это были сыновья бедного или среднего дворянина, не имевшие в виду наследства (оно доставалось всегда старшему в семье). Им не оставалось ничего другого, как карьера адвокатов и государственных чиновников. «В Мексике всегда поражало обилие адвокатов: в одной семье иногда их бывало четыре-пять человек»².

Обилие интеллигенции давало себя чувствовать весьма сильно ввиду экономической отсталости страны. Среди индейского населения белый человек считался всегда «аристократом» и, ясно, не мог заниматься черным трудом. Он искал всегда «благородное занятие»; если он был дворянского происхождения, то даже торговля была ему «не к лицу». Адвокат, офицер или чиновник—это были единственные поприща, на которых ему было пристойно подвизаться.

Этот слой креолов считался всегда недовольным. Конкуренция между ними была всегда очень велика. Лишь некоторой части удавалось более или менее хорошо устраи-

¹ Lorenzo de Zavala, Ensayos históricos de la Revolución Mexicana, т. I, стр. 66—67.

² F. Bulnes, La Guerra de Independencia.

ваться; остальные жили очень бедно. Устройству их мешало между прочим и то обстоятельство, что все лучшие места занимались лицами, командированными из Испании, и поэтому эти интеллигентные санкюлоты ненавидели всех прибывавших из Испании.

Элемент крупной буржуазии существовал в это время в Мексике лишь в виде небольшой группы экспортеров и импортеров, фактически являвшихся агентами Севильской торговой палаты и получавших, как мы уже видели раньше, в силу торговой монополии большие премии. Эти купцы благодаря своим привилегиям были тесно связаны с испанской короной и, получая громадные выгоды от испанской торговой монополии, являлись чуть ли не самыми яркими защитниками подчинения Мексики Испании.

В Мексике существовал также немногочисленный класс самостоятельных мелких землевладельцев, так называемых ранчерос (хуторяне). Их нельзя назвать крестьянами: по европейским понятиям—это средние землевладельцы. В 1810 году их было всего в Мексике 6 689 человек¹. Они происходили или из тех испанских колонистов, которые, прибыв в Мексику значительно позже ее завоевания, уже не получили поместий, или это были метисы, потомки разных управляющих и других агентов дворянства. Их основным занятием было не столько земледелие, сколько скотоводство. Кроме того как говорит мексиканский историк Бульнес, почти все они занимались контрабандой, которая ввиду существования испанской торговой монополии сильно процветала в это время в Мексике. Этот элемент был всегда революционно настроен по отношению к испанским властям. Благодаря своей малочисленности и разобщенности этот класс не играл никогда самостоятельной политической роли.

Городские рабочие существовали лишь в качестве чле-

¹ L. Mendieta y Nunez, El Problema Agrario de México, стр. 84—85.

нов средневековых цеховых организаций. Единственная, существовавшая в стране в это время в более значительных размерах горная промышленность эксплуатировалась трудом крепостных индейцев или «старателей».

Главную массу населения составляли индейцы. Об их положении мы говорили уже много во второй главе. За все время испанского владычества никаких существенных перемен в положении индейцев не произошло. Главная масса их состояла из крепостных. Лишь в некоторых местах, на севере — в степях Чигуагуа и Соноры, и на юге — в лесах и горах, сохранились свободные индейские племена, не признававшие власти испанцев. Они все время вели с ними ожесточенную партизанскую борьбу. Трудности сообщения не давали испанцам возможности покорить их окончательно.

За исключением этих племен, индейская масса переносила эксплуатацию колонизаторов с чрезвычайным терпением, но глухое недовольство не покидало ее ни на минуту. Это недовольство принимало формы ненависти ко всем белым.

Народное восстание Идальго и Морелоса.

В 1810 году группа либералов стала работать над подготовкой восстания против испанского владычества. Душой этой группы были: Игнасьо Альенде — капитан королевской армии, креол дворянского происхождения из зажиточной семьи, и деревенский священник села Долорес — Мигуэль Идальго, проникнутый «якобинскими идеями». Королевская полиция раскрыла этот заговор и собиралась арестовать главных его участников. Ввиду грозящей им опасности заговорщики решили действовать.

В ночь с 15 на 16 сентября Идальго и Альенде в селе Долорес, приходе Идальго, собрали местное население в церкви и стали его призывать к восстанию. Первым лозунгом было: «Смерть гачупинам!» (испанцам). Но наряду с этим

появились и другие лозунги. Когда на следующее утро (в воскресенье) в церковь стеклись окрестные индейцы, священник Идальго выступил с революционной проповедью, в которой между прочим сказал:

«Братья! Хотите быть свободными людьми? Хотите идти на борьбу, чтобы отобрать у ненавистных испанцев земли, отнятые у ваших предков триста лет тому назад?»¹.

Таким образом был брошен, правда—в весьма общей форме, лозунг аграрной революции. В данной обстановке это было весьма естественно. Вся масса, первоначально приставшая к Идальго, состояла из индейцев, а он как местный священник отлично знал, чем можно их вовлечь в борьбу. И вот эта масса индейцев двинулась в поход вместе со своими женами и детьми.

Выше мы уже говорили, что индейцы не имели никакого огнестрельного оружия. Вооружение их состояло главным образом из ножей, употребляемых для сбора кукурузы. Желая побольше фанатизировать своих приверженцев, Идальго захватил из одной церкви икону святой Марии де-Гаудалупе и провозгласил ее знаменем восстания.

17 сентября в селе Сан-Мигель-эль-Гранде повстанцы напали на испанскую лавку и разгромили ее. Командовавший повстанцами капитан де-Альенде возмущился этим «отсутствием дисциплины», заявляя, что такие эксцессы недопустимы. Но Идальго не одобрил точки зрения Альенде, заявляя, что в случае запрещения подобных эксцессов масса может охладеть к революции².

Толпа, возраставшая с каждым днем, двинулась дальше, по территории теперешнего штата Гуанахуато, по направлению к городам, где Идальго и Альенде надеялись достать деньги и оружие.

Когда повстанцы в своем походе натыкались на какое-

¹ Lázaro Gutierrez de Lara, стр. 30.

² Francisco Bulnes, стр. 100.

нибудь имение, то они арестовывали владельца, изгоняли его семью и управляющих, а имение передавали пеонам¹, которые с тех пор начинали хозяйничать в нем².

Беспорядочная и почти безоружная толпа повстанцев все возрастала. Когда они приблизились к столице провинции Гуанахуато, численность их доходила уже до 100 000 человек.

Историк Бульнес пишет, что эта толпа напоминала «азиатские орды Чингис-хана».

Главную повстанческую массу составляли индейцы, вооруженные ножами и пиками. Недостаток огнестрельного оружия заменялся ручными гранатами, довольно, впрочем, безвредными, напоминавшими скорее петарды. Эта толпа имела свою, небольшую, впрочем, конницу: это были «ранчерос» (хуторяне), энергично поддерживавшие восстание Идальго.

Один форт вблизи города Гуанахуато пытался оказать сопротивление. Гарнизон его состоял всего из 400 солдат, но они были хорошо вооружены и имели артиллерию. Несмотря на это, толпы Идальго взяли его приступом, потеряв, правда, при этом 2000 человек; зато они вырезали весь испанский гарнизон. Взятие этого форта и кровавая расправа с гарнизоном оказали такое устрашающее влияние на всех испанцев, что не только Гуанахуато, но и другие города и крепости стали сдаваться Идальго без боя, несмотря на обладание хорошо вооруженными, но сравнительно малочисленными гарнизонами. Идальго брал таким образом один город за другим и шел прямо на столицу Мексики.

Тем временем вице-король собрал несколько тысяч хорошо вооруженного войска и под предводительством опытного генерала Кайеха отправил их против Идальго. Все слои консерваторов и даже часть либералов стали на сторону

¹ Пеонами называют в Мексике тех индейцев, которые работают у помещиков.

² Lázaro Gutierrez de Lara, стр. 34.

правительства вице-короля, так как действительно испугались этой индейской аграрной революции.

В первом сражении с армией вице-короля Идальго вышел победителем, но затем потерпел решительное поражение и отступил в город Гвадалахара. С тех пор Идальго проявлял мало активности, уделяя больше времени пропаганде, чем военным действиям. Кроме того в Гвадалахаре он организовал правительственный совет, который успел издать два декрета: 1) о возвращении индейцам всех общественных земель; 2) об освобождении рабов.

Между тем правительственные войска все больше и больше теснили Идальго. Он должен был покинуть Гвадалахару и направиться на север. Здесь он был настигнут вице-королевскими отрядами, разбит, взят в плен и расстрелян в июле 1811 года.

После поражения и смерти Идальго восстание продолжалось под предводительством другого священника, Хозе-Мария Морелос. Но оно уже не имело такого массового характера. Морелос и его сподвижники, наученные горьким опытом Идальго, не выступали в открытый бой против правительственных войск, а боролись партизанской тактикой мелких отрядов.

Духовенство и консерваторы, особенно ввиду социального характера движения Идальго, сплотили все силы для борьбы с восстанием. Для того чтобы отвлечь народные массы от восстания, они придумали весьма хитрую тактику: заставили вице-короля опубликовать воззвание к народу с обещаниями еще более радикальными, чем требования повстанцев. Так, например, в этом воззвании говорилось:

«Все правительственные земли будут разделены между пеонами, и последние должны получить для их обработки даром капиталы, которые будут взяты из муниципальных касс по месту жительства пеонов»¹.

Это обещание было прямо насмешкой, так как все по-

¹ Lázaro Gutierrez de Lara.

священные знали, что муниципальные кассы совершенно пусты.

В конце 1814 года Морелос был взят в плен и расстрелян. Революционное движение, однако, не замерло совершенно, но рассыпалось в партизанщину, действовавшую в горах и лесах.

Анализ первого народного движения в Мексике.

Первое революционное движение в Мексике, восстание Идальго-Морелоса слагалось из двух элементов:

- 1) из крестьянского движения—массы крепостных индейцев и пауперов, борющихся за землю и освобождение от принудительного труда на помещиков, церковь и корону;
- 2) из либерального движения креольской мелкой буржуазии, борющейся за захват политической власти в стране.

Индийское аграрное движение осложнялось тем обстоятельством, что все без исключения помещики были белые завоеватели—чуждая индейцам раса. Для каждого индейца бороться за землю, бороться против каких бы то ни было экономических, общественных или политических притеснений—значило бороться против белых.

Поэтому первый клич Идальго: «Смерть гачупинам!» (испанцам)—был в глазах индейцев не только лозунгом борьбы за независимость Мексики от Испании, а главным образом лозунгом социальной борьбы против эксплуататоров, вполне тождественным с лозунгом: «Земля и воля».

Правители Мексики, испанцы, принадлежали к господствующим классам: к духовенству, дворянству и купцам. Они отлично отдавали себе отчет в социальном характере движения Идальго—Морелос. Вот почему они поддержали испанское правительство против этой революции, несмотря на то, что стремление к независимости Мексики имело уже в то время довольно многочисленных сторонников среди привилегированных сословий.

Во главе господствующих сословий стояла единая като-

лическая церковь, возглавляемая владыками испанского происхождения. Между тем движение Идальго—Морелос, выставившее главным, лозунгом «Смерть испанцам!», отнюдь не было антикатолическим. Наоборот: знаменем восстания была икона католической божьей матери де-Гваделупе, и во всех воззваниях и программах Идальго и Морелоса говорится ясно о том, что католическая религия должна оставаться господствующей.

Как объяснить эти противоречия?

Дело в том, что индейская масса была фанатически католической. Во второй главе мы говорили о том, как хитрое католическое духовенство приспособило католицизм к индейскому быту и индейским понятиям. Кроме того среди низшего духовенства было много индейцев.

Таким образом лозунг «Смерть испанцам!» совсем не означал разрыва с католической религией индейского толка. Наоборот, можно сказать, что индейцы боролись между прочим за большую еще индианизацию католицизма.

Другой элемент, участвовавший в этом восстании, либеральная белая мелкая буржуазия добивалась захвата политической власти, опираясь на индейцев. Им нечего было бояться конкуренции со стороны последних. Индейцы были в то время все поголовно безграмотными и не имели еще своей светской интеллигенции. Креольская мексиканская интеллигенция не очень даже боялась лозунга «Смерть испанцам!». Они не считали себя испанцами, будучи обедневшими креолами. Сами они называли себя в то время «американцами».

Испанцы, правившие Мексикой и назначавшие всех высших чиновников, высших военных и высшее духовенство из своей среды, были в глазах креольской мелкой буржуазии смертельными врагами.

В других странах мелкая буржуазия являлась промежуточным слоем между буржуазией и пролетариатом. Но в Мексике тогда не было ни класса буржуазии, ни пролетари-

ата. Поэтому мелкой буржуазии пришлось играть как в этом, так и в других революционных движениях Мексики роль организатора революции. Это было одной из существенных причин поражения движения Идальго—Морелоса; предоставленная своим силам, мелкая буржуазия как руководительница стихийного аграрного движения не могла победить.

Причины поражения первой мексиканской революции 1810—1814 годов сводятся, следовательно, к следующему:

1) революция эта была национальной, но отсутствовала национальная буржуазия как организующий элемент;

2) революция была социально-аграрной, но отсутствовал класс промышленного пролетариата, способный организовать крестьян и повести их к победе.

Независимость и консерваторы.

В 1812 году в городе Кадиксе была опубликована Центральным советом Испании либеральная конституция для Испании и ее колоний. Она давала равноправие всем подданным испанской короны, включая и жителей колоний. В следующем же году либеральный конгресс вотировал отмену инквизиции.

Мексиканские консерваторы всполошились. Эта конституция была направлена против их интересов.

В результате этих перемен в Испании усилилось движение за независимость среди мексиканского духовенства и военных. Но пока продолжалось революционное движение Идальго—Морелос, консерваторы и не заикались о независимости, так как им нужна была помощь испанских войск против повстанцев.

Но когда народное движение пошло на убыль, когда оно после расстрела Морелоса переродилось в борьбу мелких партизанских отрядов, орудовавших лишь в немногих малодоступных местностях, тогда консерваторы стали подго-

товляться к осуществлению своей независимости.

Консерваторы имели в виду призвание на престол испанского Бурбона и сохранение в Мексике всех привилегий духовенства, дворянства и военных. Единственной реформой, к которой они стремились, была отмена испанской торговой монополии.

Душой консервативного движения за независимость была церковь. Во главе заговора стоял отец Тирадо, председатель мексиканской инквизиции.

Духовенство стало привлекать на свою сторону армию и искало себе подходящего главнокомандующего. В противовес интеллигентам, оно не боялось военной диктатуры, зная отлично, что могущественная церковная организация сумеет сделать всякого диктатора своим орудием или же, в случае неудачи, покончить с ним.

Выбор их пал на полковника королевской армии Августина Итурбиде. Последний приобрел большую известность среди консерваторов своей беспощадной борьбой против революционных партизанов и поэтому был особенно мил духовному сословию. Итурбиде стал организовывать заговор. Для большего успеха он решил присоединить к себе революционных повстанцев, продолжавших дело Морелоса. Среди последних самым влиятельным был генерал Викентий Гереро, который после расстрела Морелоса с чрезвычайной энергией руководил партизанским движением на западе Мексики. Итурбиде был в это время командующим отрядом, направленным для борьбы с генералом Герреро. Он устроил с ним свидание и предложил объединить свои силы для общей борьбы за независимость Мексики. Тут же Итурбиде дал Герреро неопределенное обещание насчет «дачи земель народу» и этим склонил его окончательно на свою сторону.

Обеспечив себе таким образом тыл, Итурбиде 24 февраля 1821 года, в селе Игуаля (в штате Герреро) провозгласил

с большим торжеством независимость Мексики, тут же опубликовав свою программу, которая вошла в историю под названием «План де-Игуаля». Вот ее главные пункты:

1. Католическая религия объявляется господствующей. Другие вероисповедания не допускаются.
2. Абсолютная независимость страны.
3. Конституционная монархия.

.....

13. Личность и собственность будут уважаться и защищаться.

14. Духовенство сохранит все свои иммунитеты ¹ и собственность.

.....

17. Войска будут соблюдать буквально устав (а следовательно, сохраняется и военный иммунитет), и все начальники и офицеры сохраняют свои чины ².

Соединенные Штаты и Мексика.

Независимость Мексики способствовала усилению внимания к ней со стороны других капиталистических держав. Особенно стали интересоваться Мексикой Англия и Соединенные Штаты. Английские банки, начиная с 1823 года, стали давать займы на ростовщических условиях мексиканскому правительству. Американцев же стала привлекать мексиканская территория.

В 1819 году началась колонизация американцами принадлежащих Мексике степей Техаса.

Один американский колонизатор, Моисей Аустин, получил от вице-короля Мексики концессию на поселение в Те-

¹ Право иммунитета состояло в том, что духовенство и офицеры могли быть судимы лишь своими сословными трибунами независимо от характера преступления и сословной принадлежности другой тяжущейся стороны.

² Lázaro Gutierrez de Lara, стр. 57.

хасе трехсот семейств. Одним из условий концессии было, что все колонисты должны быть католиками.

Когда, начиная с 1821 года, внимание населения Мексики все более и более отвлекалось от внешних дел рядом внутренних переворотов и перманентной гражданской войной, никто не контролировал колонизацию Техаса и исполнение условий концессии¹.

Под шумок колонизации в этом, столь отдаленном, от центра, огромном степном крае все больше и больше росло американское влияние. Уже в 1824 году Техас насчитывал 20000 Жителей, между тем как в 1818 году их было всего лишь 3 000¹.

Приблизительно в это же время начинаются поползновения со стороны Соединенных Штатов к захвату Техаса и других северных провинций Мексики.

В общем начало американского империализма относят ко времени появления доктрины Монроэ (1823 год). В это и последующее время в Соединенных Штатах уже начала разгораться борьба между Севером и Югом. Север, со своим быстро развивающимся капитализмом, был более империалистичен, чем юг, но он мало интересовался северными степями Мексики. Уже в то время руководящей идеей империализма Севера являлось овладение Панамским перешейком с целью постройки канала. А первым этапом для достижения этой цели являлось овладение Антильскими островами, в особенности Кубой. Сюда направлялись главным образом в первое время устремления лидеров буржуазии Севера².

В захвате и колонизации мексиканского севера были заинтересованы главным образом помещики-рабовладельцы южных штатов Североамериканских Соединенных Штатов.

¹ Lorenzo de Závala, т. II, стр. 232.

² Isidro Fabela, Los Estados Unidos Contra la Libertad, Barcelona.

Гутьеррес де-Лара полагает, что этот интерес был более политическим, чем экономическим. Южные рабовладельцы, наблюдая рост богатства и населения Севера, где преобладало антирабовладельческое настроение, уже тогда соображали, что когда-нибудь им придется отделиться от Севера, и для усиления своего политического могущества стремились к завоеванию северной части территории Мексики.

С этим положением можно не согласиться. Известно, что южные хлопководы, главное богатство которых составляли рабы, вели свои хлопковые плантации крайне хищническими методами, бросали старые земли, как только они начинали истощаться, и переходили на новые. При столь экстенсивных методах эксплуатации они, без сомнения, были заинтересованы в приобретении новых территорий как резервного земельного фонда.

Так или иначе, уже начиная с середины 20-х годов, Соединенные Штаты стали подбираться к северным территориям Мексики.

Война с Соединенными Штатами.

В Соединенных Штатах стали у власти южные рабовладельцы («демократы»), которые, как мы уже видели, были сильно заинтересованы в захвате северных мексиканских территорий. «Демократы» Соединенных Штатов все время искали случая начать войну с Мексикой, справедливо полагая, что существующая там анархия облегчит им победу. С другой стороны, мексиканские консерваторы не прочь были впутать Мексику в войну, дабы парализовать перед лицом внешней опасности революционную деятельность либералов.

Первый конфликт, так называемая, Техасская война, возник в 1835 году. Консерваторы, желая отвлечь внимание от внутренних дел Мексики, стали раздувать «протестант-

скую опасность» в Техасе. Затем они отправили туда карательную экспедицию против американских колонистов. Во главе этой экспедиции стал консервативный президент, известный авантюрист Санта Ана. Соединенные Штаты оказали техасским колонистам помощь деньгами, оружием и добровольцами. Санта Ана был разбит и взят в плен. Была провозглашена «независимая» Техасская республика.

В 1846 году американцы, пользуясь, с одной стороны, в качестве повода разными «насилиями», совершаемыми над американскими гражданами, а с другой—анархией, господствовавшей в то время в Мексике, заняли «независимый» Техас и вызвали конфликт с мексиканскими пограничными войсками. Тогда мексиканское консервативное правительство призвало народ к «священной войне» против иностранного нашествия.

Впутав Мексику в эту войну, консерваторы оказались абсолютно неспособными организовать оборону страны. Армия терпела поражение за поражением. Американские войска высадились на побережье Атлантического океана и вскоре заняли столицу страны.

Консерваторы уже после крупных поражений привлекли к управлению страной и либералов, но это они сделали не с целью создания единого фронта, а лишь затем, чтобы переложить на либералов долю ответственности за поражение.

В 1848 году был заключен между Соединенными Штатами и Мексикой тяжелый для Мексики мир. Она потеряла почти половину своих территорий. Соединенные Штаты приобрели Калифорнию, Колорадо, Неваду, Новую Мексику, Аризону и Техас.

Ответственность за столь позорно проигранную войну падает целиком на блок духовенства и помещиков. Они, вопервых, не умели—или не хотели—избежать этой войны; вовторых, в их руках была организация обороны страны. То обстоятельство, что духовенство, владея громадными богатствами, оказывало отчаянное сопротивление всякой попыт-

ке обложить его в пользу обороны,—этого одного уже достаточно, чтобы возложить на него ответственность за поражение и позорный мир.

Тот расцвет либерального движения с ярко выраженной антирелигиозной политикой, который вскоре после окончания войны наступил в Мексике, является в значительной степени реакцией против измены духовенства национальным интересам Мексики.

ГЛАВА IV.

БОРЬБА ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ.

Либеральная партия попрежнему оставалась организацией без прочной классовой базы.

Основой ее, как и раньше, была мелкая буржуазия; во главе ее стояла интеллигентско-служилая масса. Со времени независимости Мексики эта масса сильно возросла: число правительственных служащих возросло по крайней мере в шесть раз против испанских времен. Либеральная федеральная система очень способствовала расширению правительственного аппарата. Каждый штат имел свою палату депутатов, свою исполнительную власть, свою судебную сеть. Сохранение федеральной системы вполне таким образом отвечало насущным интересам интеллигентской массы.

Несмотря на тридцатилетнее существование независимости Мексики, национальная буржуазия едва лишь зарождалась. Вся крупная торговля оставалась попрежнему в руках иностранцев, с той лишь разницей, что наряду с испанцами все большую и большую роль стали играть англичане и французы.

Постоянные войны и «революции» отнюдь не способствовали развитию мексиканской промышленности. Все эти причины сильно препятствовали зарождению и развитию мексиканской национальной буржуазии. Некоторые лишь изменения произошли в составе помещичьего сословия. Разные мексиканские генералы и политические деятели, пользуясь «революцией», захватили в свои руки поместья «врагов отечества». Но так как правительства разных «партий» сменяли очень быстро друг друга, то многие из этих поместий часто переходили из рук в руки, не давая возможности стабилизироваться национальному помещичьему сословию.

Индейская масса после своего первого участия в восста-

нии Идальго—Морелоса опять впала в прежнее апатичное состояние. Либеральная интеллигенция, целью которой был лишь захват правительственного аппарата в свои руки, опасалась, что выдвижение аграрного вопроса будет способствовать консолидации союза духовенства и военных (почти все «генералы» были помещиками) и, таким образом, увеличит трудности на пути к захвату власти.

При таких условиях единственными двумя реальными политическими силами внутри Мексики были духовенство и армия.

Этим объяснялась та сравнительная устойчивость, которую проявляла до сих пор консервативная партия. Но эта устойчивость стала терять свою силу благодаря все возрастающему отрыву армии от духовенства.

Как мы видели не раз, духовенство всегда отказывалось самым решительным образом давать деньги из своего кармана на содержание армии и вообще не желало никогда платить какие-либо налоги в пользу государства.

Благодаря этому военные оказывались часто в весьма затруднительном положении—им приходилось искать себе хозяина и вне духовенства. Кроме того состав офицерского сословия сильно изменился по сравнению с испанскими временами: тогда высшие военные посты находились в руках дворянской аристократии испанского происхождения, со времени же независимости последние вытеснялись людьми мексиканского происхождения, иногда довольно демократического. Сверх того обилие «революций» не давало возможности стабилизироваться постоянному, наследственному офицерскому сословию.

Таким образом, современем ослабевала связь между духовенством и армией. Последняя все более склоняется к следующему практическому выводу: кто силен и способен держать власть в своих руках, а следовательно, и содержать армию, тот—властелин. Наряду с этим большинство офи-

цества, особенно лишь начинающего военную карьеру, часто проявляло свою радость при новых правительственных переворотах. Новая смена власти давала им возможность выдвигаться и занимать новые посты.

Этим разложением армии воспользовались либералы. Они переманили на свою сторону часть командного состава и основательно разгромили консерваторов.

Результатом этой победы либералов были знаменитая конституция 1857 года и так называемые «Законы о реформе».

Творцом этой конституции и этих законов являлись левые либералы, лидером которых стал знаменитый «адвокат», индейского происхождения, Бенито Хуарес. Он олицетворял собою тип последовательного либерала-«якобинца». Для своей эпохи в мексиканских условиях это был, без сомнения, выдающийся человек. Он понимал отлично, что главными препятствиями к превращению Мексики в «порядочное демократическое государство» являлись сплоченная каста духовенства и обособленное военное сословие. С духовенством он боролся путем секуляризации духовных имуществ, а с военщиной—путем создания национальной гвардии. Хотя он и не понимал того, что необходимой базой для действительной национальной независимости тогдашней Мексики являлись развитие и укрепление мексиканской национальной буржуазии, но бессознательно, объективно, работал в направлении создания таковой.

„Законы о реформе”¹.

Национализация.

«Принимая во внимание, что главным мотивом настоящей войны, начатой и поддерживаемой духовенством, явля-

¹ Все приведенные ниже цитаты взяты мною из „Свода законов о реформе”, составленного П. И. Гутьеррес и Флорес Анаторре; три тома (пять частей); Мексико, 1870.

ется желание последнего освободиться от подчинения гражданской власти...;

что всякого рода усилия с целью окончить войну, разрушающую республику, до сих пор оказывались тщетными;

что оставлять и на дальнейшее время в руках своих заклятых врагов средства, которыми они так основательно злоупотребляют, было бы стать его сообщником; и,

что необходимым долгом является приведение в исполнение всех мер, которые спасли бы положение и общество, мы сочли нужным декретировать следующее:

§ 1. Во владение нации поступают все имущества, которыми управляло светское и монастырское духовенство под различными титулами, в чем бы ни состояли их недвижимые имущества, права и акции, какое бы ни имели название и употребление ¹.

.....

§ 3. Будет проведена в жизнь независимость дел государства от дел чисто религиозных. Правительство ограничится защитой своей властью публичного культа католической религии так же, как и всякой другой.

§ 4. Служители культов за исполнение треб и других функций своей профессии могут получать приношения, им предлагаемые, и свободно договариваться с лицами, пользующимися их услугами, о вознаграждении, которое должно им даваться. Ни приношения, ни вознаграждения не могут даваться в форме недвижимых имуществ.

§ 5. Ликвидируются по всей республике существовавшие до сих пор монастырские ордена, какое бы ни было их наименование или деятельность, а равным образом все конгрегации и братства, существующие при религиозных общинах, кафедральных соборах, приходах и каких бы то ни было церквях...»

Как мы видим, главным мотивом проведения в жизнь

¹ § 2 пропускаю, как неимеющий существенного значения.

национализации духовных имуществ являлся вопрос революционной целесообразности. Духовенство обладало громадным имуществом; оно было объявлено «врагом нации» и лишено возможности употреблять свои богатства во вред светскому государству.

Теперь вопрос—что делала государственная власть с поступившими в его распоряжение духовными имуществами, в особенности с бывшими поместьями духовенства, которые занимали большую часть мексиканской территории?

Эти поместья или сдавались в аренду или же распродавались частным лицам. Индейцы не получали ничего.

Даже так называемые «незанятые земли», которые раньше никем не обрабатывались, не отдавались в пользование индейцев-крестьян, а распродавались по низкой цене¹. Индейская крестьянская масса не получала никакой экономической пользы от «Законов о реформе».

Необходимость распродажи духовных имуществ формулируется этими законами следующим образом.

«Принимая во внимание, что одним из самых больших препятствий к процветанию и возвеличению нации является отсутствие свободного обращения большей части недвижимой собственности—основной базы общественного богатства... считаю подходящим декретировать следующее.

§ 1. Все земельные поместья и городские недвижимости, которые в настоящее время находятся во владении администрации гражданских или церковных коопераций, присуждаются в собственность тех лиц, которые их арендуют».

Весь этот способ распределения конфискованных земель, а также законы о деэмортизации ясно свидетельствуют о классическом буржуазном способе мышления вождей мексиканской революции 1857 года. Как я уже сказал, Хуарец, сам того не зная, стремился к созданию таких объективных условий, которые способствовали бы развитию и процветанию национальной мексиканской буржуазии.

¹ См. тот же „Свод законов”, т. II, стр. 177.

Конституция 1857 года ¹.

§ 1. Мексиканский народ признает, что права человека являются основой и объектом общественных учреждений.

§ 2. В республике все рождаются свободными: рабы, вступившие на национальную территорию, одним этим фактом восстанавливают свою свободу и имеют право на защиту закона.

§ 3. Образование является свободным.

.....
§ 5. Никто не может быть обязан к личному труду без справедливого вознаграждения и своего полного согласия.

.....
§ 7. Гарантирует свободу печати.

§ 8. Дает населению право петиции.

§ 9. Признает свободу обществ и собраний.

§ 10. Гарантирует свободу ношения и владения оружием для всех.

§ 11. Дает свободу передвижения—въезда и выезда из пределов республики.

§ 12. Отменяет наследственные титулы.

§ 13. Отменяет всякие иммунитеты и специальные словные суды.

.....
§ 15. Гарантирует свободу убежища и запрещает выдачу политических преступников.

§ 16. Гарантирует свободу личности.

.....
§ 28. Отменяет всякого рода монополию.

.....
§ 34. Дает право голосования каждому мексиканскому гражданину мужского пола: женатым—с 18 лет, холостым—с 21 года.

¹ См. тот же „Свод законов”, т. II, ч. 2.

.....
§ 39. Народный суверенитет пребывает существенно и подлинно в самом народе. Всякая общественная власть происходит от народа и учреждается для его блага. Народ имеет неотъемлемое право во всякое время изменить форму своего правления.

§ 40. По воле народа Мексика превращается в конституционную, представительную демократическую федеральную республику, состоящую из штатов, свободных и суверенных во всем.

.....
§ 50. Высшая власть федерации делится по своим функциям на законодательную, исполнительную и судебную. Никогда не могут объединяться две или более из этих функций в одном лице или одном учреждении; так же не может законодательная власть оставаться в ведении одного лица».

Как видим, эта конституция является последовательно либеральной.

Итак, уже в 1857 году Мексика обзавелась радикально-буржуазным законодательством, долженствующим устранить все препятствия на пути ее капиталистического развития. Но эта буржуазная революция якобинского толка не была завоевана буржуазией—последняя еще не успела развиться в Мексике. Мексика представляла собою в это время страну наполовину феодальную, где преобладало еще натуральное хозяйство.

Революция 1857 года была осуществлена силами мелкой буржуазии. Городской пролетариат еще не существовал. В городах преобладали еще средневековые цехи. Шестимиллионная индейская масса не была кровно заинтересована в успехе этой революции. Как мы видели выше, конфискация духовных земель ничего не давала крестьянству. Последнее, правда, приобретало с конституцией 1857 года политиче-

ские права и формальное освобождение от крепостничества. Но экономическое закабаление индейцев не только не уменьшилось, а, наоборот, как мы увидим впоследствии, приобрело новый размах в связи с уничтожением всяких препятствий к «свободному обращению недвижимой собственности». Единственно слой мелких собственников-хуторян («ранчерос») экономически выигрывал от этой революции, скупая местами за низкую цену земли духовенства или «свободные» земли. Индеец же, лишенный не только денег и орудий производства, но и домашнего скота, не мог воспользоваться этой конфискацией столь значительной части земельного фонда Мексиканской республики.

Новая буржуазная, демократическая и федеральная республика не имела под собою прочной общественной базы. А против себя имела все еще сильное, хорошо организованное, прочно связанное с массой духовное сословие в качестве заклятого постоянного врага, и, кроме того, другого потенциального врага – армию, готовую всегда поддерживать какой угодно государственный переворот.

И действительно, борьба между либералами и консерваторами вскоре разгорелась опять. Римский папа обратился к мексиканскому народу с посланием, в котором запрещал присягать на верность Конституции 1857 года. Духовенство, пользуясь впечатлением, которое произвело на религиозных мексиканцев папское послание, подняло ряд новых восстаний.

Руководство борьбой либералов перешло всецело в руки «левого» Бенито Хуареца. Борьба велась очень энергично. Консерваторы, чувствуя свою слабость, открыто заговорили об иностранной интервенции. Официальный орган католиков «Ла-Сосиедад» в передовице от 14 декабря 1858 года писал:

«... Необходимо создать двойное сопротивление с нашей стороны: соединить силу большой национальной партии консерваторов с другой моральной силой того же порядка,

идущей из глубины Европы. Консервативная партия должна поставить себе целью заинтересовать в своей судьбе одну или две европейских нации, достаточно благородные, сильные и сплоченные, для защиты великого принципа равновесия народов, особенно по отношению к нашему собственному... Католическому миру не подобает, чтобы католицизм Америки выродился в протестантизм. Политическому миру Европы не подобает и его интересам не соответствует, чтобы Америка во всех отношениях была демократической под единственным и грозным влиянием столицы Вашингтона»¹.

Чем объяснялась враждебность консерваторов по отношению к Соединенным Штатам?

Дело в том, что в Соединенных Штатах руководство политикой уже постепенно переходило в руки капиталистическо-протестантского Севера. Руководители североамериканского капитализма больше сочувствовали либеральной партии в Мексике, чем католикам. Это сочувствие не было чисто платоническим. Либералы были всегда энергичными борцами за независимость Мексики, в то время как консерваторы лишь по тактическим соображениям склонялись по временам на сторону независимости, но всегда были готовы в удобный момент связать судьбу Мексики с «католической Европой». А Соединенные Штаты, согласно доктрине Монро о невмешательстве Европы в дела американского континента, желали полной «независимости» всех американских государств... от Европы.

В начале 1861 года консерваторы потерпели окончательное поражение. Хуарес, избранный президентом, занял столицу. Одним из первых его декретов была приостановка на два года ввиду полного отсутствия средств, платежей по долговым обязательствам. Это обстоятельство и послужило главным поводом для интервенции в Мексике европейского империализма.

¹ Gutierrez de Lara, стр. 262.

Борьба европейского и американского империализма за влияние на Мексику.

Европейские империалистические державы были во время реформы сильно заняты европейскими делами. К тому времени лишь Англия и Франция вообще обращали внимание на американские дела. Германская империя только начинала организовываться; Австро-Венгрия была слишком озабочена германскими и итальянскими делами; Испания же была уже слишком слаба, чтобы вести самостоятельную активную политику в Америке.

Больше всех была заинтересована в американских делах Англия. Обладая Канадой и частью Вест-Индских островов, она не желала усиления Соединенных Штатов. Но в эту эпоху она переходила через целый ряд потрясений. Свежа еще была память о чартистском движении, только что кончилась Крымская война, открывшая для Англии новые возможности на Ближнем Востоке, а индусское восстание 1857 года приковало ее внимание к азиатским делам.

При таких обстоятельствах стало возможным то, что застрельщиком и лидером европейского империализма по отношению к Америке явилась тогда Франция: французской буржуазии нужны были колонии, а Наполеон III желал постоянными войнами отвлечь внимание французов от внутренних дел.

Вот что писал Наполеон III командующему французским десантом в Мексике, генералу Форай, в 1861 году:

«... При настоящем положении мировой цивилизации благоденствие Америки не может быть чуждо Европе, так как она питает нашу промышленность и дает жить нашей торговле... Мы совсем не заинтересованы в том, чтобы Соединенные Штаты распространяли свою власть на Мексиканский залив, господствуя оттуда над Антильскими островами и Южной Америкой, будучи единственными распределителями продуктов Нового Мира... Если же при помощи

Франции образуется в Мексике устойчивое правительство, то этим мы поставим непреодолимую преграду Соединенным Штатам... Что касается князя, который сможет занять трон Мексики, то он будет всегда принужден работать на благо Франции... так как он сможет удержаться у власти только благодаря нашему влиянию...»¹.

Итак, мы видим, что Наполеон выступает по отношению к Мексике в роли защитника интересов Европы и французской буржуазии перед все возрастающим могуществом Соединенных Штатов.

Политическим средством для защиты интересов французской буржуазии и свежее испеченной французской империи Наполеон избирает установление «сильного монархического правительства» в Мексике.

Эту идею внушили правительству Наполеона находившиеся в Париже представители мексиканских консерваторов, во главе которых стоял генерал Мирамон.

Идея установления в Мексике монархии зародилась в головах мексиканских консерваторов уже давно; особенно ярым сторонником ее было мексиканское духовенство.

Пятьдесят лет борьбы с либералами показали, что мексиканское духовенство не в силах справиться с либеральным движением без внешней помощи. Здесь самым надежным помощником являлась бы архикатолическая Испания, но она была слишком слаба. И поэтому духовенство обращает свои взоры на новую звезду, Наполеона III, могущественного католического монарха, который сумел «раздавить якобинскую гидру» во Франции.

Наполеон, упоенный недавним успехом Крымской кампании, взялся с энергией за составление новой коалиции для вмешательства в мексиканские дела. Это дело удалось ему на первых порах благодаря тому обстоятельству, что Бенито Хуарец, очутившись после повторной борьбы с консервато-

¹ Mexico a Través de los Siglos”, т. V, стр. 548.

рами перед пустотой в мексиканской казне, объявил в начале 1861 года перерыв на два года в платежах по обязательствам Мексиканской республики.

Эти иностранные займы давались Мексике на неслыханно ростовщических условиях. От двух первых займов, заключенных в Англии в 1823 и 1824 годах, Мексика получила деньгами и товарами лишь 11 000 000 пезо, дав обязательств на 32 000 000. Еще хуже обстояло дело с займом, заключенным в Париже одним из кратковременных консервативных «правительств» при посредстве банкирского дома «Жекер и К^о». По этому займу «правительство» дало обязательств на сумму в 15 000 000 пезо, а получило фактически лишь 64 800 пезо.

Такова была культуртрегерская роль европейского капитала в Мексике. Неудивительно, что либерал Хуарец не мог платить по таким займам.

Когда Бенито Хуарец объявил о приостановке платежей по обязательствам на два года, то три из европейских государств оказались заинтересованными в этом вопросе: Англия, Франция и Испания. И вот Наполеону III удалось добиться заключения так называемого Лондонского соглашения от 31 октября 1861 года, которое между прочим гласит:

«§ 1. Ее величество королева Испании, его величество император французов и ее величество королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии обязываются согласиться немедленно после подписания настоящего соглашения насчет необходимых распоряжений для отправления к побережьям Мексики комбинированных морских и сухопутных сил, количество которых должно быть определено последующим обменом мнений между правительствами, но общая численность которых должна быть достаточна для взятия и оккупирования различных крепостей и военных позиций побережья Мексики.

Начальники союзных сил будут между прочим уполномо-

мочены осуществлять те дальнейшие операции, какие, после того как они придут на место, покажутся им наиболее приемлемыми для реализации... настоящего соглашения, а в особенности для того, чтобы не подвергать риску безопасность иностранных резидентов.

§ 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются, употребляя эти меры понуждения, предвиденные в этом соглашении, не искать для себя никакого территориального приобретения и никакой специальной выгоды, а также не оказывать никакого давления на внутренние дела Мексики, могущего уменьшить право мексиканской нации в выборе и свободной организации формы своего правительства.

§ 3. Будет учреждена комиссия из трех комиссаров, назначенных каждой из договорившихся держав, с полным правом решать все вопросы, которые могут возбудить употребление и раздел сумм, которые должны быть получены в Мексике,—имея в виду соответствующие права договорившихся сторон.

§ 4. Высокие договаривающиеся стороны, желая кроме этого, чтобы меры, долженствующие быть принятыми, не носили исключительного характера, и зная, что правительство Соединенных Штатов, так же, как и они, имеет претензии к Мексиканской республике,—соглашаются, что сейчас вслед за оформлением настоящего соглашения одна копия его посылается правительству Соединенных Штатов с предложением присоединиться к предполагаемым мерам»¹.

Таким образом, для того чтобы заставить правительство Мексики платить деньги по всем этим займам и обязательствам, заключенным на таких драконовских условиях,—три европейских державы предприняли вооруженную интервенцию.

В этом договоре обращает на себя внимание отношение этих трех держав к Соединенным Штатам. Впервые, са-

¹ Pedro Pruned a, Guerra de México, Madrid, 1867.

мый момент заключения соглашения был выбран тогда, когда уже начиналась гражданская война в Соединенных Штатах, и договаривающиеся правительства отлично знали, что североамериканская держава не в состоянии сейчас заниматься мексиканскими делами. Кроме того эти три державы не договорились предварительно с Соединенными Штатами, а сперва заключают между собою соглашение об интервенции в Мексике и затем только, ставя Соединенные Штаты перед совершившимся фактом, предлагают им «присоединиться».

Ясно было, что три европейских державы совершенно не желали сотрудничества Соединенных Штатов в этой интервенции. Цитированное уже нами письмо Наполеона III к генералу Форай, написанное уже после этого соглашения, объясняет надлежащим образом причины этого нежелания со стороны Франции. Можно было сразу предвидеть, что Соединенные Штаты откажутся от участия в этой аванюре. Уже около сорока лет главным принципом иностранной политики Соединенных Штатов являлась доктрина Монроэ, и поэтому они не могли сочувствовать никакой интервенции европейских стран в дела американского континента.

Но на первых порах, когда Англия, Испания и Франция действовали согласно и когда дело касалось лишь взыскания «справедливых денежных претензий», Соединенные Штаты хотя отказались от участия в интервенции, но не опротестовали ее должным образом. Этому столь мягкому реагированию на покушение против доктрины Монроэ были две причины.

1. В Соединенных Штатах уже началась гражданская война, и правительству Севера, признанному Францией и Англией, не хотелось в столь опасный момент спорить с этими державами.

2. Эта интервенция была вызвана первоначально отсрочкой платежей по денежным обязательствам и по возмеще-

ниям за «убытки от революции». А так как для Соединенных Штатов те же поводы служили в прошлом для вмешательства в дела Мексики и они желали сохранить их на будущее не только для применения в мексиканских делах, но и для вмешательства в дела других латино-американских государств, то правительство Севера, правительство капиталистов не желало протестовать против законного права требовать с оружием в руках уплаты долгов и процентов.

Но все-таки другие факты говорят за то, что Соединенные Штаты были с самого начала против этой интервенции европейских держав в мексиканские дела. Факты эти следующие.

1. Соединенные Штаты ни на один момент не перестали признавать правительства Бенито Хуареца единственным законным правительством Мексики.

2. В ответ на просьбу Хуареца, обращенную к Линкольну, о помощи против интервенции последний ответил на имя своего представителя в Мексике:

«Президент желает горячо, чтобы политическое состояние Мексики как независимого государства оставалось таковым навсегда... Он решил уполномочить вас... заключить с правительством Мексиканской республики договор, коим правительство Соединенных Штатов принимает на себя платеж трехпроцентного консолидированного долга, который правительство этой страны имеет по отношению к держателям мексиканских бонов и который исчисляется в сумме около 62 000 000 пезо, в течение пяти лет от даты последнего декрета правительства Мексики, приостановившего платежи, с условием, что мексиканское правительство обязуется возместить Соединенным Штатам выплаченную указанным образом сумму с начетом 6%, обеспечивая этот платеж отдачей в залог всех публичных земель и права на копи в различных мексиканских штатах, а именно: в Нижней Калифорнии, Чигуагуа, Синалоа и Сонора, с тем, что эта заложенная собственность станет абсолютной собствен-

ностью Соединенных Штатов после истечения шести лет со времени исполнения этого договора, если вышеуказанное возмещение не состоится раньше этого срока. Обстоятельства столь новые и столь чрезвычайные делают необходимым это решение, так как мексиканский кризис не допускает затяжки»¹.

Рассматривая условия этой «помощи», ясно, что она должна была послужить для Соединенных Штатов средством нового закабаления Мексики. Приобретая права на упомянутые земли и копи, правительство Соединенных Штатов становилось бы фактическим хозяином всего севера Мексики, так как было достаточно ясно, что Мексика не будет в состоянии выплатить в течение шести лет этот долг. В данном случае Соединенные Штаты, не имея возможности воспрепятствовать европейской вооруженной интервенции, хотели заменить ее своей экономической интервенцией. Так или иначе, Соединенные Штаты с самого начала интервенции стали на сторону Мексики, считая эксплуатацию ее своей законной монополией.

Французская интервенция и Мексиканская империя.

Десанты союзной англо-французско-испанской интервенции заняли порт Вера-Круц. Но вскоре начались серьезные разногласия между интервентами-«державами». Главной причиной разногласий было то обстоятельство, что англичане не желали усиления французского империализма, который являлся вдохновителем интервенции. Вскоре союзная интервенция распалась, в Мексике остались одни французы.

Вскоре после распада англо-испано-французского союза французские войска заняли столицу Мексики. С ними вместе появились снова на сцене прибывшие из эмиграции лидеры мексиканских консерваторов. Между последними и

¹ Gutierrez de Lara, стр. 280—281.

французским командованием было заключено в городе Оризабе следующее соглашение:

«1. Бенито Хуарес не признается президентом республики.

2. Генерал Хуан Н. Альмонте назначается высшим начальником республики и всех сил, которые примкнут к этому соглашению.

3. Названный генерал уполномочивается войти в соглашение с начальником союзных сил, находящихся на территории республики, для созыва национального собрания, которое, принимая во внимание плачевное состояние страны, объявит такую форму правления, которая окажется самой подходящей»¹.

После занятия столицы французский командующий, генерал Форай, учредил «Совет трех», в состав которого был введен и архиепископ Мексики. Вскоре был созван «Совет нотаблей», состоящий из 250 человек—духовных, дворян и генералов; в состав его входили и представители французского командования.

Этот Совет принял следующее постановление.

«1. Нация принимает как форму правления наследственную умеренную монархию с католическим принцем на престоле.

2. Суверен будет носить звание императора Мексики.

3. Императорская корона предлагается его императорскому высочеству Фердинанду-Максимилиану, эрцгерцогу австрийскому, для него и его потомков.

4. В случае если, благодаря стечению непредвиденных обстоятельств, Фердинанд-Максимилиан не займет предлагаемого ему трона, мексиканская нация предлагает благоусмотрению императора Наполеона III указать католического принца, которому будет предложена корона»².

¹ P r u n e d a, La Guerra de México, стр. 144.

² L a z a r o G u t i e r r e z d e L a r a, стр. 292.

Через несколько месяцев прибыл в Мексику Максимилиан. Проезжая через Париж, он заключил особый договор с Наполеоном III. Вот самые интересные пункты этого договора:

«9. Расходы по французской экспедиции, которые мексиканское правительство обязуется возместить, устанавливаются сроком по 1 июля 1864 года в размере 270 000 000 франков. Эта сумма вплоть до ее возмещения должна приносить 3% ежегодно.

10. Возмещение, которое Мексика будет должна Франции после 1 июля 1864 года, будет равняться 4 000 реалей (1 000 франков) в год за каждого солдата; в эту сумму входят жалованье, питание и экипировка солдат.

14. Мексиканское правительство обязуется возместить убытки французским подданным, которые они понесли безвинно и которые послужили мотивом сей экспедиции»¹.

Кроме того перед отъездом из Европы Максимилиан заключил особый заем в Лондоне на номинальную сумму в 8 000 000 фунтов стерлингов, из которых получил наличными лишь одну десятую часть (800 000); все остальное пошло на комиссионные куртажи, уплату вперед процентов и т. п.².

Призвание в Мексику французов и Максимилиана было, как мы видели, делом французского империализма совместно с мексиканскими консерваторами. Но последние вскоре стали разочаровываться в новом положении дел.

Еще до прибытия Максимилиана в Мексику Регенция («Совет трех») должна была подтвердить декретированную «Законами о реформе» распродажу церковных имуществ, так как новому правительству деньги нужны были дозарезу. Распродаже подлежали не только поместья и недвижимое имущество, но и драгоценная утварь многих церквей

¹ Pruneda, La Guerra de México, стр. 251.

² Gutierrez de Lara, стр. 298.

(только кафедральные соборы и приходские церкви были освобождены от конфискации утвари). Эта распродажа в обстановке интервенции и гражданской войны вызвала тяжелый кризис. Новые владельцы получили в свои руки бывшие раньше собственностью духовенства ипотечные суммы. В результате квартирная плата сильно повысилась, и это вызвало большое недовольство. Понятно, что прежде всего эти меры вызвали большое недовольство среди духовенства, которое благодаря этому значительно охладело к новой монархии. Мексиканский архиепископ Лабастида выступил из Регенции¹.

Внешний долг Мексики увеличивался все более и более. При посредстве парижского банкирского дома «Перер и Фульт» была открыта подписка на новый шестипроцентный заем для Мексики, реализованный по 70 за 100.

Чтобы доставать средства на все возрастающие платежи по обязательствам и военные расходы, правительство Максимилиана должно было повысить налоги и снова ввести отмененную «Законами о реформе» ненавистную табачную монополию. О налоговых тягестях населения дает некоторое понятие бюджет империи на 1865 год, который представлялся в следующем виде:

Внешние таможи.....	9 000 000	пезо.
Налог на собственность.....	4 000 000	“
Личный налог.....	1 600 000	“
Патенты и промысловые свидетельства.	1 600 000	“
Внутренние таможи.....	5 500 000	“
Копи.....	1 600 000	“
Табачная монополия и другие регалии...	2 800 000	“

С прочими статьями дохода бюджет едва доходил до 28 000 000 пезо. Максимилиан, с целью укрепить положение империи, дал Мексике сравнительно либеральную конституцию, которая подтверждала равенство всех граждан

¹ Pruneda, La Guerra de México, стр. 232—233.

перед законом, свободу религиозных культов, свободу образования и свободу печати.

Равным образом Максимилиан подтвердил законы о дезамортизации и секуляризации. Единственной существенной уступкой, сделанной консерваторам, была отмена федеральной системы: вместо штатов государство делилось сейчас на пятьдесят департаментов, управляемых назначаемыми короной чиновниками.

Все эти законы и декреты вызвали громадное недовольство со стороны католической церкви. Ватикан в ноте, подписанной кардиналом Антонелли, требует между прочим:

- 1) чтобы были возвращены все церковные имущества;
- 2) чтобы была восстановлена церковная «десятина»;
- 3) чтобы образование оставалось монополией духовенства;
- 4) чтобы была отменена свобода других религиозных культов;
- 5) чтобы церковь была независима от государства¹.

Начало 1865 года—это разрыв между Максимилианом и духовенством; зато императору удалось расколоть либералов.

Последние боролись сначала с упорством и энергией. Хуарец, преследуемый войсками французов и Максимилиана, переносит свою столицу из штата в штат, везде неутомимо организуя партизанскую войну. В этом отношении большие услуги оказывала ему национальная гвардия, организация которой началась еще до союзной интервенции, во время войны с консерваторами.

Мексиканский историк Лазаро Гутьеррес де-Лара утверждает, что во время этой войны против Максимилиана Хуарец во многих местах конфисковал имения «врагов революции» и передавал их крестьянам².

¹ Pruneda, La Guerra de México, стр. 222, 232.

² Lazaro gutierrez de Lara, стр. 299 (автору не удалось найти

Несмотря на неутомимость и энергию Бенито Хуареца, дела либералов пошли довольно плохо. В начале 1865 года Хуарец и его сторонники были почти вытеснены из всей Мексики и держались лишь на небольших участках мексиканской территории на северо-западе, вблизи американской границы.

Главной причиной этих неудач либеральной партии была сравнительно либеральная политика первой половины царствования правительства Максимилиана—политика, благодаря которой многие либералы покинули лагерь Хуареца и примкнули к императору.

Но летом 1865 года положение стало резко изменяться в пользу либералов.

В Соединенных Штатах гражданская война подходила к концу: капиталистический Север одержал победу над феодально-рабовладельческим Югом.

Победив, северяне стали уделять больше внимания мексиканским, делам. В июле 1865 года конгресс Соединенных Штатов подтвердил признание единственным законным правительством Мексики правительство Хуареца и решил оказать ему всемерную поддержку.

В сентябре 1865 года банкирский дом «Джон Корлисс и К⁰» в Нью-Йорке дал правительству Хуареца заем в 30 000 000 мексиканских пезо на 6%. Кроме того некоторые общественные организации организовали ему доставку оружия. Американское правительство разрешило добровольцам из американских граждан идти в ряды мексиканской республиканской армии.

Кроме того правительство Соединенных Штатов вступило на путь дипломатической интервенции, требуя от Наполеона III увода французских войск из Мексики. Инте-

подтверждений этих фактов в других источниках).

ресна мотивировка этого требования.

«Главной причиной этого недовольства (оккупации Мексики) не является присутствие в ней иностранных войск и еще менее— французской армии. Мы признаем право, которое имеют все нации, объявлять друг другу войну, пока не нарушаются наши права и наше влияние.

Настоящая причина недовольства Соединенных Штатов состоит в том, что французская армия, вторгнувшись в Мексику, атакует республиканское правительство, глубоко симпатичное для Соединенных Штатов и избранное нацией, с целью заменить его монархией, которая, пока существует, будет рассматриваться как угроза против наших собственных республиканских учреждений»¹.

Одним словом, здесь мы видим попытку со стороны Соединенных Штатов защищать «право наций на самоопределение». А между тем Соединенные Штаты до и после этого столько раз нарушали это право, что в данной ноте искренность их чрезвычайно сомнительна. Дело представлялось гораздо проще. Соединенные Штаты не желали вмешательства Европы в дела Америки вообще, а в особенности в дела Мексики, своего ближайшего соседа.

Так или иначе, в результате не только дипломатической интервенции Штатов, а и угрожающего положения в Европе (усиление Германии, Прусско-датская и Прусско-австрийская войны), правительство Наполеона решило отозвать свои войска из Мексики. Это решение произвело панику в среде мексиканских монархистов. Этой панике поддался и Максимилиан и, желая поправить свои дела, бросился в объятия консерваторов и духовенства, кончая с ли-

¹ Ответная нота м-ра Сюарда, государственного секретаря Соединенных Штатов, французскому министру иностранных дел, Монтолону, Вашингтон, 6 декабря 1865 года. Цитирую по книге Прунеды, стр. 378.

беральной политикой.

Либералы, получая от Соединенных Штатов помощь оружием, деньгами и людьми, овладевали все большей и большей частью мексиканской территории. Весной 1867 года войска Хуареца стали со всех сторон подступать к столице. Максимилиан лично принял командование над француско-мексиканскими силами (часть французских войск еще не была выведена из Мексики) и был осажден либералами в городе Керетаро. После мужественной защиты город был взят республиканцами, и Максимилиан, несмотря на дипломатическую интервенцию в его пользу со стороны дипломатического корпуса и даже правительства Соединенных Штатов, был расстрелян по приговору военного суда.

Мексиканская империя была первой открытой попыткой иностранного империализма взять Мексику под свой контроль. Недаром важнейшим поводом для союзной интервенции явился вопрос о необходимости «урегулирования» платежеспособности Мексики по внешним обязательствам. Мы видели уже, на каких условиях давались Мексике эти займы: Мексика должна была служить источником быстрого обогащения разных иностранных капиталистов-авантюристов. Для все более растущей силы международного финансового капитала нужна была новая форма эксплуатации—полукolonии.

Торговый капитал в первую эпоху капитализма знал только колонии. Финансовый же капитал наряду с продолжением эксплуатации организованных торговым капиталом колоний создает новую форму—полукolonий.

Сильное развитие промышленности в странах, где прочно утвердился уже капитализм, поглощает излишек местного населения и не создает благоприятной обстановки для массовой эмиграции из этих стран.

Начиная со второй половины XIX столетия эмиграция в

Америку сильно уменьшается из Великобритании, Голландии и Франции; с тех пор главным поставщиком ее являются Германия, Австро-Венгрия, Ирландия и славянские страны, а еще позднее—Китай и другие азиатские страны.

Английскому и французскому империализму неоткуда поэтому брать массы, которые доставляли бы материал для полного завоевания и «поддержания порядка» новых колоний. И так требуется много усилий для продления их господства в старых колониях. Поэтому создание новых, громадных колоний слишком трудно и дорого для новой мировой силы—финансового капитала, и его политической организации—империализма. Поэтому для подчинения своей эксплуатации новых стран он выбирает новую форму—полукolonий.

В чем выражается эта новая форма господства капитала?

В сохранении формальной независимости покоряемых стран, но во введении туда финансово-экономического контроля.

Полуколония имеет обычно свое «правительство», свою «конституцию», свое войско и свою администрацию.

Но все это—администрация, войско и конституция должны являться агентами иностранного капитала.

Мексика, как и другие страны испанской Америки, весьма пригодна для превращения в полуколонию, так как у нее нет собственной национальной буржуазии, способной сопротивляться иностранному экономическому контролю.

И вот мы наблюдаем первое нападение империализма на Мексику: Франция пожелала господствовать здесь через правительство «мексиканского императора» Максимилиана.

Интересно следующее обстоятельство: в союзе с французской империей оказались мексиканские феодалы—духовенство и аристократия. Тем не менее Максимилиан, ставленник иностранного империализма, должен был пра-

вить либеральными методами, так как продление феодального господства в полном объеме в Мексике не совсем соответствовало интересам французской буржуазии. Последней нужно было «свободное обращение земель», против чего так решительно боролось всегда мексиканское духовенство.

Первым шагом иностранного капитализма в Мексике было финансовое закабаление этой страны; затем последовала вооруженная интервенция. Последняя имела целью дальнейшее финансовое закабаление страны и эксплуатацию натуральных богатств Мексики иностранным капиталом, но руками мексиканских крестьян и рабочих.

Французская интервенция потерпела крушение, так как ей помешал новый, нарождающийся империализм Соединенных Штатов Северной Америки. Он пока что был, правда, слабее европейского, но находился по соседству с Мексикой, и поэтому ему было легче проникнуть туда.

Еще сорок лет до этого, в 1823 году, североамериканский капитализм создал свою империалистскую теорию, доктрину Монрое, с лозунгом: «Америка для американцев». Так как единственным капиталистическим государством в Америке являлись Соединенные Штаты, то этот лозунг практически звучал: «Вся Америка для Соединенных Штатов».

Так как Соединенные Штаты в течение многих лет были заняты внутренней борьбой против феодально-рабовладельческого Юга, они долгое время не могли осуществить этот империалистский лозунг. Сперва надо было покончить с Югом. Это была серьезная борьба—борьба за диктатуру капитализма внутри Соединенных Штатов.

Но после победы над Югом, когда капитализм восторжествовал в полном объеме, Соединенные Штаты изгоняют Францию из Мексики. Это был первый серьезный шаг к

осуществлению империалистического лозунга Монрое.

Однако этим шагом Соединенные Штаты не изгоняли в полной мере иностранного капитала из Мексики. Их собственный капитал был еще слишком слаб, чтобы в это время претендовать на монопольное владение Мексикой. Вмешательство Соединенных Штатов в дела Мексики против Европы имело на сей раз целью политический контроль над Мексикой. Этот политический контроль должен был создать самые благоприятные условия для проникновения в Мексику американского капитала.

ГЛАВА V.

ДИКТАТУРА БЛОКА ПОМЕЩИКОВ И ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА.

Мексиканская революционная мелкая буржуазия была слишком слаба для окончательной победы над консерваторами. Проведенные правительством «якобинца» Бенито Хуареца законы о дезамортизации земли, которые должны были создать сильный класс средних и мелких земельных собственников, привели как раз к обратному—к расхищению духовных и индейских земель разного рода спекулянтами, разбогатевшими от казнокрадства чиновниками, адвокатами, «генералами» и иностранными хищниками.

«Законы о дезамортизации распространялись не только на имущества духовенства, но и на индейские коммунуны, потому что хотя ст. 8 говорит об изъятии из-под действия этих законов зданий, земель и «эхидос», предназначенных для общественных целей, но ничего не говорит об исключении индейских общественных земель и индейских наделов. Для большей ясности ст. 11 регламента к этим законам (опубликованного 25 мая 1856 года) безоговорочно подводит под дезамортизацию общины и наделы туземцев»¹.

Законы о дезамортизации отнюдь не благоприятствовали переходу имений духовенства к тем лицам, которые до тех пор арендовали их.

«Арендаторы, желая приобрести в собственность арендуемое ими духовное имение, должны были прежде всего внести в казну 5% его стоимости в виде пошлины, кроме того—уплачивать ежегодно шесть процентов от стоимости этого имения вплоть до ее погашения, а также издержки судопроизводства по присуждению им этих имений. Если они

¹ L. Mendieta y Nunez, El problema agrario de México, México 1926, стр. 68.

в течение трех месяцев со дня опубликования закона не исполняли этих условий, тогда являлся на сцену «доноситель», который докладывал судебным властям, что такой-то арендатор незаконно владеет таким-то имением. Тогда имение продавалось с публичных торгов, и одна восьмая выручки шла в вознаграждение доносителю. Обычно последний являлся покупателем имения с торгов. Эти доносители были обычно люди с деньгами, занимавшиеся доносительством, чтобы скупать за бесценок имения, а так как закон не ограничивал количества имений, могущих быть приобретенными одним лицом, то доносители превращались в крупных латифундистов.

Кроме того духовенство подвергало анафеме всех тех, которые покупали духовные имущества. Но эта анафема фактически распространялась лишь на мелких арендаторов и вообще на мелкоту. Крупный спекулянт-доноситель всегда откупался от анафемы какой-нибудь суммой, пожертвованной духовенству¹.

Параграф 27 Конституции 1857 года запрещал всяким духовным и гражданским корпорациям владеть недвижимым имуществом, администрировать таковое или же владеть ипотечными суммами. Этим пользовались земельные спекулянты, влиявшие на суды, дабы те подводили индейские общины под понятие «гражданских корпораций» и объявляли занятые ими земли «свободными»².

Благодаря всему этому началась вакханалия хищения духовных и коммунальных земель разного рода спекулянтами. У нас нет данных, каким изменениям подвергалось в период 1857—1877 годов индейское землевладение, но зато мы можем проследить влияние законов о деэмортизации, даже еще в период правления «якобинцев», на состояние владения хуторян («ранчерос»).

¹ Ibidem, стр. 69 — 70.

² Ibidem, стр. 73.

В 1854 г. было поместий.....	6 092
В 1854 г. было хуторов.....	15 085
В 1976 г. было поместий.....	5 700
В 1876 г. было хуторов.....	13 800 ¹

Замечающееся здесь некоторое уменьшение количества крупных поместий объяснить легко: большинство поместий в 1854 году было в руках духовенства; благодаря законам о деэмортизации многие помещики и спекулянты объединяли несколько соседних поместий в одно.

Но чрезвычайно интересно уменьшение количества хуторов. Казалось бы, что распродажа духовных имуществ должна была бы увеличить количество мелких и средних земельных владений. А тут произошло как раз наоборот—число последних уменьшилось. Очевидно, благодаря только что описанным нами условиям проведения в жизнь законов о деэмортизации не только все бывшие духовные имения, но и некоторое количество хуторов перешло к помещикам и спекулянтам.

Таким образом «якобинская» интеллигенция в период своей власти не только не сумела привлечь к себе индейцев, наделив их землей, но даже потеряла своего старого союзника—хуторянина. Неудивительно, что она не могла противостоять долго ударам реакции, особенно когда последняя стала получать сильную поддержку от иностранных капиталистов.

Мы видели, что в эпоху нашествия на Мексику французов Соединенные Штаты поддерживали мексиканских либералов. Тогда эта поддержка диктовалась условиями момента: надо было бороться против вторжения в Америку европейского влияния, а так как последнее поддерживалось мексиканскими консерваторами, то Соединенные Штаты могли опираться лишь на либералов.

Но через десять лет условия резко изменились. Европа

¹ Ibidem, стр. 84 — 85.

уже не думала больше о нашествии на Мексику. Североамериканские капиталисты могли спокойно заняться эксплуатацией этой сказочно богатой страны. Но для полного успеха этой эксплуатации нужно было иметь в Мексике:

«1) стабилизированное правительство;

2) правительство, содействующее иностранной эксплуатации».

Никакому из этих двух условий не отвечало «якобинское правительство».

Вопервых—оно было слишком слабо, чтобы покончить с «революционной анархией», во вторых—«якобинцы» были ярыми патриотами-националистами и не желали никакого иностранного засилья в Мексике.

Иностранный капитал стремился к тому, чтобы выкачивать из Мексики массы дешевого сырья. Для достижения этой цели необходима организация самой жестокой эксплуатации крестьянских масс населения. В этом и состоит колониальная экономическая политика.

Но для такой цели не годится либеральное мелкобуржуазное правительство. Эксплоатации колоний и полуколоний организуется обычно при помощи местных феодалов—помещиков и духовенства. Оба эти сословия вполне заинтересованы в бесчеловечной эксплуатации крестьянских масс и готовы за эту цену помириться с господством иностранцев. Иностранные империалисты отнюдь не заинтересованы в рождении и развитии туземной буржуазии. Из либеральных завоеваний они принимают отмену внутренних пошлин, отмену других феодальных стеснений, установление «свободного обращения земель» и т. п. Но здесь конец их либерализму.

Для того чтобы эксплуатировать крестьянство и воспрепятствовать развитию туземной буржуазии, империалисты стараются сохранить аграрный характер Мексики. Производство массы дешевого сырья иностранными капиталиста-

ми вполне превращает последних в крупных помещиков: организация плантаций, лесные, горные и нефтяные концессии—все это требует широких земельных концессий. Поэтому большинство иностранных концессий в полуколониях имеет полуфеодальный характер.

Вот почему наряду с вторжением иностранного капитала в Мексику, как и в другие страны латинской Америки, мы наблюдаем частичное возрождение феодализма.

Это частичное возрождение колониального феодализма должно было осуществиться военно-полицейской диктатурой блока помещиков и иностранных капиталистов. Последние начали искать «диктатора». Выбор их пал на генерала Порфирио Диаса.

Диас был долголетним сподвижником Бенито Хуареца и отличился в войне против французов и Максимилиана. Но после победы над последним, когда власть перешла к «штатским», Порфирио Диас счел себя обиженным и начал группировать около себя военных, недовольных «гражданской диктатурой». Потерпев два раза поражение на выборах в президенты, Диас в 1875 году прибегнул к открытому восстанию.

Для того чтобы расколоть «сильную» либеральную партию, Диас сначала рисовал себя еще большим революционером, чем творцы Конституции 1857 года. В опубликованном им в 1876 году так называемом «Плане Тукстепек» он в первом пункте требовал:

«Изменить Конституцию в том смысле, чтобы запретить переизбрание на должность президента республики и губернаторов штатов».

Ясно, что Диас был против переизбрания старых президентов лишь потому, что сам хотел стать на их место.

На связь Диаса с американскими капиталистами указывают следующие факты.

1. Когда в 1876 году правительственные силы Мексики

начали теснить Диаца, он, будучи в Тампико, дабы не попасть в плен, нашел убежище на американском пароходе.

2. Будучи в изгнании в 1875 и 1876 годах, он имел частые совещания в городе Бронзвиле (в Техасе), с американскими капиталистами, а в особенности с теми, которые интересовались железнодорожными концессиями.

3. Одним из первых его актов несколько дней спустя после захвата власти было предоставление иностранным капиталистам двух железнодорожных концессий¹.

Генерал Порфирио Диац—новый тип в истории Мексики, тип консерватора, прикрывающегося либеральными фразами и формулами. Ортодоксальные консерваторы, выступавшие открыто консервативную программу, сошли с мексиканской политической сцены вместе с падением империи Максимилиана. Поражение их знаменовало конец консервативной ориентации на Европу. Отныне все надежды мексиканских консерваторов будут возлагаться на Соединенные Штаты.

Проникновение иностранного капитала в Мексику.

Иностранному капиталу нужны были прежде всего железные дороги для вывоза сырья из Мексики. Начинается вакханалия железнодорожных концессий. Частные компании (английские и американские), предпринимавшие постройку этих дорог, получали: 1) правительственные субсидии в весьма значительных размерах; 2) право бесплатного отчуждения земель для прокладки дорог; 3) право самим устанавливать направление дорог; 4) (во многих случаях) пользование принудительным трудом окрестного населения за плату в 50 сентавос в день.

Вот образцы некоторых концессий.

1. Две концессии на железные дороги между столицей и Соединенными Штатами (Эль-Пасо—Мексико и Ларедо—

¹ Lazaro Gutierrez de Lara, стр. 325 — 330.

Мексико), данные одна—американской, другая—английской компании вначале правления Диаца, в 1877 году. Концессионеры: а) пользовались принудительным трудом за 50 сентавос в день; б) получили даром земли; в) сами выбрали направление; г) получили субсидию по 8 000 мексиканских пезо на каждый километр постройки на ровной местности и по 20 000—на гористой.

2. Английский спекулянт Эдуард Мурдо получил концессию на железную дорогу между Мексиканским заливом и Тихим океаном на протяжении 300 км. Кроме упомянутых в предыдущем случае трех первых условий, Мурдо получил субсидию от правительства в размере 13 500 000 мексиканских пезо.

3. Вильям Пирсон (теперешний лорд Каудрей), помимо субсидии в 15 000 000 пезо, получил право эксплуатации построенной им дороги в течение пятидесяти одного года¹.

В 1908 году правительство Диаца постановило выкупить частные железные дороги. Автор этого проекта, министр финансов Лимантур прибег к весьма своеобразному методу «национализации».

Так как между разными железнодорожными компаниями существовала конкуренция, то Лимантур содействовал покупке акций какой-нибудь одной из конкурирующих компаний, обычно—более могущественной. Когда эта компания приобретала большинство акций конкурентов, Лимантур искал еще более могущественную компанию, которой он содействовал путем правительственных субсидий в приобретении акций того предприятия, которое только что вышло победителем из своей борьбы с конкурентами. Результат всей этой комбинации был следующий:

1) большинство железнодорожных акций перешло в руки могущественного треста, во главе которого стоял дом «Спир и К^о» (Нью-Йорк—Лондон);

¹ Gutierrez de Lara, стр. 328, 372 — 374.

2) правительство должно было оказаться владельцем 51% всех железнодорожных акций, взяв на себя обязательства на сумму в 230 000 000 пезо¹;

3) за эту сумму правительство приобретало лишь железнодорожные линии и станционные постройки, подвижной же состав оставался в руках частных акционеров.

Враги Лимантура утверждают, что во всем этом деле он был просто агентом дома «Спеер и К⁰»

Для характеристики самого Лимантура, который был, кстати, лидером так называемой «Партии ученых», сотрудничавших с правительством Диаца, следует привести одно место из его доклада от 1908 года на имя президента.

«Нация страдает в своем кредите—в стране, имеющей все данные для выгодного вложения иностранных капиталов, когда тысячи человек теряют свои деньги, покупая акции и облигации...

Нельзя терять из виду, что иностранцы судят о благосостоянии страны по котировке титулов публичного долга и акций железных дорог»².

Воистину теория, достойная человека, который стремился создать из Мексики колонию для иностранного капитала.

В этом докладе Лимантура обращает на себя внимание одна характерная подробность: компания, строящая железную дорогу «Тэуантепек» и получившая для этого правительственную субсидию (о ее размерах Лимантур скромно умалчивает), обанкротилась.

Каковы были результаты железнодорожного строительства времен Диаца?

Мексика получила сравнительно значительную сеть железных дорог. К 1910 году длина сети составляла 24 646 км, т. е. сеть не менее густая, по отношению к пространству Мексики, чем таковая в Европейской России.

¹ Благодаря падению правительства Диаца и мексиканской революции сделка эта не была оформлена окончательно.

² A. M a ñ e r o , El antiguo Régimen y la Revolución, стр. 65.

В 1873 году пробег поездов был 539 460 км, и перевезено пассажиров 723 834, груза перевезено было 150 473 тонны.

В 1902 году пробег—15 135 479 км, пассажиров—12 886 126, груза—8 488 369 тонн.

Но наряду с этим прогрессом бьют в глаза и отрицательные стороны этой системы железнодорожного строительства.

Все дороги строились иностранцами для целей экспорта или же, в некоторых случаях, со стратегической целью на случай интервенции со стороны Соединенных Штатов. В результате железные дороги, несмотря на сравнительную густоту сети, весьма скверно обслуживают потребности населения Мексики и мексиканского государства. Так, например, некоторые южные штаты Мексики (Юкатан, Кинтана-Роо, Табаско и Чиapas) и один западный (Нижняя Калифорния) совсем не связаны железной дорогой с центром и другими штатами Мексики.

Вслед за железными дорогами иностранный капитал стал овладевать организацией мексиканского кредита.

В 1882 году был основан Мексиканский национальный банк: он был основан Э. Нетцлином, комиссионером Франко-Египетского банка; большинство его капитала принадлежало и принадлежит по сей день французам.

В том же самом году был основан, также французским капиталом, Меркантильный банк Мексики.

В 1884 году оба вышеназванных банка слились в один, образуя Национальный банк Мексики, с основным капиталом в 20 000 000 мексиканских пезо. Этот банк все время диктатуры Диаса играл самую существенную роль в контроле над мексиканским кредитом.

Также в 1882 году был основан Ипотечный банк, с капиталом в 800 000 мексиканских пезо. В 1888 году этот банк благодаря притоку американских капиталов увеличил свой капитал до 5 000 000 пезо.

К 30 июня 1910 года капиталы всех банков Мексики возросли до 172 765 400 мексиканских пезо; резервные фонды возросли до 61 461 426 мексиканских пезо.

Ипотечные банки выпустили к тому же сроку боны на сумму 44 904 600 мексиканских пезо; сумма займов под ипотеки возросла к тому времени до 46 872 918 мексиканских пезо.

Нужно отметить, что к этому времени почти все боны ипотечных займов обращались за границей, главным образом в Соединенных Штатах ¹.

Что касается владельцев капиталов всех этих банков, то на первом месте здесь идут французы, затем испанцы, англичане, американцы, голландцы и т. д.

Нефть была открыта в Мексике лишь в 1900 году. Первая компания, начавшая ее эксплуатацию, была английской, но вскоре появились американцы.

За время диктатуры Диаса добыча нефти не успела еще развернуться, что показывают следующие цифры:

В 1908 году было добыто нефти.....	625 262	куб. м
В 1909 “ “ “ “.....	431 399	
В 1910 “ “ “ “.....	577 755	

(В то время как в 1921 году было добыто 30 862 752 куб. м.)

Горная промышленность, несмотря на ее давнишнюю эксплуатацию испанцами и мексиканцами, стала во время Диаса быстро переходить в иностранные руки. Все новые шахты с современным техническим оборудованием находятся в руках иностранцев, особенно американцев. В руках испанцев и мексиканцев остались лишь старые, плохо оборудованные шахты, которые сейчас дают лишь незначительную часть горной продукции, да и то многие из них находятся в

¹ Все эти данные о банках взяты мною из упомянутой книги. А. М а - н е р о , стр. 20 — 37.

финансовой зависимости у иностранного капитала. Нам не удалось добыть статистических данных по владению горно-заводскими предприятиями, относящихся к концу режима Диаса, но в 1920 году на 180 горных компаний 72 принадлежали американцам, а из остальных 45 находились в зависимости от американского капитала.

Экономическая политика иностранного капитала в Мексике была направлена всегда на добывание и вывоз оттуда больших масс ценного сырья, и поэтому иностранный капитал концентрировал свои усилия на добывающей промышленности, транспорте и кредите.

Весьма слабо иностранный капитал интересовался обрабатывающей промышленностью, поэтому последняя не получала широкого развития. Этому мешала также близость Соединенных Штатов, откуда, например, ввозилось почти все оборудование для железных дорог.

Единственной отраслью обрабатывающей промышленности, которая получила некоторое развитие, была текстильная, имевшая в Мексике очень хорошие условия для своего развития благодаря существованию довольно богатых хлопковых плантаций. К концу режима Диаса в этой отрасли промышленности работало около 40 000 рабочих. Большая часть капитала этой отрасли очутилась в руках испанцев и французов.

Нужно отметить, что развитию текстильной промышленности способствовали еще высокие ввозные пошлины на иностранные изделия. Пошлины эти устанавливались правительством не столько с целью покровительства местной промышленности, сколько затем, чтобы казна получала доходы (пошлины в Мексике всегда составляли львиную часть государственных доходов).

Безусловной экономической заслугой правительства Диаса была отмена внутренних пошлин. Последние были, правда, уже отменены Конституцией 1857 года, но благода-

ря постоянным «революциям» и финансовым затруднениям правительств эта мера была проведена в жизнь лишь в 1895 году.

Один из апологетов Диаца, Антонио Манеро считает, что эта отмена внутренних пошлин была главной причиной усиления внешней торговли Мексики, оборот которой возрос с 154 083 000 мексиканских пезо (в 1892 году) до 410 723 000 (в 1902 году).

Одним из главных орудий экономического и политического порабощения Мексики иностранным капиталом был всегда мексиканский внешний долг.

К 1862 году этот долг составлял около 69 000 000 пезо, к нему надо еще прибавить американский заем, данный Хуарецу в 1866 году, в сумме около 40 000 000 пезо.

Проценты, конечно, платились весьма нерегулярно, благодаря чему этот долг нарастал все более и более.

В 1885 году Диац проводит консолидацию этого долга. Так как эти долговые обязательства были приобретены многочисленными друзьями и приятелями правительства, то консолидация была проведена на условиях весьма выгодных для держателей бонов, но весьма невыгодных для мексиканского государства.

Долг был консолидирован, в сумме 191 385 781 мексиканских пезо. Но кроме этого держатели бонов получили еще одну, чрезвычайно странную привилегию—они получили право покупать «свободные земли» за 35% их фискальной оценки, несмотря на то, что последняя была и так чрезвычайно низка (3—7 сентавос за гектар)¹. Эта привилегия, как мы увидим дальше, являлась важным фактором в деле расхищения индейских и казенных земель.

Кроме того Диац заключил в 1904 году новый заем. Интересно отметить тот факт, что этот заем был заключен при посредстве дома «Спеер и К^о» в Нью-Йорке, т. е. той самой

¹ Lazaro Gutierrez de Lara, стр. 342 — 244 и 348 — 349.

компании, которая «помогала» министру финансов Лимантуру в деле «национализации» железных дорог. Заем был заключен на сумму в 49 000 000 американских долларов, сроком на пятьдесят лет, по 4%, и был выпущен на рынок по цене в 89% номинала. Но следует прибавить, что львиная доля этого займа пошла на погашение прежних краткосрочных займов, которые были заключены на гораздо худших условиях.

Таким образом, импортированный капитализм стал развиваться в Мексике на всех парах, проникая по всем направлениям. Но самой интересной и жестокой формой его проникновения явилось расхищение крестьянских земель.

Расхищение земель.

Как мы видели, расхищение земель началось уже до правительства Диаса, так как законы о деэмоционации давали ему широкое поле. Но ранее иностранный капитал принимал весьма незначительное участие в этом расхищении, благодаря чему оно не могло в это время достигнуть грандиозных размеров. Лишь режим Диаса—режим фактической диктатуры иностранного капитала и его агентов помещиков—довел эти хищения до неслыханных размеров.

Прежде всего правительством Диаса были проведены два закона, от 3 мая 1878 года и от 15 декабря 1883 года, с целью «облегчения иностранцам колонизации Мексики». Законы эти разрешали образование компаний «с целью измерять и разграничивать незанятые земли». Те, которые исполняли эту работу, получали «в награду» даром одну третью часть разграниченной таким образом «незанятой» земли. После производства этой операции оставшиеся две трети «незанятых» земель продавались по весьма низкой цене (3—7 сентавос за гектар) желающим колонизировать их, с одним лишь условием—чтобы площадь продаваемой таким образом земли в одном месте, од-

ному лицу и одной компании не превышала 2 500 га ¹.

Постройка железных дорог повела к повышению цен на земли, что послужило в свою очередь новым мотивом спекулятивной земельной горячки.

Чтобы показать, как производилось «измерение и разграничение», существует много характерных иллюстраций. Выбираем лишь одну: деятельность разграничительной компании в долине Папантля, штата Вэра-Круц ².

«Эта долина является одной из самых богатых в республике, дающей обильные сборы кофе, какао, сахарного тростника, риса, ананасов, бананов и многих других тропических и полутропических фруктов. В это время земледельческое население этой долины достигало более 20 000 душ, и никаких незанятых земель там не было...

В один прекрасный зимний день 1885 года, в этой долине появилась группа землемеров со своими теодолитами для производства измерения. Население, почуяв беду, явилось к землемерам с предупреждениями, что земли эти являются их собственностью и что они не желают и не позволят измерять их. На другой день землемеры вернулись с конвоем из сельской полиции и стали продолжать измерение. Население опять запротестовало, и произошла стычка. В результате несколько человек было убито. Через несколько дней явилась большая военная и полицейская сила, и началось массовое избиение населения долины не щадя женщин и детей. Невозможно установить количество жертв, погибших во время этой бойни. Через десять лет, когда я посетил эту долину и старался узнать от жителей о размерах этой бойни, они не желали давать никаких объяснений. Впоследствии я узнал, что многие из них пострадали за то, что рассказывали посторонним об этом кровавом побоище. Мне удалось лишь узнать, что массовые погребения жертв

¹ L. Mendieta y Nunez, стр. 74.

² Lazaro Gutierrez de Lara, стр. 351 — 352.

продолжались несколько дней. Сейчас вся эта долина принадлежит двум или трем богатым семействам...»

Этот грабеж общественных земель вызвал целый ряд крестьянских восстаний, причем нужно отметить, что крестьяне не сразу решались на отчаянные меры, а раньше пробовали «законные пути». По законам о дезамортизации, «незанятыми» считались такие земли, относительно которых занимающие их не могли подтвердить факта своего владения каким-нибудь «законным документом». Кроме того, как мы видели выше, судьи подводили индейские общины под понятие «гражданских корпораций», которым по тем же «законам» воспрещалось владение землями. Кроме того власти опирались на закон о свободных землях, декретированный правительством Максимилиана 20 июня 1863 года и гласящий:

«Площади республики, которые не были предназначены для общественного пользования уполномоченной на это законной властью, или же не уступленные ею же законным актом отдельным лицам или корпорациям, авторизованным для их приобретения, — объявляются свободными».

Крестьяне-индейцы весьма часто пытались искать защиту у судебных и гражданских властей, но разграничительные компании имели деньги и подкупали решительно всех. Кроме того, они поддерживались официально центральным правительством.

Выше мы уже говорили, что держатели бонов консолидированного иностранного займа имели привилегию покупать незанятые земли, платя этими бонами лишь 35% казенной оценки земель. Ясно, что центральное правительство, «желая поддержать кредит», поддерживало их во всех спорах с крестьянами. Времена Диаца не знают случаев, когда крестьяне выиграли хоть одно из дел этого рода. Поэтому крестьяне, исчерпав все законные возможности, в конце концов решались даже на восстания.

Для подавления крестьянских восстаний правительство Диаса создало специальный корпус сельской полиции— «руралес». Эта полиция была особенно ненавидима крестьянами, так как она часто умышленно провоцировала крестьянские восстания, чтобы иметь затем возможность широкого грабежа.

Сколько же земель было разграблено таким образом во время диктатуры Диаса?

Лазаро Гутьеррец де-Лара определяет это количество в 72 000 000 гектаров.

Мендиэта-и-Нунец пишет по этому поводу:

«С 1881 по 1899 год было «разграничено» 32 240 373 га; из них 12 693 610 га пошли бесплатно на вознаграждение «разграничителям», 14 813 890 га было продано за бесценок преимущественно тем же самым «разграничителям»; вся эта земля перешла во владение 29 лиц или компаний. С 1899 по 1902 год при таких же условиях совершилось «разграничение» 12 382 292 га, а с 1904 по 1906 год «колонизаторам» досталось еще 2 646 540 га «разграничительным порядком» и сверх того 4 445 665 га так называемых «национальных земель» (т. е. действительно незанятых земель).

В результате больше чем одна пятая мексиканской территории «перешла таким образом за бесценок в руки всего около пятидесяти собственников»¹.

Все это расхищение земель шло под предлогом «колонизации Мексики». На самом же деле никакой колонизации не происходило, а земли расхищались просто небольшим количеством крупных спекулянтов, затем они использовались новыми владельцами трояким образом:

1. Образовались громадные поместья, где работали в качестве батраков те же крестьяне, чьею собственностью была раньше та же земля; работали они за плату в 25—50 сентавос в день, но этим еще не ограничивалась их эксплуата-

¹ Mendieta y Nunez, стр. 76.

ция. Так как эти поместья находились вдали от городов и больших селений, то владелец или администратор их тут же открывал лавку, известную под названием «Тиенда де-Райя». Пеон (батрак) не получал заработной платы деньгами, а лишь бонами в лавку, где ему давали на соответствующую сумму продукты по вздутым ценам. Такие поместья создавались обычно там, где земля была удобна для возделывания ходких продуктов, как, например, какао, кофе, сахарный тростник, бананы и т. п.

2. Там, где земля не годилась для подобных плантаций или же, где она была слишком удалена от рынков сбыта или железных дорог, там новые владельцы сдавали эту землю в аренду бывшим владельцам ее, индейцам, обычно за половину урожая.

3. Наконец в местностях, мало заселенных, где вообще не было достаточного количества рабочей силы для обработки земли, расхищенная земля служила предметом спекуляции, переходя из рук в руки в ожидании проведения железной дороги или какого-нибудь «удобного случая».

Лучшим доказательством того, что громкий лозунг «колонизации» был лишь фиговым листком для прикрытия кровавых спекулятивных хищений, служат цифры о движении земельной собственности в эпоху Диаса.

В 1876 году в Мексике насчитывалось крупных поместий 5 700; ранчос—13 800.

В 1893 году поместий—8 872; ранчос—26 607.

В 1908 году хозяйств обоего рода—42 237.

Таким образом, вся награбленная земля досталась главным образом помещикам. Количество средних земельных собственников (хуторян), которых можно подтянуть под понятие колонизаторов, увеличилось в течение более чем тридцати лет лишь на 15 000, достигая в общем на всю Мексику цифры около 30 000, в то время как население Мексики в 1908 году было не менее 14 000 000—15 000 000 душ.

В то же время почти совершенно исчезли индейские земледельческие общины. Индейцы превратились в полукрепостных батраков (пеонов), которых держала в повиновении сельская полиция. Но в одном месте индейцы оказали серьезное сопротивление земельным хищениям—сопротивление, вылившееся в тридцатилетнюю войну.

Это было племя яки, живущее в плодородной речной долине на северо-западе Мексики. Вплоть до 1875 года эти индейцы сохраняли полностью свои исконные общинные земли. Кроме того они имели свое самоуправление. Однако во время диктатуры Диаца земельные хищники добрались и до яки. Последние оказали отчаянное сопротивление. Состоящее агентом земельных спекулянтов правительство Диаца повело против яки правильную войну. Но сопротивление индейцев было настолько ожесточенным, что война эта продолжалась с небольшими перерывами около тридцати лет. Насколько она была жестокой—видно из того, что население яки уменьшилось более чем на 80%.

Начало рабочего движения.

Иностранный капитал, вторгаясь во внутреннюю жизнь Мексики, в эпоху Диаца весьма быстрым темпом разлагал старые основы мексиканской жизни, сохранившиеся еще со времени колониального периода, и создавал новые общественные классы.

Мы упоминали уже, что в первую эпоху независимости Мексики рабочий класс существовал лишь в зародыше. В городах существовали еще цехи, сохранившие целиком средневековую организацию, а главная масса сельского населения находилась в полукрепостном состоянии, а экономически замыкалась в индейской общине.

Завоевав Мексику, иностранный капитал ударил как по городскому, так и по сельскому населению. Цехи стали разлагаться, и большинство ремесленников становились наем-

„Мирная” конференция между вождями индейского племени „Яки” и представителями мексиканского командования в 1899 г.
В нижнем ряду (сидят) вожди племени „Яки”.

Индийский караван с мулами на пустынной дороге.

ными рабочими. Расхищение общественных индейских земель пролетаризовало быстро массы сельского населения.

Правда, феодальные пережитки сохранились во все время режима Диаса, а местами существуют еще и по сей день. Мы, говоря о железнодорожных концессиях, упоминали о многочисленных случаях применения принудительного труда за очень низкую плату. Принудительный труд употреблялся так же широко на сахарных, кофейных и других плантациях, куда часто ссылали индейцев, повинных в участии в аграрных восстаниях. Но все-таки с каждым годом расширялось применение чисто наемного труда, необходимого спутника капиталистического строя.

Иностранный капитал, вторгаясь в колониальную и полуколониальную страну, обычно организуется там в высоко-централизованной форме. В этом отношении он сильно отличается от капитала тех старых капиталистических стран, которые начинали с первоначального накопления, лишь постепенно прокладывая дорогу капиталистической централизации.

В Мексике эта централизация достигла быстрого развития, благодаря чему так же быстро падало в городах мелкое производство.

Военно-полицейская диктатура Диаса, являвшаяся агентурой иностранного капитала, должна была обеспечить последнему возможность крайней эксплуатации мексиканского рабочего класса. Поэтому были запрещены рабочие союзы и отнято право коалиции. Рабочий день в промышленных предприятиях продолжался 14—16 часов в сутки. Никакой охраны труда, никакого рабочего законодательства не существовало. Заработная плата, промышленных рабочих в центре и на юге Мексики была крайне низка. Мужчины получали от 50 сентавос до одного пезо в день; женщины и дети—от 20 до 40 сентавос в день. В северных штатах Мексики, у границ с Соединенными Штатами, заработная плата

была выше, так как там рабочие массы имели возможность уходить на работу за границу. Нужно отметить еще, что все квалифицированные рабочие, особенно на концессионных предприятиях, набирались из иностранцев. Так, например, во времена Диаса вся служба движения на железных дорогах состояла из американцев. Современники жаловались, что на железных дорогах не понимают испанского языка.

Мексиканские рабочие и по сей день еще живут в ужасных квартирных условиях. Эти условия были гораздо хуже во времена Диаса. Помимо того постоянный недостаток воды во всех почти промышленных центрах Мексики не позволял держать квартиры в чистоте.

Не следует думать, что низкая заработная плата сопровождалась дешевой жизнью; наоборот, жизнь в Мексике была очень дорога, так как правительственный бюджет всегда базировался на таможенных доходах. Кроме того квартирная плата в городах всегда была чрезвычайно высока. Частые «революции» не способствовали развитию жилищного строительства.

Несмотря на ужасную военно-полицейскую диктатуру Диаса, около 1905 года стало зарождаться рабочее движение; идеи его заносились в Мексику главным образом испанскими эмигрантами-рабочими и почти всегда имели анархо-синдикалистские тенденции.

Первые рабочие общества возникли около 1905 года в виде обществ взаимного кредита в текстильном центре Оризабы. Затем в следующем году там же образуется «Большой круг свободных рабочих», где уже ведется агитация анархо-синдикалистского толка, которая только что стала распространяться в Мексике известными агитаторами, братьями Флорес-Магон.

В текстильных же центрах стала циркулировать нелегальная газета «Социальная революция».

Вскоре рабочее движение стало выходить из периода уз-

кой кружковщины и охватывать широкие рабочие массы на почве экономической борьбы.

В 1906 году забастовало около 10 000 шахтеров в горном районе Кананоа в штате Сонора. Отсюда многие рабочие уходили на заработки в Соединенные Штаты, и поэтому заработная плата была здесь выше, чем в других местах Мексики, и культурный уровень рабочих был более высок. Шахтеры требовали увеличения заработной платы до 5 пезо в день и сокращения рабочего дня до 8 часов. Шахты эти принадлежали американским капиталистам. Правление согласилось увеличить плату до 5 пезо в день, но отказалось сократить рабочий день. Рабочие согласились на эти условия и хотели было возобновить работу. Но мексиканское правительство запретило правлению делать какие бы то ни было уступки рабочим, заявляя, что это послужит дурным примером для других. Так как поблизости не было войска, то, по предложению властей, были вооружены все служащие и рабочие американского происхождения. Они спровоцировали рабочих на выступление и устроили резню. Чтобы оправдать это поведение, шахтоуправление распустило слухи, что мексиканские рабочие убивают детей и жен американцев. Благодаря этому ложному слуху триста американских шахтеров, работавших на территории Соединенных Штатов (в штате Аризона), вооружились и прибыли в Кананоа на помощь американцам¹.

Вторая, самая знаменитая в эпоху Диаса забастовка, возникла в 1907 году, в текстильном центре Оризабы. Здесь находится главный промышленный центр юга Мексики, причем большинство капитала принадлежит французским капиталистам. Забастовка эта охватила около 20 000 рабочих. Требования были следующие: 1) повышение заработной платы до 75 сентавос в день для мужчин, до 40—для женщин и до 30—для детей; 2) сокращение рабочего дня с 16 до 14 часов в сутки.

¹ Lazaro Gutierrez de Lara, стр. 363 — 365.

Рабочие обратились к посредничеству президента Диаца. К нему также обратился союз промышленников «Промышленный центр Пуэблы». Диац сперва заставил приехавшую к нему рабочую делегацию телеграфировать рабочим в Оризабу, что их дело выиграно, а затем опубликовал свое решение, согласно которому рабочие должны были сдаться совершенно на милость предпринимателей.

Но рабочие отказались повиноваться этому решению. 7 января они выступили, ограбили районную лавку и затем ее сожгли; потом освободили своих арестованных и сожгли арестные дома. Предприниматели вызвали еще большее возмущение запрещением пользоваться водою из водопровода, являвшегося собственностью фабрики.

Для усмирения рабочих были вызваны войска, устроившие кровавую бойню. Точное количество жертв нельзя было выяснить. Говорят, что их было не менее нескольких сот.

Оба вышеупомянутых случая подавления массовых выступлений рабочих характерны тем, что рабочих можно было бы заставить сдаться на милость предпринимателей и правительства при гораздо меньшем количестве жертв. Но здесь, как и при упомянутых нами выше подавлениях аграрных беспорядков, тактикой правительства Диаца было всегда доводить резню «бунтующих» до грандиозных размеров. Цель такой, совершенно излишней при данных обстоятельствах жестокости заключалась в том, чтобы раз навсегда так напугать рабочих и крестьян, чтобы отбить у них всякую охоту выступать в будущем.

Политика и администрация Диаца.

Лозунгом Диаца было: «Мало политики, много администрации». Сущность этого лозунга на практике сводилась к тому, что политика являлась привилегией лишь немногих, а «граждане» должны были лишь повиноваться и молчать.

Основной чертой внутренней политики Диаца было то,

что самая отчаянная диктатура прикрывалась всегда маской конституции и законности. На бумаге существовала «выборность снизу доверху». «Выбирались» муниципалитеты, конгрессы штатов, губернаторы, конгресс республики, верховный суд и сам президент.

Но вся эта «выборность» была одна комедия. Выборы на местах производились под строгим надзором губернаторов. Если где-нибудь случайно проходил кандидат, неугодный правительству, то выборы объявлялись незаконными. Но это случалось довольно редко, так как комиссии, подсчитывавшие голоса, считали их так, как было угодно властям. Очень часто кандидаты, неугодные правительству, погибали «от какого-нибудь несчастного случая».

На бумаге существовала свобода печати, собраний и обществ. Правительство Диаца старательно избегало всяких политических судебных процессов. Зато весьма широкое применение получил так называемый «Закон о бегстве» («Ley Fuga»). Он состоял в том, что арестованного политического преступника переводили из одного места заключения в другое по какой-нибудь малоллюдной дороге, а в городах—ночью. Во время этого путешествия стража, по приказанию свыше, убивала его, а потом заявляла начальству, что он «пытался бежать» и поэтому они «были принуждены убить его»¹.

Весь этот режим держал население в таком страхе, что огромное большинство мексиканской интеллигенции, некогда либерально-революционной, превратилось в простых лакеев центрального правительства или же местных сатрапов.

Сборищем лакеев были Сенат и парламент. Печать пела хвалебные гимны Диацу и его режиму. Поэты воспевали его в одах, музыкальные композиторы—в кантатах. Суды дей-

¹ Этот „Закон о бегстве” имеет довольно широкое применение в Мексике и до сих пор.

ствовали по указке властей. Зато все они получали свою долю от грабежа рабочих и крестьян. Печать получала постоянные чрезвычайные субсидии от властей. Судьи, все до одного, брали взятки. Депутаты, кроме получаемого ими большого жалованья (1 000 пезо в месяц), имели еще множество других доходов. Все государственные служащие грабили казну. До какой бы наглости ни доходило казнокрадство, виновники никогда не преследовались, если умели угождать начальству.

Около всей этой чиновничьей банды вертелась целая масса мексиканских и иностранных спекулянтов, которые делали «золотые дела». Выше мы уже говорили об иностранной политике Диаца. Она состояла в том, чтобы давать иностранцам выгодные концессии и полную возможность безудержной эксплуатации мексиканского народа. Зато Диац пользовался заслуженной славой у всех иностранных правительств и иностранных капиталистов. До сих пор всюду, а особенно в Соединенных Штатах, «государственные мужи» и капиталисты сожалеют об окончании того «золотого века» в Мексике, когда там правил Диац.

При таких условиях никакая иностранная держава не имела никаких мотивов для того, чтобы помышлять об интервенции. Однако, несмотря на это, Соединенные Штаты несколько раз поговаривали об интервенции в мексиканские дела и два раза двигали войска к мексиканской границе. Это происходило тогда, когда Диац своей политикой угодничества по отношению к Соединенным Штатам вызывал против себя в Мексике оппозицию. Мексиканский историк Лазаро Гутьеррец де-Лара прямо обвиняет здесь Диаца в сговоре с правительством Соединенных Штатов, утверждая, что угроза интервенцией служила для Диаца средством шантажа против политической оппозиции.

Несмотря на то, что для всякого рода спекулянтов и проходимцев, жаждущих быстрого обогащения, режим Диаца создавал самые благоприятные условия и что в первый раз в

истории Мексики впродолжение тридцати трех лет не было ни одной «революции», все-таки и за этот период не успел сложиться класс мексиканской национальной буржуазии.

Это объясняется двумя причинами: 1) конкуренцией крупных иностранных компаний, которые, будучи настоящими правителями Мексики, не давали ходу мексиканскому торгово-промышленному капиталу; 2) тем обстоятельством, что мексиканец мог получать более легкий доход от правительственной службы, «политики» или служения иностранному капиталу. Эти пути признавались мексиканцами наиболее легким и верным средством обогащения.

В своей работе ограбления мексиканской нации правительство Диаца опиралось на единственную, существовавшую в то время партию в Мексике, так называемую «Партию ученых» («Cientificos»).

Организатором и вождем этой партии был упомянутый уже нами министр финансов Лимантур. Программой ее было «обогащение нации путем привлечения иностранного капитала». На самом же деле результатом правления Диаца явилось чрезвычайное обеднение мексиканской нации. Оно выражалось в следующем.

1. Все основные отрасли транспорта, промышленности и торговли, а также значительная часть земель перешли в руки иностранных капиталистов и спекулянтов на самых невыгодных для мексиканского государства условиях: концессионеры брали очень много, а давали взамен очень мало.

2. От этого «привлечения иностранных капиталов» в Мексике наживалась лишь свора чиновников, спекулянтов и всякого рода проходимцев. Эти люди проживали все свои доходы.

3. Бывший самым передовым до тех пор в Мексике слой населения—либеральная интеллигенция благодаря режиму Диаца совершенно разложилась. Громадное большинство интеллигенции превратилось в свору паразитов и казнокрадов, считавших «политику» единственным средством обо-

гащения. Интеллигенция утратила способность к созданию серьезных общественно-политических организаций, она сделалась наряду с иностранной буржуазией паразитически-эксплуататорским слоем, но, в отличие от буржуазии, неспособным принять участие в развитии материальной культуры.

4. Хотя благодаря проведению железных дорог и увеличению населения посевная площадь Мексики немного расширилась, но благодаря дешевизне труда и безжалостной эксплуатации крестьян земледельческая культура оставалась на старом колониальном уровне.

5. 90% населения—крестьяне и рабочие жили в нищете и чрезвычайной культурной отсталости.

Единственным плюсом режима Диаса было то, что обострившиеся благодаря быстрому накоплению капитала и экспроприации крестьян социальные противоречия создали благоприятные условия для выступления на общественно-политическую арену Мексики рабочих и крестьян.

ГЛАВА VI.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1910 ГОДА.

Разложение режима диктатуры.

Диктатура Диаса, диктатура бюрократии и военщины, опиравшаяся на иностранный капитал и помещиков, продолжалась более тридцати лет. Этот режим пользовался славой за границами Мексики. И неудивительно: иностранному капиталу в целях мирного проникновения в Мексику нужна была сильная власть. Как же не восхвалять режима Диаса? Ведь до него со времени независимости Мексики течение пятидесяти шести лет произошло около ста «революций». В таких условиях никакому капиталу невозможно работать. А режим Диаса более тридцати лет «спокойствия и благоденствия» являлся в мексиканских условиях чем-то вроде чуда. Поэтому иностранные капиталисты и их правительства чрезвычайно благоволили к Диасу и его администрации.

Картина обогащения иностранных капиталистов в этот период ясна нам из предыдущей главы: выгоднейшие горные, железнодорожные и нефтяные концессии, освобожденные от налогов; приобретение за бесценок громадных площадей земель; беспощадное подавление крестьянского и рабочего движения; администрация и суд—к услугам капиталистов.

Все эти благоприятные условия настолько способствовали быстрому обогащению иностранных капиталистов и последние настолько увлеклись хищническим накоплением, что среди этой золотой горячки не заметили даже разложения этого режима.

Каковы были причины этого разложения?

Один из умеренных защитников режима Диаса—Антонио Манеро перечисляет в своей книге главные соци-

альные бедствия правления Диаса следующим образом ¹:

1. «Кацикизм», т. е. диктатура разных агентов на местах над массами населения при посредстве незаконных арестов, убийств и применения «Закона о бегстве».

2. «Пеонизм», т. е. рабство пеона-поденщика, подвергавшегося принудительным работам, а иногда— насильственной ссылке с принудительными же работами в разные, отдаленные от его местожительства места.

3. «Фабрицизм», т. е. персональное неэкономическое рабство в промышленности благодаря привилегированному экономическому и политическому положению предпринимателей.

4. «Гациендизм» (от слова «гациенда», что значит крупное поместье). Эксплоатация мелкой земельной собственности крупной благодаря неравенству в платеже налогов и массе привилегий, которыми пользовались помещики-латифундисты.

5. «Сиентифицизм» (от слова «Cientificos»—название «Партии ученых»). Порабощение мелких коммерческих и финансовых предприятий крупными в результате протекции, оказываемой последним правительством.

6. Диктатура иностранцев, т. е. господство иностранцев во всех отношениях над мексиканцами благодаря привилегированному положению, официальной поддержке и защите их интересов дипломатическими представительствами иностранных держав.

Нельзя не согласиться, что Манеро довольно верно подметил некоторые из основных причин разложения знаменитого режима Диаса.

Обобщая состояние Мексики к концу режима Диаса, мы можем прийти к следующим выводам.

1. Мексика являлась по существу полуколониальной

¹ Antonio Manero, *El Antiguo Regimen y la Revolución*, стр. 199 — 200.

страной, подчиненной диктатуре иностранного капитала: здесь фактически господствовал режим капитуляций.

2. Пролетаризация широких масс сельского населения достигла неслыханных размеров: а) индейцы были совершенно лишены общинных земель и превратились в полукрепостных пеонов; б) мелкие и средние земельные собственники, метисы и креолы, были в значительной степени тоже пролетаризованы и искали заработка в промышленности; в) мелкая городская торговая и ремесленная буржуазия была разорена благодаря покровительству правительством капиталистической централизации.

В результате, за небольшими исключениями, масса мексиканского населения была охвачена острым недовольством и революционным брожением. Всякие «беспорядки» подавлялись, правда, с неслыханной жестокостью, но зато в стране появилось множество вооруженных крестьянских партизанских отрядов, нападавших на помещиков и дезорганизовавших управление на местах. Война с племенем яки все еще не была закончена. В стране стали распространяться тайные рабочие «кассы» и кружки. Либеральная интеллигенция, считавшая себя подобно русской эсеровской интеллигенции «перманентным носителем революции», стала конспирировать против Диаца в разных клубах и масонских ложах; в этой работе она получала сильную поддержку от многочисленной политической эмиграции, расселившейся вблизи границ Мексики—на южных окраинах Соединенных Штатов и на острове Куба.

Таковы были предпосылки и условия революции 1910 года.

Либеральное движение.

Либеральная интеллигенция, имевшая столь блестящие революционные традиции, за время тридцатитрехлетней диктатуры Диаца основательно разложилась. Своей системой скрытого террора Диац навел на нее такой ужас, что она считала господство его диктатуры незыблемым. Многие

из них отлично устроились на разных местах во время этого режима, а если в качестве депутатов федеральной и местных палат они и были лишены политического влияния на управление страной, то получали зато хорошее жалование и сверх того разные вознаграждения от иностранных капиталистов и мелких спекулянтов за всякого рода «услуги». Казнокрадство, которое вообще в Мексике всегда было сильно распространено, во время Диаса расцвело весьма пышно. Можно с полной уверенностью сказать, что государственный служащий этого периода, который бы не воровал, считался исключением. Благодаря этому старинная организация мексиканской интеллигенции—масонские ложи превратились окончательно в протекционные бюро по присканию «теплых местечек».

«Партия ученых» во главе с министром финансов Лимантуром состояла как из консервативных, так и из либеральных элементов. Мы уже видели, что одним из главных тактических шагов этой партии являлось привлечение иностранного капитала в Мексику: эта партия была подлинным агентом иностранного капитала в Мексике.

Общеизвестен тот факт, что иностранный капитал обычно проникает в колониальные и полуколониальные страны лишь в форме крупного капитала. Свое нашествие на Мексику этот капитал начал лишь в 70-х годах прошлого столетия; ясно, что здесь концентрация его должна была достигнуть весьма высокой степени. Главные отрасли промышленности, а именно: железные дороги, горное и нефтяное дело, а также и банки,—могли быть под силу лишь весьма крупному капиталу.

Но даже и те отрасли народного хозяйства, которые работали в значительной части на внутренний рынок и в которых мог найти себе место и средний капитал, как то: табачная, кожевенная, пищевая и другие отрасли промышленности—тоже оказались в руках иностранцев,—здесь господствовал французский и испанский капитал.

В результате, несмотря на благоприятные политические

условия, а именно—долгий период отсутствия «революций», национальная мексиканская буржуазия не развилась. Раньше она не могла развиваться благодаря постоянной политической анархии, а затем во время диктатуры Диаса рост ее был заглушен вторжением иностранного крупного капитала.

Те богатые и зажиточные слои мексиканского населения, которые могли при других условиях стать элементами развития мексиканской буржуазии, превратились в мексиканских помещиков и вели свое хозяйство не капиталистическими, а полуфеодальными методами благодаря обилию весьма дешевого труда пролетаризованных мексиканских крестьян.

Благодаря отсутствию мексиканской буржуазии либеральное движение конца диктатуры Диаса точно так же было лишено прочной социальной базы, как и в предыдущую эпоху. Но зато оно встречало поддержку в городской мелкобуржуазной среде. Хотя эта последняя находилась всегда под сильным влиянием католического духовенства, но гегемония иностранных капиталистов заставила ее обратить свои взоры на либералов. Кроме того сильную поддержку либеральному движению оказало нарождающееся рабочее движение. Будучи в эту эпоху под влиянием анархосиндикалистов, проповедующих «воздержание от политики», мексиканские рабочие все-таки инстинктивно чувствовали необходимость свержения диктатуры Диаса и поэтому были склонны поддержать всякое, направленное против нее революционное движение ¹.

Несмотря на господствовавший скептицизм, часть интеллигенции, особенно из тех кругов, которым не удалось

¹ Один из мексиканских литераторов этого времени, Рокэ Эстрада, пишет: „Самыми яркими сторонниками конституционализма в Мексике были передовые рабочие; интеллигенция слишком верила в могущество диктатуры и относилась скептически к конституционно-либеральному движению”. Roque Estrada, *La Revolución* у F. I. Madero, Гвадалахара, 1912, стр. 104.

устроиться при режиме диктатуры, искала путей к свержению этого режима. Хотя эти круги не были столь многочисленны, как в прошлом, все-таки они сумели стать во главе мелкобуржуазных и рабочих элементов, недовольных режимом диктатуры. Так началось новое либеральное движение.

Доказательством того, что принимавшие участие в нем рабочие элементы не имели своей собственной общественно-политической линии, служит хотя бы то обстоятельство, что на первых порах в этом движении совершенно отсутствуют социальные лозунги.

В первой своей стадии новое либеральное движение выдвигает лишь два основных, чисто политических лозунга: а) непереизбираемость должностных лиц, б) действительное право голосования.

Оба эти лозунга были прямой реакцией на политику Диаса, который в течение тридцати лет заставлял «переизбирать себя» в президенты и во время которого осуществление выборов начал являлось сплошной комедией.

В 1910 году в городе Мексике состоялся первый съезд национально-либеральной партии. Он принял следующую программу:

1. Восстановление конституционного режима, дабы народ пользовался во всей широте принадлежащими ему правами.

2. Преобразование конституции в смысле установления режима непереизбираемости.

3. Предоставление инициативы (?) для улучшения материального, культурного и морального положения рабочих путем борьбы с монополиями, алкоголизмом и играми (?).

4. Поощрение и улучшение общественного просвещения.

5. Поощрение ирригационных работ и создание банков для пользы земледелия, промышленности и торговли.

6. Реформа избирательного права для обеспечения действительности голосования.

7. Расширение прав муниципалитетов и отмена политических префектур.

8. Развитие добрососедских отношений с другими странами, в особенности с латинской Америкой.

Если проанализировать эту программу, то для нас становится ясно, что она могла быть создана лишь оторванными от рабочей и крестьянской массы интеллигентами. К этому времени существовало уже в Мексике довольно сильное аграрное движение. Подавляемое беспощадно правительством Диаса, оно принимало форму партизанской борьбы. Кроме того все еще продолжалась война с племенем яки. Кроме крестьянского движения, все более и более глубокие корни пускало в Мексике и рабочее движение. И несмотря на все эти острые проявления разных социальных движений, мексиканские либералы в вышеизложенной программе почти совершенно не затрагивают никаких социальных вопросов.

Отсутствие должного внимания к социальным вопросам в программе либералов объясняется еще и тем обстоятельством, что во главе этого движения стояла группа «левых» мексиканских помещиков, лидером которых был знаменитый Франциско Мадеро. Мадеро был выставлен либералами кандидатом в будущие президенты Мексики.

Революция 1910 года.

Агитационная «предвыборная» поездка Мадеро по главным городам Мексики, несмотря на чинимые администрацией Диаса препятствия, прошла с блестящим успехом. Уже этот факт возможности в условиях режима диктатуры такого рода агитации доказывал, что режим диктатуры изжил уже себя. Все это влило новую энергию в либеральную среду Мексики.

Вскоре, правда, администрация спохватилась, что ею была сделана крупная ошибка в допущении этой широкой

агитации, и начались преследования смутьянов. Но было уже поздно. Эти аресты не приостановили разгоревшегося уже пламени революции. Когда же Диац, следуя своим старым методам, «устроил» новые выборы, где он оказался вновь «переизбранным», а Мадеро «потерпел поражение», то этот факт убедил лишь либеральные круги в том, что против диктатуры нужно выступить не только с конституционными лозунгами, но и с оружием в руках.

Для того, чтобы бороться против поевропейски организованной диацовской федеральной армии и полиции, нужна была какая-нибудь революционная военная сила. Конечно, либералы ею не обладали.

Единственной революционной вооруженной силой в Мексике, которую можно было пустить в ход против диктатуры, были многочисленные крестьянские партизанские отряды. Но чтобы их привлечь на свою сторону, либералам нужно было выставить хотя бы весьма скромную аграрную программу.

И вот «шеф революции» Франциско Мадеро в своей революционной платформе, называемой «План Сан-Люис де-Потоси», обещает уже нечто и мексиканским крестьянам.

§ 3 этого плана гласит:

«Вследствие злоупотреблений законами о свободных землях многочисленные мелкие земельные собственники, в особенности туземцы, были лишены своих земель, будь то по распоряжению Министерства земледелия, будь то по приговорам трибуналов республики. Справедливость требует возвратить прежним владельцам, их наследникам земли, отнятые таким безнравственным образом; точно так же нужно возместить убытки от перенесенных лишений. Только в том случае, если до объявления этого плана земли перешли уже в собственность третьих лиц, прежние владельцы получают вместо земель денежное вознаграждение от тех, в пользу которых было сделано отчуждение»¹.

¹ Roque Estrada, стр. 313.

Таким образом «мдеристы» впервые заговорили более решительным языком об аграрном вопросе.

В этом же манифесте обращает на себя еще внимание то место, где Мадеро говорит о безусловном сохранении всех договоров, заключенных между правительством Диаца и иностранными правительствами. Это место ясно свидетельствует о том, что новое либеральное движение совершенно не желало ссориться с иностранными державами. То обстоятельство, что главный штаб повстанцев находился на территории Соединенных Штатов, около самой мексиканской границы (в городе Эль-Пасо), также подтверждает, что правительство Соединенных Штатов не усматривало для себя никаких опасностей в этом новом революционном движении.

«Мдеристы» начали свою борьбу двумя мелкими партизанскими отрядами. Но рассеянные по всей Мексике многочисленные крестьянские партизаны, заслышав об «аграрных замыслах» либералов, оказали этому движению весьма широкую поддержку. Новые партизанские отряды стали вырастать из-под земли, а старые стали усиливаться притоком новых добровольцев.

На севере вскоре приобретают известность два крестьянских партизана—Франциско Билля и Паскуаль Ороско, успевшие в течение короткого времени сгруппировать около себя тысячи вооруженных крестьян. Интересно отметить то обстоятельство, что «мдеристы» беспрепятственно закупали в Соединенных Штатах оружие для этих партизанов и беспрепятственно контрабандой перевозили его в Мексику.

Самым знаменитым крестьянским лидером прослыл вскоре Эмилиано Сапата, действовавший на юге, в штате Морелос, почти пососедству со столицей. Его отряды начали появляться почти у ворот самой столицы.

Перед лицом этой опасности диктатор Диац выказал,

против всяких ожиданий, чрезвычайную слабость—сразу пошел на уступки. Сперва ввел перемены в своем кабинете, а затем начал переговоры с повстанцами. Это проявление слабости считавшейся до тех пор непоколебимой «железной» диктатуры еще больше взбудоражило население Мексики. Почти вся крестьянская масса оказалась охваченной восстанием. В столице и других крупных городах рабочие, мещанство и интеллигенция устраивали демонстрации, требуя отставки Диаца.

Организованная немецкими инструкторами федеральная армия стала отступать под ударами крестьянских партизан.

Тогда в мае 1911 года лидеры «Партии ученых» решили идти на компромисс и заключили в городе Сиудад-Хуарец мир с «мадеристами». На основании этого договора престарелый диктатор генерал Порфирио Диац и некоторые другие, особо ненавистные лица из его администрации должны были уйти в изгнание, а в стране воцарялся «режим конституции».

Но вместе с тем аппарат Диаца добился весьма существенной уступки от либералов. Особый параграф соглашения, заключенного в Сиудад-Хуарец, гласил:

«С сегодняшнего дня прекращаются на всей территории республики враждебные действия между силами правительства генерала Диаца и революционного правительства; последние (военные силы революционного правительства) должны быть распущены, по мере того как в каждом штате будут предприниматься меры для восстановления и гарантии мира и общественного порядка»¹.

Этот компромисс имел впоследствии губительные результаты для либерального движения. Пункт о роспуске революционных партизанских отрядов был тактическим шагом

¹ Gregorio Ponce de Leon, El Interinato presidencial de 1911 г. Мексика, 1912, стр. 13 — 14.

со стороны аппарата военно-бюрократической диктатуры, дабы сохранить самый этот аппарат. Ведь старая армия была пропитана консервативным духом, а сформировавшиеся в огне революции партизанские отряды были единственной военно-революционной силой в Мексике.

Этот компромисс был фактически отказом от революционного манифеста Мадеро. Вот как оценивает его умеренный либерал Понсе де-Леон:

«Мирный договор, заключенный в Сиудад-Хуарец между потерпевшим поражение президентом и представителями революции, привел к тому, что движение, как бы радикально оно ни было, должно было умерить свой разбег, порядочно очистить себя и признать существование власти, вытекающей из конституции... Этим самым признавалось законным существование предыдущего правительства, и все действия его признавались, по крайней мере молчаливо, законными. В результате «План Сан-Люис де-Потоси», тот, который дал жизнь революции, должен был быть изменен в согласии с компромиссом, заключающимся в мирном договоре. Уже не могла иметь места радикальная смена чиновников, как это раньше возвещалось; уже могли быть положены под сукно дела минувшей администрации; уже землевладельцы не могли быть лишены большей части своих владений для раздела их на участки и создания мелкой земельной собственности»¹.

Чем же было вызвано это отступление Франциско Мадеро и его штаба от своей революционной программы?

Боязнью социальной революции.

Как мы уже видели, основное ядро «мадеристов» состояло из крупных, либерально настроенных помещиков, около которого группировались более широкие круги интеллигенции. Но та народная масса, которая пошла за этой группой, та сила, которая разбила диктатуру, это были в первую оче-

¹ Gregorio Ponce de Leon, стр. 39 — 40.

редь крестьяне, а затем—рабочие. Вооруженные силы «мадеристов» состояли почти исключительно из крестьян.

Последние откликнулись на призыв Мадеро лишь потому, что уверовали в возможность получения земель из рук революционного либерального правительства.

Нехотя «мадеристы» под давлением обстоятельств включили в свою программу весьма куцую аграрную реформу: наделение части крестьянства землей за выкуп. Но при первом удобном случае они отступили и от этой, столь умеренной программы.

Они сделали это ради «успокоения страны».

Но достигли как раз обратного.

Прежде всего они не оказались в силах провести в жизнь разоружение крестьянских партизанских отрядов.

Временное правительство, основываясь на договоре, заключенном в Сиудад-Хуарец, декретировало, правда, роспуск всех революционных отрядов. «В награду за заслуги» каждый революционер, сдававший оружие, должен был получить вознаграждение от 25 до 40 пезо на человека (Конгресс ассигновал для этой цели сумму в 8 000 000 пезо). Результат этой меры получился весьма неожиданный: многие авантюристы, которые до этого не принимали никакого участия в революционном движении, теперь «объявляли восстание» и начали организовывать партизанские отряды, желая получить «вознаграждение». Многие не разоружались, боясь наказания за совершенные ими во время революции преступления.

Основная масса вооруженных крестьян не желала сложить оружия, требуя наделения их землями.

В результате вооруженное аграрное движение лишь усилилось. В большинстве случаев оно носило местный характер. Но на юге Мексики, в штатах более высокой земельной культуры аграрное движение стало столь интенсивным, что достигло сравнительно высокой степени организованности. Это было знаменитое движение «сапатистов».

Современные типы индейцев племени Тараумара.

Генерал Эмилиано Сапата.

ГЛАВА VII.

РАЗГАР КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕКСИКЕ.

Условия движения.

Аграрное движение в Мексике, как мы уже видели, началось впервые в 1810 году, когда священник Идальго повел индейские массы в бой против испанских помещиков. Но это движение вскоре угасло, а впоследствии, вплоть до времен диктатуры Диаса, оно вспыхивало то здесь, то там, ограничиваясь узко местными рамками.

Эта слабость крестьянского движения во все это время объясняется тем, что до проведения в жизнь «Законов о реформе» не было никаких серьезных покушений на индейские общественные земли. Были злоупотребления и притеснения со стороны отдельных помещиков, которые вызывали местные крестьянские бунты.

Но, как мы говорили в V главе, эпоха диктатуры Диаса сопровождалась самым наглым расхищением земель индейских общин. Крестьяне-индейцы оказывали сопротивление этому расхищению, причем особенно отличалось индейское племя яки.

Либеральная революция 1910 года развязала крестьянское движение. Она основательно расшатала военно-бюрократическую диктатуру и дала оружие в руки значительного количества крестьян. Пока революционные лидеры, «мадеристы», сохраняли еще в своей программе куцую аграрную реформу, крестьянское движение шло рука-об-руку с ними.

Но тот компромиссный договор, который Мадеро заключил с военно-бюрократическим аппаратом Диаса в Сиудад-Хуарец, договор, благодаря которому крестьяне должны были быть разоружены, а разрешение земельного вопроса в лучшем случае откладывалось в долгий ящик,— повел к разрыву между «мадеристами» и крестьянством.

Тогда-то наиболее известные крестьянские партизаны

порывают с Мадеро и начинают независимое движение.

Из истории крестьянских движений в разных странах мы знаем, что обычно они носили местный характер благодаря условиям крестьянской жизни. Только там, где крестьянское движение находилось под руководством какого-либо другого общественного класса, оно принимало национальный характер. Так было во Франции в 1789 году.

Но те крестьянские движения, которые протекали под руководством буржуазии, принесли только половинчатое освобождение крестьянству. Только там, где крестьянское движение шло рука-об-руку с рабочим, а именно в Октябрьскую революцию в России—там оно закончилось окончательным освобождением крестьян.

В 1910—1911 годах рабочее движение в Мексике было лишь в зародыше и само носило еще местный характер, поэтому оно не могло еще выступить в роли организатора крестьянского движения. Наоборот, как мы увидим впоследствии, разные мексиканские «революционные» правительства часто использовали рабочие организации для борьбы против крестьянского движения.

Таким образом рабочее движение не могло в это время являться объединителем и организатором мексиканского крестьянства. Поэтому последнее редко когда выходило за пределы отдельных штатов. Кроме того раздроблению крестьянского движения способствовало еще то обстоятельство, что отдельные части Мексики изолированы друг от друга благодаря характеру ее поверхности и чрезвычайно скверным средствам сообщения.

Все вышеуказанные причины и обстоятельства привели к тому, что мексиканское крестьянское движение даже в период своего подъема не стало общенациональным.

Несмотря на все эти неблагоприятные условия, в штате Морелос возникло крестьянское движение, которое пыталось, хотя и безуспешно, распространить свое влияние на всю Мексику. Это было движение «сапатистов».

Возникновение и первые шаги движения „сапатистов”,

Мы видели уже в V главе, каково было положение крестьян во время диктатуры Диаца.

Несмотря на то, что расхищение индейских земель шло под знаком «Законов о реформе», т. е. под знаком установления буржуазной, частновладельческой земельной собственности, оно фактически привело к возрождению феодализма.

Основой этого неофеодализма был принудительный труд пеонов (батраков) на помещичьей земле или на разных плантациях.

Этот принудительный труд применялся, правда, не везде, т. е. не везде он был формально принудительным. Во многих местах, где население было сравнительно густо и где оно было лишено земель, крестьяне шли «добровольно» в рабство к помещику. Правда и то, что помещик или плантатор должен был оплачивать труд пеонов. Заработная плата была чрезвычайно низка: в зависимости от местности—от 15 до 50 копеек в день.

Но даже там, где труд пеона был формально добровольным, существовали различные формы кабалы феодального характера. Так, например, почти повсеместно в поместьях существовали свои «районные лавки», где пеон должен был покупать все необходимое для жизни, причем не только цены были гораздо выше рыночных, но существовал еще принудительный ассортимент, т. е. часто пеон должен был брать те товары, которые в данное время совершенно не были ему нужны¹.

В штате Юкатан плантаторы платили не деньгами, а бо-нами собственного выпуска.

Во времена Диаца было в обычае ссылать «некоторых» крестьян в другие штаты, весьма отдаленные от места их

¹ Octavio Paz. Ряд статей в журнале „La Semana”, Лос-Анджелос, 10/VI 1919 г., стр. 9—10.

жительства на принудительные работы. Интересно то обстоятельство, что во многих случаях помещики и плантаторы покупали этих «ссылных» от агентов правительства. В штате Чиapas, если несчастный пеон покидал своего помещика, то благодаря существованию помещичьей коалиции, он не мог уже нигде найти работу. В этом же штате, в районе Опосинго, помещики один раз в году собирали подростков от четырнадцати лет и девушек от двенадцати лет и женили их по своему усмотрению¹.

В штате Морелос, т. е. как раз там, где зародилось движение «сапатистов», условия крестьянской жизни были особенно тяжелыми.

Штат этот находится по соседству со столицей Мексики. К концу диктатуры Диаса вся земля его оказалась в руках 27 помещиков испанского происхождения. Земля здесь весьма пригодна для возделывания сахарного тростника, и это обстоятельство привело к тому, что решительно все общественные земли были расхищены. Администраторы имений, испанцы, очень жестоко обращались с крестьянами. Здесь еще во время Диаса существовало «право первой ночи» для помещика, а в его отсутствие—для администратора. Также существовал обычай дарить помещику, администратору или же начальнику сельской полиции в день их ангела самую красивую девушку.

Заработная плата пеонов не превышала здесь 25 копеек в день, а эту мизерную сумму он должен был расходовать целиком на покупку продуктов по вздутым ценам в местной районной лавке.

Неудивительно, что при таких условиях в штате Морелос ненависть крестьян к помещикам, администраторам, и лавочникам должна была вылиться в самые острые формы.

Уроженцем этого штата и был знаменитый крестьянский вождь—Эмилиано Сапата.

¹ Ibidem, стр. 14 — 15.

Во время диктатуры Диаса в родном селе его Айяла крестьяне были лишены своих общественных земель. Сперва Сапата, ставши защитником жителей этого села, добивался справедливости в судебных учреждениях. Это не привело ни к чему: суды оказались на стороне помещиков и спекулянтов, похитивших землю у крестьян. Тогда под предводительством Сапаты в Айяле вспыхнуло восстание: крестьяне захватили силой свою же землю и вновь разделили ее между собой. Правительство Диаса отправило на усмирение восставших военный отряд. Повстанцы были разбиты, и Сапата с уцелевшими товарищами ушел в горы и там сформировал партизанский отряд. Вскоре он прославился как неутомимый и жестокий враг помещиков и местных властей.

Когда началось движение «мадеристов», Сапата со своим отрядом сразу примкнул к нему; он привлек к восстанию всех крестьян штата Морелос и сразу провозгласил раздел помещичьих земель между крестьянами, будучи убежден, что это вытекает из «Плана Сан-Люис де-Потоси, провозглашенного Франциско Мадеро».

Благодаря лозунгу о разделе земель под знамена Сапаты стали стекаться огромные массы крестьян. Вот что говорит о влиянии этого вождя на массы умеренный консерватор Понсе де-Леон:

«Эмилиано Сапата, который с самого начала восстания «мадеристов» проповедывал раздел всех имуществ между теми, которые объединятся для борьбы за это дело, вскоре завоевал себе весьма многих адептов, и в течение нескольких недель не было ни одного неимущего в штате Морелос, который не видел бы своего провидения в страшном вожде. Сапата был самым популярным и самым любимым человеком в эту эпоху»¹.

Сапата сначала действовал заодно с «мадеристами». Когда между последними и консерваторами был заключен мир

¹ Ponce de Leon, стр. 30.

в Сиудад-Хуарец, Сапата, из уважения к Мадеро, прекратил было сначала все военные действия, думая, что вслед за этим миром наступит раздел земель.

Первые разногласия наступили вследствие распоряжения Временного правительства о разоружении революционных отрядов. Сперва Сапата согласился было в принципе на это разоружение, но заявил, что не сдаст оружия и не распустит свои отряды, раньше чем каждый из его людей не получит для себя земельного участка.

Мадеро лично повел с Сапатай переговоры о разоружении, убеждая его ждать разрешения земельного вопроса «в конституционном порядке». Сперва эти переговоры носили мирный и дружественный характер, но вскоре положение изменилось.

Близкие к Мадеро помещики стали оказывать давление на министра внутренних дел, дабы федеральные войска оккупировали местности, занятые отрядами «сапатистов». Положение осложнялось еще тем, что Мадеро согласно договору в Сиудад-Хуарец не производил никакой чистки административного аппарата; даже столь ненавидимые крестьянским населением «политические префекты» (начальник местной полиции) не были смещены.

Пока шли переговоры, федеральные войска под предводительством диацовского генерала Викторiano Хуэрта стали постепенно занимать разные местности штата Морелос.

Все это привело к тому, что окончательный разрыв между Мадеро и Сапата наступил очень скоро. Последний призвал крестьян к восстанию против Мадеро и опубликовал свой революционный манифест, известный под названием «План де-Айяла».

Программа „сапатистов”.

В своем манифесте Сапата прежде всего критикует политику Франциску Мадеро и Временного правительства. Он обвиняет либералов в измене собственной революционной программе. Он заявляет, что отныне крестьяне и все мекси-

канские революционеры должны объединиться для борьбы не только против консерваторов, но и против изменников либералов. Он требует ухода от власти правительства Мадеро, объявляет прежний революционный «План» «мадеристов» своим, но делает к нему ряд существенных добавлений.

Вот самые существенные из новых параграфов этого манифеста:

«§ 5. Революционный совет штата Морелос не допускает ни сделок, ни политических компромиссов раньше, чем победит все диктаторствующие элементы Порфирио Диаса и Франциско Мадеро, так как нация уже устала от обманщиков и изменников, которые, выступая в качестве освободителей, дают обещания, но придя к власти, забывают их и превращаются в тиранов.

§ 6. Как дополнительную часть провозглашаемого нами плана объявляем: все площади, горы и воды, которые узурпировали помещики, «ученые» или какики под властью тирании и продажной юстиции, немедленно переходят во владение тех селений или граждан, которые имеют соответствующие права на эту собственность, которой они были лишены благодаря злой воле угнетателей; они должны какой бы то ни было ценой, с оружием в руках, защищать свои владения, а узурпаторы, считающие себя их законными владельцами, должны предстать перед специальными трибуналами, которые будут организованы победившей революцией.

§ 7. В силу того, что громадное большинство селений и мексиканских граждан не являются больше хозяевами площади, на которой живут, страдая от ужасов нищеты, без возможности поправить чем-нибудь свое общественное положение, без возможности заняться земледелием или каким-нибудь промыслом, так как земли, воды и леса монополизированы небольшим числом лиц,—будут экспроприированы, с возмещением третьей части стоимости этих монополий,

все могущественные их собственники, с той целью, чтобы селения и граждане Мексики получили общественные земли, колонии, должные земельные фонды для селений, поля для посевов и обработки и дабы каждый имел возможность достичь своего благоденствия.

§ 8. У помещиков, «ученых» или кациков, которые будут сопротивляться прямо или косвенно проведению в жизнь этого плана, будут конфискованы и национализированы все их имущества, две трети которых пойдут на возмещение убытков от этой войны, на пенсию для вдов и сирот жертв, которые падут в борьбе за этот «План».

Кроме этого манифеста, уже значительно позже, в 1916 году «сапатисты» опубликовали свой «Аграрный закон». Он служит развитием «аграрных» параграфов «Плана де-Айяла», но включает в себе и многие поправки. Вот самые существенные из его статей.

«Ст. 1. Возвращаются общинам и отдельным личностям земли, горы и воды, которых они были лишены; достаточно, чтобы они владели законными титулами даты раньше 1856 года, для того чтобы немедленно вступить во владение своей собственностью.

Ст. 2. Лица или группы, считающие себя законными владельцами собственности, упоминаемой в предыдущей статье, должны доказать свое право перед комиссиями, назначенными министерством земледелия...

Ст. 3. Нация признает за селениями, хуторами и общинами республики историческое и традиционное право владеть и управлять своими землями в такой форме, которую они считают подходящей.

Ст. 4. Нация признает за каждым мексиканцем бесспорное право на владение и возделывание земельного участка, продукты которого давали бы ему возможность удовлетворить потребность его и его семьи; для осуществления этого права мелкой собственности будут экспроприированы для общественной пользы за соответствующее возна-

граждение все земли республики, за исключением площадей, принадлежащих селениям, хуторам и общинам, а также тех имений, которые, не превышая указанного в настоящем законе максимума, должны оставаться в руках теперешних владельцев.

Ст. 5. Собственники, не являющиеся врагами революции, сохраняют в виде площадей, не подлежащих экспроприации, участки, не превышающие нижеуказанного максимума:

а) Пахотные земли—в зависимости от климатической зоны, качества и степени орошения—от 100 до 220 *га*.

б) Пастбища, смотря по качеству, от 500 до 1 000 *га*.

в) Площади для разведения каучука, смотря по качеству, от 300 до 500 *га*.

г) Площади для разведения «хенекена» (манилской конопли)—300 *га*.

д) Безводные площади на севере республики—1 500 *га*.

Ст. 6. Объявляются национальной собственностью все имения врагов революции...

Ст. 7. Площади, превосходящие максимум, упоминаемый в ст. 5, будут экспропрированы для общественной надобности за должное вознаграждение, согласно фискальному цензу 1914 года.

.

Ст. 10. Все земельные площади, полученные от конфискации имущества врагов революции, а также от экспроприаций отрезков тех имений, которые превосходят максимум, указанный в ст. 5, будут разделены на участки для наделения мексиканцев, ходатайствующих об их получении, причем в каждом случае предпочтение должно отдаваться крестьянам. Каждый участок должен иметь размер, могущий удовлетворять потребностям одной семьи.

Ст. 11. Абсолютное предпочтение перед каким бы то ни было ходатаем должно отдаваться теперешним арендаторам

мелких имений, в тех случаях, когда последние не превышают своими размерами нормы, указанной в предыдущей статье.

Ст. 14. Имена, которыми правительство наделит общины или частных лиц, являются неотчуждаемыми и не могут подлежать никаким обязательствам. Все контракты, противоречащие этому положению, отменяются.

Ст. 15. Только путем законного наследования могут передаваться права собственности на те земли, которыми земледельцы наделены правительством.

Ст. 19. Объявляются национальной собственностью горы и переходят в пользование вблизи лежащих селений.

Ст. 20. Министерство земледелия и колонизации уполномочивается основать Мексиканский земледельческий банк.

Ст. 24. Министерство земледелия и колонизации уполномочивается основать в республике районные земледельческие и лесные школы, а также опытные станции.

Ст. 26. Каждый владелец участка должен возделывать его должным образом. Если в течение двух лет сряду он бросит его обработку без уважительных причин, то он будет лишен своего участка, который перейдет к новому хозяину.

Ст. 28. Собственники двух или более участков могут объединяться в кооперативные общества с целью эксплуатировать сообща свою собственность или же сообща сбывать свою продукцию; но эти общества, однако, не могут принимать формы акционерных обществ, ни организовываться между лицами, не занимающимися непосредственно и исключительно возделыванием этих участков.

Ст. 32. Объявляются национальной собственностью все воды, годные для пользования для какой угодно цели, даже если раньше они считались собственностью штата, причем здесь не может иметь места никакое вознаграждение»¹.

Характер движения „сапатистов”.

Аграрные лозунги Сапаты, по нашим понятиям, имели довольно умеренный характер.

1. Он не требовал конфискации всей помещичьей земли. За старыми владельцами оставлял в виде максимума значительную часть земли.

2. Те земли, которые должны были быть экспропрированы, за исключением бывших общинных земель, подлежали выкупу— правда, по фискальной оценке. Только земли «врагов революции» должны были быть конфискованы без выкупа.

Несмотря на эту «умеренность», программа «сапатистов» в мексиканских условиях, где крестьяне были почти совершенно лишены земли, казалась чрезвычайно революционной.

Раньше мы писали, что до Сапаты мексиканские революционеры совершенно не выставляли аграрной программы, если не считать туманных обещаний, заключавшихся в манифесте Мадеро. Поэтому выставление «сапатистами» конкретных аграрных требований имело большое значение для мексиканского крестьянского населения.

Вот почему, несмотря на свою сравнительную умеренность, программа «сапатистов» чрезвычайно встревожила не только мексиканских консерваторов, но даже «революционных либералов», а в особенности—Франциско Мадеро и его ближайших соратников.

¹ Все приведенные здесь цитаты взяты автором из сборника документов сапатистского движения: „Mexico Revolucionario a los pueblos”, Гаванна, 1918.

Следует иметь в виду, что сам Мадеро, его многочисленные родственники и ближайшие сподвижники были помещиками. Затем новое мексиканское правительство, не имея под собою твердой социальной базы, желало жить в мире со всеми имущими слоями населения, а также с иностранными державами, в особенности с Соединенными Штатами. А иностранные государства, в особенности Испания и Соединенные Штаты, были весьма заинтересованы в сохранении помещичьего землевладения в Мексике. Ведь чуть ли не половина удобных земель принадлежала помещикам испанского происхождения, а американцы хотя не насчитывали в своей среде столь многочисленных помещиков, но зато владели большими пространствами земель, причем многие из их владений находились в нефтяных районах.

Неудивительно, что представители иностранных держав уже в самом начале движения Сапаты требовали от правительства Мадеро крутых мер против «аграристов», грозя всякими политическими осложнениями вплоть до возможности интервенции

Но либеральное правительство, которое победило Диаса с помощью главным образом крестьянских партизанских отрядов, было слишком слабо, чтобы справиться с «сапатистами», несмотря на то, что в этой борьбе его поддерживали духовенство, старая федеральная армия, весь бюрократический аппарат Диаса и вообще все консерваторы.

В короткое время движение «сапатистов» развернулось очень широко. Оно охватило штаты: Морелос, Пуэбла, Мексико, Вэра-Круц, Мичоакан, отчасти Герреро и Халиско.

Это движение приняло такой широкий размах, что даже известное количество левонастроенной интеллигенции оторвалось от «мадеристов» и пошло в ряды «сапатистов». Несмотря на эти успехи, сапатистское движение не стало об-

щенациональным и поэтому не могло победить.

В чем была его слабость?

В том, что оно было чисто крестьянским. Оно не было связано с рабочим движением, а даже, как мы увидим дальше, значительная часть организованных рабочих была вовлечена мексиканскими либералами в борьбу против «сапатистов». Оно не распространялось на север Мексики, потому что крестьянская масса разных частей республики не была связана между собою никакими экономическими узами. Крестьяне Мексики, по старой памяти, шли всегда в бой за своими местными вожаками, а последние заботились лишь о местных нуждах, не охватывая своим кругозором общемексиканских вопросов и требований.

ГЛАВА VIII.

КОНТРЕВОЛЮЦИЯ БЛОКА МЕКСИКАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ И ИНОСТРАННЫХ ИМПЕРИАЛИСТОВ.

Банкротство „чистого” либерализма.

«Революционное» правительство Франциско Мадеро мнило себя чисто конституционным и все время своего существования стремилось опираться лишь «на закон», но условия мексиканской действительности были таковы, что никакое чисто конституционное правительство не могло удержаться у власти.

Вопервых, отсутствовала экономическо-социальная база для такого правительства, которой могла быть лишь национальная мексиканская буржуазия.

Страна только что вышла из тридцатилетнего периода военно-бюрократической диктатуры Диаса, опиравшейся на местных помещиков и иностранный капитал. Впродолжение этого периода большинство мексиканской интеллигенции, составлявшей когда-то основу либерального движения, перешло на службу к консерваторам и стало «героями двадцатого числа». Эти люди готовы были идти за всяким, кто мог их купить.

Революционное движение «мадеристов» во время своего расцвета опиралось на меньшинство интеллигенции и на широкие массы рабочих и крестьян. Но как раз последнее обстоятельство придало этому движению известный социальный уклон, благодаря чему в скором времени против нового правительства сплотились все консервативные силы Мексики, а именно: 1) помещики, 2) духовенство, 3) старая армия, 4) буржуазия иностранного происхождения. Все эти силы реакции стали в скором времени конспирировать против «мадеристов». Последние чрезвычайно облегчили своим врагам победу над собою. Они оставили неприкосновенной старую диацовскую армию и диацовскую бюрократию;

с другой стороны, «мадеристы» лишились поддержки крестьян.

Близорукие «конституционалисты» были уверены, что правительство Диаса пало потому, что попирало закон, а им, «мадеристам», стоит только защищать всегда конституцию и «стоять на законной почве», чтобы быть неуязвимыми для врагов и иметь поддержку со стороны народных масс.

По своей наивности «мадеристы» думали, что иностранные державы чрезвычайно заинтересованы в поддержании в Мексике «конституционного» порядка. Отчасти эта иллюзия питалась тем, что в прошлом Соединенные Штаты помогали Бенито Хуаресу против французской интервенции «во имя защиты республиканского строя». Но они не понимали того, что тогда дело шло о защите влияния Соединенных Штатов на мексиканские дела. Теперь же иностранная буржуазия, успевшая вложить за время диктатуры Диаса большие капиталы в мексиканскую промышленность, торговлю и транспорт, прежде всего была заинтересована в усиленной эксплуатации мексиканских рабочих и крестьян.

Во времена Диаса «якобинская» Конституция 1857 года не была отменена, а она просто не проводилась в жизнь. Правительство Диаса было простым агентом иностранного капитализма и фактически ввело в Мексике режим капитуляций.

Иностранные послы, консулы заняли место бывших испанских вице-королей и губернаторов, а иностранные капиталисты и помещики занимали среднее положение между бывшими испанскими феодалами и южно-американскими рабовладельцами.

Управление Мексикой было основано на беззаконии. Только тогда, когда приходилось бороться против политических противников, бюрократия пускала в ход «закон».

Вот что пишет о «законности» один из иностранных ди-

пломатов в Мексике, аккредитованный при правительстве Мадеро, посланник республики Кубы, Маркец Стерлинг:

«В латинской Америке, где все—беззаконие, где беззаконие является средством и целью,—законность служит как бы головой Медузы, которой пользуются подобно Персею, чтобы привести в состояние столбняка своего противника»¹.

Иностранные капиталисты и их друзья, мексиканские консерваторы, отнюдь не заботились о конституционности, а лишь о сохранении своих интересов.

Когда после революции 1910 года в Мексике стало распространяться и усиливаться рабочее и крестьянское движение, иностранные капиталисты и мексиканские помещики стали требовать от нового правительства лишь одного—борьбы против рабочих и крестьян. Но крестьяне и рабочие—это была та сила, которая дала Мадеро победу над Диасом. Порвать с ней—значило выдать себя с головой союзу консерваторов и иностранных хищников. Тем не менее наивные либералы «мадеристы», пустые мечтатели, лишенные социально-политического воспитания, сделали как раз то, чего хотели консерваторы. Они уже восстановили против себя крестьянское движение, а вскоре наступил и разрыв с рабочими.

Правительство Мадеро и рабочее движение.

Как было нами описано в V главе, первые шаги рабочего движения начались в Мексике во время диктатуры Диаса. Тогда имели место некоторые крупные забастовки полустийного характера; тогда же рабочие начали организовывать сперва кассы взаимопомощи, а затем «культурные кружки», где преобладало влияние испанских анархо-синдикалистов и мексиканских левых либералов.

¹ Marquez Sterling, Los Ultimos Dias del Presidente Madero, стр. 311—312

Железная диктатура Диаса, подавлявшая в потоках крови всякое живое общественное движение, не давала возможности развиваться деятельности рабочих организаций.

С падением диктатуры и с наступлением «конституционного режима» рабочее движение стало развиваться быстрым темпом.

Уже в 1911 году во всех промышленных центрах Мексики возникает целый ряд местных профессиональных союзов. В том же году был основан первый профессиональный союз в национальном масштабе, а именно Союз типографских рабочих. Кроме того в то же время появляется Организационный комитет Национальной конфедерации рабочих, который в своем первом воззвании между прочим заявляет:

«Политические свободы, несмотря на свою красоту и обаяние, недостаточны для того, чтобы обеспечить счастье народа»¹.

В 1912 году организуется «Дом рабочих мира» («La Casa del Obrero Mundial») — организация агитационно-пропагандистского характера, которой суждено было сыграть значительную роль в дальнейшем развитии мексиканского рабочего движения.

Каков был общий характер всех этих организаций?

С одной стороны — молодость рабочего класса, недавно вылупившегося из мелкой буржуазии и крестьянства, и молодость самого рабочего движения способствовали сохранению мелкобуржуазной психологии рабочих. То обстоятельство, что в своей борьбе рабочий класс Мексики имел дело главным образом с предпринимателями иностранного происхождения, еще более способствовало сохранению в нем мелкобуржуазно-националистических настроений.

С другой стороны, — первыми деятелями, которые занесли в Мексику идеи рабочего движения, были испанские

¹ R. Salazar y J. G. Escobedo, Las Pugnas de la Gleba, Мексика, 1923, стр. 40.

эмигранты-рабочие; большинство их у себя на родине были анархо-синдикалистами. Так как вместе с тем передовые рабочие Мексики находились под влиянием радикальной интеллигенции, то естественно, что они не могли противопоставить ничего серьезного анархо-синдикалистскому мировоззрению. Благодаря этому последнее направление стало господствующим во всех рабочих организациях. Известно, что организаторы «Дома рабочих мира» воспитывались главным образом на двух книгах: 1) П. Кропоткин— «Завоевание хлеба» и 2) Макс Нордау— «Конвенциональная ложь цивилизации».

Понятно, что в такое время, когда только что пала в стране военно-полицейская диктатура, когда все общество «захлебывалось либерализмом», в стране, где классовая борьба не имела своих традиций, где в прошлом имелась целая масса «революций»,—долгое время должна была господствовать чрезвычайная путаница в головах многих лидеров рабочего движения. Иллюстрацией этого служит тот факт, что некоторые «революционные» лидеры в Мексике в 1911 году одновременно являлись организаторами рабочих союзов и либеральной партии. Такими были известные анархисты—братья Флорес-Магон. Организованная при их участии либеральная партия в своем первом манифесте заявляла:

«Мексиканцы, либеральная партия Мексики признает, что каждое человеческое существо самым фактом своей жизни имеет право пользоваться всеми благами современной цивилизации, так как эти блага являются продуктом усилий и жертв рабочего класса всех времен. Организационное собрание мексиканской либеральной партии объявило торжественно войну власти, войну капиталу, войну духовенству»¹.

«Мадеристы» также пытались некоторое время заигры-

¹ „Las Pugnas de la Gleba”, стр. 39.

вать с рабочим движением. Для конкуренции с классовым рабочим движением правительством Мадеро была создана при Департаменте труда организация под названием «Большая рабочая лига».

Но рабочее движение в революционной обстановке не могло, конечно, ограничиться лишь созданием лиг и союзов. Вскоре после падения Диаса по всей стране прокатилась широкая волна забастовок.

Тогда опять всполошились иностранные капиталисты и стали нажимать на старый бюрократический правительственный аппарат, требуя борьбы «против анархии». В результате некоторые забастовки сопровождались кровавыми столкновениями между рабочими и правительственными войсками. Иллюстрацией одного из таких столкновений является забастовка трамвайных рабочих в городе Мексике в 1911 году.

Эта забастовка продолжалась лишь пять дней. Интересно то обстоятельство, что симпатии широких масс населения были на стороне забастовщиков. Так, например, даже многие лавочники отпускали продукты в кредит бастующим рабочим. Эти мелкобуржуазные симпатии к рабочему движению можно объяснить тем, что как трамвайные компании, так и другие крупные предприятия являлись собственностью английских и американских капиталистов, ненавидимых мелкой буржуазией.

Опасаясь «дипломатических осложнений», министерство внутренних дел выступило посредником между рабочими и компанией, и благодаря его усилиям было достигнуто компромиссное соглашение. Но большая часть рядовых рабочих осталась недовольной этим компромиссом, и, когда на улицах столицы появились первые трамвайные вагоны, рабочие силою мешали их движению. Тогда правительство выступило на защиту «соглашения». Вагоны стали выпускаться под конвоем солдат федеральной армии, и в резуль-

тате произошло кровопролитное столкновение между солдатами и рабочими ¹.

Подобные случаи имели место и в других городах.

Вскоре правительство Мадеро, не ограничиваясь вмешательством в ход забастовок, стало преследовать и некоторые рабочие организации. Так, например, в сентябре 1912 года была арестована анархистская группа «Свет» («La Luz»), организовавшая вышеупомянутый «Дом мирового рабочего»; один из ее лидеров, по происхождению испанец, был выслан правительством из пределов Мексики.

Благодаря всем этим трениям и столкновениям рабочие организации вскоре совершенно разочаровались в конституционном правительстве. Хуже всего было то, что они совершенно отстранились от политики, прячась под влиянием анархистов за «принципы чистого синдикализма».

Так произошел разрыв между «мадеристами» и рабочим движением.

Таким образом консерваторы и другие мексиканские контрреволюционеры могли вполне основательно рассчитывать на то, что в случае контрреволюции с их стороны «мадеристы» будут лишены поддержки со стороны и крестьян и рабочих.

Иностранные дипломаты и контрреволюционный заговор.

По мере разложения «революционного» правительства Мадеро в Мексике стала усиливаться концентрация контрреволюционных сил. Главным козырем в руках контрреволюционеров являлись «социальные опасности», связанные с развитием крестьянского и рабочего движения. Для борьбы против него приверженцы «Партии ученых»—организации, поддерживавшей в свое время диктатуру Диаса, организуют «Лигу социальной защиты», объединяющую вокруг себя все

¹ Ponce de Leon, стр. 92.

контрреволюционные гражданские элементы. Контрреволюционеры из военной среды находят себе нового вождя в лице старого военспеца Викторiano Хуэрта. Последний успел уже отличиться при временном правительстве подавлением в разных местах Мексики крестьянского движения. В конце 1911 года он стал во главе войск, двинутых против Сапаты в штат Морелос.

Дела «революционного» правительства были далеко не блестящи. Кампания против Сапаты не увенчалась успехом. Крестьянская масса центральных штатов Мексики крепко стояла за своего любимого вождя. В штате Морелос не осталось ни одного помещика. Крестьяне захватили не только свои прежние общественные владения, но и все помещичьи земли, так как помещики, понятно, оказались «врагами революции». Старая федеральная армия делала лишь ничтожные успехи, так как крестьяне с отчаянием защищали свои свежие завоевания. Между тем контрреволюционное движение против правительства Мадеро все усиливалось. Феликс Диац, племянник знаменитого диктатора, поднял знамя контрреволюционного восстания в штате Вэра-Круц.

В это, столь критическое для «мадеризма» время на помощь внутренней контрреволюции приходит иностранная дипломатия.

«Господину Генри Лейн-Вильсону, послу Соединенных Штатов в Мексике, казалась превосходной идея реставрации, и он в ряде статей в американской прессе высказывал суждения, благоприятные для замыслов бригадира (Викторiano Хуэрта)»¹.

Нам нетрудно угадать, какие мотивы заставляли американского посла оказывать поддержку нарастающей контрреволюции. Во время Диаца все иностранные капиталисты - банкиры, промышленники и коммерсанты—были настоя-

¹ Marquez Sterling, стр. 317.

щими правителями Мексики. Рабочая и крестьянская масса под железной пятой военно-бюрократической диктатуры молчала и работала для обогащения иностранцев и их мексиканских агентов. С наступлением режима Мадеро, когда рабочие и крестьянские массы стали приобщаться к общественно-политической жизни, их ненависть обращалась главным образом против иностранцев, бывших неограниченными владыками в период диктатуры Диаса.

Сначала иностранная буржуазия была ошеломлена неожиданной победой либеральной революции. Она скоро раскусила слабость бесцветного «мадеризма» и начала относиться к нему с презрением. Когда же консервативная часть мексиканского общества (аристократия, чиновничество и офицерство), стало все больше и больше говорить о реставрации, тогда иностранные колонии стали конспирировать вместе с нею против правительства Мадеро.

Американский посол был старшиной дипломатического корпуса и поэтому считал своей священной обязанностью защищать интересы всех иностранцев. А так как последние вздыхали о золотых временах Диаса, требовали реставрации, то он решил оказать содействие заговорщикам и соответствующим образом «обрабатывал мнение» влиятельных кругов Соединенных Штатов.

Мадеро и его ближайшие друзья абсолютно не отдавали себе отчета в грозящей им опасности. Веря в свое обаяние, свой демократизм, в свою популярность, они не предпринимали ничего против заговорщиков. Последние конспирировали против Мадеро и в армии и в гражданских органах управления.

«Мадеристы» не были в состоянии противопоставить какую-нибудь другую общественную силу этому контрреволюционному заговору. Они успели растерять уже свое былое влияние в широких массах населения. Рабочие говорили: «Они не исполняют своих обещаний». Индейцы жаловались: «Они не распределяют земель». А в это же время

президент устраивал пышные приемы в своем замке и агитировал испорченную до мозга костей мексиканскую аристократию, дабы она проникалась либеральными идеями»¹.

Наконец в феврале 1913 года некоторые военные части в столице открыто восстали против Мадеро. Во главе их стал упомянутый уже нами Феликс Диац. Повстанцы заняли цитадель в центре города и оттуда обстреливали правительственные здания. Так как почти все иностранные посольства находятся по соседству с цитаделью, иностранные дипломаты начали действовать. Вскоре состоялась первая дипломатическая «интервенция». Американский, германский, английский и испанский послы посетили Мадеро и требовали «прекращения военных действий».

Во время этого посещения американский посол Вильсон угрожал Мадеро от имени Вашингтона «последствиями», хотя, как потом выяснилось, не имел на это никаких полномочий от своего правительства².

«Впоследствии господин Вильсон утверждал, что американское посольство превратилось в центр деятельности в пользу человечества, но, по совести, по моему пониманию, по последующим показаниям испанского министра Кологана и другим многочисленным доказательствам, американское посольство на самом деле являлось тогда не чем другим как центром настоящего заговора против правительства.

Однажды утром Вильсон показал мне список всех организаций, будто бы поддерживающих племянника Диаца. Согласно этому списку не было почти в Мексике ни одного мирно настроенного гражданина.

— Господин министр!—воскликнул Вильсон— Мадеро—безумец и его сопротивление Феликсу Диацу совершенно бесполезно».

¹ Marquez Streling, стр. 342.

² Ibidem, стр. 371.

Вся вышеупомянутая цитата взята мною из записок упомянутого уже посланника республики Кубы, Маркеца Стерлинга. Дальше этот же дипломат передает:

«14 февраля утром я посетил американского посла.

— Президент Мадеро,—сказал он медленно,— несомненно, человек погибший, и навряд ли удастся нам, дипломатам, спасти его от печальной судьбы.

— Нам, дипломатам?—спросил я удивленно.

— Не всем, некоторым... Я собрал для этой цели министров Германии, Англии и Испании. Кроме того, поверенный в делах Франции уполномочен своим правительством дать и свое имя.

— И каков результат?—спросил я.

Посол поднялся и сказал:

— Ох, если бы президент был податливым, кризис можно было бы разрешить. Но, господин министр, нет никакого сомнения, что мы имеем дело с сумасшедшим, а от сумасшедшего нельзя ожидать никакой податливости.

Мной овладела глубокая печаль. Интервенция Соединенных Штатов и неминуемое поражение правительства Мадеро явно вытекали из странного поведения и разговоров посла. Контрреволюционный заговор вышел уже за рамки цитадели. Он гнезвился в душе господина Вильсона. Мадеро имел против себя уже не Феликса Диаса, но представителя президента Тафта»¹.

Дальше посланник Кубы передает:

«15 февраля, еще перед рассветом, американский посол призвал к себе немецкого, английского и испанского послов. Господин Вильсон, бледный, нервный и возбужденный, стал повторять уже успевшие надоесть слова:

— Мадеро—сумасшедший и должен быть законно объявлен неспособным для исполнения своей должности.

¹ Marquez Streling, стр. 404 — 405.

И затем, скрывая свои планы и заговор, в котором он был замешан, Вильсон прибавил:

— Это положение невозможно, я устрою порядок.

Эти слова он иллюстрировал сильным ударом кулака в находившийся около него стол, ударом, который был направлен по существу против Мексики, в голову Мадеро.

— 4 000 человек находится уже по дороге в столицу и придут сюда на рассвете,—продолжал взволнованный посол.—Мадеро безвозвратно погиб. Его падение—вопрос лишь часов и зависит от соглашения, заключаемого в данный момент между Хуэртой и Феликсом Диацим... С Хуэрттой я в контакте через некоего Энрике Сенедо, а с Феликсом Диацим—через одного американского врача, который посещает его от моего имени.

Затем Вильсон пустился уже в детали:

— Генерал Бланкет прибыл из Толюки во главе 2 000 человек. Мадеро полагается на него, но тот ждет лишь момента для удара. «Сумасшедший» едва может рассчитывать на батарею генерала Ангелеса. Пришло время, господа, известить Мадеро, что только отставка может спасти его.

Тут же Вильсон предложил, со всей соответствующей моменту торжественностью, чтобы господин Кологан взял на себя миссию довести до сведения президента этот невероятный приговор»¹.

Дальше испанский посланник без единого слова возражения согласился на эту позорную миссию, поехал в президентский дворец, и там между ним и Мадеро произошел следующий разговор.

« — Господин президент! Посол Вильсон созвал на рассвете нас, посланников Англии, Германии и меня, и изложил перед нами серьезность внутреннего и внешнего положения в данный момент, категорически утверждая, что для

¹ Смотри конфиденциальный доклад испанского посланника Кологана: B. J. C o l o g a n , Por la Verdad, Мексика, 2/VIII – 1914.

вас нет другого пути, кроме отставки, и предложил мне, министру Испании, как близкому вам по расе, чтобы я вам это объявил.

— А каково было мнение посланников?—задал неожиданно вопрос Мадеро.

— Мои коллеги,—воскликнул Кологан,—не возражали против этого и согласились с формой, предложенной тут же послом.

— А вы?—спросил Мадеро.

— Всякое мое сопротивление было бы бесполезно. Господин Вильсон изложил нам свое категорическое утверждение. Я пришел исполнить этот тяжелый долг»¹.

Мадеро отказался подать в отставку.

Я нарочно уделил много места этому описанию интриг дипломатического корпуса в Мексике, так как последний несет большую часть ответственности за организацию контрреволюционного переворота Викториано Хуэрта.

Хотя в колониальных и полуколониальных странах иностранные дипломаты весьма часто устраивают «революции», но в данном случае наглость американского посла и уступчивость его коллег навряд ли имеет равные себе примеры в истории новейшей империалистической дипломатии.

Посол Вильсон организует заговор против президента Мексики и посвящает в это дело многих коллег из дипломатического корпуса. Затем он поручает испанскому послу требовать от его имени отставки законно избранного президента Мексики. Тот слепо повинуется старшине корпуса.

Нужно отметить при этом, что ни Вильсон, ни другие посланники не имели никаких точных инструкций от своих правительств, которые бы уполномачивали их на эти, столь рискованные шаги.

¹ *Ibidem*.

Чем же объяснить это усердие не по разуму иностранных дипломатов, решившихся на столь прямое и рискованное вмешательство во внутренние дела Мексики без соответствующих полномочий?

Прежде всего Мексика до революции 1910 года являлась фактически полуколонией, где настоящими правителями были именно послы иностранных империалистических держав. Они так привыкли властвовать в Мексике впродолжение тридцатитрехлетнего периода диктатуры генерала Диаса, что тот короткий срок, который прошел от его падения до контрреволюционного заговора Хуэрты, не успел их еще отучить от старого взгляда. С другой стороны, многочисленные и влиятельные иностранные колонии, имеющие своим местом пребывания город Мексику и привыкшие прибегать всегда к помощи своих дипломатических представительств против местных властей, нажимали на податливых дипломатов, чтобы те покончили с «состоянием анархии».

Организованный при столь деятельном участии иностранного дипломатического корпуса заговор восторжествовал. Хуэрта сгруппировал около себя все контрреволюционные элементы, взял в плен Мадеро, а потом убил его коварным образом без суда и следствия и заставил напуганный Конгресс провозгласить себя временным президентом.

Нужно еще добавить, что американский посол Вильсон и его коллеги ответственны не только за свержение Мадеро, но и за его смерть. Когда Мадеро был взят в плен Хуэртой, упоминаемый нами посланник Кубы—Маркец Стерлинг—под влиянием просьб родственников несчастного президента пытался спасти его жизнь. Через его посредство семья Мадеро обратилась к американскому послу с просьбой повлиять на Хуэрту, чтобы тот передал пленного президента в посольство Кубы, откуда он на военном корабле должен был быть отправлен за пределы Мексики. Вильсон наотрез

отказался посредничать для спасения Мадеро. Остальные послы, ориентируясь на старшину корпуса, тоже ничего не сделали в этом направлении. Этот факт придавал смелость Хуэрте, и он приказал убить Мадеро.

Правительство Соединенных Штатов не одобрило действия своего посла. Правительство Хуэрты не было ими признано, а посол Вильсон—отозван из Мексики. Слишком груба была эта работа, чтобы правительство Соединенных Штатов могло взять на себя ответственность за нее.

Тем не менее американский посол действовал прежде всего в интересах американской колонии в Мексике, а затем—всех тех капиталистических кругов своего отечества, которые были сильно заинтересованы в восстановлении в Мексике военной диктатуры типа Диаса.

Отказ только что вступившего в должность президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона одобрить политику посла в Мексике был шагом политической дальновидности. Контрреволюция Хуэрты, убийство президента Мадеро и столь грубое вмешательство иностранных послов в мексиканские дела вызвали бурю негодования в широчайших слоях мексиканского народа. С тех пор чрезвычайно усилились антиимпериалистские течения не только в Мексике, но и во многих других странах латинской Америки. Отмежевание правительства Соединенных Штатов от грубостей и нахальства своего посла в Мексике лишь доказывает, что поведение последнего было настолько необычным, что даже твердолобые американские капиталисты не решились солидаризироваться полностью с зарвавшимся дипломатом. В общем нужно сказать, что контрреволюционный заговор Викторiano Хуэрты послужил могучим толчком к борьбе широких масс мексиканского населения против иностранного империализма.

ГЛАВА IX.

„КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ”.

„Карранцисты”.

Кровавый переворот военной клики, закончившийся свержением «конституционного правительства», и деятельное участие в этой контрреволюции официальных иностранных представителей вызвали волну негодования и возмущения во всей Мексике. Либералы, которые не успели еще окончательно разложиться за время диктатуры Диаса, снова начали оживленную деятельность. Левая часть их, не ассимилированная до сих пор иностранным капитализмом, стала во главе нового национально-революционного движения. Во время революции 1910 года они успели завязать контакт с рабочими и крестьянами и сейчас подняли знамя восстания против нового диктатора”—Викториано Хуэрты, под лозунгами: «За конституцию» и «За национальную независимость».

Вождем этого движения стал Венустиано Карранца, губернатор штата Коагиля, провозгласивший себя «шефом революции».

Он был помещиком из штата Коагиля, расположенного в той северной части Мексики, откуда ведется оживленная торговля с Соединенными Штатами. Сам он занимался не столько земледелием, сколько торговлей скотом в крупных размерах, и, следовательно, являлся уже помещиком не феодалного, а более капиталистического типа.

Карранца был весьма тонким политиком. После падения Мадеро он пришел к тому убеждению, что национально-либеральное движение в Мексике может победить лишь тогда, когда будет опираться на рабочие и крестьянские массы. Но вместе с тем, будучи буржуем-помещиком, Карранца являлся ярким противником классовой борьбы народных масс. Пользуясь тем, что значительная часть помещиков

Мексика, а также все капиталисты, промышленники и торговцы были иностранного происхождения, Карранца предполагал, что можно будет направить русло классовой борьбы рабочих и крестьян в сторону борьбы против иностранного капитализма и империализма.

Карранца получил с самого начала своей борьбы могучую поддержку со стороны крестьянских партизанских вождей севера. Среди последних самым знаменитым был сейчас Франциско Вилля.

Вилля был сыном бедного крестьянина штата Чигуагуа. Будучи еще юношей, он убил управляющего имением помещика того села, в котором жила его семья, так как последний изнасиловал его сестру. Потом Вилля бежал в горы и примкнул к бандитам и вскоре приобрел известность своими нападениями на помещиков, купцов и местную власть. Когда в свое время началось движение «мадеристов», Вилля связался с последними и получил «мандат» на организацию своего отряда. Он оказал «мадеристам» огромные услуги в борьбе против диязовской армии.

Когда началось восстание Карранцы против Хуэрты, Вилля присоединился к «конституционалистам». Благодаря своей популярности среди крестьян севера, он вскоре собрал около себя тысячи крестьянских партизан и организовал так называемую Северную дивизию. С этим отрядом он стал наносить поражение за поражением войскам Хуэрты. Этим побед Вилля достиг главным образом благодаря необычайной скорости передвижения своего отряда. Самой крупной из его побед было взятие железнодорожного узла Торреон.

Все это время между Вилля и Карранца возникали постоянные трения. Последний отлично сознавал, что «необузданный партизан» может когда-нибудь обратить оружие против него. Поэтому Карранца все время старался прибрать к своим рукам знаменитую Северную дивизию,

стараясь заменить Виллю кем-нибудь из своих близких людей. Так, однажды он назначил командующим этим отрядом генерала Альваро Обрегона, ставшего впоследствии президентом Мексики. Но Вилля не выпускал из своих рук командования Северной дивизией.

Однажды, для того чтобы «выяснить отношения», Вилля отправился в ставку Карранцы для личных переговоров с «шефом революции». В своей автобиографии ¹ Вилля описывает, что встреча была довольно холодная. После разговоров с Карранцей он-де понял, что их сотрудничество не будет продолжаться долго, так как Карранца хочет добиться своей революцией лишь политических целей, а он, Вилля, считает, что революция должна разрешить назревшие социальные проблемы, в особенности наделение крестьян землей.

Несмотря на свои «социальные стремления», Вилля, в отличие от Сапаты, не имел никакой программы. В тех местностях, которые он занимал своими отрядами, Вилля иногда проводил очень своеобразную «аграрную реформу»—убивал или изгонял помещиков, а их имения дарил своим сподвижникам. Но чаще всего Вилля ограничивался тем, что донимал помещиков «контрибуциями» и «реквизициями»

Ненавидящие Вилля помещики часто засыпали Карранцу своими жалобами, и этим объясняются в значительной степени те трения, которые имели место во время «сотрудничества» этих двух вождей.

Несмотря на эти трения, так или иначе крестьянство севера поддержало Карранцу, и, опираясь на него, он создал свою «конституционную армию». Эта армия отличалась тем, что весь командный состав был создан из новых людей,

¹ Вилля был безграмотным; эта „автобиография” составлена одним из его сподвижников со слов самого Вилля, помещена в журнале „La Semana”. Лос-Анджелос, июнь 1918.

без какого бы то ни было участия военспецов, которые почти все отошли к Хуэрте. Все знаменитые генералы «конституционной армии», как Обрегон, Кайес, Саенц, Кандидо, Агвила и другие, вышли или из среды местных либеральных помещиков, или же из учителей, крестьян, и разночинной интеллигенции. Эта армия, партизанская в своей основе, составила те кадры, из которых создана современная мексиканская армия.

Но не все крестьяне Мексики пошли под знамя «карранцистов»: «сапатисты» сохранили свою независимость.

Карранцисты и крестьянское движение.

Когда старый диацовский генерал Викториано Хуэрта после кровавого переворота захватил власть в столице, ближайшим его врагом оказался Эмилиано Сапата.

Крестьянское движение «сапатистов» имело не только своего вождя, но и свою программу. Сапата не был одним из многочисленных крестьянских партизан Мексики, вроде Ороско, Вилля и других. Это был истинный вождь революционного крестьянства. Благодаря этому крестьянская масса всего юго-запада Мексики крепко стояла за своего вождя. Он ведь не ждал окончания революции, дабы наделить крестьян землей; в штате Морелос, где Сапата крепко держал власть в своих руках, он успел разделить всю землю между крестьянами.

Хотя в распоряжении нового диктатора, Хуэрты, была федеральная армия, он не мог победить Сапату. Штат Морелос, несмотря на свою близость в столице, отделен от последней цепью высоких гор. В них и засели крестьянские отряды Сапаты, готовые защищать до последнего свои революционные завоевания. Их борьба увенчалась успехом настолько, что движение «сапатистов» скоро вышло за пределы штата Морелос и стало распространяться на соседние штаты. Не раз отряды Сапаты появлялись на подступах к столице.

Таким образом «сапатисты» держали как бы в осаде главные силы Викториано Хуэрты и этим дали возможность и время сорганизоваться на севере Мексики «карранцистам».

Но сами «сапатисты» решили не идти под команду Карранцы, а сохранить свою самостоятельность.

Свое отношение к «карранцистам» «сапатисты» объясняют в «Манифесте к нации» (опубликованном в селе Хохутля штата Морелос 18 апреля 1916 года) следующим образом:

«Нет ничего более великого, более важного для революции, чем аграрный вопрос, являющийся основой и высшей целью освободительного движения, начавшегося в 1910 году и с тех пор дважды сделавшегося жертвой предательства: первый раз изменили «мадеристы», которые легко забыли свои обещания, второй раз измена пришла со стороны темной фракции Венустиано Карранцы—фракции, которая, расточая фразы радикализма, чистоты и непримиримости, выродилась в абсурдную форму реакции, в позорный и невероятный пакт с крупными землевладельцами...

Помещики являются захватчиками всех естественных богатств (земель, вод, лесов, плантаций и т. д.). Они были хозяевами виселицы и ножа, распоряжаясь по своему усмотрению жизнью своих подданных. Помещик, всемогущий магнат, который играл, как пешками, судьями и губернаторами, был паразитом, ничего не производящим, он был бесполезным и вредным колесом в социальном механизме...

Поэтому революция не входит ни в какие переговоры с латифундистами. Она, в доброй вере, принимает промышленника, коммерсанта, горнозаводчика, дельца, одним словом - всех активных предпринимателей, которые открывают новые пути в промышленности и дают работу большим группам рабочих, которые своими собственными усилиями начнут создавать в свою очередь человечество будущего.

Но революция не потерпит помещика, монополизатора земель, узурпатора национальных богатств, непроеизводительное и праздное существо. Против него идет борьба, против него направлена непримиримость. Для его уничтожения возникла революция...

Ясно, что наши принципы совершенно отличны от тех, которыми руководятся «карранцисты»...

Мы делим поместья между крестьянами, а «карранцисты» возвращают их помещикам и объединяются с последними для того, чтобы бороться против тех, которые требуют хлеба и земель»¹.

В этом манифесте особенное внимание привлекает к себе то место, где Сапата, проповедуя уничтожение всех помещиков, мирится вполне с существованием промышленных и торговых капиталистов. Это заигрывание с капиталистами обнаруживает чисто крестьянский характер восстания «сапатистов» и полное отсутствие понимания опасностей, грозящих мексиканскому крестьянству со стороны иностранного капитала.

Дальше мы увидим, как это пренебрежительное отношение к опасностям, грозящим Мексике со стороны иностранного империализма, послужит одной из причин поражения «сапатистского» движения.

Будучи чисто крестьянским, движение «сапатистов» не сумело:

- 1) стать общенациональным крестьянским движением Мексики (оно не охватило севера и юго-востока);
- 2) организовать правильный правительственный аппарат;
- 3) создать единый фронт между крестьянским движением и рабочими организациями;
- 4) организовать более или менее регулярную армию.

¹ „Mexico Revolucionario a los Pueblos de Europa y America”, Гаванна, 1918 г.

Что представляла собой «сапатистская» «освободительная армия»?

Обычно Сапата держал постоянно около себя лишь небольшой сравнительно отряд, с которым и производил партизанские набеги. В случае надобности, например, при вторжении неприятеля на его территорию, Сапата мобилизовал крестьянство подвластных ему местностей для борьбы против непосредственно угрожающей опасности. Когда последняя миновала, крестьянство расходилось опять по домам для своих обычных занятий. Для организации армии «сапатистам» недоставало также оружия и денег. («Карранцисты» покупали оружие в Соединенных Штатах, а деньги брали из таможенных доходов.)

Когда был разбит Хуэрта, то к столице сошлись отряды трех главнейших вождей революции: Карранцы, Сапаты и Вилля. К этому времени произошел окончательный разрыв между Карранцой и Вилля, и последний сблизился с Сапатой. Оба они заняли город Мексику и таким образом фактически оказались у власти. Они решили не признавать провозгласившего себя временным президентом Мексики Карранцы, но сами не сумели организовать национальное правительство. Сапата и Вилля, простояв некоторое время в столице, вернулись к своим отрядам. Тут-то сказалось бессилие чисто крестьянского движения: оно сумело разбить контрреволюцию с ее правильно организованной армией, но не сумело удержать власть в своих руках.

Таким образом в это время, в начале 1915 года, в Мексике отсутствовало какое бы то ни было «национальное правительство». Страна оказалась разделенной на три «сферы влияния»: Карранцы, Сапаты и Вилля.

Тогда в Вашингтоне, по инициативе и под влиянием правительства Соединенных Штатов, в кабинете статс-секретаря Лансинга собрались аккредитованные при вашингтонском правительстве дипломатические представите-

ли американских государств и решили «работать для умиротворения в Мексике». В результате была выработана и отправлена в Мексику «всем начальникам революционных сил» сборная нота за подписью Лансинга и других латиноамериканских дипломатов. В этой ноте, данной в Вашингтоне 15 августа 1915 года, Лансинг и другие дипломаты проливают горькие слезы по поводу той кровавой гражданской войны, которая-де уж столько лет свирепствует в Мексике, и предлагают «всем революционным вождям свое посредничество для создания Временного правительства, которое предприняло бы первые шаги для конституционной реконструкции страны и приступило бы к организации самой важной меры: организации выборов»¹.

Посылка этой ноты была попыткой Соединенных Штатов усилить свое политическое влияние в Мексике, столь пошатнувшееся со времени контрреволюционного переворота Хуэрты; сотрудничество «представителей латиноамериканских стран» было привлечено для маскировки.

Нота эта была отправлена Карранце, Сапате и Вилле.

Неискушенные в политике крестьяне—Сапата и Вилля ответили в Вашингтон согласием на предложение этого посредничества. Совершенно иначе поступил хитроумный политик Венустиано Карранца. В своем пространном ответе от 10 сентября 1915 года Карранца прежде всего сваливает ответственность за анархическое состояние Мексики на заговор Викторiano Хуэрты и всех его участников, упоминая тут же и «иностранных официальных представителей». Переходя затем к предложению о посредничестве для переговоров «с вождями бунтующей партии», Карранца считает такое предложение со стороны иностранных представителей обидным, так как оно-де равносильно вмешательству

¹ Смотри сборник дипломатических документов правительства Карранцы. „Labor Internacional de la Revolucion Constitucionalista de Mexico”, Мексика, 1918, стр. 72—73.

иностранных государств во внутренние дела Мексики, что является «прямым нарушением суверенитета нации»¹.

Этот решительный ответ был первой политической победой Карранцы над вождями крестьянского движения.

Антиимпериалистическая тактика «старого бородача» дала ему возможность прибрать к рукам рабочее движение.

Рабочее движение и конституционалисты.

Когда произошел контрреволюционный переворот Викторiano Хуэрты, рабочие, скученные в промышленных центрах, в столице и соседних с ней штатах, почувствовали тяжесть происшедшего переворота сильнее, чем крестьяне.

Крестьяне сделали до тех пор еще мало экономических завоеваний. Кое-где, в штате Морелос да еще в некоторых местах, они захватили «самочинно» некоторое количество помещичьих земель. Главным завоеванием крестьян за время революции было вооружение самой активной части крестьянства.

Мадеро пытался ударить как раз по этому главному завоеванию: его правительство стало разоружать крестьян, поэтому последние не очень-то горевали по поводу переворота Хуэрты. По мнению самой передовой части мексиканских крестьян, «сапатистов», Мадеро был точно таким же контрреволюционером, как и Хуэрта,—он ведь не только не провел обещанной аграрной реформы, но еще пытался разоружить крестьян. По этим же соображениям «сапатисты» отказались сотрудничать с «карранцистами», которых считали последователями Мадеро, а вели борьбу на два фронта: против консерваторов и национал-либералов.

Хуэрта, захватив власть, прежде всего обрушился на рабочие организации. Он считал необходимым держать в ежовых рукавицах прежде всего городское население.

¹ „Labor Internacional. . . . ”, стр. 86 — 87

К этому времени рабочее движение в Мексике уже приобрело значительный размах.

Во всех промышленных центрах, в городах - Мексике, Оризаба, Пуэбла, Вэра-Круц, Тампико, а также на севере Мексики успел возникнуть уже целый ряд профессиональных союзов. Выше мы уже говорили о создании в столице организации под названием «Дом рабочих мира». Это не был профессиональный союз. Организация эта представляла собой как бы агитпроп рабочего движения в Мексике. Здесь дискутировались вопросы рабочего движения, отсюда разъезжали по всей стране агитаторы и организаторы, создавшие рабочие организации на местах.

Эта организация находилась под влиянием анархо-синдикалистского течения. Молодость мексиканского рабочего класса, его связь с мелкой буржуазией и влияние испанской эмиграции способствовали успеху анархо-синдикалистской пропаганды. Она соответствовала также интересам самих лидеров, которым «спокойнее было» не вмешиваться в мексиканскую политику.

Этот политический оппортунизм проявился весьма выпукло вначале диктатуры Хуэрты.

«Дом рабочих мира» организовал впервые в истории Мексики празднование первомайского праздника в 1913 году. Была организована большая демонстрация в столице. В ней участвовало около 20000 человек. Главными лозунгами демонстрантов были восьмичасовой рабочий день и воскресный отдых. Несмотря на господство контрреволюции, политические лозунги совершенно отсутствовали.

Вскоре после этого, 25 мая того же года состоялась другая демонстрация, во время которой некоторые ораторы резко критиковали режим контрреволюции и призывали к борьбе против нее. Но когда многие лидеры «Дома рабочих мира» были благодаря этому арестованы, а некоторые изгнаны, и когда правительственные газеты стали обвинять

эту рабочую организацию в участии в «мадеристском заговоре», тогда 2 июня 1913 года общее собрание «Дома» приняло следующую резолюцию:

«1. «Дом рабочих мира», верный своим принципам и синдикалистским традициям, объявляет, что не занимается и не будет заниматься политикой.

2. Если какой-нибудь оратор на собрании будет затрагивать политические темы, он будет призван к порядку председателем собрания.

3. «Дом рабочих мира» подтверждает еще раз свое синдикалистское кредо и объявляет, что его задачей является привлечение рабочих в русло профессиональных организаций»¹.

Несмотря на столь оппортунистические тенденции в верхах рабочих организаций, правительство Викторiano Хуэрты усиливало свои репрессии по отношению к ним. Излюбленным методом репрессий была так называемая «лева», т. е. насильственное рекрутирование рабочих в ряды контрреволюционной армии.

Наконец в мае 1914 года Хуэрта закрывает «Дом рабочих мира».

Все эти преследования усилили в рабочей среде симпатии к революционному движению против диктатуры.

Некоторые активные деятели симпатизировали «сапатистам». Один из рабочих лидеров - Антонио Сото-и-Гама покинул столицу, примкнул к Сапате и стал вскоре одним из лидеров этого движения.

Сапатисты привлекли к себе революционно настроенных рабочих благодаря своей «революционной непримиримости»: ведь они боролись с Диацом, затем с Мадеро, после— против Хуэрты и даже против Карранцы, боролись решительно против всех. Эта кажущаяся «революционная чистота»

¹ „Las Pugnas de la gleba”, стр. 69 — 70

та и непримиримость» нравилась именно тем рабочим деятелям, которые были воспитаны в анархо-синдикалистской школе, а расплывчатые формы крестьянской организации совершенно их не пугали. Наоборот, они предоставляли больше свободы «инициативе личности».

Несмотря на эти симпатии, «сапатисты» главным образом благодаря своей организационной слабости не сумели овладеть рабочим движением.

В самый критический момент, в 1915 году, когда пала диктатура Хуэрты, когда «сапатисты» и «виллисты» заняли столицу—одним словом, когда крестьянское революционное движение достигло высшей точки своего развития, тогда как раз и обнаружилась политическая и организационная слабость крестьянского движения.

Хотя Сапата и Вилля завладели столицей Мексики и кроме того под их властью находилась большая часть мексиканской территории,—они не сумели организовать правительство в национальном масштабе. В то же самое время они совершили крупнейшую политическую ошибку, согласившись на предложение статс-секретаря Соединенных Штатов Лансинга о посредничестве для организации правительства в Мексике, между тем как «карранцисты» ловким ходом отвергли это посредничество во имя «суверенитета нации».

Эти два факта усилили в рабочей среде симпатии к «конституционалистам».

«Карранцисты» умело воспользовались этими настроениями. Военный министр Карранцы, генерал Обрегон, за короткое время, когда столица была в его руках, успел привлечь на свою сторону многих рабочих лидеров разными подачками. Между прочим он отдал в распоряжение «Дома рабочих мира» два лучших здания в городе, а также давал этой организации и другим рабочим союзам денежные субсидии.

После того как «карранцисты» были принуждены отдать столицу крестьянским партизанам, Карранца, занимавший восточные штаты вместе с портом Вэра-Круц, отрезал подвоз продовольствия к столице. Благодаря этому рабочие массы стали испытывать голод. Агенты Карранцы ловко использовали возникшую на этой почве панику, предлагая рабочим покинуть столицу и присоединиться к «конституционалистской армии». Тогда-то, весной 1915 года состоялось знаменитое общее собрание организации «Дома рабочих мира», где до известной степени была решена судьба мексиканской революции. Сначала на этом собрании взяли верх «примиренческие настроения». Большинство присутствующих склонялось к тому, что нужно примирить всех революционных вождей (Карранцу, Сапату и Вилля). Даже уже была принята единогласно резолюция, постановляющая опубликовать соответствующий манифест в примиренческом духе.

Уже после единогласного принятия этой резолюции один из агентов Карранцы (Др. Атль) в решительных словах потребовал от собравшихся поддержать «карранцистов».

И то же собрание, которое только что единогласно решило взять курс на «примирение», сейчас так же единогласно постановило поддержать «конституционалистов».

После этого собрания «карранцисты» начали энергичную кампанию за призыв рабочих к оружию «для защиты революции».

Что же скрывалось под этим туманным лозунгом?

Военная диктатура Викторiano Хуэрты уже пала. Мексика находилась во власти трех революционных группировок—«карранцистов», «сапатистов» и «виллистов». Ясно было, что «карранцисты» желали вооружить рабочих для борьбы против Сапаты и Вилля, т. е. против революционного крестьянства. Политически наивные рабочие организации дали вовлечь себя в эту, по существу, контрреволюционную комбинацию.

«Дом рабочих мира» опубликовал новый, весьма длинный и туманный манифест. В нем говорилось, что рабочие должны сражаться за победу революции, против буржуазии, за улучшение материального и правового положения рабочих, а также бороться против «профессиональных милитаристов» и духовенства.

В конце этого манифеста было опубликовано соглашение между «Домом» и правительством Карранцы. Оно состояло в следующем.

«1. Конституционное правительство подтверждает свое решение улучшить с помощью соответствующих законов условия жизни рабочих, декретируя во время борьбы все те законы, которые необходимы для выполнения этого решения.

2. Рабочие, с целью ускорить победу конституционной революции и сделать шаг вперед для осуществления идеи социальной революции, избегая по возможности излишнего кровопролития, подтверждают принятое уже решение о действительном и практическом сотрудничестве для победы революции. Они должны взять в свои руки оружие либо для гарнизонной службы в занятых уже конституционалистами местностях, либо для борьбы против реакции.

3. Для исполнения решений, заключающихся в двух предыдущих параграфах, конституционное правительство обещает защищать справедливые претензии рабочих в тех конфликтах, которые могут возникать между ними и предпринимателями на почве трудовых договоров.

4. В местностях, занятых кинституционалистами, рабочие, с согласия военных плац-комендантов, организуются для обороны и сохранения порядка.

.

6. Рабочие «Дома» развертывают агитацию и пропаганду с целью получения поддержки со стороны всех рабочих республики, а также рабочих всего мира для конституцион-

ной революции...

7. Рабочие всюду, где это необходимо, организуют свои центры и революционные комитеты, которые, кроме пропагандистской работы, должны заботиться о создании рабочих организаций и о сотрудничестве последних с конституционным правительством.

8. Рабочие, вступающие в ряды конституционной армии, выделяются в особые военные части, которые будут носить одно наименование «красных» (красные компании, батальоны, полки и т. п.)»¹.

Рабочие действительно стали вооружаться и организоваться в «красные батальоны». «Дом рабочих мира» организовал Революционный комитет, руководящий формированием этих батальонов.

Участвующая в «красных батальонах» рабочая масса действительно была революционно настроена, но так как среди них не велась никакая политическо-воспитательная работа, то эта революционность получила совершенно ложное направление.

Отсутствие политической работы в этих своеобразных военных частях объясняется очень просто. Борьба велась не против буржуазии, а против революционного крестьянства, поэтому лидеры этого движения предпочитали скорее затемнять классовое сознание рабочих.

Хитрый Карранца сразу направил эти батальоны в те места, где они должны были столкнуться с «сапатистами» и «виллистами», и там расположил их лагерем. В некоторых местах среди «красных батальонов» стало распространяться недовольство поведением Революционного комитета. Ходили слухи о расхищении членами его денег из отпущенных правительством Карранцы сумм. Во многих местах рабочие потребовали переизбрания состава революционных комите-

¹ „Las Pugnas de la gleba”, стр. 99 — 100.

тов, с тем, чтобы туда были влиты новые люди из низов. Но испорченные карранцистскими деньгами лидеры пустили в ход разные интриги. Так, например, когда батальон типографских рабочих постановил ввести контроль над расходом отпускаемых правительством сумм с целью улучшить материальное положение рядовых, лидеры распустили слухи, что «агитаторы» хотят убить всех ответственных работников. Этим лидеры добились ареста активной части оппозиции.

Весьма интересно отметить то глупое положение, в которое попали анархо-синдикалистские лидеры. Сначала, как мы видели, они выступали против поддержки «карранцистов», рекомендуя рабочим массам «политическое воздержание». Когда же масса рабочих под влиянием революционности обстановки дала себя вовлечь в эту военную организацию национал-либералов, направленную против революционного крестьянства, тогда почти все активные анархо-синдикалисты вместе с массой тоже приняли участие в «красных батальонах».

Организация «красных» частей быстро подвигалась вперед. Вскоре было организовано 6 батальонов, которые были распределены между различными частями войск Карранцы. Когда их организация была закончена, «старый бородач» сразу двинул их на борьбу против революционного крестьянства. Отряды эти сражались в штатах Пуэбла и Тлаксколя против «сапатистов»; последние около Тлаксколя нанесли «красным» чувствительное поражение. На севере «красные» сражались против отрядов Вилля. Одним словом, ни в одном месте эти рабочие части не сражались против буржуазии, а всюду - против революционного крестьянства.

Осенью 1915 года, когда большинство территории Мексики очутилось уже под властью «карранцистов», «красные» возвращаются в столицу. Они вновь открывают «Дом рабочих мира» и публикуют манифест, где выставляют

свою ближайшую программу деятельности в следующем виде:

1. Образование генеральной рабочей конфедерации с присоединением ее к Интернационалу.

2. Распространение среди рабочих «рационалистского образования».

В скором времени «Дом» действительно организует «Федерацию рабочих синдикатов Федерального дистрикта», объединяющую в себе массу существующих в столичном районе разнородных профессиональных союзов. Как лидер этой новой организации видную роль начинает играть бывший рабочий-электротехник Люис Моронес.

Организовавший «красные батальоны» Революционный комитет желал сохранения этих военных частей. Но Карранца рассудил иначе. Он решил покончить с этими военными частями, сослужившими ему хорошую службу в борьбе против крестьян, но которых он боялся. В январе 1916 года все «красные батальоны» были распущены; часть их участников, не пожелавших покидать военной службы, распределена по другим частям. В результате лишь некоторые лидеры составили себе карьеру.

Описанный только что нами период рабочего движения является переломным в истории Мексики. Он дает направление на сравнительно долгий период главному руслу рабочего движения.

До этого времени рабочее движение в Мексике находилось почти всецело под влиянием анархо-синдикалистов; в описываемый период оно становится «государственным», причем, как мы увидим, до некоторой степени будет проникаться идеологией американского лаборизма.

Каковы были причины этого столь резкого перелома?

Причины надо искать в той революционной обстановке, в которой находилась тогда Мексика.

Когда вспыхнула революция 1910 года, мексиканское

рабочее движение было еще совершенно молодым. Оно не могло и не сумело выступить в роли застрельщика мексиканской революции. Наоборот, движение это все время плелось в хвосте революции.

Особенность мексиканских условий привела к тому, что первой революционной силой в Мексике явилось пролетаризованное крестьянство. Но оно благодаря своей политической и культурной отсталости и благодаря своей разобщенности не могло явиться организатором как революции, так и революционной власти. Оно не могло, следовательно, повести за собою и рабочее движение.

Передовой отряд мексиканского революционного крестьянства—«сапатисты» хотя и были отличными борцами против помещиков, но не сумели связать этой борьбы с другими вопросами, стоявшими перед мексиканской революцией. Так, например, в своем манифесте, опубликованном в Хохутле, который мы приводили выше, они считают лишь помещиков врагами революции, а капиталистов—«общественно-полезным элементом». Правда, в 1916 году, уже после того как национал-либералы двинули против «сапатистов» «красные батальоны», «сапатисты» спохватились, что сделали крупную ошибку, не уделив достаточного внимания рабочему вопросу.

Тогда-то «сапатисты» впервые публикуют свою «Рабочую программу»¹. Вот ее основные пункты.

«...§ 6. Предупредить нужду и вымирание рабочих путем соответствующих социальных и экономических реформ, а именно: нравственным воспитанием, законами о несчастных случаях во время работ, законами о пенсиях, регламентацией часов работы, распоряжениями, обеспечивающими гигиену и безопасность в мастерских, фабриках и шахтах...

§ 7. Признать права юридических лиц за рабочими сою-

¹ „Mexico Revolucionario ” стр. 38 — 39.

зами и обществами, дабы предприниматели, капиталисты и хозяева имели дело с крепкими и хорошо организованными союзами, а не с индивидуальными и беззащитными рабочими.

§ 8. Гарантировать рабочим права на забастовку и бойкот.

§ 9. Запретить «районные лавки» и расплату за наем товарами во всех предприятиях республики».

Эта первая рабочая программа «сапатистов» появилась слишком поздно. Многие из этих требований местами были уже удовлетворены благодаря борьбе рабочих организаций. «Сапатистам» поэтому не удалось привлечь на свою сторону рабочий класс Мексики.

Таким образом, особенностью тогдашнего рабочего движения был разрыв между рабочими и крестьянами Мексики.

В Мексике не удалось создание единого рабоче-крестьянского фронта, что определило на долгое время судьбы мексиканской революции.

Большая часть рабочих организаций, покинув наивных анархо-синдикалистов, подчинилась руководству национал-либералов, сумевших организовать революционное правительство.

«Карранцисты» привлекли на свою сторону рабочих двумя реальными лозунгами: 1) стремлением к национальному объединению республики и 2) борьбой против иностранного империализма.

Пренебрежение борьбой против иностранного империализма было крупнейшей ошибкой со стороны передовой крестьянской революционной организации, «сапатистов».

Локальность характера всех мексиканских крестьянских движений, в том числе и «сапатизма», являлась главной причиной отсутствия понимания этих двух важнейших задач, которые удалось разрешить национал-либералам.

Нельзя винить мексиканских рабочих за то, что они поддерживали либералов в борьбе за объединение и независимость Мексики. В условиях угрозы иностранного империализма эта борьба являлась безусловно революционной, и рабочие обязаны были ее поддержать. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что как раз эта борьба лучше всего может осуществляться на основе существования единого фронта рабочих и крестьян.

Находящееся отчасти под влиянием помещиков, либеральное течение «карранцистов» не встало на этот путь. Оно захватило власть в стране как раз противоположным методом—оно разъединило рабочих и крестьян.

Это был, безусловно, шаг назад в истории мексиканской революции.

ГЛАВА X.

БОРЬБА НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛОВ С ИНОСТРАННЫМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ.

Социальная база „карранцистов“.

Главной заслугой «карранцистов» является то, что они первые поняли во всей широте опасность иностранного империализма и первые начали с ним борьбу.

Мы уже указывали, что времена диктатуры Диаса были в Мексике золотым веком для иностранного капитала. Тогда-то иностранцы, главным образом англичане и американцы, вкладывали большие капиталы в разные предприятия Мексики. Сперва эти капиталы вкладывались в железнодорожные концессии, затем—в банки и в горные предприятия.

В 1900 году начинается в Мексике эксплуатация нефтяных источников. Нефтяные источники оказались здесь настолько богатыми, что в течение короткого времени добыча нефти достигла крупных размеров. Развитию ее способствовало и то обстоятельство, что главные местонахождения нефти отличались чрезвычайно удобным географическим месторасположением. Они находились вблизи морского берега и по соседству с границей Соединенных Штатов.

Добыча нефти развивалась весьма быстрым темпом, что ясно из следующих цифр.

Годы.	Добыча нефти в куб. метрах.
1901.....	1 645
1905.....	39 944
1910.....	577 755
1913.....	4 085 261
1915.....	5 229 480
1917.....	8 790 583
1919.....	13 843 077 ¹

¹ „La Riqueza de Mexico”, Издание госуд. департ. статистики, I 26 г. стр. 13 — 14.

Итак, уже во времена Карранцы Мексика по добыче нефти опередила Россию и заняла второе место в мире.

Как известно, нефтяные богатства имеют то свойство, что они являются крупнейшей притягательной силой для иностранного империализма. Нефтяное дело было начато в Мексике английским капиталом, но вскоре американские нефтепромышленники явились сильнейшими конкурентами англичан, и уже во времена Карранцы они как эксплуататоры нефтяных богатств заняли первое место в Мексике.

Здесь нужно отметить одно важное обстоятельство: во времена диктатуры Диаца нефтяные концессионеры не платили никаких налогов мексиканскому правительству. Только в 1912 году, т. е. уже во времена правительства Мадеро впервые ими был уплачен налог в размере 494275 мексиканских пезо. Но уже в 1919 году этот налог достиг крупных размеров, а именно суммы в 16 690 622 мексиканских пезо¹.

Ясно, что иностранные концессионеры были чрезвычайно недовольны налоговой политикой мексиканских национал-либералов. Они вздыхали по временам Диаца, когда были свободны от всяких финансовых повинностей. Это недовольство нефтяных королей послужило одной из первостепенных причин организации контрреволюционного заговора Викторiano Хуэрты.

Но диктатура Хуэрты пала под ударами мексиканских революционных крестьянских отрядов. После этого поддерживавшие ее иностранные капиталисты поняли, что не так уже легко устроить и защитить контрреволюцию в Мексике, и они изменили свою тактику.

Один из апологетов правительства Карранцы характеризует стремление иностранных капиталистов следующим образом:

¹ „La Riqueza de Mexico”, стр. 43.

«В своем классовом эгоизме иностранные капиталисты, действующие в Мексике, стремятся к «гражданскому миру» всякой ценой; в своем нетерпении плутократов они не видят другого средства для его достижения, кроме помощи со стороны правительства «железной руки»¹.

Таким правительством, по понятию иностранных империалистов, было правительство Порфирио Диаса и должно было стать правительство Хуэрты.

Но оба эти правительства обанкротились. Оставался, правда, путь открытой интервенции со стороны правительства Соединенных Штатов, но последнее не решалось пока на этот шаг.

«Не станут сейчас интервенировать с оружием в руках Соединенные Штаты. Они это сделают лишь тогда, когда Мексика станет совершенно дезорганизованной, обедневшей, поваленной и растерзанной. Сейчас Соединенные Штаты ограничиваются душением Мексики с помощью финансовой блокады, парализацией нашей страны экономическим кризисом. Война с Мексикой ведется при помощи самих же мексиканцев. Революционный кризис Мексики напоминает собою революционный кризис Техаса, когда последняя провинция была мексиканской и просила помощи у Соединенных Штатов»².

Факты подтвердили правильность вышеприведенного утверждения.

Когда, как мы упоминали выше, правительство Соединенных Штатов предложило Мексике свое посредничество в переговорах между «карранцистами», «сапатистами» и «виллистами», то оно, конечно, не имело в виду спасти движение революционного крестьянства. Оно хотело лишь помешать образованию независимого центрального прави-

¹ E. Gonzalez Blanco, Carranza y le Revolución Mexicana.

² E. Gonzalez Blanco, Carranza y la Revolución Mexicana, Валенция, стр. 19.

тельства Мексики, оно стремилось продлить в Мексике состояние анархии.

«Карранцисты» отлично понимали, какие выгоды будут иметь иностранные империалисты от этого продления состояния анархии в Мексике. Поэтому они выступали всегда как сторонники централизации власти и борьбы с иностранным империализмом.

Какова была вообще идеология руководящей группы «карранцистов»?

Упомянутый уже нами апологет Карранцы пишет:

«Целью настоящей революции является создание в Мексике среднего экономического класса, не зараженного эгоизмом богатых классов. Без этого класса не может существовать социальное равновесие и не может удержаться демократическая форма правления»¹.

Таким образом правительство Карранцы было проникнуто мелкобуржуазной идеологией. Оно опиралось на мелкую буржуазию, а в особенности, на мексиканскую интеллигенцию, которую, привлекало к себе своим национализмом.

Но мелкобуржуазное правительство не могло бы существовать без поддержки со стороны хотя бы части рабочих и крестьян, и поэтому «карранцисты» ищут этой поддержки. Несмотря на свою борьбу против «сапатистов» и «виллистов», Карранца мирится с фактом захвата «сапатистами» помещичьих земель в штате Морелос, и этим он усыпляет революционную бдительность крестьян и ослабляет движение Сапаты. Вообще постоянной тактикой Карранцы в борьбе против «сапатистов» и «виллистов» было делать уступки крестьянам как раз в тех местах, где эти движения были особенно сильны.

¹ *Ibidem* стр. 20.

Но Карранца тщательно избегал проведения аграрной реформы в национальном масштабе. Он не хотел иметь против себя весь класс помещиков.

Мы видели уже выше, каким образом использовал Карранца рабочее движение.

Правительство Карранцы—это первый опыт со стороны мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции опереться на широкие народные массы. В этом опыте главным козырем в руках «карранцистов» явилась борьба против империализма Соединенных Штатов.

Карранца и Соединенные Штаты.

1. Конфликт в Вера-Круц.

В 1914 году, когда столица Мексики и главные ее порты находились еще во власти контрреволюционного правительства Хуэрты, в порте Вэра-Круц произошло столкновение между американскими матросами и мексиканскими солдатами. В результате несколько американских матросов были арестованы мексиканской полицией. Правительство Соединенных Штатов потребовало от Викториано Хуэрты «удовлетворения и возмещения убытков». Последний, может быть потому, что Соединенные Штаты до сих пор не признали его правительства, отказался «возместить убытки». Тогда американский морской десант занял порт и таможню Вэра-Круц, лишая, таким образом, правительство Хуэрты возможности сбора таможенных доходов, что являлось для мексиканского диктатора чрезвычайно чувствительным ударом.

В это время повстанческие отряды «карранцистов» занимали уже значительную часть мексиканской территории к северу от столицы и порта Вэра-Круц, а также часть побережья Мексиканского залива. Правительство Соединенных Штатов, не желая преждевременно ссориться с Карранцой,

отправило ему через своего агента Карротерса следующую неофициальную ноту:

«22 апреля 1914 года. Господину Венустиано Карранца.

Я получил следующую инструкцию от статс-секретаря, господина Брайена:

«Соизвольте увидеть господина Карранцу и ознакомить его с точкой зрения президента. Президент не желает, как могло бы это показаться, чтобы Конгресс уполномочил его вести войну. Все, чего он просит и на что последует согласие, это—резолюция, уполномачивающая его употребить вооруженную силу, для того, чтобы добиваться удовлетворений и возмещений за конкретно изложенные обиды. Он проявил специальную осторожность в проведении различия между генералом Хуэртой и его сторонниками—с одной стороны, а мексиканским народом—с другой, обнаруживая таким образом свое расположение в пользу мексиканского народа. Его живейшим желанием является, чтобы самому мексиканскому народу удалось установить конституционное правительство. Занятие таможни Вэра-Круц являлось необходимостью ввиду отказа Хуэрты в уплате должных возмещений за арест американских матросов. Согласно сообщениям печати, конституционалисты находятся в стороне от этого инцидента, занимая особое положение, и мы надеемся, что они отнесутся правильно к шагу господина президента и не истолкуют ложным образом его поведения.

Я был бы очень польщен, если бы вы изложили свое мнение о вышесказанном, с тем условием, если это желательно, что оно будет считаться конфиденциальным, предназначенным единственно для сведения господина президента и статс-секретаря Брайена. Карротерс».

На эту полуофициальную ноту Карранца ответил следующим образом:

«В ожидании резолюции, которую американский Сенат вынесет по сделанному вашим превосходительством сооб-

щению по поводу достойного сожаления инцидента между экипажем шлюпки броненосца «Дельфин» и солдатами узурпатора Хуэрты, морская эскадра под командой адмирала Флетчера уже открыла враждебные действия, заняв порт Вэра-Круц. Перед этим фактом нарушения национального суверенитета, которого конституционное правительство никак не ожидало со стороны правительства, заявившего о своем желании сохранять мир с мексиканским народом, я исполняю долг возвышенного патриотизма, направляя вам настоящую ноту с целью исчерпать все почетные средства раньше чем два честных народа прекратят свои мирные сношения.

Мексиканская нация, подлинный мексиканский народ не признал своим ставленником человека, который бросил ему наглый вызов, затопляя в крови его свободные учреждения. В результате действия узурпатора Хуэрты и его сообщников не являются законными актами национального суверенитета, еще менее они соответствуют чувствам мексиканской нации, которая питает братские симпатии по отношению к североамериканскому народу.

Узурпированный титул президента республики не может давать генералу Хуэрте правоспособность принимать требования об удовлетворениях со стороны правительства Соединенных Штатов, ни давать эти удовлетворения даже в том случае, если они справедливы.

Собственные деяния Викторiano Хуэрты никогда не будут способствовать вовлечению мексиканского народа в разрушительную войну с Соединенными Штатами, так как нет никакой солидарности между правительством Хуэрты и мексиканским народом, ибо это правительство не является органом национального суверенитета. Но набег на нашу территорию, пребывание ваших сил в порте Вэра-Круц или вообще какое-либо насилие над правами, составляющими основу нашего существования как свободного и независи-

мого суверенного государства,—это нас приведет к неравной, но почетной войне, которой сейчас мы хотим избежать.

Я уверен, что передаю правильно чувства большинства мексиканского народа, и приглашаю вас приостановить все уже начатые военные действия, приказать вашим силам освободить порт Вэра-Круц и формулировать перед конституционным правительством, которое я представляю, требования правительства Соединенных Штатов, связанные с происшедшими событиями, заверяя вас, что они будут рассмотрены в духе высшей справедливости и примирения»¹.

Этот достойный ответ на ноту Соединенных Штатов доказывает, что правительство Карранцы сумело стать на высоту положения по отношению к империалистическим стремлениям Соединенных Штатов.

Нужно отметить, что «сапатисты» не придали никакого значения занятию американским десантом порта Вэра-Круц и совершенно не реагировали на этот факт. Наоборот, зная политическую психологию «сапатистов», можно быть уверенным, что они готовы были скорее злорадствовать по поводу того, что с их врагом, правительством Хуэрты, случился неприятный инцидент—серьезный конфликт с Соединенными Штатами. Точно так же и «виллисты» не обратили никакого внимания на этот столь важный инцидент.

Иначе смотрел на это дело Карранца. Несмотря на то, что он вел войну против «узурпатора Хуэрты», он совершенно не желал иметь невольным союзником правительство Соединенных Штатов. Наоборот, Карранца считал всякое вмешательство иностранной державы в мексиканские дела, хотя бы против его противника, посягательством на суверенные права мексиканского народа. Карранца готов даже в столь трудных для него условиях итти на вооружен-

¹ „Labor Internacional de la Revolución. . . .”, стр. 100 — 102.

ный конфликт с Соединенными Штатами, если последние не будут уважать прав мексиканского народа.

Для того чтобы полнее охарактеризовать отношение «карранцистов» к североамериканскому империализму, интересно привести еще следующие факты.

Еще не был исчерпан инцидент по поводу конфликта в Вэра-Круц, когда отряд «карранцистов» под командой генерала Кандидо Агвилаяр занял порт Тампико, расположенный вблизи главных нефтяных промыслов. Во время борьбы за обладание этим портом пострадали некоторые американские граждане. Командующий американской эскадрой, адмирал Флетчер, заявил генералу Агвилаяр, что «ввиду отсутствия должной гарантии безопасности американских граждан» он должен занять своими силами порт Тампико и прилегающий к нему нефтяной район. Тогда мексиканский генерал заявил, что он немедленно сожжет все нефтяные промыслы, если хоть один американский солдат будет высажен на берег. Адмирал Флетчер испугался и не исполнил своей угрозы¹.

Даже противники Карранцы признают, что он совершил одно большое дело. Он научил мексиканцев перестать бояться угроз американской интервенции, которыми американские политики часто шантажировали многие прежние мексиканские правительства.

2. Инцидент „Колумбус”.

В начале марта 1916 года Франциско Вилля, который, будучи до этого разбит Карранцой и Обрегоном, вел партизанские действия на севере Мексики, перешел границу Соединенных Штатов и напал на американское селение Колумбус. Там произошло столкновение между «виллистами» и американскими войсками. Было убито несколько амери-

¹ Передаю со слов генерала Кандидо Агвилаяр.

канских солдат и несколько лиц гражданского звания; кроме того «виллисты» ограбили несколько общественных зданий.

После этого набега американские военные отряды, преследуя «виллистов», перешли на мексиканскую территорию и здесь продолжали преследование. В своей ноте правительству Карранцы Соединенные Штаты объясняли необходимость этого «нарушения нейтральности» тем, что силы правительства Карранцы будто бы недостаточны для того, чтобы обеспечить границу Соединенных Штатов от набегов «бандитов и недисциплинированных военных частей».

Трудно сказать, каковы были настоящие намерения правительства Соединенных Штатов, но характерно то, что для преследования отряда партизанов количеством максимум в несколько сот человек американцы переправили на мексиканскую территорию корпус в 12 000 человек всех родов оружия под общим командованием известного генерала Першинга. Вероятнее всего, американское правительство зондировало почву для оккупации северных территорий Мексики. Ведь революция в Мексике не была еще кончена. Сапата сражался еще в центре Мексики, а Вилля «партизанствовал» на севере. Очень возможно, что если бы эта интервенция американцев не встретила энергичного протеста со стороны правительства Карранцы и если бы последнего не поддержало большинство мексиканского народа, то эта «экспедиция» превратилась бы, может быть, в настоящую интервенцию. Но правительство Карранцы развило энергичную деятельность против этих империалистических замыслов со стороны могущественного северного соседа. В ряде нот, отправленных на имя статс-секретаря Лансинга, министр иностранных дел Мексики Кандидо Агвила протестует весьма энергично против этого нарушения суверенитета мексиканской нации. Кроме того Карранца мобилизует общественное мнение не только Мексики, но и всей

остальной латинской Америки для похода против американского империализма. В своей циркулярной ноте на имя министров других иностранных стран (от 19 мая 1916 года) мексиканское правительство сообщает о серьезности положения и о неизбежности войны между Мексикой и Соединенными Штатами, если последние будут продолжать свою агрессивную политику¹. Обращаясь к государствам латинской Америки, Карранца объясняет агрессивную политику Соединенных Штатов тем, что они хотят вернуть Мексику ко временам диктатуры Диаса, когда иностранцы пользовались большими правами, чем сами мексиканцы. «Тактика иностранцев, происходящих из сильных стран,—всегда апеллировать к протекции своих правительств, когда они находятся в слабых странах и приобретают там имущество, представляет собой тяжелую экономическую, социальную и политическую проблему. Эта проблема обязывает все слабые народы задуматься серьезно над средствами осуществления равенства между туземцами и иностранцами путем ограничения возможностей приобретения имущества для тех лиц, которые не отказываются от защиты своих имущественных прав иностранными правительствами».

Все это обращение имело целью указать народам и правительствам латинской Америки на опасности, грозящие от иностранного империализма, и побудить их к совместному выступлению против Соединенных Штатов.

Сначала правительство Соединенных Штатов не было склонно уступать требованиям правительства Карранцы и не желало уводить свои войска с мексиканской территории. Американские нефтяные тузы нажимали на правительство, дабы оно оккупировало нефтяной район около порта Тампико. Ввиду этого отказа Карранца отдает приказание своим войсковым командирам оказать сопротивление даль-

¹ „La Labor Internacional. . . .”, стр. 251 — 252.

нейшему продвижению американских войск на мексиканскую территорию. Благодаря этому имели место несколько кровавых встреч между американскими и мексиканскими отрядами.

Когда американское правительство убедилось, что никак нельзя будет ограничиться «простой экспедицией» и что дело пахнет формальной интервенцией, а пожалуй—и войной, то оно потеряло свою решительность. Между тем в самих Соединенных Штатах значительная часть буржуазных кругов относилась отрицательно к осложнению с Мексикой. Когда же выяснилось, что преследование «виллистов» не увенчалось никаким успехом, мало того—в то время когда многочисленный корпус регулярных войск с артиллерией «увлекся преследованием», Вилля переходил в других местах границу Соединенных Штатов и снова совершал набеги на американские селения,—общественное мнение Соединенных Штатов стало склоняться в пользу прекращения этой затеи. Конечно, самую существенную роль сыграло и то обстоятельство, что Соединенные Штаты уже стали готовиться к участию в мировой войне и не желали иметь осложнений в тылу.

Правительство Карранцы воспользовалось угрозой интервенции для расширения своей социально-политической базы. Кроме мобилизации общественного мнения других стран латинской Америки, оно прибегло к новому, оригинальному методу. Находящиеся под влиянием «карранцистов» рабочие организации Мексики предприняли шаги к воздействию на американских рабочих с целью предотвратить угрожавшую войну.

Выступление «рабочей дипломатии».

В 1916 году, когда конфликт с Соединенными Штатами так обострился, что каждый день ожидали объявления вой-

ны, рабочие организации Мексики решили проявить свою инициативу в деле «умиротворения сторон».

Три организации,—Федерация синдикатов федерального дистрикта, «Дом рабочих мира» и Рабочая конфедерация решили послать свои делегации в Соединенные Штаты для переговоров с лидером Американской федерации труда, Самуилом Гомперсом, с целью предложить совместную акцию за установление мира.

Есть много фактов, доказывающих, что правительство Карранцы не только субсидировало посылку этой делегации, а, по всей вероятности, являлось инициатором этого дела.

Привлекая рабочие организации к участию в «дипломатической работе», Карранца имел в виду не только воздействие на Американскую федерацию труда, но также усиление своего влияния среди мексиканских рабочих—влияния, которое несколько пошатнулось благодаря роспуску «красных батальонов».

В результате этого нового сотрудничества «карранцистов» и рабочих организаций последние отправили целый ряд писем и телеграмм Гомперсу и другим лидерам Американской федерации труда с предложением установить регулярные сношения между мексиканскими и американскими рабочими организациями и начать общую кампанию в пользу мира.

Старая лисица Гомперс, агент американской буржуазии по «рабочим делам», сразу понял, что Американской федерации труда очень выгодно иметь под своим влиянием мексиканское и вообще латино-американское рабочее движение. Гомперс был больше связан с теми капиталистическими кругами Соединенных Штатов, которые желали «мирного» капиталистического проникновения в латинскую Америку. Гомперс мог сильно увеличить свой политический «вес» в глазах правительства и буржуазии тем, что

приобретал влияние на рабочие дела и вне пределов Соединенных Штатов. Буржуазия же Северной Америки всегда готова была считаться с Американской федерацией труда, не только как с экономическим фактором, «примиряющим рабочих с капиталистами», но и с политическим ее значением, которое обнаруживалось во время выборов.

И вот Гомперс отвечает весьма любезным письмом на обращение мексиканских рабочих организаций.

«Вашингтон, 23/V 1916 года. Секретарю «Дома рабочих мира».

Дорогой сударь мой приятель!

Как представитель Американской федерации труда позволяю себе переслать братский привет «Дому рабочих мира» и через его посредство всем рабочим организациям Мексики.

Мы, рабочие Северной Америки видим, как рабочие организации Мексики с блестящим мужеством требовали и достигли признания труда и справедливости в нашей братской республике. Со времени президентства незабвенной памяти Ф. И. Мадеро время от времени Американская федерация труда получала доверительные информации от должным образом аккредитованных делегатов, а также от представителей мексиканских рабочих организаций и мексиканских деловых кругов (?!). Через этих делегатов Исполнительный совет Американской федерации труда, как дух интернационального братства, руководил вашей борьбой¹.

С чрезвычайным интересом мы познакомились с историческим соглашением между «Домом рабочих мира» и конституционным правительством...².

¹ Здесь Гомперс, для пушей важности, явно соврал. До тех пор не существовало никакого „руководства“ со стороны Американской федерации труда мексиканским рабочим движением.

² Гомперс имеет здесь в виду соглашение между правительством Кар-

Все эти факты вызывают необходимость еще более тесного сближения между рабочими всей Америки, особенно ввиду происходящего мирового кризиса. Ввиду этого и с целью выработки практического метода взаимного сотрудничества между рабочими организациями Мексики и Соединенных Штатов предлагаю, дабы в срок, относительно которого последует особое соглашение, представители рабочих организаций Мексики съехались в Эль-Пасо, в Техасе, на конференцию с представителями Американской федерации труда и чтобы там могли быть продискутированы вопросы благоденствия братских республик и сформирован план будущего политического сотрудничества.

Согласен с вами, что будущий мир всего человечества в руках пролетариата. Это выражают с большой убедительностью организации вашей страны и всех других стран.

Надеюсь, что вы по возможности скорее поинформируете меня о настоящих условиях рабочих организаций Мексики и дадите ответ на мое предложение. Ваш с братским приветом С. Гомперс, председатель Американской федерации труда»¹.

На состоявшейся в Эль-Пасо конференции между представителями мексиканских рабочих организаций и Американской федерации труда обсуждались следующие вопросы:

1. Развитие в будущем большей координации между мексиканскими рабочими организациями и Американской федерацией труда в целях создания континентальной (американской) рабочей федерации.

2. Развитие агитации среди рабочих и либеральных кругов для избежания вооруженного конфликта между Соединенными Штатами и Мексикой. Обращение к обоим правительствам с требованием мира и выдвиганием лозун-

ранцы и рабочими организациями о формировании „красных батальонов”.

¹ „Las Pugnas...”, стр. 193 — 194.

га смешанной американско-мексиканской комиссии для разрешения возникающих конфликтов.

Один из участников этой конференции, пресловутый доктор Атль, «представитель революционной печати», писал в своем журнале «Acción Mundial», что эта конференция в весьма короткий срок перевернула общественное мнение Соединенных Штатов.

Интересно отметить, что некоторые из мексиканских рабочих делегатов вернулись с этой конференции с чувством разочарования по отношению к Американской федерации труда и Гомперсу, а восхваляли деятельность «Промышленных рабочих мира» в Соединенных Штатах.

Это выступление мексиканской рабочей организации с «дипломатической инициативой» в целях избежания войны имело большое значение для истории мексиканского рабочего движения.

1. Это было первое выступление мексиканского рабочего класса на арену международной политики.

2. Устанавливался новый прецедент сотрудничества между мексиканскими рабочими организациями и правительством Мексики.

3. Начинается эпоха влияния Американской федерации труда на верхушку мексиканского рабочего движения. Конференцию в Эль-Пасо следует считать первым шагом к организации пан-Американской федерации труда, т. е. к применению империалистской доктрины Монроэ к американскому рабочему движению.

Мексика и мировая война.

С вступлением Соединенных Штатов в мировую войну на стороне Антанты ничуть не уменьшились те трения, которые существовали между обоими государствами с 1915 года. С одной стороны, широкие слои мексиканского населения, ненавидящие американцев и англичан, не скрывали

своих симпатий по отношению к немцам. Этому помогло то обстоятельство, что германский империализм явился на мировую сцену позже других и благодаря этому в Мексике и в латинской Америке должен был ограничиваться чисто экономическим проникновением. С другой стороны, германская империалистская пропаганда и военная разведка, потеряв ту базу, которую они имели раньше в Соединенных Штатах, перенесли свою деятельность на мексиканскую территорию. Все это вместе с прежними нефтяными вопросами и недоразумениями повлияло на то, что возникший в 1915 году дипломатический конфликт между Мексикой и Соединенными Штатами с вступлением последней в войну не только не прекратился, а, наоборот, стал угрожать новыми осложнениями.

Хитрый Карранца наперед учел, какие осложнения возникнут для Мексики в связи с прекращением нейтралитета Соединенных Штатов, и, не дожидаясь формального вступления последней в войну, взял на себя инициативу в деле агитации за мир и сохранение строгого нейтралитета. С одной стороны, он толкнул мексиканские рабочие организации на то, чтобы они взяли на себя инициативу в деле «международной мирной пропаганды». И действительно, 1 мая 1916 года Федерация рабочих синдикатов Федерального дистрикта и «революционная печать» Мексики обратились с воззванием ко всем рабочим организациям мира, призывая к борьбе за мир. Это воззвание страдает отсутствием классового подхода к самой войне, но зато изобилует туманно-утопическими фразами в духе мелкобуржуазного пацифизма. Здесь ясно то влияние, которое оказывали в это время на рабочие организации мелкобуржуазные национал-либералы. С другой стороны, не ограничиваясь этим, правительство Карранцы, учитывая опасность, угрожающую мексиканскому нейтралитету, само выступило в качестве агитатора за мир. 11 февраля 1917 года оно обратилось с «паци-

фистской нотой» ко всем нейтральным государствам. В этой ноте сперва говорится о всех бедствиях и жестокостях самой войны. Затем констатируется, что положение нейтральных государств становится все труднее и труднее, так как воюющие державы прилагают все усилия к тому, чтобы втянуть в войну и остальные страны. Поэтому мексиканское правительство призывает все нейтральные страны к тому, чтобы они, соблюдая абсолютную справедливость по отношению к каждой из воюющих сторон, сделали попытку положить конец войне. Если же эта попытка не увенчается никаким успехом и если впродолжение «благоразумного срока» не будет заключен мир, то нейтральные страны должны принять все меры к тому, чтобы «свести район действия войны к строго определенным границам, отказывая воюющим сторонам во всякого рода материалах и прекращая всякие торговые сношения с ними до тех пор, пока мировой пожар не будет потушен». Для этой цели правительство Карранцы предлагает созвать специальный конгресс всех нейтральных государств¹.

На это обращение правительство Карранцы получило много благоприятных, но платонических ответов, главным образом от других государств латинской Америки. Аргентина между прочим предлагала местом созыва конгресса город Буэнос-Айрес. Весьма интересен ответ Соединенных Штатов. Статс-секретарь Лансинг в ноте от 16 марта 1917 года сперва отдает должное «благородной инициативе» конституционного президента Мексики. Затем весьма пространно рассказывает о тех усилиях, которые сделали Соединенные Штаты для примирения воюющих стран, и на безрезультатность их благодаря «упорству центральных держав». Дальше он говорит, что потопление американских судов одной из центральных держав заставило Соединен-

¹ „Labor Internacional. стр. 433 — 436.

ные Штаты прервать с нею дипломатические отношения. Затем следует самое интересное: «Положение становится тем серьезнее, что правительство Соединенных Штатов открыло заговор, задуманный господствующим государством союза центральных держав, заговор, направленный к тому, чтобы вовлечь в войну против Соединенных Штатов не только правительство и народ Мексики, но правительство и народ Японии»¹.

К сожалению, мне не удалось найти других документов, освещающих более подробно историю этого «заговора», так как мексиканский министр иностранных дел на этом и закончил публикацию дипломатических документов, имеющих отношение к Соединенным Штатам. Но зато мне удалось благодаря любезности генерала Кандидо Агвиляр, тогдашнего министра иностранных дел правительства Карранцы, узнать нечто более подробное об этом «заговоре». Вот что передал мне устно упоминаемый генерал.

«Когда Соединенные Штаты прервали свои дипломатические сношения с Германией, они отправили обратно в Германию аккредитованного в Вашингтоне немецкого посла. По просьбе Вашингтона, английское правительство обещало ему свободный проезд в Германию. Но багаж его был задержан одним из блокирующих Германию английских боевых кораблей, и в этом багаже нашли копии нескольких писем, согласно которым, по утверждению английского министра иностранных дел, германский посол в Мексике предложил Карранце, во первых, союз с Германией и объявление войны Соединенным Штатам Мексикой и, во вторых, инициативу со стороны Мексики в вовлечение Японии, в союзе с Мексикой, в войну против Соединенных Штатов.

¹ *Ibidem*, стр. 452 — 454.

Когда Соединенные Штаты вступили в войну на стороне Антанты, Великобритания предложила им, дабы заставить Мексику прекратить свои «интриги», ультимативно потребовать от правительства Карранцы вступления в войну на стороне союзников. Как раз в это время в столицу Мексики приехал вновь назначенный посол Соединенных Штатов Флетчер. Так как Карранца пребывал тогда в городе Гвадалахаре, то пришлось отложить на несколько дней вручение грамот новым американским послом.

Еще до первой встречи Флетчера с Карранцей в Мексике была получена большая шифрованная телеграмма на имя нового посла. Так как у мексиканского министра иностранных дел были все американские шифры, то, по заранее данным инструкциям, телеграфное ведомство направило эту телеграмму сперва в Мексиканское министерство иностранных дел. Там ее расшифровали и узнали, что Лансинг предлагал Флетчеру, раньше чем вручить грамоты Карранце, потребовать ультимативно от мексиканского правительства вступления в войну на стороне союзников; в случае отказа Карранцы—грамот не вручать, а возвратиться немедленно в Вашингтон, прерывая таким образом дипломатические сношения с Мексикой.

Прочитав это, генерал Агвиляр прежде всего приказал телеграфу не доставлять этой депеши в американское посольство, а затем предложил новому послу поездку в Гвадалахару, для визита Карранце, предлагая «на всякий случай» захватить с собою верительные грамоты.

Флетчер дал уговорить себя. Когда поезд уже тронулся, телеграф получил разрешение вручить упоминаемую депешу американскому посольству.

Путешественники приехали на одну довольно значительную железнодорожную станцию. Генерал Агвиляр вышел, дабы поговорить с комендантом станции, хорошо ему знакомым мексиканским генералом, и попросил его открыть

усиленную пальбу в воздух, как только их поезд оставит станцию.

Поезд тронулся. Едва он покинул станцию, путешественники услышали за собою оживленную перестрелку.

— Что это такое?—спросил, обеспокоившись, американский посол.

— Не знаю,—ответил генерал Агвиляр.—Может быть, на станцию напал оперирующий в этом районе знаменитый бандит Х.¹.

Американец еще сильнее обеспокоился, но делать было нечего. Впрочем, путешественники доехали благополучно до Гвадалахары. Приехав туда, Агвиляр, дав предварительно инструкции комендатуре, сообщил Флетчеру, что упоминаемый бандит Х. действительно захватил ту станцию, где наши путешественники слышали перестрелку, и что, таким образом, телеграфное сообщение между Гвадалахарой и городом Мексико прервано.

На другой день генерал Агвиляр уговорил Флетчера вручить верительные грамоты Карранце здесь же, в Гвадалахаре. Спустя несколько часов «телеграфное сообщение с Мексикой было восстановлено», Флетчер получил тревожную телеграмму от американского посольства в городе Мексике с просьбой немедленно возвращаться. И лишь вернувшись, он познакомился с содержанием знаменитой шифровки, но не смог уже исполнить заключавшейся в ней инструкции.

По словам генерала Агвиляра, этим инцидентом был также исчерпан вопрос о мнимом заговоре Германии, Мексики и Японии против Соединенных Штатов.

Нужно отметить, что американские «интервенционисты» во все время войны не переставали требовать от правительства Соединенных Штатов «заставить Мексику воевать».

¹ Я позабыл фамилию этого знаменитого бандита.

Они ссылались на то, что Мексика является центром германофильской пропаганды на всю Америку и Азию. Это отчасти соответствовало действительности. Так, например, газета «Эль Демократа», купленная немецким посольством в Мексике, была в то время самой популярной в Мексике. Несмотря на эту агитацию, «карранцистам» удалось отстоять нейтралитет Мексики, невзирая на те новые осложнения, которые были внесены в отношения между Мексикой и Штатами принятием Конституции 1917 года.

ГЛАВА XI.

КОНСТИТУЦИЯ 1917 ГОДА.

Революционное движение 1910—1915 годов, направленное против диктатуры, опиравшейся на союз иностранного капитала и феодальных помещиков Мексики, имело двоякий характер.

С одной стороны, будучи направлено против наглой политики иностранного империализма, оно имело ярко выраженный националистский характер. Выразителями этого течения были национал-либералы, признанным вождем которых являлся Карранца. Последний стремился увлечь рабочие и крестьянские массы на путь борьбы против империализма, на путь консолидации «мексиканской конституционной государственности»; во имя этой цели «карранцисты» требовали от рабочих и крестьян сильной урезки их классовой борьбы.

С другой стороны, борьба была направлена против помещиков, являвшихся союзниками иностранного империализма и вместе с тем его агентами. Выразителем этой борьбы против помещиков было «сапатистское» крестьянское движение, совершенно игнорировавшее опасности иностранного империализма. Ясно, что мексиканский крестьянин больше всего чувствовал гнет своего помещика и его агента—начальника сельской полиции. Поэтому-то «сапатисты», непосредственные выразители стремлений крестьянских масс Мексики, придавали своей борьбе исключительно антипомещичий характер и не питали никакой враждебности к иностранным капиталистам. Это исключительное «помещикоедство» заставило «сапатистов» враждебно относиться к карранцистскому движению и отвергать идею единого фронта с национал-либералами даже тогда, когда Мексике угрожала серьезнейшая опасность иностранной интервенции.

Рабочее движение не сумело проявить себя активно и самостоятельно во время этого серьезнейшего революционного движения. Находясь под влиянием анархо-синдикалистской идеологии, рабочие сперва не принимали никакого участия в политической борьбе, а затем, когда революционность положения заставила рабочую массу выйти из состояния политической пассивности, они дали себя увлечь на ложный путь национал-либерализма. Организация «красных батальонов» могла иметь серьезное революционное значение для рабочего класса Мексики в том случае, если бы существовала сильная и сознательная партия мексиканского пролетариата, которая сумела бы защищать интересы рабочего класса и крестьянства, одновременно устанавливая единый фронт с национал-либералами перед угрозой иностранного империализма.

Это отсутствие сотрудничества между рабочим классом и крестьянством в Мексике привело к тому, что победителями из этой революции вышли национал-либералы, опиравшиеся на промежуточные элементы мексиканской нации (интеллигенцию, помещиков «новейшей формации», хуторян и разные другие мелкобуржуазные слои). Но так как все эти промежуточные элементы были недостаточно сильной базой ввиду отсутствия класса мексиканской национальной буржуазии, то национал-либералам приходилось постоянно маневрировать и лавировать, обеспечивая себе поддержку и главенство в революции над рабочими и крестьянством.

Результатом этого маневрирования и лавирования является принятая в 1917 году, во время правительства Карранцы, новая мексиканская конституция. С одной стороны, она, особенно в своей чисто политической части, базируется на «якобинской» Конституции 1857 года, но, с другой стороны, в этой конституции имеется и сильный «социальный уклон».

Конституция Хуареца являлась попыткой уничтожить

все феодальные привилегии и расчистить путь для мексиканского капитализма. В результате она расчистила дорогу для иностранного капитала, который, опираясь отчасти на помещиков Мексики, возродил в значительной степени колониальный феодализм. Конституция 1917 года, являясь выражением сложившегося к этому времени соотношения общественных сил Мексики, выходила уже из рамок чистого либерализма. В этом отношении самыми замечательными являются те ее статьи, которые посвящены а) аграрному законодательству и б) законодательству о труде.

Статья 27-я этой Конституции гласит:

«Собственность на земли и воды в пределах национальной территории принадлежит по праву происхождения нации, которая имела и имеет право передавать владения ими частным лицам в частную собственность. Экспроприации могут применяться лишь для общественной пользы и за вознаграждение.

Нация будет иметь право во всякое время налагать на частную собственность ограничения, диктуемые общественным благом, а также регулировать пользование естественными богатствами с целью уравнительного распределения общественного богатства и заботливого его сохранения. С этой целью будут приняты меры, необходимые для раздробления латифундий, для развития мелкой собственности, для создания новых центров земледельческого заселения, для поощрения земледелия и для избежания разрушения естественных богатств... Селения, хутора и общины, у которых нехватает земли и воды, будут иметь право на дотацию их таковыми из фонда смежных имений, если этим не нарушаются интересы мелких собственников. Приобретение для вышеупомянутых целей земель из фонда частной собственности считается делом общественной пользы».

Затем та же статья оговаривает право нации на владение всеми природными богатствами, заключающимися в недрах

земли, включая сюда и соляные отложения, образованные непосредственно морскими водами.

Дальше статья предвидит возможность передачи концесий частным лицам и компаниям со стороны нации на следующих условиях.

«1. Только мексиканцы по рождению или натурализации и мексиканские общества имеют право приобретать владения землями, водами и доступами к ним или получать концессии на эксплуатацию недр, вод или минерального топлива в Мексиканской республике. Государство может уступать также право владения и иностранцам, но только в тех случаях, когда последние обязуются перед министерством иностранных дел считаться по отношению к этим имуществам местными гражданами и не призывать защиты своих правительств в том, что касается этих имуществ, под наказанием, в случае неисполнения соглашения, потери в пользу нации приобретенных в силу этого соглашения имуществ.

Иностранцы не имеют права ни под каким видом приобретать земельную собственность в пределах зоны в 100 км от сухопутных границ и 50 км от морских берегов.

2. Религиозные ассоциации, именуемые церквами, каково бы ни было их вероисповедание, ни в каком случае не имеют права приобретать, владеть или администрировать недвижимой собственностью, ни вложенными в них капиталами. Храмы, предназначенные для публичного культа, являются собственностью нации, представленной федеральным правительством, которое определяет те из них, что должны служить своему назначению. Храмы, которые будут воздвигаться впоследствии для публичного культа, также будут являться собственностью нации.

.

Совладельцы недвижимостей, хутора, села, конгрегации, племена и другие народные корпорации, которые де-юре или де-факто сохраняют общинное состояние, имеют право

пользоваться сообща землей, лесами и водами, им принадлежащими... до тех пор, пока закон не определит способа раздела исключительно по отношению к землям».

Дальше статья говорит о тех условиях, при которых может отчуждаться земля ради общественной пользы; здесь же указывается, что вознаграждение за отчуждаемую собственность должно базироваться на фигурирующей в кадастрах фискальной оценке плюс 10%.

Затем статья эта аннулирует все те концессии, декреты и судебные решения, коими мелкие собственники и общины были лишены своих земель. Только площадь размером не более чем в 50 га не подлежит экспроприации. Только члены общины будут иметь право на наделы из этих площадей, и их права будут неотчуждаемы до того времени, пока само владение будет продолжать оставаться нераздельным; когда же эта земля будет разделена на участки, тогда право неотчуждаемости переходит к их владельцам.

«Втечение ближайшего конституционного периода Конгресс союза и законодательные собрания штатов изготовят законы для приведения в исполнение раздела больших имений согласно следующим основаниям:

а) В каждом штате устанавливается максимальная площадь земли, хозяином которой может являться одно лицо или одно законно учрежденное общество.

б) Излишек сверх установленного минимума должен быть в срок, указанный законом, раздроблен собственником на участки, которые должны поступить в продажу на условиях, одобренных правительством, согласно тем же законам.

в) Если собственники отказываются произвести раздробление, то оно будет осуществлено местным правительством путем экспроприации.

г) Стоимость участков должна быть уплачена приобретающими их лицами путем годовых взносов, погашающих

капитал и проценты в срок не меньше двадцати лет, в течение которых лицо, приобретшее их, не может само продать эти участки. Процентная норма не может превышать 5% годовых.

д) Собственники обязаны принять бонусы специального долга, гарантирующие уплату за экспроприированную собственность. С этой целью Союзный конгресс изготавит закон, дающий полномочия отдельным штатам создавать свой аграрный долг».

Дальше предусматривается этой статьей специальное законодательство, определяющее право фамильного наследства для мелких земельных собственников.

Затем закон предусматривает аннулирование всех концессий, данных предыдущими правительствами, начиная с 1876 года, нанесших вред интересам нации и общества.

Таким образом революционное крестьянское движение «сапатистов» не пропало даром. Существенная часть аграрной программы Сапаты была включена в эту знаменитую 27-ю статью новой мексиканской конституции, установившей принцип национализации земель, вод и недр, а также принцип раздробления крупных латифундий.

С другой стороны, содержащийся в этой статье принцип выкупа, даже когда речь идет о сравнительно недавно захваченных общественных землях, свидетельствует о той умеренности, которою вообще отличаются аграрные программы мексиканских революционеров и по сей день.

Закон о труде.

«Статья 123. Союзный конгресс и законодательные собрания штатов должны изготавить законы о труде, соответствующие потребностям каждого района, не противоречащие следующим основаниям...

1. Максимальная длительность рабочего дня—8 часов.
2. Максимальная длительность ночного труда—7 часов.

Запрещаются опасные и вредные для здоровья работы для всех женщин и для молодежи ниже 16-летнего возраста. В торговых учреждениях запрещается работать позже 10 часов ночи.

3. Молодежь старше 12 и моложе 16 лет может работать лишь не более 6 часов в день. Работа детей моложе 12 лет не может являться предметом договора.

4. На каждые шесть дней работы рабочий должен пользоваться минимум одним днем отдыха».

Пункт 5 гласит, что женщины за три месяца до родов не могут исполнять тяжелой физической работы, а в течение одного месяца, следующего за родами, должны пользоваться обязательным отдыхом с сохранением своей заработной платы.

6. Минимальная заработная плата, которой должен пользоваться рабочий, должна определяться таким образом, чтобы согласно с условиями каждой местности являлась достаточной для удовлетворения нормальных потребностей жизни рабочего, его образования и честных развлечений, рассматривая рабочего как главу семьи. В каждом земледельческом, коммерческом, фабричном или горном предприятии рабочий будет иметь право к участию в благах, что будет регулировано согласно п. 9.

7. За одинаковую работу должно следовать одинаковое вознаграждение, не принимая в расчет ни пола, ни национальности рабочего.

8. Минимальное жалование исключается от обложения и вычетов.

9. Определение типа минимального жалования, а также участия в благах (на что указывает п. 6), будет осуществлено специальными комиссиями, которые должны быть сформированы в каждом муниципалитете и подчинены Центральному примирительному совету, учреждаемому в каждом штате».

Далее закон предусматривает запрещение выдачи заработной платы товарами или долговыми обязательствами; требует оплаты сверхурочных рабочих часов в двойном размере, причем сверхурочная работа не может превосходить трех часов в день, ни продолжаться три дня сряду; устанавливает также обязанность со стороны предпринимателей снабжать рабочих дешевыми жилищами; устанавливает ответственность предпринимателя за несчастные случаи во время работы, а также за профессиональные болезни.

16. Как рабочие, так и предприниматели имеют право коалиций для защиты своих интересов, для образования синдикатов, профессиональных союзов и т. п.

17. Законы признают как за рабочими, так и за предпринимателями право забастовок и приостановки работы.

18. Забастовки являются законными, когда имеют целью достичь равновесия между различными факторами продукции, гармонизируя права труда и капитала. В общественных учреждениях рабочие обязаны за десять дней до начала забастовки предупредить Совет Примирения и Посредничества. Забастовки будут считаться незаконными, когда большинство бастующих будет прибегать к насильственным действиям против лиц или собственности, а также во время войны, когда рабочие работают в предприятиях и учреждениях, зависящих от правительства...

19. Приостановка работы со стороны предпринимателей законна лишь тогда, когда факт перепроизводства делает необходимым приостановления работы для того, чтобы поддержать цены на уровне себестоимости, причем, на такое приостановление работы должно последовать разрешение от Совета Примирения и Посредничества.

20. Разногласия и конфликты между капиталом и трудом подлежат рассмотрению Совета Примирения и Посредничества, образуемого одинаковым количеством представителей от рабочих и предпринимателей, с участием представителя правительства».

Пункт 21 гласит, что в случае отказа от приговора Совета Примирения и Посредничества, предприниматель обязан уплатить рабочим вознаграждение в размере трехмесячной заработной платы, если последовала приостановка производства, или же уплатить за все время забастовки, вытекающей из неисполнения такового.

Пункт 22 предвидит, что в случае увольнения рабочего без уважительных причин предприниматель обязан выплатить ему вознаграждение в размере трехмесячного заработка.

Пункт 23 гласит, что задолженность рабочим по заработной плате имеет преимущество перед всякой другой задолженностью предприятия в случае банкротства последнего.

Пункт 24 гласит, что сам рабочий лично является ответственным за долги своим предпринимателям, а ни в коем случае его семья.

Этот закон о труде в свое время (он был принят в начале 1917 года) являлся одним из самых прогрессивных в мире. Даже и сейчас он во многих случаях прогрессивнее законов какого-либо другого буржуазного государства.

Вместе с тем этот закон страдает весьма серьезными дефектами во вред интересам рабочих. Особенно вредными являются пункты 17, 18 и 19.

Пункт 17 признает за предпринимателями право локаута, «если этого требуют интересы производства». При господстве и по сей день в Мексике частной собственности на средства производства этот пункт является открытой защитой капиталистической прибыли.

Пункт 18 говорит о легальности и нелегальности забастовок; он гласит, что «забастовка будет считаться незаконной, когда большинство бастующих будет прибегать к насилиям против лиц или собственности». Здесь формулировка столь обща, что дает место для многих злоупотреблений. Как показали последующие события, центральные и местные власти в Мексике, часто пользуясь этой формули-

ровкой, объявляли незаконными те забастовки, где рабочие нападают на штрейкбрехеров или просто не допускали их к работе. С другой стороны, были случаи (например трамвайная забастовка в городе Мексике 1925 года), когда большинство рабочих не желало бастовать, но меньшинство, при поддержке правительственных органов, не допускало к работе желающих работать.

В общем, этот закон о труде, несмотря на всю свою революционность, не имеет в себе ничего социалистического. Об этом свидетельствует ясно формулировка пункта 18:

«Забастовки являются законными, когда имеют целью достичь равновесия между различными факторами производства, гармонизируя права труда и капитала».

Весь дух этого законодательства можно понять, лишь принимая во внимание то обстоятельство, что правительство Карранцы являлось правительством буржуазным, но без буржуазии, в то же самое время рабочий класс Мексики представлял уже из себя такую силу, с которой это беспочвенное «буржуазное» правительство должно было считаться.

Государство и церковь.

Статья 130-я Конституции констатирует прежде всего право федерального правительства вмешиваться в дела религиозных культов. Она также декретирует переход всех актов гражданского состояния в ведении гражданских властей. Статья не признает также никаких прав юридических лиц за религиозными группировками. Закон предоставляет право законодательным собраниям штатов определять то максимальное количество служителей культа, которое, по его разумению, необходимо в этом штате. Дальше статья гласит:

«Служители культов никогда не могут в публичном собрании или же частном организованном собрании, ни во время отправления культа или религиозной пропаганды

критиковать основные законы страны, либо правительство; равно служители культов не могут иметь ни активного, ни пассивного права голосования, ни права образования организаций для политических целей...

Периодические публикации религиозного характера... не могут комментировать политические дела нации, ни информировать о действиях властей страны, ни о каких-либо частностях, касающихся функционирования публичных учреждений.

Строго запрещается организация всякого рода политических группировок, названия которых включают какое-нибудь религиозное слово или указание на то, что оно имеет касательство к какому-нибудь религиозному исповеданию. В храмах не может иметь место какое-либо собрание политического характера».

Дальше статья гласит, что никакой служитель культа не может получать ни под каким видом собственность или управление недвижимостью, а также не может наследовать таковую.

Некоторые из подробностей только что изложенной статьи Конституции показались бы нам слишком мелочными. Получается впечатление, как будто бы создатели Конституции были одержимы манией преследования по отношению к духовенству. Но в мексиканских условиях эта, казалось бы, излишняя предосторожность вполне понятна. Мы видели выше, сколько лет кровавой борьбы мексиканские революционеры-либералы должны были употребить на то, чтобы надломить могущество католической церкви. Если принять еще во внимание отсутствие класса мексиканской национальной буржуазии, а следовательно отсутствие прочной социальной базы под мексиканским правительством и слабость общественных организаций трудовых масс населения, а также культурную их отсталость, то ясно, что мексиканскому народу и мексиканским революционным

правительствам приходится все еще прибегать к героическим усилиям, дабы не дать встать на ноги церкви.

Мексиканская Конституция была опубликована 5 февраля 1917 года.

В то время в России еще держалось самодержавие, а вся Европа, объята пламенем империалистической войны, ущемляла рабочие и крестьянские организации и ограничивала «демократизм». Поэтому вышеизложенная мексиканская Конституция в свое время являлась фактором революционного значения.

Действительно, достойно удивления то, что народ, экономически отсталый, находящийся под постоянной угрозой благодаря соседству с Соединенными Штатами иностранной империалистической интервенции, народ, где к этому времени 85% населения было безграмотно, нашел в себе достаточно революционной силы и энергии, чтобы выработать и принять при таких неблагоприятных обстоятельствах эту революционную Конституцию.

Правда, многие из этих революционных законов до сих пор не проведены в жизнь, а многие из них на практике не выполняются. Это обстоятельство является главным образом следствием все непрекращающейся угрозы интервенции иностранного империализма.

Тем не менее эта Конституция является ярким революционным знаменем мексиканского народа и, что особенно важно, имеет чрезвычайно большое агитационное значение для других народов латинской Америки, большинство которых находится сейчас в таком состоянии, в котором находилась Мексика до революции 1910 года

ГЛАВА XII.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕКСИКИ.

Экономическое состояние.

С 1877 по 1910 год в Мексике господствовала диктатура блока иностранных капиталистов и местных помещиков. Все это время Мексика находилась на положении полуколонии. С 1910 года начинается революционное движение против этой двойной диктатуры.

Революция эта фактически продолжается до сих пор. До сих пор еще не осуществлена принятая Конституцией аграрная реформа, не проведено ограничение деятельности иностранного капитала. До сих пор Мексика не выходит из состояния перманентного дипломатического конфликта с Соединенными Штатами.

Несмотря на интенсивность гражданской войны, несмотря на восстания крестьянских масс против помещиков, иностранный капитал вплоть до 1921 года не перестал расширять свои экономические владения в Мексике.

Самая важная отрасль добывающей промышленности— добыча нефти возрастает быстрым темпом даже в годы наибольшего революционного подъема, достигая своего апогея в 1921 году.

Ту же самую картину представляет внешняя торговля Мексики. Она увеличивается параллельно добыче нефти также вплоть до 1921 года.

Начиная с этого времени в мексиканском хозяйстве наступает перелом. С 1922 года мы замечаем постепенное падение добычи нефти, а также уменьшение оборота внешней торговли, как это показывают следующие таблицы.

Общий оборот внешней торговли	
Годы	(В мекс. пезо.)
1910.....	630 828 347
1920.....	1 250 717 999
1921.....	1 261 116 375
1922.....	946 570 222
1923.....	883 579 640
1924.....	936 030 163 ¹

Добыча нефти	
Годы.....	(Добыча в куб. метрах)
1910.....	577 755
1912.....	2 632 467
1915.....	5 229 480
1917.....	8 790 583
1919.....	13 843 077
1921.....	30 962 752
1923.....	23 742 581 ²
1925.....	Около 18 254 000 ³
1926.....	Около 14 286 000 ³

Мы привыкли к тому явлению, что годы самой ожесточенной гражданской войны и следующие непосредственно за ними являются как раз периодом самого крайнего расстройтва народного хозяйства.

В Мексике, как видно из вышеприведенных цифр, наблюдается как раз обратное явление.

Мы уже видели, что 1915 год являлся высшей точкой развития гражданской войны в Мексике. Тогда вся страна была разделена фактически на «зоны влияния» разных революционных формаций. В этот же год как раз достигло своего апогея крестьянское революционное движение. Следующие, 1916 и 1917, годы являются периодом самой серьезной угрозы американской интервенции, когда трения между Мексикой и Соединенными Штатами приняли особо острую форму. 1918 и 1919 годы тоже являются периодом

¹ „La Riqueza de Mexico”, Мексика, 1926, ч. 2, стр. 10.

² „La Riqueza de Mexico”, стр. 43—44.

³ Данные периодической печати.

непрекращающегося дипломатического конфликта. Как раз тогда самые влиятельные органы американской печати вели бешеную агитацию за интервенцию в мексиканские дела.

Несмотря на крайне неблагоприятные внешние условия, в течение этого периода наблюдается чрезвычайное усиление добычи нефти и быстрое увеличение оборотов внешней торговли.

В 1920 году в Мексике произошла новая «революция». Генерал Альваро Обрегон выступил против Карранцы, разбил оставшиеся ему верными отряды и захватил власть. Во время этой передраги Карранца был убит. В своем выступлении Обрегон опирался главным образом на разные крестьянские группировки, которые были недовольны тем, что Карранца не осуществлял принятую уже Конституцией аграрную реформу. Большинство рабочих организаций, будучи тоже недовольно диктатурой «карранцистов» в рабочем движении, поддержало Обрегона. В последнюю минуту даже умеренная Федерация Синдикатов, возглавляемая Люисом Моронесом, все время поддерживавшая Карранцу против крестьян, покинула «старого бородача» и перешла на сторону Обрегона. Последний частным образом обещал свободу действия в классовой борьбе рабочим союзам и проведение в жизнь аграрной реформы крестьянским организациям. С другой стороны, он в частных разговорах с влиятельными американцами обещал смягчение той части Конституции 1917 года, которая регулирует права концессионеров. Благодаря этому Соединенные Штаты приветствовали новую «революцию» и возложили свои надежды на нового правителя.

Благодаря всем этим обстоятельствам этот новый переворот осуществился очень быстро и без особого кровопролития. Иностранные капиталисты реагировали на него таким образом, что как раз следующий, 1921, год явился годом наибольшего благополучия в добывающей промышленности и внешней торговле.

Карранцу заменил Обрегон, и в результате ничего не изменилось по существу в отношениях между Мексикой и иностранными державами. Обрегон, правда, через своих представителей дал нефтепромышленникам одно весьма существенное обещание: он обещал, что 23 статья Конституции 1917 года будет изменена в том смысле, что национализация земли и ее недр не будет распространяться на те владения иностранных капиталистов, которые были приобретены до 1917 года. Но это обещание так и осталось обещанием. Конституция изменена не была, хотя на практике до сих пор еще не национализировано ни одно иностранное нефтяное предприятие. Угроза этой национализации продолжает висеть над всеми иностранными концессионерами и отнимает у них охоту к вложению новых капиталов для расширения добычи нефти ¹.

С другой стороны, Обрегон начал проводить немного более быстрым темпом аграрную реформу в той ее части, которая касалась возвращения расхищенных общинных земель. Он отлично понимал, что в настоящих условиях в Мексике ни одна власть не может долго существовать, если к ней будет враждебно относиться крестьянство. Но это оживление аграрной реформы как раз очень не понравилось Соединенным Штатам. В Мексике, как во всех полукOLONиальных странах латинской Америки, иностранные концессионеры являются крупнейшими землевладельцами, так как разведение плантаций и эксплуатация минеральных богатств требуют владения большими земельными площадями. Вот почему американские капиталисты являлись всегда лучшими друзьями мексиканских помещиков и чрезвычай-

¹ Книга была уже сдана в печать, когда Мексиканский Конгресс (в декабре 1927 г.) подтвердил решение Верховного Суда о том, что 27 статья Конституции 1917 г. не имеет обратной силы (т. е. не распространяется на приобретения, сделанные иностранцами до 1917 г. Таким образом обещанная С. Штатам уступка зафиксирована законом.

но враждебно относились ко всяким попыткам аграрной реформы.

Когда выяснилось, что политика Обрегона по отношению к иностранному капиталу ничем не отличается от политики Карранцы, началось заметное понижение добычи нефти. Тесно с этим связано и падение оборота внешней торговли, так как нефть является одним из главных предметов экспорта из Мексики.

Известно, что усиление добычи нефти может быть достигнуто лишь вложением новых капиталов для усиления бурения. Отсюда ясно, что уменьшение этой добычи с 1922 года является результатом задержки в притоке этих добавочных затрат со стороны предпринимателей.

Капиталы, вложенные в мексиканские нефтяные предприятия, по национальному составу представляли в 1924 году следующую картину.

Капитал	северо-американский.....	613 487 263	мекс. пезо
„	английский.....	356 776 199	„
„	голландский.....	75 758 960	„
„	мексиканский.....	11 582 405	„
„	прочих национальностей.....	6 943 283	„

Таким образом, ясно, что усиление или ослабление добычи нефти в Мексике зависело в это время от северо-американских и английских капиталистов. Отлично понимая, что Англия не столь опасна для Мексики, как находящиеся в непосредственном соседстве Соединенные Штаты, правительство и Карранцы и Обрегона было всегда в применении всякого рода «законов» по отношению к капиталистам гораздо терпимее по отношению к американцам, чем к англичанам. Пользуясь тем обстоятельством, что тогда еще существовала в Мексике довольно острая конкуренция между американскими и английскими капиталами, мексиканское правительство желало использовать эту борьбу для

укрепления своей независимости. Оно давало понять Соединенным Штатам, что предпочитает иметь в Мексике американский капитал, чем английский. Американцам улыбалась перспектива вытеснить с помощью мексиканского правительства своих самых опасных конкурентов из Мексики. В результате всей этой политики уже с 1917 года отношения между Мексикой и Англией были гораздо больше натянуты, чем между Мексикой и Соединенными Штатами. Еще Карранца прервал дипломатическую связь с Англией, а Обрегон не торопился восстановить ее.

Таким образом конкуренция между двумя капиталистическими державами была использована мексиканским правительством для своего укрепления.

Современное мексиканское правительство.

Что же представляет собой сейчас это мексиканское правительство, так искусно лавирующее в этом море противоречий, в этой чрезвычайно сложной общественно-политической обстановке современной Мексики?

Начиная с победы национал-либералов (в союзе с рабочими) над мексиканским революционным крестьянством в 1915—1916 годах, в Мексике установилась своеобразная диктатура промежуточных мелкобуржуазных элементов.

Класс национальной буржуазии не сложился в Мексике и до сих пор. Единственный «материал», из которого может сформироваться буржуазия—помещики мексиканского происхождения в большинстве своем не поддерживают современное мексиканское правительство. Они вздыхают по временам диктатуры Диаца, диктатуры блока помещиков и иностранных капиталистов.

Лишь небольшая группа помещиков севера, т. е. тех мест, где они занимаются больше торговлей, чем земледелием, связана с современным мексиканским правительством. Мексиканцы говорят: «При Карранце правил нами штат Коагиля, а при Обрегоне и Кайесе правит Сонора».

Это обывательское понятие о правительстве включает в себе долю правды, так как помещики этих штатов более связаны с национал-либеральным движением, чем живущие в других местах республики. Помещики севера являются безусловно буржуазным элементом, так как торговля составляет существенную часть их деятельности. Тем не менее их нельзя сравнить с капиталистическими помещиками средневропейского типа. Это—хищники, большинство которых сделалось помещиками сравнительно недавно, «разбогатев на революции». Они не знают, как долго останутся в их руках поместья, так как они легко могут потерять их в случае какого-либо нового переворота. Их торговая деятельность также основывается на разного рода незаконных и полузаконных привилегиях, связанных с современной политической обстановкой¹.

Если бы такое состояние, в котором находится сейчас Мексика, т. е. состояние диктатуры разных промежуточных, главным образом, мелкобуржуазных элементов продолжалось еще несколько десятилетий, то, весьма возможно, в стране сложился бы в конце концов класс национальной мексиканской буржуазии.

Но эта перспектива нереальна благодаря двум условиям: а) экономической диктатуре крупного иностранного капитала, не допускающей создания благоприятной обстановки для периода первоначального накопления; б) все возрастающей общественнополитической активности рабочего класса и крестьянства.

Мы уже видели, что лишь только на смену диктатуре

¹ Вот яркий пример одной из таких привилегий. До 1924 года Мексика ввозила из Чехо-Словакии пивных бутылок на сумму свыше 1 000 000 мексиканских пезо. Но в этом году один из видных правительственных чиновников сделался акционером бутылочного завода в Мексике. Благодаря этому ввозные пошлины на бутылки были увеличены до такой степени, что конкуренция Чехо-Словакии совершенно отпала.

блока помещиков и иностранных капиталистов пришло мелкобуржуазное правительство (1915 год), оно должно было сразу искать опору у рабочих организаций. Всякому новому мексиканскому правительству приходится искать опору у широких народных масс рабочих или крестьян.

Когда в 1920 году против Карранцы выступил Обрегон, главным козырем в его руках являлась аграрная реформа. Этим он побил «старого бородача». В 1924 году Обрегон сменил «мирным путем» один из его сподвижников, Кайес. Он более склонен искать поддержки у правых рабочих организаций.

Так или иначе, современное мексиканское правительство с мелкобуржуазными элементами во главе принуждено искать поддержки у рабочих и крестьян, так как мелкая буржуазия и либеральствующие помещики не являются достаточно солидной общественной базой.

Но мелкобуржуазный характер этого правительства сказывается именно в том, что оно не является последовательным защитником интересов рабочего класса и крестьянства.

Оно опирается обычно на одну часть рабочих против другой или же разделяет рабочих и крестьян на два лагеря. Мы уже видели, как эту тактику разделения осуществлял Карранца в 1915 году. Его примеру следуют и его преемники, разбивая рабочие и крестьянские организации на разные, враждующие между собою группы.

Даже перед угрозой иностранного империализма мексиканское мелкобуржуазное правительство неспособно создать единый фронт всех антиимпериалистических сил.

Мексиканское правительство неспособно последовательно бороться с иностранным империализмом, так как не решается последовательно защищать интересы рабочего класса и крестьянства.

Сущность иностранного империализма —

это усиленная эксплуатация рабочих и крестьян колониальных и полуколониальных стран, так как его экономическая политика — добыча и экспорт дешевого сырья — возможна только при дешевизне рабочей силы.

Отсюда, бесспорно, вытекает тот вывод, что последовательная защита интересов рабочих и крестьян колониальных и полуколониальных стран является основой борьбы против иностранного империализма.

Стоящая сейчас у власти мелкая буржуазия заинтересована в общем в борьбе против иностранного империализма, но она подвержена сильным колебаниям. Самый влиятельный слой ее — многочисленная мексиканская интеллигенция — прежде всего заинтересована в сохранении в своих руках государственных должностей, а следовательно в политической эксплуатации рабочих и крестьян. Благодаря этому очень часто, когда иностранная интервенция угрожает сломать существующий государственный аппарат, мелкобуржуазные элементы интеллигенции готовы скорее пойти на уступку иностранным империалистам, чем, опираясь целиком на рабочий класс и крестьянство, идти на открытую борьбу против них.

Обратимся теперь к тем слоям мексиканского населения, против которых борется современное мексиканское правительство. К ним относятся: а) громадное большинство помещиков и б) католическое духовенство.

За исключением немногочисленных помещичьих групп «новой формации», вся масса мексиканских помещиков относится чрезвычайно враждебно к мексиканским национал-либералам. Будучи заинтересованы в сохранении своих поместий и в жесточайшей эксплуатации крестьян, мексиканские помещики являются союзниками иностранного империализма и вздыхают по золотым временам диктатуры Порифирио Диаса.

Ближайшими союзниками помещиков являются католи-

ческие священники, представляющие собой также пережиток колониального феодализма. Они тоже являются друзьями иностранного империализма и заклятыми врагами современного мексиканского правительства.

Таким образом, сейчас в Мексике мы имеем налицо две основных общественно-политических силы.

С одной стороны, действует громадная сила иностранного империализма, имеющая внутри Мексики могущественных союзников в лице помещиков и католического духовенства, причем последнее обладает прекрасной, широко разветвленной организацией.

С другой стороны, мы имеем рабочий класс и крестьянство, представляющие в потенции большую силу, но до сих пор раздробленную и слабо организованную. Слабостью этой категории общественных сил является отсутствие единого рабоче-крестьянского фронта. Между этими двумя основными, но в большинстве случаев разрозненными силами маневрирует мексиканское правительство, составленное в своем большинстве из промежуточных мелкобуржуазных элементов. Оно неспособно по существу своему выполнить стоящую перед ним громадную историческую задачу, - организацию рабочих и крестьянских масс для борьбы против сильнейшего врага мексиканского народа—иностранного империализма.

Аграрный вопрос и крестьянское движение.

Мы упоминали уже не раз, что мексиканские национал-либералы, как «мадеристы», так и «карранцисты», никогда не выполняли своих обещаний крестьянству.

Это обстоятельство объясняется двумя причинами: а) среди либералов имеются помещики или же люди, стремящиеся стать таковыми; б) в аграрном и крестьянском вопросе либералы всегда готовы идти на уступки иностранному империализму скорее, чем в чем-нибудь другом, а как раз в

этом вопросе иностранные империалисты оказывают самое отчаянное сопротивление.

Основой экономической политики иностранного капитала по отношению к Мексике, как и ко всякой другой колонии и полукolonии, всегда являлось выкачивание масс дешевого сырья. Это становится очевидным из размещения иностранного капитала по отдельным отраслям народного хозяйства в Мексике. Так, например, из 1 380 000 000 американских долларов капитала, вложенного в Мексику капиталистами Соединенных штатов, падает на:

	(В тысячах долларов.
Нефть.	368 708
Горное дело.	317 427
Железные дороги.	248 158
Земельные владения.	166 047

	(В тысячах долларов.
Лесные промысла.	10 935
Городскую недвижимость.	35 771
Металлургию.	25 180
Прочие фабрики.	27 746
Общественные предприятия.	30 799
Торговлю.	26 140
Проценты по опротестованным век- селям.	6 938
Разные предприятия.	125 242 ¹

Из этих цифр ясно, как велика та часть американского капитала, которая идет на добычу и экспорт сырьевых материалов. То же самое явствует из цифровых данных о вывозе из Мексики.

¹ Из газеты „Daily Worker” от 26 января 1927 года.

Вывезено	<u>1924 г.</u> (В тысячах мекс. пезо.)	<u>1925 г.</u>
Живой скот.....	701	1 249
Пищевые продукты.....	41 033	55 768
Сырые материалы ¹	447 586	486 066
Золото и серебро.....	122 203	135 666
Фабрикаты.....	3 189	3 634

Мы видим, какую ничтожную долю вывоза составляют здесь продукты обрабатывающей промышленности.

Эта экономическая система иностранного капитала по необходимости связана с стремлением получить широкие земельные концессии, так как горные предприятия, добыча нефти, разные плантации, железнодорожные концессии и т. п. требуют эксплуатации значительной земельной площади. Благодаря этому иностранный капитал в Мексике является прежде всего крупнейшим землевладельцем.

Этим-то и объясняется та исключительная враждебность, которую проявляют иностранные империалисты по отношению ко всяким попыткам разрешения аграрного вопроса в Мексике. Достаточно указать на то, что всякий раз, когда мексиканское правительство, опираясь на Конституцию 1917 года, желает экспроприировать хотя бы незначительный земельный участок из состава принадлежащих иностранцам поместий, дело доходит обязательно до дипломатического протеста. Вообще иностранные империалисты являются непримиримыми врагами проведения в жизнь Конституции 1917 года не только потому, что она предполагает возвращение крестьянским общинам награбленных в эпоху Диаса земель, но также потому, что эта конституция устанавливает в принципе национализацию земли и ее недр.

В значительной мере благодаря сопротивлению империалистов до сих пор не проведена в жизнь статья 27-я этой Конституции. По этой статье вся земля должна быть нацио-

¹ Сюда включены на небольшую сумму некоторые полуобработанные материалы (кожи и лес).

нализирована; крестьяне должны были получить обратно все общественные земли; все «свободные» земли должны были также отойти к крестьянам; а крупные латифундии должны были быть раздроблены и распроданы с целью создания мелкой земельной собственности.

В какой же мере осуществлена эта, по нашим понятиям весьма умеренная, аграрная реформа национал-либералов?

Несмотря на то, что со времени принятия Конституции прошло уже десять лет, провозглашенная в ней аграрная программа осуществлена лишь в весьма незначительной части.

К раздроблению латифундий почти не приступлено; лишь единичные помещики, опасаясь дальнейшего развития революции, распродали свою землю.

Возвращение расхищенных в эпоху Диаса общественных земель осуществляться весьма медленным темпом. Правительство до сих пор не опубликовало полных статистических данных по этому вопросу. По заявлению министра земледелия кабинета Кайеса, Люиса Леона, сделанному представителям печати в мае 1925 года, в Мексике существует около 12 000 бывших общественных владений; из них около 2 000 уже возвращено общинникам, а другие 2 000 «находятся в процессе возвращения». Таким образом по сегодняшний день эта часть принятой Конституцией аграрной реформы осуществлена лишь приблизительно на одну треть.

Что касается распределения между крестьянами так называемых «свободных» земель, то, согласно данным Правительственного статистического департамента, было отдано в пользование крестьян по 2 августа 1923 года 88 708 га этих земель. Но из них лишь 75 га имеют постоянное орошение, 10 400 га орошаются лишь частично, а остальные (т. е. больше семи восьмых этих земель) совсем не орошаются. В результате эта земельная статья актива правительствен-

ной реформы не дала ничего существенного мексиканскому крестьянству.

Каково же сейчас состояние земледелия в Мексике?

Ответить на этот вопрос весьма трудно, так как не имеется точных и полных статистических данных для всей Мексики. Правительственный статистический департамент в 1924 году опубликовал данные, касающиеся состояния земледелия в 1 078 муниципалитетах (всего в Мексике 1 508 муниципалитетов).

Согласно этим данным, к 2 сентября 1923 года земля в этих муниципалитетах была распределена следующим образом.

Категория владений.	Количество хозяйств
До 1 га.....	74 413
От 1 га до 5 га.....	90 223
„ 5 „ „ 10.....	33 964
„ 10 „ „ 50.....	52 466
„ 50 „ „ 100.....	11 913
„ 100 „ „ 200.....	8 400
„ 200 „ „ 500.....	5 143
„ 500 „ „ 1 000.....	4 346
„ 1 000 „ „ 5 000.....	5 979
„ 5 000 „ „ 10 000.....	1 160
Больше 10 000 га.....	1 196
Количество владений, площадь которых невыяснена	138 454

Общая площадь владений каждой категории здесь не указана; общая площадь всех владений равняется, по тем же данным, 83 837 861 га.

К категории крестьянских владений следует отнести только те группы хозяйств, площадь которых не превышает 50 га¹. По этим данным, количество таких хозяйств— 251 066. Если сюда прибавить еще три четверти из той категории в 138 454 хозяйств, площадь которых не выяснена, то

¹ Часть владений от 10 до 50 га в более орошенных и плодородных местах следовало бы отнести к среднему землевладению.

вместе получится около 350 000 крестьянских хозяйств.

Но эти данные обнимают только около 70% всех муниципалитетов. Если допустить, что в остальных 30% имеется еще около 140 000 крестьянских хозяйств, то общее количество всех крестьянских хозяйств в Мексике можно было бы, без всякого речательства даже за приблизительную точность, определить в 500 000.

Эту калькуляцию можем проверить теперь данными о результатах правительственной аграрной реформы, опубликованными государственным департаментом статистики в 1927 году.

Согласно этим данным было передано в окончательное пользование крестьян:

Год передачи	Количество в гектарах
1916.....	5 313
1917.....	63 448
1918.....	68 752
1919.....	65 426
1920.....	197 221
1921.....	438 012
1922.....	170 790
1923.....	456 488
1924.....	534 265
1925.....	894 257
1926.....	694 875
Итого...	3 588 747

Этой землей было наделено 1 871 селение, в состав которых входит 375 762 семейства. Эти данные касаются лишь тех земель, которые отданы окончательно в пользование крестьян. Сверх того во многих местах крестьяне пользуются фактически землями, которые достались им будь то по решению губернаторов, будь то в порядке захвата, но которые не закреплены еще за ними в окончательной форме. Количество крестьянских семейств, пользующихся этого рода землями, составляет приблизительно половину ко-

личества, получившего земли в окончательное владение. Таким образом по этим данным, количество крестьянских хозяйств, пользующихся землей в результате аграрной реформы, равняется приблизительно 550 тысяч. Если сюда прибавить крестьян, купивших земли у помещиков и не потерявших их во время Диаса (индейцы севера), то выходит, что в Мексике, к началу 1927 г., было около 600 тысяч крестьянских хозяйств.

Эти данные не противоречат приведенной выше калькуляции, по которой количество крестьянских хозяйств в 1923 году равнялось приблизительно 500 тысяч, так как, как мы видели, за последние три года проведение в жизнь аграрной реформы шло усиленным темпом, и, следовательно, увеличение количества крестьянских хозяйств на 100 тысяч является весьма правдоподобным.

Если теперь допустить, что в среднем на одно крестьянское хозяйство приходится около $5\frac{1}{2}$ едоков, то выходит, что количество крестьянских душ, имеющих свою землю не достигает 4 000 000.

По последним, впрочем, весьма устарелым статистическим данным, количество населения Мексики равняется 14 200 000. Из этого количества не менее 11 000 000 падает на крестьянское население. Таким образом, лишь немногим более чем одна треть крестьянства владеет землей.

Эта калькуляция будет приблизительно совпадать с вышеприведенным заявлением министра земледелия, гласящим, что одна шестая общественных владений возвращена крестьянам, а одна шестая находится в процессе возвращения.

Вышеприведенные цифры показывают еще, что две трети крестьянских хозяйств владеют площадью лишь до 5 га. Но значительная часть этих земель не орошается и может служить лишь скудным пастбищем для скота.

По заявлению того же министра земледелия, количество

Предвыборная агитация Национальной крестьянской лиги.
На знамени лозунг: „Земля и Воля”.

11 съезд Лиги аграрных коммун штата

Вэра Круц, г.Халяпа, апрель 1926.

Крестьянские революционные организации во время контрреволюционного восстания 1927 г.
Впереди стоит знаменитый художник Диего Ривера.

пахотной земли на одно крестьянское хозяйство не достигает 2 га.

Так или иначе, ясно одно: две трети мексиканских крестьян составляют безземельные, а одну треть — малоземельные.

Так как эти статистические данные не указывают, какова площадь владения каждой категории, то трудно установить точно площадь помещичьего владения в Мексике. Знатоки мексиканских аграрных отношений утверждают, что крупные поместья составляют в настоящее время от 70 до 80% общей земельной площади Мексики.

Ясно, что при таких условиях масса мексиканского крестьянства настроена весьма революционно и до сих пор еще совершенно не изжиты революционные традиции «сапатистов».

Каково отношение к крестьянам теперешнего мексиканского правительства?

Как правительство Обрегона, так и правительство Кайеса в общем и целом продолжают политику «карранцистов». Являясь правительством промежуточных мелкобуржуазных элементов, они ищут опоры у крестьян, но неспособны последовательно защищать их интересы. Мы видели уже, каким черепашьям шагом они проводят в жизнь «конституционную» аграрную реформу. Не без основания крестьянские революционные элементы обвиняют их в саботаже этой реформы. Но кроме этого главного вопроса существует еще целый ряд трений между правительством и крестьянами по другим вопросам.

Крестьянские общины, получившие обратно в пользование общинные земли, должны ежегодно вносить 15% стоимости валовой продукции этих земель в кассу правительства штата. Эти деньги предназначаются на расходы по покупке машин и семян для общинников и на мелиоративные работы. В большинстве случаев крестьяне весьма недоволь-

ны администрированием этого фонда. Эти деньги поступают в распоряжение так называемых аграрных комиссий, которые не являются выборными крестьянскими органами, а бюрократическими учреждениями, и состоят из назначенцев. Комиссии эти распоряжаются очень часто этим фондом весьма произвольно. Так, например, во многих случаях получение той или другой крестьянской общиной семенной помощи ставится в зависимость от ее политической лояльности по отношению к местным властям. Вполне достаточно, чтобы община при выборах не поддерживала губернаторского ставленника, чтобы лишиться этой помощи, издержки которой крестьянство покрывает из собственного кармана.

Другой серьезной причиной, вызывающей частые и острые конфликты между крестьянами и правительством, является во-вопрос о вооружении. По Конституции 1857 года, каждый мексиканский гражданин имеет право ношения оружия. Этот закон в конституционном порядке до сих пор не отменен. Мы видели уже, что в разгар революционного движения (1911—1915 года) основу всех революционных войск составляли крестьянские отряды. Тогда-то сотни тысяч крестьян получили оружие. «Карранцисты», победив «сапатистов» и «виллистов», начали проводить в жизнь разоружение крестьян, но эта затея не могла быть ими доведена до конца. Когда в 1923 году вспыхнул контрреволюционный заговор против правительства Обрегона—заговор, руководителем которого был Адольфо де-ла-Хуэрта, и большинство армий оказалось на стороне заговорщиков, тогда Обрегон для борьбы против контрреволюционеров вооружил значительное количество крестьян. В 1925 году Кайес, уступая давлению Соединенных Штатов, декретировал разоружение «тех крестьянских отрядов, которые занимаются насилиями и грабежами». По существу, на практике стало проводиться разоружение всех крестьян. Но когда в

1926 году вспыхнуло партизанское повстанческое движение против правительства Кайеса—движение, инспирированное католическим духовенством и поддерживаемое некоторыми влиятельными кругами американской буржуазии,—тогда декрет о разоружении крестьянских отрядов был отменен, а местами даже, в особенности там, где противоправительственное движение было особенно сильно, крестьяне снова получили от правительства некоторое количество оружия¹.

Несмотря на то, что правительство Кайеса и Обрегона именуется «рабоче-крестьянским», большинство помещиков в Мексике имеет свои вооруженные отряды, известные под именем «белых гвардий». Эти отряды не только охраняют имения от покушений крестьян на целостность помещичьих земель, но часто переходят в наступление, громя крестьянские организации и убивая активных членов союзов. Почти всегда эти убийства остаются безнаказанными, не говоря уже о тех случаях, когда местные власти активно содействуют помещикам. Во многих местах начальники гарнизонов являются агентами местных помещиков и тогда правительственные войска исполняют роль «белых гвардий». Поэтому всюду широкие крестьянские массы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы сохранить оружие в своих руках.

Все эти конфликты способствуют оживлению крестьянского движения.

¹ Книга была уже сверстана, когда, в конце 1927 года, вспыхнуло в Мексике восстание генералов Гомеца и Серрано против правительства Кайеса. Крестьянские организации опять поддержали правительство против этих контрреволюционных генералов, связанных с помещичье-империалистским блоком. Вооруженные крестьянские отряды приняли деятельное участие в подавлении этого восстания. Несмотря на это, правительство Кайеса уже в январе 1928 г. приказом военного министерства требует от крестьян сдачи оружия. Этот новый поворот в крестьянской политике Кайеса объясняется опять давлением Соединенных Штатов.

Каковы главные формы крестьянского движения в Мексике?

Их можно разделить на три категории: а) легальные, б) полуполюгальные и в) нелегальные.

К первым относятся те крестьянские союзы, которые занимаются политической и юридической защитой интересов крестьянства, базируясь на Конституции 1917 года. Больше всего распространена одна форма, известная под именем «лиги аграрных коммун». Такая лига организуется обычно на съезде делегатов крестьянских общин и ставит себе задачей борьбу за проведение в жизнь аграрной реформы, а также контроль над распределением администрацией мелиоративного фонда, о котором мы уже упоминали. Кроме того лига занимается и политической деятельностью, проводя своих депутатов в местные и центральные палаты. Можно, как правило, установить, что там, где лига хорошо организована и энергично защищает крестьян, там местные власти считаются с ней. Но в некоторых местах лиги эти попадают в зависимость от местных властей: обычно это происходит оттого, что у лиги нет своих средств и она находится на содержании у губернаторов штата. Последние очень охотно подчиняют лиги своему влиянию, так как они ищут политической опоры у крестьянства.

До последнего времени все эти лиги не были объединены в национальном масштабе. Этому объединению препятствовало как центральное правительство, так и власти на местах. Цепляющиеся за власть мелкобуржуазные элементы справедливо полагают, что организационное разъединение крестьян будет способствовать укреплению их диктатуры.

Несмотря на эти препятствия, в ноябре 1926 года состоялся Первый национальный съезд крестьянских лиг. На нем были представлены крестьянские объединения 17 штатов (всего в Мексике 28 штатов). Организации эти представляли 480 000 организованных крестьян.

Этот съезд организовал Крестьянскую национальную лигу и возложил на нее следующие задачи:

а) борьбу за проведение в жизнь аграрной реформы полностью в том объеме, как это установлено Конституцией 1917 года;

б) борьбу за отмену выкупных платежей¹;

в) участие в политической борьбе за защиту интересов трудящихся в единении с рабочим классом;

г) борьбу против иностранного империализма; с этой целью вновь организованная лига вступила в Антиимпериалистическую лигу Америки.

Из вышеизложенной программы мы видим, что мексиканское крестьянство многому научилось со времен Сапаты.

Говоря о крестьянских лигах, мы должны отметить одно обстоятельство. Во многих местах сельскохозяйственные рабочие вступают в эти лиги. В мексиканских условиях это вполне естественно. Так как большинство общинников до сих пор лишено еще земли, то они работают в качестве батраков в поместьях и на плантациях. С другой стороны, те крестьяне-общинники, которые уже получили землю, являясь малоземельными, не нанимают сельскохозяйственных рабочих. Таким образом между сельскохозяйственными рабочими и крестьянами не нарушена до сих пор общность интересов. Поэтому союзы сельскохозяйственных рабочих приходится причислить скорее к крестьянским, чем к рабочим организациям. Среди этих последних больше всего распространены так называемые «крестьянские синдикаты». Они организуются реформистской рабочей федерацией, но в общем, благодаря необходимости повседневной борьбы не только против помещиков, но весьма часто и против местных властей, они настроены гораздо левее, чем их желтые реформистские вожди.

¹ Выкупные платежи предполагается взимать из вышеупомянутого 15% „общественного” налога, но на практике к взиманию их еще не приступили.

Во многих местах Мексики существуют полулегальные и нелегальные крестьянские организации, носящие более узкий характер. Это—боевые дружины крестьян, главной задачей которых является защита против белогвардейских помещичьих отрядов или же находящихся на службе у помещиков военных частей. Там, где местные власти враждебно настроены против помещиков, эти дружины имеют полулегальный или даже нелегальный характер. Бывают случаи, когда эти дружины убивают особо ненавистных помещиков.

Кроме того в Мексике все время не прекращается деятельность разных партизанских отрядов, хотя количество их и значение весьма сильно уменьшилось с тех пор, как крестьяне получили возможность защищать свои интересы легальным образом. Во многих местах это партизанское движение выродилось в «махновщину», но там, где местные власти являются агентами помещиков и преследуют крестьянские организации, там эти отряды имеют подлинно революционный характер.

Крестьянское движение в Мексике до сих пор идет в авангарде революции. Степень революционности каждого мексиканского правительства или любой общественно-политической организации безошибочно определяется прежде всего отношением к аграрному вопросу и крестьянскому движению. Равным образом иностранные империалисты направляют свои удары прежде всего против этого движения.

Рабочее движение.

С того времени, когда национал-либеральное правительство Карранцы привлекло на свою сторону рабочие организации, используя их в борьбе против революционного крестьянства, и народилось «правительственное» течение в рабочем движении.

Это течение организовано в настоящее время в виде реформистской рабочей конференции, именуемой Мексиканской рабочей районной конфедерацией (КРОМ).

По словам лидеров этой организации КРОМ насчитывает около $1\frac{1}{2}$ миллиона членов, но это бессовестное преувеличение. В состав его входит около $\frac{2}{3}$ организованных рабочих Мексики. Так как всех промышленных рабочих в Мексике около 300 тысяч, то максимальное возможное количество членов КРОМа этой категории пролетариата не может превышать 200 тысяч. Кроме того в состав организации КРОМа входит большинство так называемых крестьянских синдикатов, т. е. организации батраков и безземельных крестьян, живущих наемным трудом. Последних насчитывается в Мексике от 2 до $2\frac{1}{2}$ миллионов. Но они слабо организованы: крестьянские синдикаты охватывают максимум 20% этой массы. Часть этих союзов находится вне организации КРОМа. Таким образом число членов КРОМа этой категории никоим образом не может превышать 300—400 тысяч членов. Таким образом, со всеми натяжками, количество членов КРОМа может достигать 500—600 тысяч человек. Здесь же следует отметить, что значительная часть этих членов, особенно из крестьянских синдикатов, не платит никаких членских взносов. Лучшим доказательством этого является то обстоятельство, что в среднем месячном бюджете ЦК КРОМа взносы от входящих в состав его организаций едва достигают ничтожной суммы 800 до 900 мексиканских пезо. (Весь месячный бюджет КРОМа около 5 000 пезо в месяц, причем большая часть этой суммы фигурирует под рубрикой «пожертвования группы действия», т. е. лидеров КРОМа.) Таким образом можно с полной уверенностью сказать, что даже среди этих 500—600 тысяч членов значительная часть является «мертвыми душами».

Идеологической базой этой конфедерации является закон о труде Конституции 1917 года. Мы уже видели, что

наряду с защитой интересов рабочих и охраной труда закон этот устанавливает необходимость «сотрудничества рабочих и предпринимателей на пользу производства».

В согласии с этим положением реформистские вожди проповедают идеи сотрудничества рабочих организаций с «честными» капиталистами.

«Мы боремся с теми капиталистами, которые проникают в Мексику с целью незаконной наживы и не подчиняются нашим законам. Но мы готовы приветствовать и сотрудничать с теми предпринимателями, которые, подчиняясь нашим законам, работают для блага производства»¹.

КРОМ не примыкает ни к Амстердамскому интернационалу, ни к Профинтерну. Он входит в Пан-американскую федерацию труда и находится в дружеских отношениях с Американской федерацией труда.

Реформизм КРОМа сильно отличается, однако, как от идеологии Американской федерации труда, так и от европейского реформизма.

Первое отличие состоит в том, что реформизм вообще является проводником влияния буржуазии на пролетариат. Так как в Мексике отсутствует класс национальной буржуазии, а власть находится в руках промежуточных мелкобуржуазных элементов, то реформизм КРОМа является мелкобуржуазным. Вовторых, социальной базой реформизма является обычно рабочая аристократия. Так как последняя в Мексике весьма малочисленна, то КРОМ, подобно мексиканскому правительству, не имеет определенной социальной базы.

Таким образом КРОМ по своей идеологии является мелкобуржуазной организацией. Интересно отметить, что кроме рабочих союзов в состав ее входят: а) союзы мелких торговцев, б) некоторые смешанные союзы, где наряду с наем-

¹ Из речи лидера КРОМа Л. Моронеса на первомайском митинге 1925 года.

ными рабочими входят мелкие предприниматели (например союз шоферов, куда входят и владельцы прокатных автомобилей).

КРОМ не является, однако, последовательной реформистской организацией. Теория классового сотрудничества не может иметь большого успеха в стране, где рабочий класс живет крайне бедно и где благодаря частым «революциям» человеческая жизнь весьма дешева. Для того чтобы сохранить свое влияние на рабочие массы, КРОМу приходится часто нарушать идею «сотрудничества классов». Благодаря этому организация эта является не столь реформистской, сколько просто оппортунистической и беспринципной. Оппортунизм КРОМа сказывается главным образом в том, что лидеры этого течения стараются подчинять интересы рабочего класса текущей политике мелкобуржуазного правительства. Это тесное сотрудничество вызывается различными причинами. В Мексике, несмотря на демократические формы правления, фактически господствует военно-полицейская диктатура. Кто ссорится с правительством, тот не может попасть ни на какое выборное место, ни получить работу в правительственных учреждениях. Благодаря бедности и недостатку общественно-политического воспитания большинство мексиканских рабочих организаций не в состоянии содержать себя и своих требовательных и испорченных лидеров на свои рабочие гроши. Поэтому большинство лидеров не живет на жалование своих организаций. Она занимает разные правительственные должности или просто продает себя. Здесь-то до известной степени сказывается влияние «рабочих лидеров» Американской федерации труда, которые, как известно, продаются без всякого стеснения.

Вообще в Мексике «разбогатеть на политике» считается обычным делом. Насколько «рабочие лидеры» не стесняются в этом отношении—видно хотя бы из следующего при-

мера: главный лидер КРОМа, Моронес появляется всюду, даже на рабочих собраниях, в бриллиантах крупной величины.

Несмотря на полное моральное разложение лидеров, рабочая масса КРОМа является революционно настроенной. Да и не может быть иначе. Средний мексиканский рабочий живет гораздо хуже европейского; он питается очень плохо и живет в ужасающих квартирных условиях; все это не может способствовать развитию реформистских настроений в широких массах рабочего населения.

Что же заставляет значительную часть рабочего класса в Мексике идти за этими оппортунистическими вождами и служить орудием мелкобуржуазного правительства?

Ответ ясен: угроза иностранной интервенции.

При всей своей мелкобуржуазности мексиканское правительство оказывает сопротивление иностранному империализму. Поэтому ему нетрудно заручиться поддержкой рабочих масс. Но эта постоянная угроза империалистической интервенции служит для мексиканского правительства и желтых рабочих лидеров средством шантажа рабочих масс. Всегда, когда классовая борьба рабочих не соответствует интересам момента правящей клики, от рабочих требуют отречения от борьбы, ссылаясь на угрозу империалистической опасности.

Если бы лидеры КРОМа ограничивались поддержкой мексиканского правительства лишь в борьбе против империализма и внутренней контрреволюции, это было бы правильно, но они связывают рабочее движение со всеми перипетиями военно-полицейской диктатуры. Благодаря такой тактике рабочие КРОМа лишены какой бы то ни было инициативы в своей общественно-политической деятельности. Одни забастовки запрещаются, а другие поощряются исключительно в зависимости от интересов момента правящей бюрократии.

Демонстрация анархо-синдикалистов г. Мексика, март 1926 г.

Первомайская демонстрация реформистов перед президентским дворцом 1 мая 1926 г.

Лучшей иллюстрацией этого положения служат примеры двух забастовок, где особенно ярко проявился политический оппортунизм КРОМа и правительства.

В 1925 году большинство трамвайных рабочих в Мексике принадлежало к союзу, находящемуся под влиянием предпринимателей. Этот союз был организован в 1923 году КРОМом со штрейкбрехерскими целями против существовавшего тогда анархо-синдикалистского профсоюза. Но с течением времени союз этот подпал под влияние предпринимателей настолько, что совершенно отбился от рук лидеров КРОМа. Тогда последние организуют в 1925 году другой параллельный союз, куда успевают притянуть около 20% рабочих трамвая. Сделав это, КРОМ объявил свой союз «большинством» и потребовал от предприятия признания его единственным представителем трамвайных рабочих. Трамвайная компания, принадлежащая английским капиталистам, отказалась сделать это. Тогда КРОМ объявил забастовку с целью добиться признания своего союза и обратился к правительству с просьбой «оказать содействие «законной забастовке». Так как правительство находилось в это время не в ладах с Англией и имело также свои счета с этой трамвайной компанией, то оно охотно пошло навстречу просьбе КРОМа. Когда большинство рабочих, вопреки запретам вновь образованного союза, пожелало выйти на работу, то правительственные военные отряды заняли трамвайные парки и запретили пускать в ход вагоны. Компании и «предпринимательскому союзу» пришлось уступить. КРОМ восторжествовал и разрушил таким образом старый союз.

Противоположным примером является забастовка в американской нефтяной компании «Уастека» в Тампико, имевшая место в том же 1925 году. Большинство рабочих принадлежало там к независимому союзу, где главное влияние имели коммунисты. Компания, желая внести раскол в среду

рабочих, основала свой «предпринимательский союз», куда записалось не больше одной шестой работавших в этом предприятии рабочих. Тогда первый союз объявил забастовку, требуя отпуска вновь организованного желтого союза. Предприятие обратилось за защитой в министерство труда, торговли и промышленности (весьма характерно соединение этих трех функций в одном министерстве). Министром состоит там как раз упомянутый нами Луис Моронес, лидер КРОМа. Так как мексиканское правительство не желало в данный момент ссориться ни с одной американской нефтяной фирмой и так как кроме этого забастовка не была организована КРОМом, то Моронес объявил, что она является нелегальной, так как «конфликт возник не между рабочими и предприятием, а между двумя группами рабочих». В результате были отправлены военные отряды защищать желтое меньшинство из «предпринимательского союза».

Эти два примера являются яркой иллюстрацией «рабочей политики» мексиканского правительства и его рабочего агентства. Эта политика приводит к раскалыванию рабочего движения и к лишению его всякой самостоятельности в деле защиты своих интересов. Благодаря этой политике, КРОМ, несмотря на поддержку диктаторствующего правительства, объединяет лишь около двух третей организованных рабочих в своих рядах; остальные—одна треть—организованы вне КРОМа. Здесь интересно отметить, что почти все рабочие, занятые в предприятиях американского капитала, организованы вне КРОМа, так как последняя организация, не желая портить свои отношения с Американской федерацией труда, не защищает должным образом интересы этих рабочих.

Кроме КРОМа, в Мексике существуют еще две других рабочих конфедерации. Первая из них находится под влиянием анархо-синдикалистов. Это—Генеральная рабочая конфедерация. Она насчитывает около 16 000 членов. Неко-

гда она была очень влиятельной, но в последнее время она все больше и больше теряет свой авторитет среди рабочих масс.

Кроме того существует еще Католическая рабочая конфедерация, куда входят часть горнорабочих Мексики и некоторые местные союзы, объединяющие рабочих и владельцев мелких предприятий. Эта конфедерация насчитывает около 25 000 членов.

Кроме этих трех конфедераций, в Мексике существует еще целый ряд независимых рабочих союзов. Среди них первое место занимает конфедерация транспортных рабочих, куда входят почти все железнодорожники. Равным образом и рабочие нефтяных предприятий организованы в целый ряд независимых союзов. Число рабочих, организованных в независимые союзы, достигает 80 000.

Благодаря фашистской тактике желтых раскол в рабочем классе Мексики очень углубился. В результате— ожесточенная борьба между различными рабочими организациями. КРОМ весьма часто играет роль штрейкбрехера в тех забастовках, которые организуются независимыми или анархо-синдикалистами. Кроме этого лидеры КРОМа исключают из своих союзов инакомыслящих или не дают им работать на предприятиях.

Благодаря такой предательской тактике независимые рабочие организации иногда подпадают под влияние разных губернаторов, генералов и политиков, не имеющих ничего общего с рабочим движением, но враждебно настроенных против КРОМа.

Кроме того независимые рабочие союзы страдают иногда увлечением идеями «чистого тред-юнионизма». Это опять-таки является реакцией против повседневного мелко-политиканства КРОМа. Несмотря на все эти недостатки, независимые рабочие союзы имеют сейчас в Мексике громадное влияние. Они тесно связаны с широкой рабочей

массой и в основном правильно отражают их настроения. Кроме того они являются в настоящее время единственными в Мексике массовыми рабочими организациями, стремящимися к установлению единого рабоче-крестьянского фронта. В последнее время среди этих союзов народилось течение, стремящееся вовлечь рабочие массы в борьбу против американского империализма.

Политическая борьба классов и партий.

Так как в Мексике иностранные империалисты играют большую роль не только в экономической жизни страны, но и стремятся установить над нею и политический контроль, то, говоря о разных политических группировках, мы должны прежде всего выяснить роль иностранных групп в политических делах Мексики.

На первом месте идут Соединенные Штаты. В Мексике они представлены главным образом двумя могущественными капиталистическими группами—банками и крупными нефтяными компаниями.

В Нью-Йорке существует так называемый Интернациональный Комитет Банкиров, представляющий интересы всех банков, заинтересованных в мексиканских делах. Туда входят американские, английские, французские, голландские и испанские банки. Но то обстоятельство, что председателем этого комитета является один из компаньонов Моргана—Ламмонт и что местопребыванием комитета является Нью-Йорк, ясно доказывают, что преобладающее значение в нем имеет американский капитал.

Каковы обязательства Мексики по отношению к этому комитету?

По особому договору (так называемому договору Ламмонт—де-ля Хуэрта), заключенному в 1922 году, этим комитетом был консолидирован внешний долг Мексики следующим образом:

Государственный долг	265 087 020	америк.	долл.
Железнодорожный ¹ долг	243 743 777	“	“
Неоплаченные проценты с 1913 г.			
400 000 000 мекс. пезо, т. е. около	200 000 000	“	“

Таким образом, обязательства мексиканского государства по отношению к Интернациональному Комитету Банкиров превышали 700 000 000 американских долларов.

В начале 1926 года мексиканское правительство, не будучи в состоянии справиться, с одной стороны, с платежом процентов, а, с другой стороны—с управлением железными дорогами, возвратило национализированные в свое время дороги держателям железнодорожного долга, т. е. тому же комитету. Таким образом внешний долг Мексики уменьшился на сумму около 244 000 000 американских долларов, но зато комитет банкиров стал владельцем большинства железных дорог страны.

Вторая могущественная капиталистическая группировка—это американские владельцы нефтяных предприятий. Мы уже видели, что в нефтяные предприятия Мексики вложено более 1 000 000 000 мексиканских пезо. Около двух третей этого капитала принадлежит американским капиталистам.

Американский капитал преобладает также в горном деле. Следующая по своей силе и значению группа капиталистов—это англичане. Им принадлежит около одной трети нефтяного капитала, много горных предприятий, часть железных дорог, банков и электрические компании.

До 1923 года между американским и английским капиталом происходила борьба за политическое влияние на Мексику. Мы уже видели, как мексиканское правительство при молчаливом содействии Соединенных Штатов производило нажим на англичан. Дело дошло даже до разрыва дипломатических сношений.

¹ Неоплаченный выкуп за национализированные железные дороги.

В 1923 году английский капитал сделал попытку вернуть себе свой утерянный политический престиж путем организации в Мексике «своей революции».

В 1923 году вспыхнуло в Мексике восстание против правительства Обрегона. Во главе этого заговора стал министр финансов Адольфо де-ля-Хуэрта. Некоторые влиятельные английские компании финансировали это «предприятие».

Восставшие выступили с весьма «революционными» лозунгами. Они обвиняли правительство Обрегона в диктаторстве и «выступили на защиту поправленных прав демократии». Де-ля-Хуэрта старался даже, с небольшим, правда, успехом, привлечь на свою сторону недовольные политикой правительства и КРОМа рабочие элементы.

Несмотря на этот показной радикализм, все консервативные и контрреволюционные элементы примкнули к этому восстанию. На его сторону стали большинство командного состава мексиканской армии, помещики и католическое духовенство.

Перед угрозой этой опасности хитрый Обрегон заговорил о необходимости единого фронта рабочих и крестьян для борьбы с контрреволюцией. Он заручился поддержкой не только КРОМа, но и коммунистов. Кроме того он вооружил крестьян и обещал радикальное проведение аграрной реформы.

С другой стороны, этот прожженный политик умело заговорил зубы Соединенным Штатам. Он им обещал отмену знаменитой 27-й статьи Конституции 1917 года, провозглашающей национализацию земель и недр.

В результате рабочие и крестьяне поддержали правительство Обрегона против этого восстания, а правительство Соединенных Штатов снабжало его оружием и амуницией, отказав в этом снабжении восставшим. Восстание было подавлено.

С тех пор Англия, повидимому, помирилась с американской гегемонией в Мексике. В настоящее время наблюдается тесное дипломатическое сотрудничество между этими двумя державами в Мексике.

Иностранные империалисты с американцами во главе не теряют надежды на восстановление утерянной после диктатуры Диаса политической гегемонии в Мексике. В настоящее время, правда, они отказались от идеи прямой интервенции, но не теряют еще надежды установить в Мексике «свое правительство».

На какие круги в самой Мексике опираются иностранные империалисты?

Прежде всего, конечно, на иностранные колонии. Об их отношении к мексиканскому правительству мы уже говорили достаточно в одной из предыдущих глав.

Главной туземной опорой иностранного империализма являясь в Мексике помещики и католическое духовенство.

Мы говорили уже достаточно о связи помещиков с иностранными империалистами, теперь придется остановиться на вопросе о католическом духовенстве.

Духовенство потеряло свою экономическую базу, лишившись в середине XIX столетия своих громадных имуществ, тем не менее оно сохранило еще до сих пор значительную часть своего общественно-политического влияния в Мексике. Благодаря хозяйственной и общественно-политической отсталости крестьянства значительная часть его находится еще под влиянием духовенства. Кроме того последнее опирается еще на испанскую и французскую колонии, на часть мексиканской мелкой буржуазии и даже на некоторые самые отсталые слои рабочих.

Духовенство уже давно перестало возлагать свои надежды на европейские католические державы. Поражение империи Максимилиана убедило их в этом. Несмотря на то, что в Соединенных Штатах преобладают протестанты, мек-

сиканские католики уже со времен Диаца обращают свои взоры на северного соседа. В последние годы, когда развитие мексиканской революции приобретает все больше и больше социальный уклон и когда все сильнее и сильнее возрастает ненависть к ней со стороны американской буржуазии, католики без всякого стеснения ищут поддержки в Соединенных Штатах. Они образовали консервативное, полурелигиозного типа общество под названием «Рыцари Колумба». Это общество работает во всех странах латинской Америки. Оно также объединяет католиков Соединенных Штатов. Можно смело сказать, что это общество, как и вся католическая церковь, все более и более становится проводником американского империализма в Мексике и во всей латинской Америке. Это подтверждают следующие факты.

1. В 1926 году в городе Чикаго составлялся Евхаристический католический конгресс. Несмотря на то, что католики составляют лишь около 12% населения Соединенных Штатов, съезд этот был обставлен с большой пышностью, и американские правительственные власти оказали большое содействие его организации.

2. В конце 1926 года, когда все усиливался конфликт между духовенством и правительством Кайеса, представители американских католиков (общество «Рыцари Колумба») обратились к президенту Кулиджу с просьбой вмешаться в мексиканские дела для защиты католической церкви от преследований правительства.

3. В конце 1926 и в начале 1927 года, когда дипломатический конфликт между Мексикой и Соединенными Штатами все более и более заострялся, духовенство подняло в Мексике одновременно целый ряд восстаний против правительства Кайеса, причем эти восстания поддерживаются некоторыми влиятельными кругами Соединенных Штатов.

Диктаторствующее мелкобуржуазное правительство Мексики, по старым мексиканским либеральным традици-

ям, не остается в долгу перед духовенством. Оно ведет против него энергичную борьбу, требуя подчинения конституционным законам. Главным средством нажима на духовенство со стороны правительства являются ограничение количества «действующих» костелов и духовенства и лишение права религиозной практики духовных лиц иностранного происхождения.

Нужно отметить, что в своей борьбе против духовенства мексиканское правительство делает одну громадную ошибку. Оно изолирует эту борьбу от общего комплекса социальных вопросов в Мексике. Кроме этого оно не уделяет достаточного внимания культурно-просветительной и антирелигиозной работе среди масс населения. В этом сказывается мелкобуржуазность мексиканского правительства. Боясь постановки во всю ширь основных социальных вопросов, оно ставит слишком узко борьбу против духовенства.

В 1926 году, когда правительство Кайеса стало применять во всей строгости по отношению к духовенству все существующие законы, последнее выступило открыто против правительства. Епископы опубликовали прокламацию к мексиканскому народу, заявляя, что: а) ввиду притеснений со стороны правительства они отказываются от исполнения религиозных обязанностей и б) призывают всех мексиканских католиков к бойкоту торговли, ресторанов, театров и т. п. Этот бойкот имел целью заставить среднюю и мелкую буржуазию требовать от правительства уступок по отношению к церкви. Нужно отметить, что в некоторых штатах, где влияние духовенства очень сильно, бойкот этот имел некоторый успех.

Таким образом в Мексике мы имеем правый контрреволюционный блок, в состав которого входят иностранные империалисты, помещики и духовенство,—типичный для колониальных и полуколониальных стран блок иностранного капитала с местными феодальными и полуфеодальными элементами.

Мелкобуржуазные группировки.

В развитых капиталистических странах мелкая буржуазия не является самостоятельной политической силой. Она обычно плетется в хвосте буржуазии. Мексиканские условия, где отсутствует национальная буржуазия, предоставляют больше возможностей для общественно-политической деятельности промежуточных элементов. Мы уже установили, что современное мексиканское правительство—это военно-полицейская диктатура мелкобуржуазных элементов.

Некогда, во время борьбы за реформу, мексиканская мелкая буржуазия сумела создать сильную и влиятельную либеральную партию. В настоящее время мексиканская мелкая буржуазия находится в чрезвычайно распыленном состоянии. В Мексике очень часто наблюдается следующее явление: мелкобуржуазные элементы способны объединяться против консерваторов в борьбе за власть. Достигнув власти, это объединение очень быстро распадается. То обстоятельство, что с 1910 года все более и более крупную роль в мексиканской общественно-политической жизни играют рабочие и крестьяне, содействовало еще большему распылению мелкой буржуазии.

В Мексике существуют в настоящее время не менее нескольких сот разных «политических партий». Из них девять десятых являются чисто мелкобуржуазными, а в остальных тоже силен мелкобуржуазный элемент. Очень часто такая «партия» состоит лишь из небольших групп родственников, которые стремятся провести в депутаты или гласные думы своего человека, дабы затем при его помощи начать «устраиваться». Во время выборов, а также в палатах законодательных эти «партии» объединяются в разные «блоки», причем они почти всегда группируются не по политическим, а по персональным платформам.

Здесь уместно отметить, что в Мексике в действительно-

сти никакой выборности не существует. Военно-полицейская диктатура, форма которой унаследована от Диаса, господствует и в настоящее время. «Выбирается» лишь тот, кто угоден гражданской или военной власти. Если и разгорается иногда «выборная борьба», то главным образом потому, что и внутри аппарата этой диктатуры борются разные группировки. Так, например, в провинции очень часто губернаторы борются с начальниками гарнизонов. Во время общих выборов «выборная борьба» происходит обычно два раза. И происходит это следующим образом.

При выборах на местах тот или другой «блок» борется за захват «выборных комиссий». Кто имеет в своих руках «комиссию», тот имеет и выборное помещение, а следовательно сразу обеспечивает себе «большинство голосов». Сторонники противоположной партии просто не допускаются в выборное помещение. Кроме того практикуется фабрикация голосов. Но борьба не кончается еще на этой стадии. Кандидат «выбран» и едет в столицу, в палату. Там он должен пройти через мандатную комиссию, которая, ничуть не стесняясь, может дать мандат тому, кто получил меньшинство.

На первой стадии больше всего влияния на ход «выборов» оказывают губернатор и местные военачальники, на второй—центральное правительство.

Насколько распылена в общественно-политическом отношении мелкая буржуазия в Мексике—видно хотя бы из того, что она не имеет сейчас ни одной политической партии в национальном масштабе. Все ее многочисленные «партии» являются группировками местного значения.

Кроме «партий» мелкая буржуазия имеет еще масонские ложи, но последние давно уже превратились в общества взаимопомощи по подысканию «теплых» местечек. Благодаря, однако, мелкобуржуазной распыленности массоны продолжают еще пользоваться известным политическим влиянием в Мексике.

Крестьянские группировки.

Лучше обстоит дело с крестьянскими организациями. Мы уже упоминали об организации в ноябре 1926 года Национальной крестьянской лиги. Этой организации суждено сыграть крупную роль в Мексике, но до сих пор она не имеет еще крепкой внутренней организационной спайки.

Кроме нее существует еще Национальная аграрная партия. Она была основана в 1920 году оставшимися в живых сапатистскими деятелями и во время правления Обрегона пользовалась в Мексике большим влиянием. Она имела значительное количество депутатов в Конгрессе. Губернаторы нескольких штатов были ее людьми. Она владела также аппаратом министерства земледелия и аграрными комиссиями, благодаря чему могла контролировать проведение в жизнь аграрной реформы. Но здесь лидеры этой партии допустили колоссальную ошибку. Они не создали массовой низовой крестьянской организации и не пытались объединить существовавшие уже крестьянские лиги, вследствие этой ошибки они потерпели крупное поражение в конце 1924 года. Когда Обрегона сменил Кайес, решившийся опереться на лабористов, аграристов вытеснили из министерства земледелия, а затем—из аграрных комиссий и с губернаторских постов. Не имея массовой организации аграристы не были в состоянии оказать никакого сопротивления. С тех пор партия эта потеряла почти все свое влияние¹.

Рабочие политические партии.

В национальном масштабе существуют лишь две рабочие партии—лабористы и коммунисты. Кроме того существует еще некоторое количество местных «рабочих пар-

¹ В самое последние время деятельность Национальной аграристской партии значительно оживилась в связи с предвыборной президентской кампанией. Партия эта пользуется сейчас поддержкой Обрегона и лидеры ее являются главными его агитаторами.

тий», где, впрочем, рабочий элемент перемешан с мелкобуржуазным.

Лабористы в центре Мексики опираются на желтую рабочую конференцию—КРОМ. Организация лаборатористской партии построена следующим образом. Основную ее группу составляет актив разных профессиональных союзов, примыкающих к КРОМу. Кроме того к партии примыкают разные местные рабочие и мелкобуржуазные группировки. Последние сохраняют свою внутреннюю автономию. Помимо этого к партии примыкают разного рода «политические деятели», не имеющие ничего общего с рабочим движением, но обязующиеся во время выборов поддерживать лаборатористов, взамен чего они получают также некоторое количество депутатов, проходящих в местные и центральные законодательные палаты под флагом лаборатористов.

По методам организационного строительства от Английской рабочей партии мексиканская лаборатористская организация отличается тем, что в состав ее не входят коллективно никакие профсоюзы¹.

Из всех прогрессивных политических партий Мексики лаборатористы являются самой сильной организацией. Соперничать с ними могут лишь клерикалы-консерваторы, но последние в данное время слабее, так как лаборатористы имеют за собой поддержку правительственного аппарата.

Лабористы имеют очень «революционную» программу, где даже говорится о необходимости социальной революции. Но все эти шумные фразы уживаются мирно рядом с оппортунистической практикой вроде «сотрудничества с честными капиталистами».

Тактикою лаборатористов является проведение своих людей в центральные и местные палаты и стремление прибрать к

¹ Лидер лаборатористов Люис Моронес очень интересно объясняет это обстоятельство: „Не следует вмешивать рабочие союзы в грязные политические дела“ (заявление Моронеса в печати летом 1906 года).

рукам правительственный аппарат и органы самоуправления. В этом деле партия достигла в последнее время значительных успехов. Так, например, уже больше двух лет сряду партия держит в своих руках самоуправление столицы, из кассы которого черпает довольно обильные средства для своей «политической работы»¹.

Коммунистическая партия слаба организационно. Мексиканские рабочие с их анархо-синдикалистскими традициями представляют вообще плохой материал для коммунистической организации. Партия имеет свои организации в столице и в крупных промышленных центрах, но они мало дисциплинированы.

Несмотря на эту организационную слабость, партия имеет большое влияние в Мексике. Идеологически она охватывает значительную часть рабочих и большинство организованного крестьянства.

Коммунистическая партия проявила много инициативы в деле централизации крестьянских лиг. Образованная в 1926 году Национальная крестьянская лига находится под влиянием партии. Кроме того она проявила также большую инициативу в организации антиимпериалистического движения. Созданная в конце 1924 года антиимпериалистическая лига Америки возникла при деятельном участии коммунистов.

Нужно отметить что, кроме официальной коммунистической партии (секция III Интернационала), в Мексике существует еще несколько «коммунистических партий». Из них Студенческая коммунистическая партия имеет некоторую связь с официальной коммунистической партией. Другие—не имеют с ней ничего общего, являясь рабоче-мелкобуржуазными группировками.

¹ Несмотря на факт захвата в свои руки городских самоуправлений, лавористы не делают ничего для улучшения рабочих кварталов и рабочих жилищ, которые попрежнему остаются в весьма плачевном состоянии.

Говоря о разных «коммунистических течениях», необходимо упомянуть о много нашумевшей деятельности губернатора штата Юкатан, Филиппа-Пуэрто Каррильо, в период 1922—1924 годов. Каррильо считал себя коммунистом и был членом Мексиканской коммунистической партии, а также членом Американского бюро Коммунистического Интернационала. Будучи выбран губернатором штата Юкатан, он проделал там весьма интересную революционную работу.

Особенность этого штата состоит в том, что почти вся его площадь производит лишь один продукт—манильскую коноплю, давая 80% мирового производства этого волокнистого вещества. Благодаря этому штат этот живет привозным хлебом.

До вступления в должность губернатора Каррильо почти вся площадь штата была в руках крупных плантаторов. Каррильо начал энергично проводить земельную реформу, наделяя землей индейцев и поощряя их к кооперативной обработке. Кроме того Каррильо предпринял борьбу с монополией крупных американских экспортеров манильского шпагата, которые обычно диктовали производителям цены на этот продукт. Каррильо основал сбытовую кооперацию на следующих основах: правительство штата закупало от кооперации весь манильский шпагат и должно было сбывать его тогда, когда условия рынка окажутся самыми благоприятными. Кроме этой экономической деятельности Каррильо организовал также социалистическую партию юго-востока и «лиги сопротивления». Главной целью этих организаций являлась борьба против помещиков и духовенства за сохранение за собою управления штатом.

Деятельность Каррильо вызвала возмущение со стороны местных помещиков и иностранных экспортеров. Во время контрреволюционного восстания де-ля-Хуэрты Каррильо и многие его сподвижники были убиты. Гибель их имела сво-

им результатом усиление влияния помещиков в Юкатане и уничтожение всех упомянутых интересных начинаний. Имя Каррильо до сих пор пользуется большой славой среди мексиканских крестьян и рабочих.

Правительство Мексики относится весьма недружелюбно к коммунистической партии. Открыто коммунисты не преследуются. Это дело предоставляется желтой рабочей федерации КРОМ, боевые дружины которой снимают коммунистов с работы на предприятиях, а иногда и убивают их. Коммунисты преследуются также некоторыми губернаторами и многими местными военачальниками.

Это преследование коммунистов мексиканское правительство и КРОМ широко рекламируют в Соединенных Штатах с целью убедить американскую буржуазию и Американскую Федерацию Труда в том, что они ни в какой степени «непричастны к большевизму».

Возвращаясь еще к общественно-политической распыленности мексиканского населения, нужно отметить, что это явление свойственно большей части латинской Америке и является следствием пережитков колониального феодализма и отсутствия общественно-политической выучки.

Если до сих пор, несмотря на эту дезорганизацию и распыленность, Мексика защищается против иностранного империализма, то главная заслуга принадлежит рабочим и крестьянским массам, которые заставляют своих мелкобуржуазных лидеров оказывать сопротивление слишком грубым замашкам иностранного капитала.

Вся эта общественно-политическая обстановка ставит перед пролетариатом Мексики ряд важнейших задач, проводником которых должна явиться коммунистическая партия. Задачи эти следующие:

а) Борьба за единство рабочего движения. Борьба с реформистско-фашистскими стремлениями желтых реформистов путем: 1) усиления и сплочения независимых рабочих союзов и 2) революционной агитации среди рабочих масс

КРОМА, настроенных в общем революционно.

б) Консолидация крестьянского революционного движения путем всемерной поддержки организации Национальной крестьянской лиги.

в) Борьба за установление единого рабоче-крестьянского фронта на основе:

1) общей борьбы против иностранного империализма;

2) борьбы против помещичье-клерикальной контрреволюции;

3) борьбы против фашистских методов, применяемых мелкобуржуазным правительством и желтыми рабочими лидерами против рабочего и крестьянского движения.

Заключение.

Несмотря на всю свою мелкобуржуазность, анархизм и распыленность, революционное движение в Мексике сделало громадные успехи.

В 1857 году Мексика приняла радикально-демократическую «якобинскую» Конституцию. Конституция 5 февраля 1917 года уже выходит из рамок мелкобуржуазного радикального демократизма, обнаруживая некоторый социалистический уклон.

Таким образом среди всех государств латинской Америки, т. е. государств, образовавшихся после распада испано-португальских колоний, Мексика занимает по общественно-политическому значению первое место. Между тем эта страна осталась и до сих пор довольно-таки отсталой в экономическом отношении. Аргентина, Чили, Уругвай и Куба пошли гораздо дальше Мексики по пути развития капиталистических отношений и имеют свою национальную буржуазию.

Чем же объяснить первенствующее общественно-политическую роль Мексики в латинской Америке?

Интенсивной борьбой мексиканского народа против иностранного империализма.

Мексика является авангардом латинской Америки в борьбе против все возрастающего империализма Соединенных Штатов. Удары последнего направлены сейчас главным образом против Центральной Америки и северной части Южной. Это обстоятельство вызывается стремлением американских империалистов обеспечить себе политическую гегемонию по обе стороны Панамского канала.

Все находящиеся здесь латиноамериканские страны, за исключением Мексики, управляются сейчас одинаковым режимом: военно-полицейской диктатурой помещиков и духовенства, опирающихся на иностранных империалистов. Тот режим, который впродолжение тридцати трех лет господствовал в Мексике при генерале Диасе, господствует сейчас и в этих странах.

Всюду здесь, в шести республиках в северной части Америки, а также в Колумбии, в Венесуэле, в Эквадоре, Перу и Боливии мы наблюдаем одни и те же явления: диктатуру полуфеодальных элементов и иностранных капиталистов, отсутствие или слабость национальной буржуазии, сильное влияние духовенства, экспроприацию крестьянских общинных земель и крайнюю эксплуатацию рабочего класса и крестьянства. Этот режим всюду инспирируется Соединенными Штатами.

Но эта диктатура иностранного капитала не протекает тихо и гладко. Последнее время мы замечаем в этих странах развитие антиимпериалистического движения, охватывающего мелкую буржуазию, рабочих и крестьян. Глаза всех этих слоев населения обращены на Мексику, где последняя революция приостановила победное шествие иностранного империализма. Во всех этих странах стоят сейчас на очереди все те проблемы, которые в настоящее время разрешаются в Мексике, а в первую очередь—аграрный вопрос. Поэтому в настоящее время мексиканская революция и Конституция 1917 года являются боевым знаменем всего анти-

империалистического движения латинской Америки.

Но мы видим, что в самой Мексике последняя революция не разрешила еще вставших перед нею проблем. Она их лишь поставила.

Главной слабостью мексиканской революции являлось отсутствие единого рабоче-крестьянского фронта—задача, которую не могли своевременно разрешить верховодящие мелкобуржуазные группировки. Эта задача может быть разрешена лишь снизу, путем инициативы рабочих и крестьянских масс.

Борьба с иностранным империализмом во всех полуколониях и колониях—это прежде всего борьба за защиту крестьянства и рабочего класса против блока помещиков и иностранных капиталистов. Роль застрельщиков в этой борьбе для всей латинской Америки выпала на долю мексиканских рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне всего мира должны поддержать их в этой борьбе.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	<i>Стр.</i>
Предисловие автора	3
Вступление	5
Глава I. Доколониальный период истории Мексики	11
Глава II. Испанское владычество в Мексике	19
Глава III. Борьба за независимость Мексики	35
Глава IV. Борьба либералов и консерваторов	52
Глава V. Диктатура блока помещиков и иностранного капитала	72
Глава VI. Либеральная революция 1910 года	93
Глава VII. Разгар крестьянского движения в Мексике	103
Глава VIII. Контрреволюция блока мексиканских консерваторов и иностранных империалистов	114
Глава IX. „Конституционная революция“	126
Глава X. Борьба национал-либералов с иностранным империализмом	141
Глава XI. Конституция 1917 года	158
Глава XII. Современное положение Мексики	168

КАРТЫ

ШТАТЫ:

Агуаскалиентес.....	11
Вера-Крус.....	24
Гуанахуато.....	15
Герреро.....	18
Дуранго.....	5
Закатекас.....	8
Идальго.....	16
Керетаро.....	23
Кампече.....	28
Коанля.....	6
Колима.....	21
Мексико.....	17
Мичоакан.....	14
Морелос.....	19
Наярит.....	7
Нуэво Леон.....	9
Оахака.....	25

Пуэбла.....	20
Сан-Луис-Потоси.....	10
Синалоа.....	4
Сонора.....	2
Табаско.....	27
Тамаулипас.....	12
Халиско.....	13
Тлакскаля.....	22
Чигуагуа.....	3
Чиapas.....	26
Юкатан.....	30

ТЕРРИТОРИИ:

Нижняя Калифорния.....	1
Кинтана-Роо.....	20

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ДИСТРИКТ.

II. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕМСКО (1865—1904 гг.).

КОММЕНТАРИИ ПО ГЛАВАМ И СТРАНИЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

С. 2

Михаилу Николаевичу Покровскому

Покровский, Михаил Николаевич (17(29).08.1868, Москва – 10.04.1932, Москва) – советский революционер и историк-марксист. По окончании в 1891 году с отличием историко-филологического факультета Московского университета (где учился у Василия Ключевского и Павла Виноградова) был оставлен на кафедрах русской и всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию, одновременно преподавал в ряде других учебных заведений. Защиту диссертации Покровского запретили власти, недовольные его связями с «легальными марксистами» и либералами. Позднее историк, разочаровавшись в умеренной оппозиции царскому режиму, вступил в ряды РСДРП, кандидат в члены ЦК партии с 1907 г.; в 1908-1917 гг. находился в эмиграции, где не примыкал ни к одной из противоборствующих фракций. В то же время поддержал ленинский тезис о необходимости превратить империалистическую войну в гражданскую. Тогда же он стал одним из редакторов ленинской книги «Империализм как высшая стадия капитализма». Автор ряда важных работ, включая четыре тома «Русской истории с древнейших времен», ставшей первым систематическим исследованием отечественной истории с точки зрения марксизма, и «Очерка истории русской культуры». Во время революции 1917 г. был членом Замоскворецкого революционного штаба Красной армии, комиссаром Московского ВРК и редактором газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов», был избран в Учредительное собрание от большевиков, участвовал в переговорах о мире в Брест-Литовске, поддержал позицию «левых коммунистов» во главе с Н.И.Бухариным против заключения сепаратного мира с Германией. С мая 1918 г. и до конца жизни – замнаркома просвещения РСФСР, стал одним из организаторов Коммунистической академии, Института истории, Института красной профессуры, редактором журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов». Академик АН СССР.

В 1920-е гг. являлся неоспоримым лидером марксистского направления в советской исторической науке. Покровский в своих трудах развивал тезис об обусловленности политических процессов

в России экономическими тенденциями (как и во всех странах), стал автором знаменитого выражения «Россия – тюрьма народов» (характеризуя царскую империю). После смерти ученого его научное наследие подверглось (прежде всего, под влиянием И.В.Сталина, который плохое относился к М.Н.Покровскому) серьезной критике и частичному запрету; многие последователи Покровского подверглись репрессиям. Подходы М.Н.Покровского были частично реабилитированы только в 1960-е гг.

С. 3

Ацтекской империи

Ацтекская империя – государство, существовавшее в XIV-XVI вв. и располагавшееся в центральной части современной Мексики. Носило также названия Тройственного союза, Мексиканской империи или империи Теночка. Сами ацтеки именовали себя мешика (от этого слова происходит название Мексика), или теночка и тлателолька – в зависимости от города происхождения (Теночтитлан или Тлателолько).

Правители ацтеков (тлатоани) избирались советом старейшин и воинов из числа представителей династии Акамапичтли. Последним из них стал Куаутемок, который после падения Теночтитлана и гибели Монтесумы вел ожесточенную борьбу против испанских конкистадоров.

Империя была создана как альянс трех самоуправляемых городов-государств, но Теночтитлан вскоре стал сильнее в военном отношении. В него вместе с государством ацтеков входили Тескоко и Тлакопан. Члены союза должны были согласовывать внешнюю политику, вместе вести войны и делить захваченную добычу. Но вскоре Тлакопан стал вассалом Ацтекской империи, а Тескоко, продолжая считаться союзником ацтеков, завидовал их успехам, становясь все более и более враждебным. В конечном итоге тескокцы вместе с испанцами участвовали в осаде Теночтитлана (1521 г.).

Ацтекское государство не являлось империей в полном смысле слова, но успешно доминировало над рядом территорий и народов через династические браки и распространение имперской идеологии на вассальные государства. Зависимые государства платили налоги тлатоани, который ограничивал прямую торговую коммуникацию между отдельными частями империи, делая их зависимыми от центра. В то же время выплата дани не тормозила рост благосостояния простоллюдинов после подчинения этих городов.

Ацтеки создали систему постоянно функционировавших дорог (строить их стало обязанностью подчиненных народов), по которым постоянно курсировали гонцы, державшие ацтеков в курсе последних событий. Формально новые территории не присоединялись к ацтекскому государству, сохраняя широкую автономию, а прежние правители управляли в присутствии ацтекских наместников. Империя же брала на себя защиту и политическую стабильность подчиненных территорий и способствовала созданию там единой, развитой экономической системы.

Ацтеки поклонялись разнообразному пантеону богов, включавшему десятки божеств; в завоеванных частях империи сохранялись собственные религиозные традиции – при условии включения имперского божества Уицилопочтли в местные пантеоны.

В 1521 г. империя была уничтожена в ходе Конкисты.

С. 3

Саагуном

Бернардино де Саагун (Фрай Бернардино де Ривера (Рибера, Рибейра) (Bernardino de Sahagún) (ок. 1499, Саагун, Испания – 5.02.1590) – францисканский монах, исследователь верований, культуры и истории ацтеков. Окончил Университет Саламанки, находившийся под сильным влиянием Эразма Роттердамского. Вступив в орден францисканцев, по обычаю ордена сменил свою фамилию на название города, в котором родился, став Бернардино де Саагуном.

С 1529 г. и до конца жизни участвовал в католической эвангелизации Новой Испании. Работа по документированию мировоззрения и культуры коренных народов принесла ему звание «первого антрополога». Переводчик Псалмов, Евангелия и катехизиса на язык науатль, он стал наиболее известен как составитель «Всеобщей истории вещей Новой Испании», в которой описываются культура, мировоззрение, ритуалы, общество, экономика и история ацтеков, а также дается представление о конкисте с точки зрения повергнутой конкистадорами индейской империи. В процессе составления «Всеобщей истории» Саагун стал пионером новых методов сбора этнографической информации. Его книга считается «одним из самых замечательных рассказов о незападной культуре, когда-либо написанных», а Саагуна называли отцом американской этнографии. В 2015 году ЮНЕСКО объявила его работы Всемирным наследием.

С. 3

Пятитомным коллективным сочинением «Mexico a Través de Los Siglos»

«México a través de los siglos» («Мексика на протяжении веков») – пятитомная энциклопедия по истории страны (впоследствии разделена на 10 томов), опубликованная в 1884 г. издательствами “Espasa y Compañía” (Испания) и “J. Ballezá y Compañía” (Мексика). Она была анонсирована как «Общая и полная история социального, политического, религиозного, военного, художественного, научного и литературного развития Мексики от древнейших времен до наших дней» и считалось в своем роде уникальной работой. Ответственным редактором всего издания и автором второго тома, посвященного колониальному периоду истории, стал мексиканский писатель, юрист и политический деятель генерал Висенте Рива Паласио (исп. Vicente Riva Palacio, 16.10.1832 г., Мехико – 22.11.1896 г., Мадрид). Он являлся внуком героя войны за независимость, второго президента Мексики Висенте Герреро. Рива Паласио стал одним из организаторов сопротивления во время агрессии Франции. С середины 1850-х гг. занимал различные государственные посты, был депутатом. Популярность завоевал как автор романов о жизни колониальной Мексики – «Пираты Мексиканского залива» (Los piratas del golfo, 1869) и др.

С. 3

Богатейший материал я нашел в «Своде законов Индий» («Las Leyes de Las Indias»),

«Свод законов королевства Индий» (Recopilación de las leyes de los reinos de Indias) появился в 1680 г. в Испании и включал 6377 законов, регулировавших уголовные и гражданские права, земельные и договорные отношения в имперских колониях. Документ закреплял феодальное землевладение на территории обеих Америк, а также вводил сословия. Согласно этим законам, были поражены в правах как коренные народы, так и представители местной испанской аристократии (креолы).

Свод учитывал особые условия Индий при применении норм кастильского права. Так, Бургосские законы (изданные в 1512 г. королем Фердинандом II) регулировали отношения между испанцами и побежденными индейцами, защищая духовное и материальное бла-

гополучие последних от жестокого обращения. Принятие Карлом I (1542 г.) Законов Индии вызвало вооруженный протест американских колонистов и свод законов был откорректирован.

В 1624 г. была начата работа над новым кодексом, продолжавшаяся почти 60 лет. Свод включал законы, регулировавшие церковное управление и образование; деятельность Совета Индии и аудиенции; функционирование политической и военной администрации; открытия, колонизацию и муниципальное управление; деятельность правительств провинций и судов низшей инстанции; положение индейцев; уголовное право; государственные финансы; судоходство и торговлю.

Принятие новых законов в первую очередь в XVIII в. королем Карлом III о торговле и управлении сделали Свод устаревшим. Начавшая в 1805 г. рекодификация не была завершена, а сами испанские колонии на американском континенте вскоре обрели независимость.

Последние два издания Свода, напечатанные в XVIII-XIX вв., включали только дополнительные разделы пересмотренного законодательства. В этой форме кодекс применялся к остаткам испанской колониальной империи на Кубе, в Пуэрто-Рико и Филиппинах до 1898 г. Несмотря на многочисленные несоответствия, неточности формулировок и т.д., он оказался наиболее полным сводом законов, когда-либо учреждавшимся для колониальной империи, и устанавливал гуманные (хотя часто игнорируемые) принципы обращения с индейцами.

ВСТУПЛЕНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ МЕКСИКИ

С. 9

По-испански они называются «ранчерос».

Ранчерос (исп. Rancheros, от ранчо (исп. Rancho) – отдельный дом, усадьба, хутор) – название в испанских колониях в Новом свете земледельцев смешанного испанского и индейского происхождения. Они часто славились как хорошие наездники и охотники.

С. 9

Исполнительная власть принадлежит президенту республики, который избирается всенародным голосованием на четыре года.

С 1821 по 1904 гг. президентский срок составлял 4 года, затем президент Порфирио Диас увеличил его до шести лет; новая Конституция (1917 г.) установила продолжительность мандата главы государства в 4 года. В 1928 г. он вновь был увеличен до 6 лет. Президент страны избирается прямым и всеобщим голосованием (для победы надо набрать больше голосов, чем любой ближайший соперник).

С. 10

Федеральный Дистрикт, где находится столица республики — город Мехико (около 600 000 жителей)

Федеральный округ Мехико (исп. Ciudad de México, Distrito Federal, D.F.). Столица Мексики с 1821 г. Самый крупный испаноязычный город мира с населением более 20 миллионов человек. До политической реформы 2016 г. оставался Федеральным округом на уровне штата. С 29 января 2016 г. округ был преобразован в город Мехико, обладающий собственными конституцией и парламентом. Мехико делится на 16 районов.

С. 10

Штат Вера-Крус и порт того же названия на берегу Мексиканского залива

Веракрус (исп. Veracruz); официальное название в соответствии с конституцией 1824 г. – «Свободный и суверенный штат Веракрус»; 10 июля 1863 г. в честь губернатора Игнасио де ла Льяве полное название штата стало звучать как «Свободный и суверенный штат Веракрус де Игнасио де ла Льяве». Территория штата составляет 72 815 км². Административный центр – город Халапа-Энрикес. 22 апреля 1519 г. конкистадором Эрнаном Кортесом был основан город Вилья Рика де ла Вера Крус (в переводе с испанского – «Богатая деревня Истинного Креста»). В Веракрусе началась метисация – смешение представителей коренных народов с испанцами. Порт Веракрус был важнейшим портом для перевозки товаров из Новой Испании в метрополию и обратно, позднее служил пунктом для доставки рабов из Африки.

В настоящее время в штате располагаются четыре порта для океанских кораблей и два международных аэропорта, но именно Веракрус остается основным портом для экспорта в США, страны Латинской Америки и Европу. Штат является важным производителем нефти, железа, меди, неметаллических руд. Главными экспортными товарами Веракруса являются кофе, свежие фрукты, удобрения, сахар, рыба и ракообразные. В штате выращивается львиная доля цитрусовых и манго Мексики.

Современное население штата составляет около 8 млн человек (почти 7% от общего населения страны), более 10% жителей составляют индейцы. В штате также проживает заметное количество населения испанского, итальянского, баскского, ливанского происхождения и афромексиканцы.

С. 10

Штат Тамаулипас

Тамаулипас (исп. Tamaulipas); официальное название Свободный и Суверенный Штат Тамаулипас (Estado Libre y Soberano de Tamaulipas). Территория штата составляет 79829 км². Современная численность населения более 3 млн человек. Административный центр – город Сьюдад-Виктория. (назван в 1825 г. в честь президента Гуадалупе Виктории). В северном Тамаулипасе развиты сельское хозяйство, текстильная промышленность, выращиваются такие культуры, как кукуруза, хлопок, пшеница, сорго, цитрусовые, подсолнечник, сахарный тростник, разводится крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи и птица. Экономика южной части штата базируется на нефтехимии, туризме и рыболовстве. Вдоль границы с США работают более 300 мелких сборочных предприятий, продукция которых идет на рынок США.

С. 10

и порт Тампико, в окрестностях которого находятся самые знаменитые нефтяные источники

Тампико (исп. – Tampico) – административный центр муниципалитета Тампико (штат Тамаулипас). Его история началась в 1532 г. с основания монахом-францисканцем Андресом де Олмосом монастыря Сан-Луис-де-Тампико. Город был разрушен пиратами, но позднее вновь заселен по приказу президента Антонио Лопеса де Санта-Аны. После начала нефтяных разработок в начале XX в. порт

Тампико стал самым важным нефтяным портом в мире. На тот момент он являлся важнейшим экспортером нефти в Северной и Южной Америках и занимал 2-е место в мире по уровню приносимой прибыли. В 1923 г. месторождение иссякло, но в городе начали развиваться другие отрасли промышленности. Тампико стал пионером авиационной промышленности Мексики. Сегодня он экспортирует серебро и медь, пиломатериалы и шерсть, коноплю, высокотехнологичную продукцию. Численность населения города составляет свыше 300 тысяч.

С. 10

Штат Пуэбла и город того же названия. В этом же штате находится город Оризаба, центр текстильной промышленности Мексики.

Пуэбла (исп. Puebla) – штат Мексики; официальное название Свободный и Суверенный Штат Пуэбла (Estado Libre y Soberano de Puebla). Столица – город Пуэбла (основанный испанцами в 1530 г.) – один из наиболее развитых промышленных центров страны; в 1987 г. исторический центр города был объявлен объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Население штата сейчас составляет порядка 6 млн человек (метисы, различные группы индейцев, белые, включая большую группу выходцев из Ливана).

К моменту начала Конкисты на территории нынешнего штата Пуэбла проживали многочисленные этнические группы – миштеки, пополоки, ольмеки-шикаланки, ацтеки, тольтеки, отоми, тотонаки и масатеками, но в XV в. здесь установили свое господство ацтеки. Конкистадорам удалось сравнительно легко захватить эти территории, поскольку местные индейцы считали их освободителями от власти Теночтитлана. Исключением стал уничтоженный конкистадорами г. Чолула – второй по величине город Мезоамерики, правителей которого Э. Кортес подозревал в заговоре.

Город Пуэбла был основан испанцами для обеспечения торгового пути между Мехико и Веракрусом и быстро превратился в важный экономический и культурный центр Новой Испании. В XVIII в. Пуэбла за качество пшеницы и муки считалась ее житницей. Развитие овцеводства способствовало развитию текстильного производства.

Во время войны за независимость Пуэбла хранила верность королевской власти, посылая войска для борьбы против повстанцев М. Идальго. Не миновали этот регион и политические страсти, буше-

вавшие в Мексике: город подвергался осаде войск А. Лопеса де Санта-Анны, был захвачен американцами, в нем происходило восстание против федерального правительства. Во время французской интервенции у Пуэблы мексиканцы нанесли поражение противнику, но потом интервенты захватили город.

В период порфириата в Пуэбле было реализовано несколько важных проектов: построены железная дорога Пуэбла – Веракрус и первая ГЭС в Некаксе, открыта Школа для учителей. При этом политика правительства вызвала массовое недовольство. В 1910 г. власти разгромили основанный годом раньше Анти-реэлекционистский клуб, убив его основателя Акилеса Сердан и его брата. Это убийство стало одним из сигналов к революции. В 1912-1914 гг. значительную часть штата контролировала Освободительная Армия Юга Э. Сапаты. В 1920 г. войска А. Обрегона нанесли поражение силам президента В. Каррансы, а сам Карранса был убит в горах Сьерра Норте де Пуэбла.

Со времени мексиканской революции город Пуэбла и пригороды стали одними из наиболее промышленно развитых районов страны. Его положение рядом с Мехико и побережьем Мексиканского залива по-прежнему является важным преимуществом.

Орисаба. Автор ошибается. Город Орисаба расположен в штате Веракрус. Уже во время Конкисты Орисаба являлась важным населенным пунктом, а статус города получила 29 ноября 1830 г. Первая текстильная фабрика в Орисабе была основана в 1836 г., что положило начало экономической жизни как промышленного города. В 1874 г. Орисаба была объявлена столицей штата Веракрус, но в 1878 г. этот статус был передан Халапе. В настоящее время промышленность в основном представлена следующими отраслями: хлопчатобумажной, пивоваренной, бумажной, цементной, фармацевтической, металлургией, производством безалкогольных напитков и продуктов питания, кожевенной и сапожной и др. В городе функционируют несколько престижных высших учебных заведений.

С. 10

Штат Халиско и город Гвадалахара, второй по величине, в Мексике (около 150000 жителей).

Халиско (исп. Jalisco), полное название: Свободный и Суверенный штат Халиско (исп. Estado Libre y Soberano de Jalisco). Девиз штата: Jalisco es México” («Халиско – это Мексика»). Столица –

г. Гвадалахара (исп. Guadalajara), второй по численности населения город страны, главный экономический, транспортный и культурный центр юго-западной Мексики. Ныне в штате проживает около 8,5 млн человек: более 80% составляют потомки испанцев и французов, вторая по численности группа – метисы. Коренное население штата сосредоточено на севере и юге и составляет более 40 тыс. человек.

К началу Конкисты район Халиско был населен различными этническими группами, основными среди которых были каскане и уичоли. После победы над Ацтекской империей испанцы стали продвигаться к Тихому океану. Руководитель экспедиции Нуньо де Гусман, назначенный губернатором этой территории (названной Новой Галисией), проводил крайне жесткую политику в отношении индейцев, что привело к восстанию коренного населения и наложению на него епископом Сумаррагой интердикта. Губернатор был в итоге смещен и арестован, но восстания индейцев продолжались вплоть до XIX в.

Во время войны за независимость жители Халиско поддержали М. Идальго, но из-за бесчинств, творимых повстанцами, перешли на сторону роялистов. После провозглашения независимости ситуация в штате была нестабильной: с 1825 по 1885 гг. здесь произошло двадцать семь крестьянских восстаний (в основном коренных народов). Халиско и другие западные штаты в 1834 г. пытались сформировать коалицию против президента А. Лопеса де Санта-Анны, но потерпели неудачу. Во время гражданской войны между либералами и консерваторами правительство Халиско менялось 18 раз за девять лет, экономика штата оказалась разрушенной. Из тридцати важнейших сражений Войны за реформы двенадцать произошли на территории Халиско.

При правлении П. Диаса стало сокращаться поголовье скота, являвшееся традиционной экономической опорой штата, снизился объем сельскохозяйственного производства, однако Гвадалахара оставалась одним из самых богатых городов Мексики. Во время революции большинство сельских районов штата поддержало конституционалистов, но В. Каррансе пришлось соперничать за контроль над территорией Халиско с А. Обрегоном и Ф. Вильей.

Конституция 1917 г. и антиклерикальная политика П. Элиаса Кальеса вызвали серьезное сопротивление в штате. Во время восстания кристерос его лидерами было сформировано повстанческое правительство в контролируемых ими районах Халиско.

Штат является родиной и центром производства текилы, основанном на выращивании голубой агавы, в нем прямо или косвенно занято около 200 тыс. человек. Напиток назван в честь небольшого городка Текила. Этот район является туристической достопримечательностью, ежегодно его посещают более 17 млн человек. Поля агавы в Халиско – объект Всемирного наследия ЮНЕСКО. Сельское хозяйство Халиско производит 20% кукурузы в стране, 12% сахара, 25% яиц, 20% свинины, 17% молочных продуктов и более 12% меда, домашней птицы и крупного рогатого скота.

Гвадалахара (исп. Guadalajara). В 1531 г. Хуан де Оньате основал виллу Гвадалахара, названную в честь родного города Нуньо де Гусмана. Ввиду нападений со стороны индейцев поселение переезжало 4 раза, пока Гвадалахара в 1542 г. не оказалась на нынешнем месте. В 1560 г. город стал столицей Новой Галисии, одной из провинций Новой Испании. Через год был основан Университет Гвадалахары, второй в стране по времени возникновения. Несмотря на конфликты с коренным населением, Гвадалахара росла как сельскохозяйственный центр, вкл. разведение крупного рогатого скота. В 1823 г. она стала столицей вновь образованного штата Халиско. Во время гражданской войны 1857-1851 гг. город был резиденцией правительства Б. Хуареса. В 1864-1866 гг. Гвадалахара была захвачена французскими интервентами. Во время революции 1910-1917 гг. город был занят войсками конституционалистов под командованием А. Обрегона, и здесь же в 1915 г. войска Ф. Вильи разбили дивизию каррансистов.

Гвадалахару называют мексиканской Кремниевой долиной: в ней и его пригородах располагаются заводы таких высокотехнологичных компаний, как General Electric, Intel, Hitachi, Hewlett Packard, Siemens AG и др. Здесь действуют предприятия текстильной и обувной, пивоваренной промышленности, производятся продукты питания, автозапчасти и металлоинструмент. Большая часть товаров, произведенных в городе, экспортируется в США. Современное население Гвадалахары превышает 1,5 млн чел., городская агломерация – вторая по численности населения в стране. «Жемчужина запада» (так называют город) – важный туристический центр, известный постройками испанской колониальной архитектуры XVI-XVIII вв. Гвадалахару нередко называют культурной столицей Мексики.

Штат Юкатан и город Мерида.**Юкатан и Мерида**

Штат Юкатан (исп. Yucatán), официальное название «Свободный и суверенный штат Юкатан» (Estado Libre y Soberano de Yucatán), располагается на одноименном полуострове и омывается водами Мексиканского залива. Согласно местной топонимической легенде, испанцы, появившись впервые на полуострове, спросили индейцев майя: «Что это за место?». Индейцы ответили: «*yucatan*» («не понимаю»), а испанцы приняли услышанное слово за название местности. Территория штата составляет 39430 км².

Примерно в 250 г. до н.э. полуостров был заселен майя, пришедшими из Петена (нынешняя северная Гватемала), позднее основавшими города-государства Чичен-Ица, Мотуль, Эк Балам, Чампотон (современный г. Мерида). В конце XII в. н.э. майяпанская лига распалась, за ней последовал период раздробленности, во время которого на полуострове в XVI в. появились испанские конкистадоры. Подчинение региона Испании было завершено Франсиско де Монтехо и его сыновьями Леоном и Франсиско, основавшими г. Мерида на развалинах майянского Ичканцио.

В 1617 г. губернатор Юкатана получил титул генерал-капитана, оказавшись более автономным от вице-короля Новой Испании в административных и военных вопросах. Генерал-капитанство Юкатан располагалось на территории современных мексиканских штатов Кампече, Кинтана-Роо, Табаско, Юкатан, а также (номинально) Беллиза и гватемальского департамента Петен. В 1786 г. генерал-капитанство было преобразовано в Интендантство Юкатан, занимавшее ту же самую территорию.

Будучи географически удаленным от центра Новой Испании, Юкатан не был затронут боевыми действиями во время мексиканской войны за независимость. В 1821 г. была провозглашена независимость полуострова, но в том же году он вошел в состав Мексики в качестве Федеративной Республики Юкатан (Первой Федеральной Республики).

По мере усиления в Мексике централизаторских тенденций многие юкатанцы стали задумываться о независимости и провозглашении Второй Республики (в качестве примера они ориентировались на Техас и страны Центральной Америки). В 1841 г. противники

централизации провозгласили независимую Республику Юкатан. Последовали несколько лет военных столкновений и переговоров, шедших с переменным успехом. В декабре 1843 г. Мексика признала полную автономию Юкатана и между ними были возобновлены торговые отношения, но уже в 1844 г. мексиканское правительство дезавуировало прежние договоренности, и война вспыхнула с новой силой. Одновременно шла гражданская война между сторонниками соглашения с Мексикой и приверженцами независимости, а также разразилось масштабное восстание индейцев майя (получившее название Война Каст и длившееся до 1902 г.).

В 1848 г. была восстановлена конституция Юкатана 1825 года и его территория снова вошла в состав Мексики в качестве штата с избираемыми губернаторами. Позднее от штата была отделена область Кампече (получившая статус отдельного штата в 1863 г.); в 1902 г. восточная часть штата (Кинтана-Роо) была преобразована в федеральную территорию (а позднее – в самостоятельный штат).

С конца XIX в. Юкатан являлся одним из крупнейших производителей хенекена (сизаля), а г. Сисаль дал название («сизалева веревка») производимым там шпагату и веревкам. Именно производство хенекена (главного экспортного товара) стало основой финансовой самостоятельности Юкатана на несколько десятилетий (пока после Второй мировой войны не началось массовое производство синтетических материалов). Огромные средства, поступавшие в штат (в основном в г. Мерида), превратили центр региона в процветающий город, с уличным освещением и трамваем (ранее, чем в столице – г. Мехико).

В 1922 г. губернатором штата стал социалист Фелипе Каррильо Пуэрто (первый социалист на посту главы региона в Америке), позднее свергнутый и убитый в ходе военно-политического мятежа генерала Адольфо де ла Уэрты. С 1926 г. и вплоть до конца XX в. штат управлялся представителями Национально-революционной (Институционно-революционной) партии.

Вплоть до середины XX столетия штат Юкатан был связан с соседней Гватемалой и рядом иных иностранных государств больше, чем с мексиканскими штатами. Только в 1950-1960-е гг. появилось нормальное железнодорожное и автомобильное сообщение Юкатана с остальными районами страны. Тогда же штат начал превращаться в один из важнейших туристических центров Мексики.

В то же время именно сельское хозяйство остается основой юкатанской экономики (главная культура – агавы, затем по значимости следуют кукуруза, цитрусовые, перец чили, томаты и хикама; имеется заметное производство крупного рогатого скота, свиноводство, птице- и пчеловодство. В прибрежных водах осуществляется интенсивное рыболовство). В Юкатане достаточно развито производство продуктов питания, табака и текстиля.

С. 10

Этот штат считается мировым центром производства манильского шпагата.

Манильский шпагат, бечевка, употребляемая в сельском хозяйстве для вязки снопов. Изготавливается из пропитанных аппретурой волокон тропических растений, например, прядильного банана (манилы) или агавы. См. *выше* – сизалевая веревка.

С. 10

Штат Морелос и город Куэрнавака. Этот штат был центром знаменитого революционного крестьянского движения «сапатистов»

Морелос (исп. Morelos); официальное название Свободный и Суверенный Штат Морелос (Estado Libre y Soberano de Morelos). Создан в 1868 г. на территории, выделенной из штата Мексика, и назван в честь героя войны за независимость Хосе Мариа Морелоса. Современная численность населения около 2 млн человек.

Племена, проживавшие в регионе – ольмеки, тольтеки и др., создали около полусотни городов-государств, во главе которых стояли наследственные правители. Позднее пришли тлауики, имевшие глубокие познания в астрономии и сельском хозяйстве. Они выращивали хлопок, занимались мелиорацией и ирригацией, развивали прядение и ткачество. Построенный храм Кецалькоатля дает основание считать, что здесь родился культ этого бога. Ацтеки появились в регионе в конце XIV века. Включение области в состав империи ацтеков было предрешено браком ацтекского императора и дочери повелителя Куэрнаваки, у которых родился сын – будущий правитель Теночтитлана Монтесума. Конкистадоры пришли в Куэрнаваку в 1520 г., после поражения Э. Кортеса в Теночтитлане («Ночь печали»). После падения Теночтитлана, в 1521 г. испанцы вернулись в Куэрнаваку для покорения тлауиков. Это им удалось только со вто-

рой попытки. Э. Кортесу был пожалован титул маркиза Долины Оахаки, и он получил право на владение огромными землями в окрестностях Куэрнаваки, которые были собственностью его потомков до начала XIX в., когда правительство Испании конфисковало их земли.

После «Клича Долорес» в провинции вспыхнуло восстание под руководством Ф. Айала, самым драматическим событием которого была осада роялистами г. Куатлу, который находился под контролем сил Моралеса. После восстания против президента А. Лопеса де Санта-Анны новый президент Х. Альварес перенес в Куэрнаваку столицу страны, но после принятия в 1857 г. конституции г. Мехико вернул себе столичный статус.

На территории будущего штата Морелос проходили вооруженные столкновения между консерваторами и либералами, что способствовало разгулу бандитизма. Разделение между либеральными и консервативными кругами в регионе продолжалось во время французской интервенции в Мексику и правления императора Максимилиана.

После создания штата в нем увеличилась протяженность телеграфных линий, строились дороги, была построена железнодорожная линия, соединившая штат с Мехико и побережьем Тихого океана; продолжала развиваться сахарная промышленность, превратившая Морелос в одну из самых богатых частей Мексики. Модернизация отрасли в период правления П. Диаса привела к вытеснению мелких производителей и усилению обнищания населения. Это было важным мотивом для революционных выступлений. Во время революции штат находился под контролем сил сапатистов. После революции жизнь концентрировалась вокруг проблем развития и преступности – бандиты действовали на шоссе и железных дорогах. Преступность остается серьезной проблемой и в наши дни. Основной проблемой в конце XX – начале XXI вв. являются похищения людей с целью выкупа. Остро стоит проблема наркоторговли. Больше всего преступлений происходило в Куэрнаваке. Волна этих преступлений привела к снижению уровня инвестиций в экономику штата.

Регион еще с доиспанских времен был центром отдыха из-за благоприятного климата и бьющих ключей, что в XX в. стимулировало строительный бум, особенно в Куэрнаваке. С 1960-х экономика

штата переходит от сельского хозяйства к промышленности и торговле. Аграрный сектор экономики Морелоса постепенно сокращается: в нем занято немного меньше 20% трудоспособного населения, которое занимается сельским хозяйством, скотоводством, рыболовством и лесным хозяйством. Важными отраслями производства являются пищевая, автомобильная, текстильная промышленность, фармацевтика.

Сапатисты – сторонники и последователи видного деятеля мексиканской революции 1910-1917 гг. Эмилиано Сапаты Салазара (1879-10.4.1919). Выходец из крестьянской семьи Э. Сапата, будучи избранным в 1909 г. главой муниципалитета, выступал за возвращение крестьянам незаконно отобранных земель. Исчерпав мирные способы решения проблемы, он создал вооруженную группу для борьбы за права крестьян. После начала революции против диктатуры Порфирио Диаса, главного виновника распродажи земли крупным землевладельцам – латифундистам и иностранным компаниям, Э. Сапата организовал восстание в своем штате Морелос с целью вернуть права крестьянам на землю и избавиться от гнета помещиков. Восставшие поддержали лидера либерально-демократической оппозиции Франсиско Мадеро, выступившего с «планом Сан-Луис-Потоси», который объявлял недействительными результаты выборов и призывал к борьбе с диктатурой, обещая вернуть крестьянские земли, отнятые «аморальным способом». Армия Э. Сапаты сыграла важную роль в свержении диктатуры П. Диаса в мае 1911 г. Однако, в связи с тем, что земли крестьянам не вернули, Э. Сапата и его сторонники ушли в оппозицию. 28 ноября 1911 г. он провозгласил «план Айала», ставший революционной программой крестьянства, заявил о возвращении незаконно отнятых земель, экспроприации (с предварительной компенсацией) земель крупных собственников и передаче их крестьянам, безвозмездной конфискации имущества противников реализации этого плана. Под лозунгом «Земля и Свобода» Э. Сапата создал Армию Освобождения Юга, получившую поддержку разных слоев населения. Его выражение «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», сделало крестьянского вождя любимцем масс. Захватывая город за городом, силы Э.Сапаты получали повсеместную поддержку. В длительной гражданской войне армия крестьян Юга противостояла менявшим друг друга правительствам Ф. Мадеро, В. Уэрты, В. Каррансы. В 1914 г. Армия освобождения вме-

сте с Северной дивизией Франсиско Вильи захватила г. Мехико. Под давлением широкого крестьянского движения в Мексиканскую конституцию 1917 г. (Конституция Керетаро) был внесен ряд пунктов, отражавших интересы крестьянства.

10 апреля 1919 г. революционер был вероломно убит по поручению президента В. Каррансы. После смерти лидера революции его сторонники продолжали играть важную роль в политической жизни страны, например, в деятельности Национальной крестьянской лиги и Национальной Аграристской партии.

17 ноября 1983 г. в Мексике создана Сапатистская армия национального освобождения (исп. Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN), леворадикальная группа, установившая контакты с самоуправляющимися индейскими общинами и взявшая на себя функции по их защите от нападений «гвардий латифундистов». Социальная опора движения – бедные индейцы-крестьяне. Современные сапатисты требуют конституционного закрепления прав коренных народов Мексики, выступают против проведения неолиберальных реформ в Латинской Америке, принятия законов, разрешающих куплю-продажу крестьянских общинных земель. Хотя образ аргентинско-кубинского теоретика и практика партизанской войны Эрнесто Че Гевары и является одним из символов САНО, новые сапатисты не являются сторонниками герильи. Как сказал лидер САНО субкоманданте Маркос «Мы не шли на войну, чтобы убивать или быть убитыми. Мы шли на войну, чтобы нас услышали».

С. 10

Штат Сонора, на севере, богат серебряными, золотыми и медными рудниками. В этом штате живут воинственные индейские племена, часто восстающие против владычества белых, а между ними—самое знаменитое племя Яки.

Сонора (исп. Sonora), полное официальное название: Свободный и суверенный штат Сонора (исп. Estado Libre y Soberano de Sonora). Северный штат на границе с американским штатом Аризона (его административным центром является г. Эрмосильо), второй по площади штат страны с населением около 3 млн человек; из них не менее 110 тыс. составляют индейцы.

Первоначально интерес к Соноре у испанцев подогревался ее плодородными сельскохозяйственными угодьями в долинах рек, а также положением на пути из Мехико к тихоокеанскому побережью

и в Аризону. Индейцы яки яростно сопротивлялись вторжению на свои земли, и постоянные испанские поселения появились в XVII в. как результат экспедиций и деятельности миссионеров. Эти поселения были разрушены, когда иезуиты выступили против языческой религии. Племя опата оказалось более толерантным к миссионерам и выступало их союзниками при продвижении в земли других племен. В целом столкновения между индейцами и испанцами сопровождали почти весь колониальный период истории Соноры (в это время она называлась провинцией Новая Наварра; современное название появилось в 1648 г.). Колонизация усилилась в XVIII в., когда были обнаружены залежи минералов, что привело к созданию шахтерских поселков и вытеснению индейцев, ответивших новыми восстаниями. Во время войны за независимость население Соноры сохраняло верность королю.

После провозглашения независимости была сформирована провинция Сонора и Синалоа; как отдельный штат Сонора функционирует с 1831 г. Американо-мексиканская война имела тяжелые последствия для Соноры, часть территории которой была присоединена к США. Затем, по результатам соглашения «Покупка Гадсдена», к ним отошла еще часть территории штата и Сонора перестала быть крупнейшим штатом Мексики. Сегодня большая часть этих территорий входит в американские штаты Аризона и Нью-Мексико.

Политической нестабильностью в Мексике пытались воспользоваться различные авантюристы. Так, американец Уильям Уокер, получив отказ от правительства на право создать колонию на границе для защиты территории США от нападения индейцев, решил создать буферное государство – Республику Сонора с последующим вхождением ее в США, как это произошло с Техасом. Он сумел захватить столицу Нижней Калифорнии и провозгласил Республику Нижняя Калифорния, а себя – ее президентом и восстановил рабство, но потом авантюра закончилась крахом, а Мексика вернула контроль над своими землями в Нижней Калифорнии и Соноре. Во время французской интервенции Сонора была временно захвачена французскими войсками.

Во время «порфириата» в штате наблюдался заметный экономический рост. Этому способствовало развитие железнодорожной сети, в том числе ее соединение с железнодорожной системой США. На рубеже XIX-XX вв. из-за широкой электрификации увеличился

спрос на медь. Это вызвало активизацию горнорудной промышленности в Соноре и Аризоне и привело к развитию сети автомобильных и железных дорог, а также дальнейшему развитию связей с США. Отчуждение у коренных народов земель для сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых вызывало активное сопротивление индейцев, развязавших партизанскую войну. Власти жестоко подавляли сопротивление яки и насильственно переселяли их на плантации тропического юга Мексики, особенно в Юкатан. Сопротивление яки продолжалось, и в начале XX в. власти в ответ на это депортировали в 1904-1908 гг. около четверти яки.

Одной из прелюдий мексиканской революции стала забастовка на шахте Кананеа в Соноре (1906 г.) (см. отдельный комментарий). Во время революции в Соноре нашел убежище губернатор Коауилы В. Карранса, ставший затем лидером конституционалистов. Одну из союзных ему группировок возглавил А. Обрегон, которого в Соноре поддерживали яки.

Позднее, для противодействия ставшему президентом В. Каррансе «сонорские генералы» (А. Обрегон, П. Элиас Кальес и др.) разработали План Агуа Приета, реализация которого привела к свержению и убийству президента. Именно сонорский клан до начала 1930-х гг. сохранял в основном контроль над президентским постом.

Стратегическое положение Соноры привело во второй половине XX в. к росту населения штата и увеличению иностранных инвестиций. В штат перебазировалось более 200 иностранных и мексиканских предприятий, быстро развивался туризм, что привело к быстрому росту сети гостиниц. Экономика Соноры остается тесно связанной с экономикой США, на территории штата располагается множество макиладорас – сборочных предприятий американских компаний. Они сыграли важную роль в модернизации мексиканского севера и занятости местного населения. Важное место в экономике региона продолжает занимать добыча полезных ископаемых: серебра, золота, меди, цинка, железа, молибдена.

С. 10

Штат Чигуагуа, занимающий площадь, по величине равную Франции, но пустынный.

Чиуауа (исп. Chihuahua), полное официальное название: Свободный и Суверенный Штат Чиуауа (исп. Estado Libre y Soberano de

Chihuahua) – штат на севере Мексики, граничащий с американскими штатами Нью-Мексико и Техас. Самый большой по площади штат страны и с самой низкой плотностью населения. Современное население штата составляет около 3,5 млн чел. В Чиуауа одна из самых высоких в Мексике доля белого населения (почти 55% составляют лица испанского, французского, баскского, итальянского, немецкого, голландского происхождения); остальное население – метисы, доля индейцев – около 5%.

Главный город штата, Сьюдад-Хуарес (исп. Ciudad Juárez), расположен на самой границе с США. Известен в прошлом как Пасо-дель-Норте, позднее получил новое название в честь президента Бенито Хуареса. Административный центр штата – г. Чиуауа.

Завоевание севера Новой Испании началось около 1528 г. с приходом на территорию нынешнего Чиуауа экспедиции Альваро Нуньеса, но из-за сопротивления племен кончилось оно затянулось почти на сто лет. Испанцев привлекало наличие природных ресурсов, в первую очередь, золота и серебра. Испанское общество, сложившееся в регионе, заменило немногочисленных аборигенов. Отсутствие подневольных работников сформировало дух северян как самостоятельных, творческих людей, защищающих свое европейское наследие.

Во время войны за независимость силы М. Идальго, не сумев взять Мехико, отступили на север, пытаясь получить поддержку США. Но здесь он был захвачен испанцами и позднее казнен. После получения независимости на территории Чиуауа происходила непрерывная борьба между различными политическими силами и лидерами.

Правительство штата, предвидя возможность войны с США начало укреплять границу с Техасом. В первых столкновениях мексиканские силы потерпели поражение, и американские войска заняли Эль-Пасо-дель-Норте. Оккупация столицы штата сохранялась до конца американо-мексиканской войны. После окончания американской оккупации в течение трех десятилетий штат сталкивался с постоянными нападениями индейцев, вынудивших возобновить меры по защите мексиканских поселений: были созданы военные колонии вдоль Рио-Гранде, сформировано ополчение.

Во время французской интервенции правительство во главе с президентом Б. Хуаресом перебазировалось на север, и город Чиуауа был объявлен временной столицей Мексики, но после захвата его

французами мексиканские власти перебрались в Эль-Карразиль, недалеко от Эль-Пасо-дель-Норте. Штат служил центром сопротивления французскому вторжению по всей Мексике. За два года пребывания в штате Б. Хуарес издал указы, касающиеся права распоряжения собственностью, и национализировал имущество духовенства. После ухода интервентов и ликвидации империи жители штата поддержали Б. Хуареса на выборах 1867 года.

В период правления П. Диаса экономика штата росла быстрыми темпами: доминировали сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность, была построена железная дорога, соединившая Мехико со Сьюдад-Хуаресом. Несмотря на внутреннюю стабильность периода порфириата, многие жители штата были недовольны политической системой. Объявление о победе П. Диаса на выборах 1910 г. стало импульсом для революции. В Чиуауа образовался союз Паскуаля Ороско, губернатора штата Абрахама Гонсалеса и Франсиско Вильи, которые взяли под контроль несколько городов северной Мексике. Во время борьбы с диктатурой В. Уэрты лидер конституционалистов В. Карранса объявил Сьюдад-Хуарес временной столицей. Союз В. Каррансы, А. Обрегона, Ф. Вильи и Э. Сапаты в конечном итоге привел конституционалистов к победе, но вскоре Ф. Вилья выступил против В. Каррансы. Он совершил рейд на Колумбус (Нью-Мексико), ответом на который стало вторжение американских войск под командованием генерала Д. Першинга в Мексику.

После подписания Североамериканского соглашения о свободной торговле, НАФТА (англ. North American Free Trade Agreement, NAFTA), в штате были построены крупные сборочные заводы (макиладорас), производящие электронику, автомобильные и аэрокосмические компоненты для экспорта в США и Канаду. Горнодобывающая промышленность добывает свинец, цинк, серебро и золото.

Для штата характерна высокая доля эмиграции местного населения в США, но также высока доля иммиграции в штат из южных штатов Мексики и стран Центральной Америки. В Чиуауа один из самых высоких в Новом Свете уровень убийств, в Сьюдад-Хуаресе происходят наиболее жестокие столкновения наркокартелей.

ГЛАВА I. ДОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ МЕКСИКИ. ИНДЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

С. 11

ученые заключают, что самым древним племенем, населявшим Мексику, потомки которого сохранились до сих пор, являются отоми

Отоми – один из коренных народов Америки. В настоящее время большинство отоми проживают в штатах Идальго, Мехико и Керетаро, а их численность составляет около 700 тыс. чел.

Отоми строили грандиозные памятники, пирамиды и дворцы, у них было развито кузнечное дело, они торговали ценными металлическими изделиями (украшениями, оружием) с другими коренными народами, включая ацтеков. Созданное в 1100 г. государство отоми Ксалкотан было завоевано в XIV в. Тройственным союзом (Ацтекской империей). В ходе Конкисты после поражения в столкновении с силами Э. Кортеса отоми объединились с ним для противостояния империи ацтекам, хотя часть из них находилась в состоянии войны с испанцами и соплеменниками – их союзниками, сопротивляясь ассимиляции. Союзные испанцам отоми-икстенко обратились формально в католическую веру, продолжая придерживаться древних обычаев. Сегодня отоми преимущественно являются католиками, хотя зачастую имеется некоторое отождествление между христианскими фигурами и дохристианскими богами, основные религиозные ритуалы и церемонии являются христианскими. Некоторое число отоми практикуют шаманизм и придерживаются доиспанских верований. Важной частью быта отоми является употребление пульке, алкогольного напитка на основе магуэя.

После испанского завоевания их общины были разделены, но колониальные власти разрешили определенную автономию общин отоми по отношению к испано-метисному населению, укрепление советов (кабильдо); они также признали право отоми на владение общинными землями. Однако на практике общины коренных народов страдали от лишения собственности на протяжении трех столетий колонизации. Во время войны за независимость в XIX в. отоми поддерживали повстанцев в надежде вернуть свои земли.

Племенами, оставившими более значительные следы своей культуры, являлись племена майя, потомки которых до сих пор живут в Юкатане.

Индейцы майя создали одну из самых мощных и значимых мезоамериканских цивилизаций, в которой значительного развития достигли письменность, архитектура, астрономия и математика (использовали двадцатиричную систему счета). Ее формирование началось примерно в 2000 г. до н.э., а пика развития каменные майянские города достигли в период 250-900 гг. н.э. Майя разработали собственный календарь и иероглифическую систему письма (значительная ее часть была расшифрована советским и российским ученым Юрием Кнорозовым). Единого государства майя не существовало, фактически имелось множество городов-государств (каждый из которых обладал собственным правителем), соединенных между собой дорогами. Позднее цивилизация майя вступила в полосу упадка, и большинство их городов уже были покинуты к моменту появления испанских конкистадоров. Причины упадка (по сути, исчезновения) этой цивилизации являются предметом дискуссии ученых; основными версиями являются экологическая катастрофа, масштабное природное бедствие и завоевание.

В период испанской конкисты значительная часть майя погибла от завезенных из Нового Света инфекционных болезней, ранее неизвестных индейцам: корь, оспа, грипп. В то же время завоевание региона происходило долго и сложно, и только в 1697 г. испанцы подчинили себе последний независимый город майя – Тайясаль.

Отношения майя с властями независимой Мексики в XIX в. оставались сложными. Индейцы не раз восставали против угнетения, особенно серьезным стало восстание, названное Войной Каст (1847-1901 гг.).

Более 6 млн. майя проживают на территории современных Мексики, Гватемалы (в данной стране они составляют до 40% населения) и Гондураса. Сегодняшняя их религия представляет собой комбинацию традиционных верований и христианских постулатов. Майя не являются полностью единым народом и разделены на ряд групп. Города майя – Паленке, Чичен-Ица, Ушмаль (Мексика), Тикаль, Киригуа (Гватемала), Копан (Гондурас), Хойя-де-Серен (Сальвадор) – включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Приблизительно в одно время с майя в центре Мексики поселилось могущественное племя тольтеков.

Тольтеки – индейский народ, родственный ацтекам, проживавший в VIII-XII вв. на территории Мезоамерики. В этот период они сумели создать большое государство, охватившее центральные и северные районы современной Мексики; столицей ее был г. Толлан (нынешняя Тула). Тольтеки, как и майя, строили многочисленные храмы на вершинах гор и холмов. Их верховным божеством был Кецалькоатль (Пернатый змей), имя которого носил и самый великий тольтекский правитель в г. Тула в середине IX в. н.э. Тольтеки сумели покорить отдельные группы майя на полуострове Юкатан и в Гватемале, включая Чичен-Ицу, Ушмаль, Майяпан, Ишимче. Но затем сама тольтекская империя вошла в период кризиса, от нее откололась и перешла на территорию современного Сальвадора значительная группа населения, ставшая частью цивилизации Пипилей. Во второй половине XII в. н.э. ацтеки окончательно поставили точку в истории государства тольтеков. Ко времени испанской конкисты тольтеки превратились в легендарный народ, которому нередко приписывали большинство культурных достижений других соседних племен.

Эти пирамиды сохранились хорошо еще до сих пор и, повидимому, служили одновременно храмами и крепостями. Они находятся километров на 50 к западу от теперешней мексиканской столицы

Речь идет о Теотиуакане (в переводе с ацтекского «Место, где родились боги») – древнем полиэтничском городе-государстве к северо-востоку от центра современного г. Мехико. Настоящее название города неизвестно, а данное имя ему дали позже ацтеки. Значительную часть жителей Теотиуакана составляли науа, отоми и тотонаки.

Во времена расцвета площадь Теотиуакана составляла 26-28 км², а его население превышало 120 тыс. чел. Данный город-государство являлся одним из самых древних и самых крупных в доколумбовой Америке, более того, оказывался одним из крупнейших городов мира. Первое городское поселение появилось там еще в III в. до н.э., но в целом город сформировался примерно 500 лет спустя. Подавляющая часть религиозных сооружений Теотиуакана (включая знамени-

тые пирамиды Солнца и Луны) строилась постепенно до 250 г. н.э. В период наивысшего расцвета Теотиуакана он контролировал центральные нагорья современной Мексики и поддерживал контакты с центрами соседних цивилизаций – городами майя и Монте-Альбаном. Важнейшим божеством жителей был Кетцалькоатль – бог с телом змеи, покрытым птичьими перьями (позднее этого бога воспринял ряд других индейских народов).

В середине VI в. начался упадок города, его святыни подверглись сожжению и разграблению. Столетием позже почти все жители покинули Теотиуакан. Причина краха города-государства точно неизвестна, но многие ученые полагают, что причиной было не внешнее вторжение, а внутренний социальный взрыв.

Масштабные раскопки в этом районе начались еще в начале XX в. под руководством Леопольдо Батреса, затем – гораздо более активные работы были проведены уже в конце XX столетия под руководством Эдуардо Матоса Моктесумы.

С. 12

города Мексики.

Мехико (исп. Ciudad de México) – столица Мексики и крупнейший политический, экономический и культурный центр страны, расположенный на высоте 2240 метров над уровнем моря. Создан на месте ацтекской столицы Теночтитлана (в переводе – «Место кактусовой скалы») (основана в 132 г. н.э.), расположенной на огромном озере и разрушенной в 1521 г. Э. Кортесом и отстроенной им же заново. Теночтитлан являлся одним из крупнейших городов мира, насчитывая до полумиллиона жителей.

Вторым названием Теночтитлана в ацтекские времена был г. Мехико (в пер. «место пребывания храмов бога войны Мехитли»), и именно это название стали использовать испанцы в период колонии, Новой Испании. При этом испанцы осушили озеро, на котором располагался древний Теночтитлан.

Мехико стал столицей независимой Мексики с 1821 г. В момент написания работы С.С. Пестковским город был значительно меньше по размеру. В начале XX в., во времена «порфириата», многие состоятельные жители г. Мехико стали переселяться на юг и запад от города, города-спутники Мискоак и Сан-Анхель превратились в места традиционного отдыха обеспеченных слоев населения. Тогда же продолжилось создание новых районов на землях, располагавшихся на территории осушенного озера.

В Мехико расположен ряд университетов, в том числе крупнейший в Латинской Америке Национальный автономный университет, более 100 музеев, несколько крупных библиотек, целый ряд религиозных учреждений (включая Национальный кафедральный собор – самый старый христианский храм в Америке и базилика Святой Девы Гваделупской – главная святыня католиков всей страны).

С. 12

Самого большего могущества в Мексике достигло племя ацтеков.

Ацтеки – мезоамериканский народ группы науа, период процветания которого пришелся на 1300-1521 гг. Обширная империя ацтеков включала преимущественно различные племена, говорившие на языке науа, но также ряд иных этнических групп. Организованные в города-государства (альтепетль) ацтеки сумели создать мощную политическую конфедерацию, объединившуюся первоначально вокруг Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. Сам термин «ацтеки» был введен в активный научный оборот немецким ученым Александром фон Гумбольдтом. Цивилизацию ацтеков часто отождествляют с такими вещами как выращивание кукурузы, календарь из 365 дней, для нее характерны также пирамиды-близнецы и почитание бога Уицилопочтли (покровителя Теночтитлана).

Термин «Ацтек» в переводе с науатль означает «некто из Ацтлана» (мифического места, расположенного где-то на севере современной Мексики). Сами ацтеки называли себя «мешика» («народ вождя Мешитли» (Солнце), «Народ середины Луны»), «теночками» (термин восходит к имени легендарного вождя Теноча).

Термин «Ацтеки» также применяется ко всем городам-государствам Центральной Мексики (на момент испанского завоевания) и жившим в них народам, разделявшим с мешиками историю происхождения, культуру и язык науатль. А. фон Гумбольдт, употребляя термин «ацтеки», имел в виду, прежде всего, этносоциальную группу, связанную общей культурой, торговлей, религией и Тройственным союзом (Мешики, Тлателолько, Тескоко). Начиная с 1843 г., когда была опубликована книга ученого из США Уильяма Хиклинга Прескотта «История завоевания Мексики», термин применяется для того, чтобы различать современных жителей страны и народы, жившие там до испанского завоевания.

После захвата Э. Кортесом Теночтитлана и краха ацтекской империи ацтекские воины были включены во вспомогательные испан-

ские части и участвовали на их стороне в последующей конкисте в северной и южной Мезоамерике, что парадоксальным образом означало расширение культурного влияния бывшей империи после ее военно-политического краха. Некоторые представители высшей элиты ацтеков сохранили свой высокий статус и во времена Новой Испании. Так, внук императора Моктесумы II женился на испанской аристократке, а их дети получили титул «графов Моктесума»; этот же титул носил несколько лет вице-король Новой Испании. Испанцы признали представителей местной элиты дворянами в испанской колониальной системе, сохранив статусные различия эпохи, предшествовавшей завоеванию, и использовали этих дворян в качестве посредников между испанским колониальным правительством и индейскими общинами. Это предусматривало их обращение в христианство и сохранение лояльности испанской короне.

С. 13

вводятся мероприятия, ограничивающие этот коммунизм и укрепляющие родовой строй; так, например, племя чичимека

Чичимеки – обобщающее название ряда кочевых и полукочевых индейских племен, проживавших на севере современной Мексики и юге современных США, вне зоны влияния мезоамериканских цивилизаций. Сам термин «чичимеки» был придуман ацтеками, высмеивавшими постоянное употребление этими племенами слога «чи», носил пренебрежительный характер (схож по характеру с термином «варвар»).

Чичимеки неоднократно мигрировали в Центральную Америку, воспринимая культуру и традиции мезоамериканских индейцев и создавая новые цивилизации. Существует версия, согласно которой часть чичимеков была родоначальниками ацтеков, также переселившихся с севера на юг. В XIII в. чичимеки заселили территорию, ранее занимавшуюся государством тольтеков, и основали свое государство; в том же веке его столица была перенесена в Тескоко. Вскоре государство чичимеков распалось по неизвестным причинам, а Тескоко стал самостоятельным городом-государством. Входящие в конфедерацию чичимеков отоми и тепанеки создали свои государства (в последнем случае – Аскапоцалько, располагавшийся на территории современного г. Мехико).

Испанская конкиста, которой решительно сопротивлялись чичимеки, привела к почти полному их истреблению. Остатки чичимекских племен подверглись ассимиляции и метисации.

К этой категории «вынужденных» союзников принадлежали пять царств: Тлакопан, Арколюакан, Мичоакан, Чоуоиян, Уэшоцинко и республика Тляскайян

Тлакопан (современное название – Такуба) – город-государство племени тепанеков на западном берегу оз. Тескоко в долине Валье де Мехико. Он находился в вассальной зависимости от другого тепанекского государства, Аскапоцалько. В XV в., желая освободиться от Аскапоцалько, заключил союз с Тройственным союзом Теночтитлана, Тескоко и Тлателолько, войдя в него на правах младшего партнера и на условиях автономии.

Арколюакан – не удалось идентифицировать, по всей видимости, совершена серьезная ошибка в транскрибировании.

Чоуоиян. Видимо, речь идет о Чолуле (индейском государстве на территории современного штата Пуэбла). В XIII в. – начале XVI в. она была завоевана соседней Тлашкалой, но в 1517 г. отделилась от тласкаланцев, вступив вместо этого в Тройственный альянс Теночтитлана, Тескоко и Тлателолько. В 1519 г. значительная часть безоружных чолульцев была по наущению тлашкаланцев (союзников Э. Кортеса) предательски уничтожена конкистадорами, сам город Чолула был сожжен, а огромная пирамида вскоре превратилась в холм.

Уэшоцинго (Уэшоцинко) — народ семейства науа на территории современного мексиканского штата Пуэбла, живший на восточных склонах горных вершин Попокатепетль и Истаксиуатль.

Тляскайян. Видимо, речь идет о Тлашкале. В таком случае автор ошибается – тлашкаланцы не были покорены ацтеками и оказались свободным анклавом внутри империи.

Мичоакан был населен племенами пурепечей (тараско) – потомков чичимеков; их ацтеки так и не сумели подчинить. К концу XV в. империя тарасков была конкурентом ацтекской империи и сумела дать серьезный отпор Теночтитлану. Пурепечи отказались помогать ацтекам в деле сопротивления испанской конкисте, но сами после разгрома ацтеков оказали серьезное сопротивление колониальным властям.

С. 14

другие племена платили уже большую дань, но сохраняли своих вождей (кациков), которые, однако, утверждались ацтеками

Кацик (Касик) (исп. Cacique, cacique). До конкисты – вождь племени в Центральной и Южной Америке. В настоящее время в некоторых испаноязычных странах – влиятельный в районе человек, назначаемый властями старшиной (старостой) в индейском селении.

С. 17

Так как управляющим классом было жреческо-военное сословие, то мексиканская религия

Автор неточен. Никакой единой мексиканской религии не существовало. У разных индейских народов имелись схожие, но собственные религии, пантеоны божеств в ряде случаев пересекались, но не были полностью унифицированы.

С. 17

Так как большинство этих рабов составляли военнопленные, то эти кровавые жертвоприношения служили для военной аристократии средством террора против внутренних и внешних врагов: после каждого военного похода значительная часть военнопленных была истребляема путем этих кровавых жертвоприношений.

Автор не совсем прав. Рабы являлись важным классом общества ацтекской империи, отличавшимся от военнопленных. Ацтекское рабство было ближе к рабству классической древности, а не к рабству в европейских колониях. Рабство являлось личным, потомство рабов являлось свободным. Рабы могли обладать собственностью и даже личными рабами, имели право купить свободу, могли быть освобождены, если были в состоянии доказать, что с ними жестоко обращались, что у них были дети от хозяев. При смерти владельца освобождались те рабы, чья работа высоко ценилась. Раба нельзя было продать без его согласия. В то же время пытавшиеся бежать или недисциплинированные рабы классифицировались как «непослушные», их могли продать на жертвоприношение.

Ацтек мог оказаться рабом в качестве наказания, за совершение преступлений, а также за долги, могли сами продать себя в рабство.

Некоторые ученые указывают, что и с военнопленными, предназначенными для будущего жертвоприношения, обращались как с традиционными ацтекскими рабами вплоть до самого жертвоприношения.

С. 17

Нужно отметить, что эта присущая ацтекам жестокость религиозных обрядов не была распространена среди союзных племен.

Автор не совсем прав. Для всех трех государств Тройственного Альянса империи ацтеков (Теночтитлан, Тлателолько и Тескоко) были характерны значительные человеческие жертвоприношения. Среди менее крупных народов они также существовали, пусть и в меньших размерах. Масштабы жертвоприношений определялись не столько религиозными верованиями (они во многом были сопоставимы), сколько наличием «технических возможностей» – крупных пирамид, которые строили/умели строить не все индейские народы.

С. 18

Все это привело к тому, что испанцам удалось завоевать Мексику с помощью весьма незначительных военных сил

Отряд Э. Кортеса первоначально включал 508 пехотинцев, 16 конных рыцарей, 13 аркебузирова и 32 арбалетчика, 100 матросов и 200 рабов – кубинских индейцев и негров. Снаряжение включало 16 лошадей, 10 пушек и 4 фальконета. В то же время автор не совсем прав, заявляя о незначительности сил. По меркам начала XVI в. отряд Кортеса был не таким уж немногочисленным, кроме того, уровень военной подготовки и вооружения по сравнению с индейским населением значительно увеличивали боевую мощь конкистадоров.

ГЛАВА II. ИСПАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В МЕКСИКЕ. ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

С. 19

Фердинанд Кортес

Фернандо (Эрнан) Кортес де Монрой и Писарро Альтамирано (исп. Fernando Cortés de Monroy y Pizarro Altamirano). Известен также как Фернандо, Эрнандо, Фернан или Эрнан Кортес (исп. Hernán Cortés, 1485, Медельин – 2.12.1547) – испанский конкистадор, завоевавший значительную часть современной Мексики и разгромивший империю ацтеков.

Выходец из небогатой, но знатной семьи, он бросил учебу в университете Саламанки, чтобы участвовать в колонизации Эспаньолы (современное Санто-Доминго), губернатором которой был его родственник Николас де Овандо. Участник экспедиции Диего де Веласкеса по завоеванию Кубы (1510-1514). В 1518 г. добился от правительства Кубы разрешения организовать экспедицию на континент, при этом потратил все свое состояние на снаряжение экспедиции, завоевавшей в 1519-1521 гг. Ацтекскую империю и ряд соседних земель. Для усиления мощи своего отряда, Э. Кортес заключил союз с племенами тотонаков и тлашкаланцев против ацтеков. В 1522 г. Э. Кортес был утвержден королем Карлом V генерал-капитаном и верховным судьей колонии Новая Испания (1522-1526). Это стало, среди прочего, благодарностью императора Кортесу за поддержку в деле политической консолидации Испании как единого государства, формировавшегося на базе Кастилии, Арагона и ряда других средневековых государств.

В 1528 г. бывший конкистадор вернулся в Европу и в 1529 г. получил от короля Карла титул маркиза Оахаки (исп. Marqués del Valle de Oaxaca). С 1530 г. – военный губернатор Мексики. В 1540 г. навсегда вернулся в Европу; умер и был похоронен в Испании, в 1566 г. его прах был перенесён в Мексику. В 1560-е гг. его потомки попытались захватить власть в Мексике, но переворот завершился провалом.

С. 19

Он прибыл сюда на нескольких кораблях с острова Кубы, который в это время был опорой испанского владычества в Америке.

Куба, остров, населявшийся индейскими племенами таино и сибоньями, был открыт Христофором Колумбом 28 октября 1492 г., объявлен частью испанских земель и назван Хуана по имени наследника королевского престола. Позже некоторое время употреблялись названия Фернандина (в честь короля) и Сантьяго (в честь покровителя Испании Святого Яго). Но чаще всего упоминалось индейское название – Куба, которое вскоре было распространено на весь остров. Лингвисты предполагают, что оно может означать на языке коренного населения «земля».

Экспедиция Себастьяна Окампо в 1507 г. установила, что Куба – остров, а не часть континента, и обнаружила признаки наличия золота в горах. Участник Реконксты и второй экспедиции Колумба Ди-

его Веласкес Консуэло де Куэльяр (исп. Diego Velázquez de Cuéllar; 1450, Сеговия, Испания – 12.06.1524, Сантьяго де Куба, Куба), являвшийся вице-губернатором Эспаньолы (Гаити), быстро разбогатевший и завоевавший авторитет среди колонизаторов безжалостным подавлением выступлений аборигенов в 1511 г., получил полномочия от губернатора Диего Колона (сына Колумба) на завоевание Кубы. Интерес Д. Веласкеса к соседнему острову объясняют тем, что туда бежали воины таино во главе с касиком Атуэем. Веласкес, назначенный губернатором Кубы, финансировал экспедицию за счет собственных средств. Он быстро подавил сопротивление индейцев и взял в плен Атуэя (позже сожженного на костре после отказа принять католичество). Д. де Веласкес основал на острове несколько городов, в т.ч. Сантьяго де Кубу и Гавану.

После 1517 г., получив право на действия вне Кубы, Веласкес организовал и финансировал несколько экспедиций на континент с целью захвата золота и рабов, поскольку коренное население острова стремительно вымирало. Одной из них стал поход Э. Кортеса, который стал действовать автономно, отказав Д. Веласкесу в получении выгод от экспедиции. После завоевания Мексики порт Гаваны долгое время обеспечивал транзит с континента в Испанию.

С. 19

Вытеснив с Пиренейского полуострова мавров,

Реконкиста (исп. Reconquista) – «Отвоевание» – длительный процесс возвращения испанцами завоеванных ранее арабами на Пиренейском полуострове земель. Реконкиста проходила с 718 (или 722) по 1492 гг. и включала военные действия, миграцию населения и хозяйственное освоение территорий. В этот период происходило формирование и становление христианских королевств, постепенно расширявших свою территорию. На заключительном этапе Реконкисты силы объединенного королевства Кастилия и Арагон одержали победу над войсками Гранадского эмирата, территория которого вошла в состав христианских владений (1492 г.). Следствием Реконкисты оказалось начало становления единого испанского государства, завоевание колоний в Америке (Конкиста), вытеснение с полуострова населения, не исповедующего христианство.

Римский папа Александр VI своей «буллой» отдал весь американский материк во владение испанской короны даже еще до его завоевания

Папа Римский Александр VI (лат. Alexander VI) (1431-1503); до интронизации – Родриго Борджиа (ит. Rodrigo Borgia). Родился в Королевстве Арагон. Племянник Папы Римского Каликста III. Занимал пост Апостольского администратора епархии Валенсии (1458-1492), Архиепископа Валенсии (1492). Во время посещения своей епархии в Валенсии дал папское разрешение на брак Фердинанда Арагонского и его родственницы Изабеллы Кастильской, который совпадал с интересами католической церкви, что впоследствии привело к объединению двух королевств, созданию единого государства и победе испанцев в Реконките. В 1496 г. папа Александр VI даровал Фердинанду и Изабелле титул католических королей.

На Конклаве 6-11 августа 1492 г. Р. Борджиа был избран Папой Римским в качестве компромиссного кандидата, обладавшего административными способностями и политической проницательностью. 4 мая 1493 г. он издал буллу «Inter caetera», признававшую за королями Испании и Португалии право на владение землями, открытыми в морских походах, и утверждавшую соглашение о разделе мира между ними.

Испанцы сразу нашли многочисленных союзников против ацтеков; особенные услуги им в этом деле оказали тлашкаланцы.

Тлашкаланцы (тласкаланцы, тлашкальтеки) – жители Тлашкалы – города-государства на территории современного штата Пуэбла. Тлашкаланцы мигрировали из Северной Мезоамерики и поначалу проживали около оз. Тескоко. Не ужившись с местными жителями, они были изгнаны. Часть из них отправилась кочевать по территории нынешнего штата Идальго, а часть – основала город Тепетипак Тешкалан в долине Тлашкала. В последующие годы Тлашкаланская республика расширилась и основала ряд новых городов. Она не была завоевана ацтеками, покорившими почти все соседние территории, но находилась с ними в состоянии перманентной войны. Тлашкаланцы дали согласие на проход конкистадоров по своей территории, получив обещание, что Э. Кортес будет воевать только против ацтеков; позднее они присоединились к испанскому отряду.

В 1520 г. испанцы и тлашкаланцы были изгнаны из Теночтитлана восставшими ацтеками, в погоню за бежавшими отправился новый тлатоани Куитлауак, но 7 июля 1520 г. в битве при Отумбе тлашкаланцам удалось нанести поражение армии преследователей.

В 1521 г. Кортес со свежими силами и при поддержке 100 с лишним тысяч тлашкаланцев и 50 тысяч тескоков разгромил Теночтитлан, положив конец Ацтекской империи.

Тлашкала на протяжении всего колониального периода была освобождена от выплаты налогов в испанскую казну, в соответствии с соглашением между тлашкаланцами и Э.Кортесом.

С. 20

Слово 'гачупин', служившее для обозначения этого существа, до сих пор употребляется в Мексике, как презрительная кличка испанцев.

Гачупин (исп. Gachupín). Термин, в Испании обозначавший типичный литературный персонаж, представлявший мелкого дворянина (идальго), высокомерного и властолюбивого. В Мексике он трансформировался в презрительную кличку испанских завоевателей. В «Кличе Долорес» звучал лозунг «Смерть гачупинам!».

С. 22

Благодаря «завоеваниям», «усмирениям» и жестокой экономической эксплуатации количество индейцев стало быстро уменьшаться, а оставшиеся в живых предпочитали скрываться в лесах и горах.

Согласно подсчетам современных историков, большинство индейцев погибло не в результате войн и «усмирений», а в итоге проникновения на американский континент инфекционных болезней, принесенных испанскими конкистадорами и незнакомых до того в Мезоамерике, прежде всего, оспы и кори. Миллионы индейцев, не обладавшие иммунитетом, становились первыми жертвами новых заболеваний. Сыграли негативную роль и запреты колониальных властей выращивать ряд традиционных для индейских племен культур, что привело к изменению привычной пищевой диеты.

С. 26

Так, например, закон Филиппа III

Филипп III (исп. Felipe III). (1578-1621). Сын короля Филиппа II и Анны Австрийской, король Испании, король Португалии и Ал-

гарве (как Филипп II, порт. Filipe II) с 1598 г. При его правлении постоянно рос государственный долг, источники доходов уменьшались, а народ беднел.

В 1600 г. был обнародован королевский меморандум о предпочтении чистоты крови перед благородством происхождения. За этим последовало изгнание полумиллиона морисков (народности мавританского происхождения), католическая правоверность которых была поставлена под подозрение (1609 г.), а затем цыган (1619 г.).

Филипп заключил мир с Англией (1604 г.), по которому были удовлетворены почти все испанские требования (кроме восстановления католицизма в Англии). Испания признавала английскую монархию, а Англия отказалась от поддержки нидерландской революции; английским пиратам запрещалось грабить испанские суда; Ла-Манш стал свободным для испанских кораблей. В 1609 г. Испания была вынуждена признать независимость Нидерландов.

В 1605 г. король запретил рабство в колониях, но не для военнопленных индейцев (в это время в Южной Америке проходила Арауканская война с индейцами мапуче).

С. 29

Объясняя причины такой терпимости, мексиканский историк Завала

Мануэль Лоренсо Хустиниано де Савала-и-Санчес (1788-1836) – мексиканский, а затем техасский врач, политик, дипломат и писатель. Родился на Юкатане. По окончании университета писал газетные статьи, требуя демократических реформ, за что подвергался преследованиям со стороны колониальных властей. Являлся секретарем правительства Юкатана, как его представитель был избран депутатом испанских Кортесов. В 1821 г., после получения Мексикой независимости, подал в отставку и вернулся в Мексику. Став депутатом Национального конгресса от Юкатана, принимал непосредственное участие в разработке конституции Первой Федеративной Республики Мексика в 1824 г.; первым подписал Основной закон страны. Прожив несколько лет в эмиграции в США, он подверг решительной критике существование в этой стране рабства.

Автор знаменитого «Исторического очерка революций Мексики с 1808 по 1830 год». В 1832 г. стал губернатором штата Мексика, а затем – послом во Франции. После того, как президент А. Лопес де Санта-Анна отменил Конституцию 1824 г., де Савала подал в отставку и переехал из Франции в Техас, где имел земельные владе-

ния. Там он рассчитывал дождаться свержения правительства А. Лопеса де Санта-Анны и превращения Техаса из буферной территории в один из мексиканских штатов. Но, увидев бесперспективность этого плана, де Савала присоединился к сторонникам независимости Техаса, стал одним из разработчиков Конституции Республики Техас и являлся вице-президентом временного правительства Техаса. Вскоре, однако, он подал в отставку по состоянию здоровья и умер.

В Техасе де Савала считается героем-основателем штата, в то время как в Мексике многие историки называют его предателем страны за помощь в отделении территории Техаса от Мексики.

Сноска – Л о р е н ц о-д е-3 а в а л я, Опыты по истории революции в Мексике, Мексика 1845 г., стр. 15.

Первое издание книги «Ensayo histórico de las revoluciones de México: Desde 1808 hasta 1830» состоялось в 1831 г.

С. 29

королевский совет по делам Индий

Совет по делам Индий (Consejo de Indias), официальное название – «Королевский совет и военный комитет по делам Индий» (исп. Real y Supremo Consejo de Indias) – испанское государственное учреждение, действовавшее в XVI-XIX вв. Он был создан после начала Конкисты для контроля над новыми территориями под названием «Комитет Индий» (исп. Junta de Indias) (1511 г.) – по принятию в то время в Испании наименованию Америки – Индия; в 1524 г. переименован в Совет. Осуществлял исполнительную, законодательную и судебную власть в колониях в Латинской Америке, Океании и Азии. После 1680 г. Совет действовал, руководствуясь положениями «Законов об Индиях», регулировавшими все сферы жизни колоний. Он занимался организацией экспедиций, планировал и предлагал королю варианты развития торговли и отношений с коренными народами, создавал новые вице-королевства и губернии, выдвигал кандидатов на должности колониальных администраторов, занимался финансовыми и военными делами, регулировал поток людей, отправлявшихся в Америку, разрабатывал стратегии военных действий, контролировал отправку в колонии книг и т.д. В Совет входили председатель, канцлер, казначей, генеральный прокурор, восемь советников, два секретаря, писарь, картограф, счетоводы и др. Обычно его членами были богословы, юристы, ученые – математики и историки.

Состав Совета утверждался королем, которому еженедельно он докладывал о своей работе. В 1809 г. был ликвидирован созданными в ходе испанской революции Кадисскими кортесами, которые приняли в 1810 г. закон о равенстве между испанцами и латиноамериканскими подданными королевства, установили свободу торговли между метрополией и американскими колониями. Деятельность Совета была возобновлена королем Фердинандом VII, и он функционировал в 1810-1820, 1823-1834, 1846-1847. гг. Окончательно был упразднен в 1847 г. после провозглашения независимости большинством испанских колоний в Латинской Америке.

С. 29

Архиепископ Монтуфар

Алонсо де Монтуфар-и-Браво-де-Лагунас, (исп. Alonso de Montúfar y Bravo de Laguanas, ок. 1489 г., Лоха, Гранада – 7.03.1572). Монах Ордена доминиканцев, магистр теологии, настоятель нескольких монастырей в Испании и теологический консультант судов инквизиции в Гранаде, Мурсии, Толедо и Севилье. После смерти первого архиепископа Мексики францисканца Х. де Сумаррага император Карл V назначил его преемником Монтуфара, полагавшего, что церкви в Новой Испании не хватает порядка и дисциплины. Он видел состояние церкви в мрачном свете, утверждал, что большая часть коренного населения осталась языческой, что индейцы усваивали церковную доктрину, не понимая ее содержания, и сомневался, что многие души индейцев будут спасены. Пытаясь построить иерархическую церковь по испанской модели, с сильным и влиятельным епископством, он стремился заменить монахов светскими священнослужителями. По мнению Монтуфара, самой большой проблемой церкви в Новой Испании являлась нехватка священников; он считал необходимым дать церковное образование молодым креолам, многие из которых знали языки коренных народов. К аборигенам же и их способностям Монтуфар в целом относился негативно. Архиепископ одобрил и продвигал культ Богоматери Гваделупской, возникший во время его правления.

С. 30

Гумбольдт

Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт (1769-1859) – немецкий географ, натуралист, исследователь, сторонник романтической философии и науки. Количественные работы

А. Гумбольдта по ботанической географии заложили основу для биогеографии. Создал такие научные дисциплины как физическая география, ландшафтоведение, экологическая география растений, дал обоснование климатологии как науки. Член Берлинской, Прусской и Баварской академий наук, почетный член Петербургской академии наук.

Получив от короля Испании разрешение, в 1799 г. направился в испанские владения на Тихом океане и в Америке для проведения научных исследований. На территории современной Венесуэлы ученый обнаружил новый для науки вид птиц – гуахаро, наблюдал метеорный поток Леониды и позднее опубликовал описание данного астрономического феномена. Он установил, что бассейны Ориноко и Амазонки соединены протоком Касикьяре.

Несколько месяцев А. фон Гумбольдт исследовал природу и политическую географию Антильских островов, затем вновь вернулся в Южную Америку, на территорию современной Колумбии, а оттуда через Кордильеры перебрался в г. Кито. Около года наблюдал за природой на территории нынешнего Эквадора, поднимался на вулканы Пичинчу, Антизану, Тунгурауа, изучал культуру и язык инков, а также доинкские рукописи, написанные на языке пуругвай. Затем ученый перебрался в Мексику, где провел около года: изучал вулканы, исследовал пирамиды и храмы ацтеков, тольтеков, первым издал в 1810 г. ацтекский рукописный Кодекс Теллиериано-Ременсис.

А. фон Гумбольдт и его коллеги оказались первыми, кто определил широту и долготу многих пунктов Латинской Америки, собрал обширные сведения о климате региона, сформировал огромные ботанические и зоологические коллекции (в том числе 1800 новых для науки растений), нанесли на карту морское течение вдоль западных берегов Америки (Гумбольдтово течение), открыли новые горные цепи – Анды и Сьерра-Парима, собрали обширные сведения в области истории, языкознания, этнографии. Экспедицию А. фон Гумбольдта по праву называют «вторым, научным, открытием Америки».

С. 33

Вице- 1 король Новой Испании, маркиз де-Фальсес

Речь, видимо, идет о **Гастоне де Перальта**, маркизе де Фальсес, графе Сантистебана де Лерина, губернаторе Наварры. Однако он являлся вице-королем с 19 октября 1566 г. по 14 апреля 1568 г.

В 1577 году вице-королем являлся Мартин Энрикес де Альманса.

ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ МЕКСИКИ

С. 36

Мексиканский историк Бульнес

Франсиско Бульнес (исп. Francisco Bulnes) (1847-1924). Окончил Национальную горную школу, преподавал математику, политическую экономию и другие предметы в Национальной подготовительной школе. Член Мексиканского общества географии и статистики. Пожизненный сенатор Мексики. Входил в группу т.н. «сэнтификос» – советников и министров диктатора П. Диаса, являлся одним из официальных историографов режима и проповедовал плодотворность «твердой» власти во главе с «сильной личностью» – президентом.

После начала революции 1910-1917 гг. Ф. Бульнес эмигрировал, жил в США и на Кубе. Вернулся в Мексику в 1921 г. после окончания военных действий. В своих последних публикациях продолжал защищать режим П. Диаса и критиковал роль президента США Вудро Вильсона в мексиканской революции.

Современные историки упрекают Бульнеса в политической детерминированности, полагая, что он подтасовывал факты для доказательства своих концепций. Некоторые авторы считают его расистом, защищающим превосходство белой расы над индейцами и метисами. Резкой критике подвергаются также нападки Ф. Бульнеса на президента Бенито Хуареса. В то же время критические подходы Ф. Бульнеса продолжают привлекать к его работам многих современных ученых.

С. 42

Душой этой группы были: Игнасьо Альенде—капитан королевской армии,

Игнасио Хосе де Альенде и Унсага (исп. Ignacio Jose de Allende y Unzaga) (1769, Сан-Мигель-эль-Гранде, Новая Испания – 26.11.1811, Чиауа). Родился в креольской семье. С 1802 г. служил в колониальной армии. В 1809 г. в Вальядолиде присоединился к заговору Мигеля Идальго. Предполагалось, что И. Альенде вместе с капитаном Альданой возглавит движение, однако М. Идальго пришлось начать борьбу раньше, провозгласив «Клич Независимости» 16 сентября 1810 г. 22 сентября М. Идальго был провозглашен капитан-генералом повстанческой армии, а И. Альенде – генерал-лейтенантом. После ряда поражений повстанцев И. Альенде сменил

М. Идальго на посту командующего. За головы обоих руководителей вице-королем Новой Испании была назначена награда. Командование И. Альенде повстанческими силами отличалось благородством, уважительным отношением к мирному населению и пленным. В результате предательства был схвачен испанскими лоялистами, осужден и расстрелян.

С. 43

и деревенский священник села Долорес—Мигуэль Идальго,

Мигель Грегорио Антонио Игнасио Идальго-и-Костилья-и-Гальяга Мондарте Вильясенор (исп. Miguel Gregorio Antonio Ignacio Hidalgo y Costilla y Gallaga Mondarte Villaseñor) (1753, Пенхамо, Гуанахато – 1811, Чиуауа). Окончил иезуитский колледж, бакалавр философии и истории. Рукоположен в священники (1778 г.). Автор «Диссертации об истинном методе изучения церковной теологии». В 1790 г. М. Идальго был назначен ректором Колледжа Св. Николая, но вскоре отстранен от должности за либеральные идеи и служил священником в разных местах, пока в 1803 г. не заменил умершего брата в приходе Долорес. Все это время он неустанно заботился об улучшении экономического и социального положения своих прихожан.

Во время французской оккупации Испании в колониях возникли серьезные настроения в пользу отделения от метрополии. Семья М. Идальго, например, серьезно пострадала от конфискации имущества должников для получения средств, необходимых для продолжения войны с Англией. В колониях вызвало недовольство поражение испанского флота у Трафальгара. Политический кризис в Испании, вызванный восшествием на трон француза Жозефа Бонапарта, привел к серьезным дискуссиям в латиноамериканских колониях. М. Идальго в этот момент стал приверженцем независимости Новой Испании и начал подготовку к восстанию: изучал военное дело, готовил план выступления и вскоре стал одним из руководителей заговора.

Под угрозой его раскрытия, он ускоряет начало восстания, выступив в ночь с 15 на 16 сентября 1810 г. со знаменитым «Кличем Долорес». Вооруженное противостояние проходило с переменным успехом. Плохо вооруженной, не имевшей боевого опыта массе сторонников независимости было трудно противостоять немногочисленной, но дисциплинированной и хорошо вооруженной армии роялистов. Неудачи привели к разногласиям в стане борцов за незави-

симось и замене М. Идальго на И. Альянде на посту командующего. 21 марта 1811 г. М. Идальго вместе с другими повстанцами был схвачен. На допросах подтвердил свою уверенность в необходимости независимости для Новой Испании, подтвердил, что подготовил план восстания, создавал армии и т.д. В то же время он отказался признать получение помощи от Наполеона, заявил, что действовал по праву каждого гражданина, считающего, что его родина в опасности. По приговору церковного суда М. Идальго был приговорен к лишению сана и смертной казни за бунт, государственную измену и совершенные по его приказу умышленные убийства испанских подданных. После расстрела его тело было обезглавлено.

После провозглашения независимости Мексики тело Идальго было перезахоронено в Мехико. Каждый год, в канун Дня независимости, президент Мехико звонит в колокол Долорес, находящийся в Президентском дворце, а затем трижды восклицает «Да здравствует Мексика!» в память о героях, погибших за независимость, первое место среди которых занимает М. Идальго.

С. 43

Идальго захватил из одной церкви икону святой Марии де-Гвадалупе и провозгласил ее знаменем восстания.

Дева Мария Гваделупская (исп. Nuestra Señora de Guadalupe) – образ Богородицы, наиболее почитаемая католическая святыня Латинской Америки.

С. 44

Историк Бульнес пишет, что эта толпа напоминала «азиатские орды Чингис-хана».

Войско Чингисхана вовсе не было беспорядочной ордой, а было четко организовано, делилось на десятки, сотни, тысячи и тумены (десять тысяч). Воинами считалось все взрослое мужское население. Тумены могли действовать самостоятельно, выполняя план Чингисхана. Был создан специальный отряд (отряд багатуров – богатырей), всегда находившийся в авангарде и первым вступавший в бой с противником. Построенная по этому принципу армия составляла до 95 тысяч воинов.

По закону Чингисхана (Ясе) определялись принципы взаимопомощи в походе и запрещался обман доверившегося. Нарушившего эти установления жестоко казнили. Враг монголов, оставшийся верным своему правителю, мог быть принят в войско Чингисхана. Верность и храбрость считались добром, а трусость и предательство – злом.

Тем временем вице-король собрал несколько тысяч хорошо вооруженного войска и под предводительством опытного генерала Кайеха отправил их против Идальго.

Феликс Мария Кальеха (исп. Félix María Calleja del Rey) (1783-1828). Поступив в молодости на испанскую военную службу, участвовал в неудачном походе в Алжир (1775) и безуспешной осаде Гибралтара (1782). Директор военного училища Эль Пуэрто-де-Санта-Мария (1784-1788). В Новую Испанию прибыл в 1789 г. в качестве офицера. После начала восстания М. Идальго, не дожидаясь приказов наместника, вооружил своих подчиненных и набрал новых бойцов. Его отряд стал основой лоялистской Армии Центра, которую он возглавил как бригадный генерал, действуя как талантливый военачальник, но не гнушающийся варварскими методами ведения войны. Армия Центра одержала победу над М. Идальго, но после неудачной осады Х.-М. Морелоса в Куаутле (май 1812 г.) Ф.М. Кальеха удалился в Мехико, где вместе с другими роялистами выразил недовольство неспособностью вице-короля Венегаса подавить восстание. 28 января 1813 г. вице-королем Новой Испании был назначен сам Ф.М. Кальеха. Он конфисковал имущество инквизиции; получил ссуду у коммерсантов; реорганизовал Государственное казначейство; ввел новые налоги; восстановил торговое сообщение, и почтовую службу; довел численность армии до 40 тыс. человек, включая роялистских ополченцев, и хорошо ее вооружил. Это позволило вести интенсивные кампании против повстанцев, в ходе которых погиб Х.-М. Морелос. Однако, во время правления Ф.М. Кальехи, 5 ноября 1813 г., Конгрессом повстанцев была провозглашена независимость Мексики.

После многочисленных жалоб (в том числе и от роялистов) на диктаторские методы управления Ф.М. Кальеха 20 сентября 1816 г. был освобожден от занимаемой должности. Вернувшись в Испанию, он был титулован как граф Кальдерон (1818 г.) и награжден Большим Крестом Изабеллы Католической и Большим Крестом Ордена Сан-Эрменегильдо, получил назначение генерал-капитаном Андалусии и губернатором Кадиса. Был назначен командующим экспедиционной армией в Южную Америку, но захвачен в плен революционными силами Рафаэля Риго (1820 г.) и до поражения революции находился в тюрьме на Майорке. После освобождения стал генерал-капитаном Валенсии и оставался им до смерти.

После поражения и смерти Идальго восстание продолжалось под предводительством другого священника, Хозе-Мария Морелос

Хосе Мария Текло Морелос-и-Павон (исп. José María Teclo Morelos y Pavón; 30.9.1765-22.12.1815) – священник римско-католической церкви, после казни М. Идальго-и-Кастильи возглавивший восстание жителей Новой Испании за независимость.

Родился в небогатой семье с испанскими, индейскими и африканскими корнями. Являлся дальним родственником Э. Кортеса. Окончив духовную семинарию, занимался фермерством, был учителем в начальной школе, затем стал сельским священником.

В 1810 г. присоединился к повстанцам во главе с М. Идальго в качестве военного священника, затем был назначен командовать группой повстанцев на юге Новой Испании и сумел хорошо проявить себя в качестве командира. После гибели М. Идальго Х.-М. Морелос возглавил повстанцев и добился ряда побед над испанской армией (в мае 1811 г. занял Чильпансинго и Тустлу, в августе – Чилапу, в ноябре – совершил бросок на север и взял Куаутлу, в конце года его войска овладели Теуаканом около Мехико). Несмотря на неудачную оборону Куаутлы от роялистов (они в мае 1812 г. восстановили контроль над городом), осенью Х.-М. Морелос овладел Орисабой и Оахакой, в 1813 г. повстанцы захватили Акапулько, после чего в руках роялистов остались только столица и несколько провинциальных центров.

Х.-М. Морелос, намеревавшийся не только провозгласить независимость Новой Испании, но и провести радикальные социально-экономические реформы, в 1813 г. издал декрет о созыве Национального конгресса. Этот конгресс собрался в Чильпансинго в сентябре, провозгласил отмену рабства, идею народного суверенитета, установление единого налога, гарантии собственности и неприкосновенности жилища, запретил пытки. Х.-М. Морелос был назначен главой исполнительной власти – «службой нации». В ноябре 1813 г. повстанцы под его руководством приняли Декларацию независимости Северной Америки, провозгласив Мексику «Доиспанским королевством Анауак». Первая конституция Мексики установила республику и разделение властей, равенство всех граждан перед законом, свободу слова и печати.

В 1814-1815 гг. роялисты сумели разгромить повстанцев. Х.-М. Морелос был подвергнут пыткам инквизиции, лишен духовного сана, предан суду и расстрелян около г. Мехико. После обретения Мексикой независимости он был посмертно реабилитирован, как гражданскими, так и церковными властями. В 1925 г. его останки были торжественно перезахоронены у основания памятника «Ангел независимости» в столице. Именем Х.-М. Морелоса назван один из штатов Мексики, его портрет неоднократно изображался на монетах страны.

С. 47

В 1812 году в городе Кадиксе была опубликована Центральным советом Испании либеральная конституция для Испании и ее колоний.

Кадисская конституция – первая испанская конституция; была принята 19 марта 1812 г. Кортесами в Кадисе, на территории, не занятой войсками Наполеона. В тексте документа заметно влияние французской конституции 1791 года.

Конституция установила в Испании конституционную монархию (законодательная власть принадлежала кортесам и королю, исполнительная – королю) и принцип народного суверенитета. Этот Основной закон являлся одной из самых либеральных конституций своего времени: провозглашал равенство граждан перед законом (хотя гражданские права признавались только за не имевшими примеси негритянской крови), декларировал установление всеобщего избирательного права для мужчин, неприкосновенность жилища, свободу предпринимательства, свободу печати, отмену инквизиции, признание личных свобод испанцев и т.д. Конституция декларировала власть Испании над заокеанскими владениями, при этом устанавливала равное представительство метрополии и колоний в Кортесах.

Вернувшись из французского плена, король Фердинанд VII отменил Конституцию 1812 г., объявив ее порождением французской революции. Ее действие возобновлялось в 1820-1823 и в 1836-1837 годах.

С. 48

Выбор их пал на полковника королевской армии Августина Итурбиде

Агустин де Итурбиде (полное имя – Агустин Косме Дамиан де Итурбиде и Арамбуру (исп. Agustín I, Agustín Cosme Damian de

Iturbide у Aramburu), Его Императорское Величество Агустин I (27.09.1783, Вальядолид, Новая Испания – 29.07.1824, Падилья, Мексика). Сын испанского дворянина баскского происхождения и креолки.

В 1800 г. поступил в испанскую армию, дослужился до звания полковника (1820). Участвовал в подавлении восстаний за независимость М. Идальго. В 1815 г. назначен командующим войсками в Гуанахуато и Мичоакане. Роялисты подозревали его в измене, и А. Итурбиде вышел в отставку (1816), но уже в 1819 г. вернулся на службу, а в ноябре 1820 г. был назначен командующим силами юга для подавления восстания Висенте Герреро. Однако одной из его целей была попытка объединиться с повстанцами для достижения независимости, несмотря на идеологические разногласия. После нескольких побед В. Герреро А. Итурбиде обратился к вождю инсургентов с предложением союза для провозглашения независимости и создания конституционной монархии. Несмотря на скептицизм В. Герреро, девизом которого была «независимость и свобода», оба лидера встретились 4 февраля 1821 г. и заключили соглашение о совместных действиях. 24 февраля 1821 г. был провозглашен План Игуала, по которому Мексика стала бы независимым государством с конституционной монархией и католицизмом в качестве единственной религии. Престол предлагался испанскому королю Фердинанду VII или другому представителю династии Бурбонов. До восшествия на престол монарха страной должен был управлять Совет регентов. Однако испанская власть категорически отвергла План Игуала.

24 августа 1821 г., назначенный Генеральными кортесами Испании вице-король Новой Испании и генерал-капитан Новой Испании Хуан О'Доноху встретился с А. Итурбиде в Кордове и подписал с ним договор, мало чем отличавшийся от Плана Игуалы. Ряд испанских военных отказались признать независимость Мексики, но Х.О'Доноху, используя свою власть, заставил вывести войска из г. Мехико в Веракрус. 27 сентября 1821 г. войска А. Итурбиде вошли в Мехико, а 29-го была провозглашена независимость Мексики от Испании. 19 мая 1822 г. страна была объявлена наследственной монархией во главе с императором Агустиним I Итурбиде.

С самого начала протрвления А. Итурбиде противостояла оппозиция в конгрессе и в лице различных политических сил: от республиканцев до сторонников Бурбонов. Ситуацию усугубила неспособность правительства справиться с финансовым кризисом. Император распустил Учредительное собрание, сосредоточив всю власть в сво-

их руках.

Против его власти вспыхнуло восстание в Веракрусе под руководством генерала А. Лопеса Санта-Анны, к которому присоединились авторитетные вожди борьбы за независимость Гуадалупе Виктория и В. Герреро; восставшие требовали установить республиканскую форму правления. Не имея сил для сопротивления, Итурбиде 19 марта 1823 г. отрекся от престола. Конгресс назначил триумвират, чтобы заменить Итурбиде, коронация была объявлена недействительной, а План Игуала и Кордовские договора – недействующими. Конгресс назначил А. Итурбиде и его семье ежегодное содержание, но предписал выехать в Италию. 14 июля 1824 г. А. Итурбиде высадился в Мексике, чтобы организовать борьбу против Республики, не зная о решении конгресса объявить его вне закона и предать смертной казни немедленно по высадке на берег. Был арестован и 19 июля расстрелян.

С. 47

Среди последних самым влиятельным был генерал Викентий Герреро,

Висенте Рамон Герреро Сальданья (исп. Vicente Ramón Guerrero Saldaña; 10.08.1782, Тистла – 14.02.1831, Куилапан). Присоединился к революционной борьбе против испанского владычества под началом М. Идальго в 1810 г. После разгрома М. Идальго командовал тысячей повстанцев в Оахаке. Вместе с Гуадалупе Викторией принял после расстрела преемника Идальго Х.-М. Морелоса командование повстанческими отрядами (1815 г.). После перехода на сторону восставших А. Итурбиде вместе с ним провозгласил в 1821 году «План Игуала» («План трех гарантий»). После завоевания Мексикой независимости выступал за установление республиканской формы правления, и когда А. Итурбиде в 1823 г. провозгласил себя императором, выступил против него. После провозглашения республики ее первым президентом стал Г. Виктория, в 1829 г. передавший власть В. Герреро, назначенному конгрессом в качестве преемника. С 1 апреля по 17 декабря 1829 г. – президент Мексики. В период его президентства был принят закон, отменяющий рабство. Возглавил разгром пытавшихся восстановить свое господство испанцев в сражении при Тампико. Свергнут в результате государственного переворота в декабре 1829 г., ушел в горы и продолжал борьбу, но был захвачен в плен и расстрелян.

Дед мексиканского писателя и политического деятеля В. Ривы Паласио.

Один американский колонизатор, Моисей Аустин,

Мозес Аустин (англ. – Moses Austin (4.10.1761 – 10.06.1821). Американский бизнесмен, сыгравший видную роль в развитии свиной промышленности в США. В 1820 г. получил от испанской монархии право на владение землями в Техасе и планировал основать там американское поселение, но умер до этого, осуществление своей мечты о колонизации Техаса завещал сыну Стивену.

Стивен Фуллер Аустин (англ. Stephen F. Austin; 3.11.1793, Виргиния, США – 27.12.1836, Колумбия, Республика Техас). Работал в Законодательном собрании Миссури, короткое время был судьей. После смерти его отца М. Аустина правительство независимой Мексики отказалось признавать право на колонизацию Техаса, предоставленное колониальными властями. С. Аустин провел переговоры в Мехико с правительством президента А. Лопеса Санта-Анны, добившись разрешения на переселение американцев на территорию Техаса, и руководил колонией, первоначально насчитывавшей триста американских семей (1825), создал вооруженные отряды для защиты поселения. К 1832 г. число колонистов насчитывало почти 11 тыс. человек (численность американских поселенцев превысила численность местного населения почти в 10 раз). Богатая земля привлекла не только законных поселенцев, таких как в колонии С. Аустина, но также сквоттеров и другие несанкционированных поселенцев, переехавших вне установленных программой переселения квот и незаконно захвативших землю. Однако колония С. Аустина оставалась самым важным поселением, в котором начали выращивать хлопок, разводить мулов и производить другие товары на экспорт, который в основном осуществлялся через Нью-Орлеан.

В 1830 г. правительство Мексики запретило дальнейшую иммиграцию американцев в Мексику. Жители Техаса, среди которых нарастали сепаратистские настроения, потребовали восстановить право на иммиграцию, отменить введенные незадолго до этого пошлины и предоставить Техасу статус штата. С. Аустин в 1833 г. провел в Мехико переговоры, добившись отмены запрета на иммиграцию, однако статус штата Техас не получил.

Хотя сам С. Аустин оставался стойким сторонником существования Техаса в составе Мексики, основная масса колонистов, недовольных политикой президента А. Лопеса Санта-Анны, склонялась к идее провозглашения независимости или присоединения к США.

Это привело в 1835 г. к «Техасской революции», в начале которой С. Остин командовал вооруженными силами переселенцев. Передав командование генералу Сэму Хьюстону, он направился в США, чтоб заручиться их поддержкой в случае объявления Техасом независимости для покупки и переправки оружия, набору добровольцев и т.д. Во время пребывания С. Остина в США техасские войска одержали победу в войне: в мае 1836 г. независимость Техаса была признана Мексикой.

На выборах президента Республики Техас в сентябре 1836 г. С. Остин проиграл генералу С. Хьюстону, внесшему решающий вклад в победу Техаса в войне за независимость. Получил в его правительстве должность государственного секретаря, но пробыл на этом посту лишь два месяца, скончавшись от пневмонии.

В Техасе С. Остин считается героем, в его честь названа столица штата.

С. 49

доктрины Монро (1823 год)

Доктрина Монро (англ. Monroe Doctrine) – декларация принципов внешней политики США, провозглашенная 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании президента Джеймса Монро Конгрессу. Идею провозглашения американского континента зоной, закрытой для вмешательства европейских держав, предложил государственный секретарь Джон Куинси Адамс как ответ на планы Священного Союза восстановить испанское господство над латиноамериканскими колониями, объявившими о своей независимости.

В президентском послании был выдвинут принцип разделения мира на европейскую и американскую системы государственного устройства, провозглашена концепция невмешательства США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, невмешательства европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария. Декларируя свой нейтралитет по отношению к борьбе колоний Испании за независимость, США предупреждали европейские державы о том, что попытки их вмешательства в дела своих бывших колоний в Америке будет расцениваться как нарушение жизненных интересов США.

«Доктрина Монро» воспринималась в концентрированном виде как «Америка для американцев» и ее принципы рассматривались в мире, как право безраздельного контроля над Латинской Америкой,

хотя в послании президента формально не было даже намека на экспансионистские цели США. На протяжении почти двух столетий США применяли Доктрину именно как право на вмешательство. Несмотря на то, что в 2013 г. государственный секретарь администрации Барака Обамы Джон Керри заявил, что «эпоха доктрины Монро закончилась» и призвал к взаимному партнерству с другими странами Америки, американские политики не устают обращаться к ней. Так, например, советник по национальной безопасности Джон Болтон 3 марта 2019 г., описывая политику президента Дональда Трампа в Северной и Южной Америке, заявил: «В этой администрации мы не боимся использовать слова «Доктрина Монро»... Целью американских президентов, начиная с президента Рональда Рейгана, было создание полностью демократического полушария».

С. 50

Гутьеррес де-Лара

Ласаро Ильдефонсо Гутьеррес де Лара Саласар (исп. Lazaro Idefonso Gutierrez de Lara Salazar) (Монтеррей, Нуэво-Леон; 23.01.1870 г. – Шарик, Сонора; 18.01.1918 г.). Мексиканский юрист, журналист, писатель и профсоюзный лидер. Участник забастовки в Кананеа, предшествовавшей Мексиканской революции. Руководил еженедельником “Porvenir” и был одним из основателей газеты “Revolución”. В США установил контакты с Джоном Кеннетом Тернером и другими лидерами социалистов. Сопровождал Дж.К. Тернера в Мексику, когда тот собирал информацию для цикла статей «Варварская Мексика» в “American Magazine” (позже опубликованных в одноименной книге). Поддержал Франсиско Мадеро, за что лидер анархистов Рикардо Флорес Магон назвал его «перебежчиком от подлинной народной революции». Во время гражданской войны пропагандировал социалистические идеи. Опубликовал в США книгу «Мексиканский народ и его борьба за свободу» (“El pueblo mexicano y sus luchas por la libertad”, Los Angeles, 1914), переведенную на английский язык и изданную в Нью-Йорке (“The Mexican People: Their Struggle for Freedom”). Арестован за участие в забастовке горняков в Кананеа и расстрелян без суда.

Во главе этой экспедиции стал консервативный президент, известный авантюрист Санта Анна.

Антонио де Падуа Мария Северино Лопес де Санта-Анна-и-Перес де Леброн (исп. Antonio de Padua María Severino López de Santa Anna y Pérez de Lebrón; 21.02.1794, Халапа – 21.06.1876, Мехико), известный как просто «Санта-Анна» – мексиканский военный, государственный и политический деятель, генерал. Во время войны за независимость Новой Испании оставался в рядах роялистов, дослужившись до капитана. Перейдя в 1821 г. на сторону будущего императора Мексики А. де Итурбиде, сумел изгнать испанские войска из порта Веракрус и в награду был произведен в генералы. Позднее участвовал в свержении А. Итурбиде и был назначен новыми властями губернатором Юкатана. Руководил разгромом испанцев, попытавшихся в 1829 г. восстановить свою власть над Мексикой, после чего его нередко называли «Победителем при Тампико» и «Спасителем Родины». За 22 года 11 раз занимал пост президента Мексики (первый раз с 1.04.1833). В годы первого президентства А. Лопес де Санта-Анна распустил конгресс и начал постепенно превращать исполнительную власть в диктатуру, опирающуюся на военные круги. Во время его правления Мексика оказалась вовлечена в войну за независимость Техаса (1835-1836), в ходе которой сам президент попал в плен к сепаратистам, а также в американо-мексиканскую войну (1846-1848). В результате обеих кампаний страна потеряла значительную часть своей территории (часть Калифорнии и Техас). В 1855 г. А. Лопес де Санта-Анна был окончательно свергнут с поста президента и был вынужден провести остаток жизни в изгнании, занимаясь торговлей.

В 1848 году был заключен между Соединенными Штатами и Мексикой тяжелый для Мексики мир. Она потеряла почти половину своих территорий. Соединенные Штаты приобрели Калифорнию, Колорадо, Неваду, Новую Мексику, Аризону и Техас

По условиям договора Гуадалупе-Идальго США присоединили к себе Верхнюю Калифорнию, Новую Мексику и часть территории до р. Рио-Гранде. Вместе с Техасом и той территорией, которую американцы сумели в 1835 г. купить, это составило более половины довоенной территории Мексики (более 1,3 млн км²). На этой терри-

тории сейчас располагаются американские штаты Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, Колорадо и (частично) Вайоминг. Мексика в соответствии с договором получала 15 млн долл., а американское правительство брало на себя выплаты гражданам США, обладавшим финансовыми претензиями к Мексике (более 3 млн долл.). Договор также предусматривал признание прав мексиканских землевладельцев, но эта статья была исключена Сенатом США при ратификации соглашения.

ГЛАВА IV. БОРЬБА ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ

С. 52

Либеральная партия попрежнему оставалась организацией без прочной классовой базы.

Речь идет о политической группе, оппозиционной в отношении диктаторского и коррумпированного правительства генерала А. Лопеса де Санта-Анны, проигравшего войну против США. Под руководством губернатора одного из штатов Хуана Альвареса, антиправительственное движение стремительно переросло в революцию, свергнувшую президента в 1855 г. К власти пришли т.н. «пурос» (радикально настроенные либералы) во главе с Х. Альваресом, но после очередного государственного переворота бразды правления перешли в руки «модератос» (умеренных либералов) во главе с Игнасио Комонфортом. Его правительство ввело свободу печати, отменило регламентацию промышленности и внутренние таможи, провело через конгресс несколько антиклерикальных законов. Венцом деятельности этой либеральной группы стало принятие Конституции 1857 г., закрепившей основные политические, гражданские и социальные права и свободы мексиканцев и провозгласившей страну представительной, демократической и федеративной республикой. Правительство И. Комонфорта было свергнуто в результате организованного консервативными и клерикальными кругами переворота, после чего разгорелась гражданская война, победу в которой одержали либералы во главе с Бенито Хуаресом.

С. 53

Творцом этой конституции и этих законов являлись левые либералы, лидером которых стал знаменитый «адвокат», индейского происхождения, Бенито Хуарец.

Бенито Пабло Хуарес Гарсия (исп. Benito Pablo Juárez García;

21.3.1806-18.7.1872) – мексиканский политический и государственный деятель, 26-й президент Мексики. Нередко его называют «Мексиканским Джорджем Вашингтоном», проводя параллели с борьбой американских колонистов, отстаивавших независимость и проведших важные прогрессивные реформы.

Родился в бедной индейской крестьянской семье, рано остался без родителей и с детских лет работал. Научился читать и писать у католических священников, а потом сумел поступить в духовную семинарию и Институт наук и искусств, получив юридическое образование. Работал адвокатом, потом стал судьей, в 1847-1852 гг. являлся губернатором родного штата Оахака, участвовал в американо-мексиканской войне 1846-1848 годов.

Был вынужден эмигрировать после установления в Мексике консервативной диктатуры Санта-Анны в 1853 г. и несколько лет проработал на табачной фабрике в Новом Орлеане (США). С началом революции против Санта-Анны, вернулся на родину и вступил в армию Х. Альвареса, в 1855 г. стал министром юстиции, народного образования и церковных дел в правительстве либералов-«пурос», выступавших за ускорение экономического развития, справедливое распределение земли и богатств, секуляризацию церковного имущества, ликвидацию привилегий церкви и армии. Именно Б. Хуарес был инициатором «закона о реформе», по которому все граждане провозглашались равными перед законом, церковь отделялась от государства, а церковное имущество подлежало национализации. Активно участвовал в подготовке либеральной Конституции 1857 года.

После начала гражданской войны и отставки президента И. Комонфорта, будучи председателем Верховного Суда и вице-президентом, принял на себя полномочия президента. Несколько лет руководил силами либералов в гражданской войне, сумев добиться победы. В 1861 г. Б. Хуарес был легитимно избран президентом, и в том же году ему пришлось возглавить сопротивление мексиканского народа англо-франко-испанской интервенции. После нескольких лет тяжелых боевых действий армия Б. Хуареса одержала победу. Он был вновь избран президентом в 1867 г. и оставался на этом посту до самой смерти.

Свежа еще была память о чартистском движении, только что кончилась Крымская война, открывшая для Англии новые возможности на Ближнем Востоке, а индусское восстание 1857 года приковало ее внимание к азиатским делам

Чартистское движение

Чартистское движение – социально-политическое движение английских рабочих в 1836-1848 гг., выступивших с требованиями улучшения положения рабочих и защиты прав населения. Движение было начато из-за кризисов промышленности в 1825 и 1836 гг., когда тысячи рабочих оказались на улице без работы и средств к существованию. Чартисты добивались принятия «Народной Хартии» (что и дало название движению), реформы внутренней политики страны, предоставления избирательных прав. Движение не сумело добиться победы, однако впоследствии британские власти согласились на сокращение рабочего дня, частичное повышение зарплат и составление трудовых договоров с работниками.

Крымская война

Крымская война (Восточная война) (1853-1856 гг.) – крупный военный конфликт между Россией и коалицией Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства. В ходе конфликта боевые действия развернулись на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, на Камчатке и в низовьях Амура. Наибольший размах война получила именно в Крыму.

В начале 1850-х гг. российский император Николай I и российское общественное мнение выступали за необходимость освобождения балканских христианских народов от османского владычества, тогда как Великобритания и Австрия поддерживали Османскую империю. В то же время Великобритания хотела вытеснить Россию из Закавказья и с черноморского побережья Кавказа. Франция, в свою очередь, поддерживала англичан с целью взять реванш за проигрыш в войне 1812 г. и для укрепления личной власти императора Наполеона III.

Россия оккупировала Молдавию и Валахию (находившиеся под ее протекторатом), оказывая давление на турок, после чего Османская империя в 1853 г., а за ней Великобритания и Франция в 1854 г. объявили войну России. Десант союзников высадился в Крыму и осадил г. Севастополь – главную базу Черноморского флота России,

в 1855 г. сумел захватить его южную часть. В то же время союзники провалились в попытке штурма Николаева и были вынуждены отступить из первоначально захваченной ими крепости Кинбурн. Напротив, на Кавказском фронте, российские войска разгромили турецкую армию и овладели крепостью Карс.

18 (30) марта 1856 г. был подписан Парижский трактат между Россией, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией, с другой. Россия возвращала Турции крепость Карс взамен южной части Севастополя; были подтверждены автономия Сербии и Дунайских княжеств. Черное море и проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись нейтральными: открытыми для торгового мореплавания и закрытыми для военных судов, как прибрежных, так и всех прочих держав; вводился режим демилитаризации Черного моря (от него Россия отказалась в 1871 г.).

Индусское восстание 1857 года

Индийское народное восстание (восстание сипаев) (1857-1859 гг.) – выступление индийских солдат британской армии против колониальной политики англичан. Восстание вспыхнуло на севере от Бенгалии до Пенджаба и в Центральной Индии. В ряде районов его поддержали крестьяне, после чего армейское выступление превратилось в общенациональное движение. Повстанцам удалось захватить г. Дели, но позднее англичане восстановили контроль над городом и разгромили повстанцев. В то же время восстание положило конец власти Британской Ост-Индской компании и привело к ее замене прямым правлением английской короны.

С. 59

При таких обстоятельствах стало возможным то, что застрельщиком и лидером европейского империализма по отношению к Америке явилась тогда Франция: французской буржуазии нужны были колонии, а Наполеон III желал постоянными войнами отвлечь внимание французов от внутренних дел.

Наполеон III

Шарль Луи Наполеон Бонапарт (фр. Charles Louis Napoleon Bonaparte), именовавшийся Луи-Наполеон Бонапарт (Louis-Napoléon Bonaparte), позже – Наполеон III (Napoléon III; 20.04.1808 – 09.02.1873). Сын голландского короля Людовика Бонапарта и падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне. После смерти сына Наполеона – герцога Рейхштадского (Наполеона II), Луи Наполеон провозгласил себя преемником идей императора и предпринял ряд неудачных

попыток захватить власть, что обернулось для него годами изгнания и тюрьмы. После революции 1848 г. был избран депутатом, а затем президентом Французской Республики. Нарушив обещание передать власть своему преемнику, быть непоколебимо верным конституции, он 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот, через год после которого был провозглашен императором под именем Наполеона III.

Империя, опираясь на традиции бонапартизма, проводила агрессивную внешнюю политику, однако после успехов в Крымской и австро-итало-французской войнах для Франции начался период неудач. В 1861 г. Наполеон III, желая получить военную славу, предложил военную интервенцию в Мексику, явившуюся подражанием египетской экспедиции Наполеона I. Экспедиция потерпела фиаско в битве при Пуэбле, нанеся существенный урон репутации Франции. Император направил в Мексику новую экспедицию, которая первоначально добилась успеха и способствовала созданию Второй Мексиканской империи, опиравшейся на французские штыки. Однако французский экспедиционный корпус не выдержал сопротивления мексиканских республиканцев и покинул страну, оставив беззащитным императора Максимилиана.

В 1870 г. империя Наполеона потерпела сокрушительное поражение во франко-прусской войне, сам император попал в плен в ходе битвы под Седаном, а после заключения мира отправился в изгнание в Англию. После пленения Наполеона III в Париже произошла Сентябрьская революция, ликвидировавшая империю.

С. 59

Форай

Речь идет о генерале Эли Фредерике Форе (фр. *Élie-Frédéric Forey*, 10.1.1804, Париж – 20.06.1872 г.) – французском военачальнике и государственном деятеле, маршале Франции (с 1863 г.), участнике Крымской войны, сенаторе (1859-1870 гг.). С июля 1862 г. по 16 июля 1863 г. он командовал французским экспедиционным корпусом в Мексике, сумел завладеть столицей страны и способствовал установлению в стране правления императора Максимилиана (именно за это он и получил маршальский жезл). Одновременно Форе являлся полномочным посланником Франции в Мексике. После возвращения во Францию был назначен командовать армейским корпусом.

С. 60

Мирамон

Мигель Грегорио де ла Лус Атеногенес Мирамон и Тарело (29.09.1832 – 19.06.1867, Керетаро) – мексиканский военный и политический деятель, временный президент страны (от консерваторов) (02.02.1859 – 12.08.1860). Участник американо-мексиканской войны, он затем был активным деятелем конфликта между консерваторами и либералами. В декабре 1860 г., после вступления армии либералов в Мехико, Мирамон был вынужден бежать на Кубу, а оттуда – в Европу. Во Франции он вступил в переговоры с Наполеоном III о возможности установления монархии в Мексике. В 1863 г. Мирамон вернулся на родину в качестве маршала императора Максимилиана, которого Франция пыталась поставить во главе Мексики. Именно Мирамон до последнего убеждал Максимилиана не отречься от власти, а продолжать боевые действия. После вступления либеральной армии в Керетаро, Максимилиан и Мирамон были взяты в плен и расстреляны.

С. 63

Линкольн

Авраам Линкольн (англ. Abraham Lincoln) (12.02.1809 – 15.04.1865, Вашингтон) – американский политик, 16-й президент США (первый президент от Республиканской партии) (1861-1865). Будучи членом Палаты представителей конгресса США, выступал против американо-мексиканской войны, что стало одним из факторов его проигрыша в 1858 г., когда он баллотировался в Сенат. Один из инициаторов создания Республиканской партии. Его избрание президентом оказалось предлогом для отделения южных штатов США, провозгласивших создание Конфедерации. Не сумев предотвратить начало гражданской войны, Линкольн в то же время сумел добиться решительной победы федеральных властей над войсками Конфедерации и отмены рабства на территории США. По окончании войны он предложил план умеренной Реконструкции, намереваясь добиться национального согласия. В 1865 г. Линкольн был убит в результате покушения, оказавшись первым главой государства США, кто стал жертвой политического убийства.

С. 64

Хуан Н. Альмонте

Хуан Непомусено Альмонте (исп. Juan Nepomuceno Almonte, 15.05.1803 – 21.05.1869). Мексиканский политический и государственный деятель, дипломат, военный. В 1860-х гг. возглавлял консервативную партию.

Хуан Альмонте родился в штате Мичоакан, его отцом был Х.-М. Морелос, один из лидеров движения за независимость. Получив образование в США, он позднее входил в состав мексиканской делегации в Лондоне, которая добивалась установления добрососедских отношений с Англией, представлял интересы Мексики в республиках Южной Америки и Бразильской империи. Участник Техасской экспедиции, в ходе которой попал в плен к сепаратистам. Вернувшись в Мексику, был послом страны в Бельгии, военным министром в правительстве президента А. Бустаманте, потом – послом в США. После начала американо-мексиканской войны вновь стал военным министром, позднее участвовал в неудачной попытке переворота против президента Валентина Гомеса Фариаса и оказался в тюрьме, где пробыл вплоть до краха правительства В. Гомеса Фариаса. По окончании войны занимал ряд посольских должностей.

Будучи одним из лидеров консерваторов, участвовал в планах реставрации монархии в Мексике и подготовке с этой целью иностранной интервенции. В 1859 г. в Испании подписал пакт Монт-Альмонте, обещавший выплаты испанцам взамен на экономическую поддержку против мексиканских либералов. После начала французской интервенции Х.Н. Альмонте вернулся на родину вместе с французскими войсками. 23 июня 1861 г., после оккупации Мехико, он становится президентом правительственной хунты, которая 10 июля меняет свое название на «Регентство Мексиканской империи». Одновременно являлся министром иностранных дел и финансов. После прибытия Максимилиана I отправился в качестве посла во Францию, где и жил в изгнании после окончания интервенции и краха империи.

С. 64

Совет трех

Совет трех (триумvirат) был избран Хунтой из 35 нотаблей (назначенной французским генералом Форе). В состав триумvirата вошли Хуан Н. Альмонте, генерал Салас и архиепископ Лабастида.

Этот триумvirат осуществлял исполнительную власть и должен был созвать собрание из 215 нотаблей для определения окончательной формы правления в Мексике.

С. 65

Фердинанд-Максимилиан

Максимилиан I Мексиканский (Фердинанд Максимилиан Иосиф Мария Габсбург-Лотаринген) (нем. Ferdinand Maximilian Joseph Maria von Habsburg-Lothringen; исп. Fernando Maximiliano José María de Habsburgo-Lorena, 06.07.1832, Вена – 19.06.1867, Керетаро). Младший брат австрийского императора Франца Иосифа. Эрцгерцог Австрийский, Император Мексики с 10 апреля 1864 г. по 15 мая 1867 г.; получил титул и корону Императора при поддержке французского императора Наполеона III (1863 г.) В июне 1864 г. торжественно въехал в Мехико, где воздвиг императорский дворец на холме Чапультепек. Император фактически продолжал либеральный курс, несмотря на то, что на престол его возвели консервативные круги; он подтвердил национализацию церковных имуществ и остальные антицерковные законы Б. Хуареса; были декларированы свобода печати, обязательное среднее образование; за индейскими общинами было признано право на совместное владение землей. В то же время большинство жителей страны считало Максимилиана представителем интервентов и не подчинилось ему. После вывода французского экспедиционного корпуса из Мексики в марте 1867 г. Максимилиан безуспешно пытался создать собственную армию. Лично участвуя в боевых действиях, он был окружен под Керетаро, взят в плен и – несмотря на просьбы ряда европейских монархов, президента США Эндрю Джонсона, французского писателя Виктора Гюго сохранить ему жизнь – был расстрелян по приговору мексиканского военного трибунала.

С. 68

Пруско-датская и Пруско-австрийская войны

В современной историографии обе войны носят единое название – австро-датско-прусская война (февраль-октябрь 1864 г.) или Вторая Шлезвигская война. Это – вооруженный конфликт между Данией, с одной стороны, и Пруссией совместно с Австрией, с другой, за отделение приэльбских герцогств Шлезвига и Гольштейна от владений Датского королевства. Эта война стала первой из цикла германских войн, приведших к формированию Германской империи вокруг

Пруссии. По итогам Венского договора (30.10.1864) Дания отказалась от притязаний на Лауэнбург, Шлезвиг и Гольштейн. Они стали совместными владениями Пруссии и Австрии (Шлезвигом управляла Пруссия, Гольштейном – Австрия).

С. 68

Сьюард

Уильям Генри Сьюард (англ. William Henry Seward, 16.05.1801, Нью-Йорк-10.10.1872, Осборн). Окончил Юнион-колледж (1820), в течение 11 лет работал адвокатом, после чего занялся политикой. Сенатор штата Нью-Йорк (1831), губернатор штата (1839-1842), в 1849 г. избран в Сенат США от штата Нью-Йорк. В 1860 г. Сьюард был соперником Линкольна за право быть выдвинутым на президентский пост от Республиканской партии. Он придерживался экспансионистских взглядов, считая своим политическим учителем президента США Джона Адамса и разделяя его планы по формированию единства Северной Америки. В ходе борьбы за Белый дом выступил с речью, в которой утверждал, что латиноамериканцы, англичане и русские своей деятельностью в Новом Свете закладывают основы для будущих Соединенных Штатов Америки со столицей в Мехико. После победы Линкольн предложил ему пост государственного секретаря (1861), который он сохранил после гибели Линкольна в правительстве Э. Джонсона. Сьюард присоединил к США Русскую Америку.

ГЛАВА V. ДИКТАТУРА БЛОКА ПОМЕЩИКОВ И ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

С. 75

Порфирио Диас.

Хосе де ла Крус Порфирио Диас Мори (исп. José de la Cruz Porfirio Díaz Mori, 15.09.1830, Оахака – 02.07.1915, Париж). Мексиканский государственный деятель, временный президент страны с 21.09 по 06.12.1876, президент Мексики (05.05.1877 – 30.11.1880, 01.12.1884 – 25.05.1911).

Родился в бедной семье, наполовину – индеец. В шестнадцатилетнем возрасте, во время мексикано-американской войны, вступил в ряды милиции штата Оахака, но не успел принять участия в боевых действиях. Учился в Институте наук и искусств Оахаки, позднее преподавал там же латынь, затем, в поисках дополнительных зара-

ботков, трудился танцором болеро, занимался починкой винтовок, но в 1854 г. вернулся к преподаванию. Являлся учеником Б. Хуареса в области гражданского права, в 1854 г. стал дипломированным адвокатом. Во время выступлений против президента А. Лопеса де Санта-Анны присоединился к либералам, во время гражданской войны дослужился до полковника. Во время борьбы против иностранной интервенции отличился в битве при Пуэбле, за что получил звание бригадного генерала, позднее именно его отряды разгромили силы императора Максимилиана при Миауатлане и вступили в Мехико.

В начале 1870-х П. Диас выступил против Б. Хуареса и его премника Себастьяна Лердо де Техады, сверг С. Лердо, а в 1877 г. сам занял президентское кресло, на котором с некоторыми перерывами находился до 1911 г. Период правления П. Диаса по его имени получил название «Порфириат»): в стране формально действовала Конституция 1857 г. и проводились выборы, но власть неизменно оставалась в руках П. Диаса, установившего диктатуру.

Существенную роль в экономике и политике страны в годы «порфириата» играла группа т.н. «сьентификос» (исп. «ученые»), состоявшая из крупных чиновников, землевладельцев, некоторых буржуазных интеллектуалов. Группа придерживалась идеологии позитивизма и научных методов управления государством, ее лидером являлся министр финансов Хосе Лимантур. Политика была направлена на привлечение иностранного капитала и создание льгот для иностранных предпринимателей; политическим идеалом «сьентификос» было правление креольской олигархии, тесно связанной с заграничным капиталом, индейцев и метисов они рассматривали как низшую расу. Власти жестоко подавляли выступления индейского населения ряда штатов, недовольного аграрной политикой П. Диаса. Не менее суровые репрессии обрушились на рабочее движение, а уровень жизни населения в целом снизился, менее 20% мексиканцев умели читать и писать, системы медицинского обслуживания практически не существовало, средняя продолжительность жизни не превышала 30 лет, рабочий день достигал 12 часов в сутки (без выходных), забастовки и профсоюзы были запрещены, пенсии не выплачивались.

В то же время власти активно строили железные дороги и телеграфные линии, создавали новые предприятия, добились серьезного притока иностранных инвестиций.

Очередное избрание в 1910 г. П. Диаса президентом вызвало се-

рьезное противостояние, а противник Диаса на выборах, лидер либеральной и демократической оппозиции Франсиско Мадеро призвал к революции. В 1911 г. бывший диктатор был вынужден покинуть страну и умер в эмиграции во Франции.

С. 76

город Бронзвиль (в Техасе)

Речь идет о городе Браунсвилл (англ. Brownswill) – 15-м по величине городе в Техасе и 129-м (на данный момент) в США, самом южном городе штата.

С. 77

Вильям Пирсон (теперешний лорд Коудрей)

Речь идет об **Уитмане Дикинсоне Пирсоне** (первом виконте Коудрей) (англ. Weetman Dickinson Pearson, 1st Viscount Cowdray, 1856-1927), известном нефтепромышленнике и владельце строительной фирмы. В 1880-е гг. его фирма активно занималась строительством в Великобритании и США, а затем получила контракт на создание канала для осушения заболоченных почв в Мехико и ряд контрактов на строительство железных дорог. Усилия Пирсона в области нефтедобычи в стране привели к тому, что к 1914 г. страна вышла на третье место в мире по добыче «черного золота» (фирма Пирсона контролировала при этом 60% нефтедобычи). В 1919 г. почти все нефтепредприятия Пирсона были проданы фирме «Шелл». Член британского парламента от Либеральной партии. В 1894 г. – баронет, с 1910 г. – барон Коудрей (в Сассексе), с 1917 г. – виконт Коудрей.

С. 77

Лимантур

Хосе Ивес Лимантур (исп. José Yves Limantour; 1854, Мехико-1935, Париж). Министр финансов в правительстве П. Диаса. Сумел добиться притока иностранных инвестиций, поддерживал свободную торговлю, обеспечил сбалансированность бюджета и его профицит. Однако, несмотря на успехи мексиканской экономики, широкие слои населения столкнулись с ростом цен на продукты питания. После начала революции Х. Лимантур эмигрировал во Францию.

С. 77

«Спеер и К⁰» (Нью-Йорк—Лондон)

Шпейер и К⁰ (Дом Шпейера) (англ. Spreyer & Co (The House of Spreyer). Один из владельцев банкирского дома, Джеймс Джозеф Шпейер (англ. James Joseph Spreyer) (22.07.1861, Нью-Йорк – 31.10.1941, Нью-Йорк), родился в еврейской семье, эмигрировавшей из Германии в США. Образование получил во Франкфурте и работал сначала во франкфуртском отделении банкирского дома Шпейеров, а затем в Нью-Йорке. В 1899 г. возглавил семейную фирму, будучи в это время близким другом германского кайзера Вильгельма. Бизнес «Дома Шпейера» приравнивали по величине к капиталу Дж. П. Моргана. Шпейер к 1899 г. фактически контролировал Центральную и Южную Тихоокеанскую железные дороги, сотрудничал с железнодорожными компаниями в Мексике, Великобритании, на Филиппинах. После начала Первой мировой войны начался упадок его бизнеса. В 1938 г. Джеймс Шпейер отошел от дел, а через год прекратило деятельность и нью-йоркское отделение фирмы банкиров Шпейеров.

С. 77

«Партии ученых»

«Съентификос» (исп. “Los Cientificos”) – группа советников П. Диаса, придерживавшихся технократических взглядов и выступавших за модернизацию страны. Эти взгляды стали популярны после основания Габино Барредой (последователем философа Огюста Конта) в Мехико Национальной подготовительной школы, из которой вышли многие мексиканские лидеры. Считая коренное население неспособным к модернизации страны, члены группы пытались копировать европейский опыт, привлекать в страну европейский капитал для создания противовеса американским инвестициям и колонию из Старого Света. Они пытались совместить либеральную идею политической свободы с консервативным требованием порядка и стабильности.

Группу возглавлял тесть П. Диаса Ромеро Рубио, а после его смерти в 1895 г. – Х. Лимантур. «Съентификос» были представителями верхнего слоя среднего класса: юристы, журналисты, чиновники. Своим положением члены группы были обязаны исключительно президенту П. Диасу, у них не имелось поддержки ни в армии, ни в органах власти мексиканских штатов. Немалая часть «съентификос» была коррумпирована; только через группу можно было приобрести выгодные концессии.

В то же время в литературе роль «сэنتификос» нередко преувеличивается. Влияние группы распространялось в основном на Мексику, она являлась лишь частью элиты, а ее мнение для П. Диаса не всегда было решающим.

С. 79

Нетцлин

Нетцлин (Нетцлин), Эдуард (1848-1935). Директор, вице-президент (1909-1911), президент (1911-1915), почетный президент Парижско-Нидерландского банка, член правления Русско-Китайского банка (1896-1910), председатель совета Русско-Азиатского банка (1910-1911). По совету американского банкира Джейкоба Шиффа, считавшего Мексику перспективной для инвестиций, несколько раз посетил ее и в один из приездов учредил там Национальный банк.

С. 79

Франко-египетский банк

Франко-египетский банк был основан в 1870 г. по инициативе Луи-Рафаэля Бишофсхайма во время финансового кризиса в тесно тогда связанном с Францией Египте (половину капитала предоставил хедив Исмаил-паша). Банк финансировал ряд крупных проектов, включая строительство Эйфелевой башни. После слияния с Французско-Южноафриканским банком стал именоваться в 1901 г. Французским банком промышленности и торговли. В 1922 г. его приобрел Национальный кредитный банк (предшественник BNP Paribas).

С. 81

Антонио Манеро

Антонио Манеро (Маньеро) (исп. Antonio Manero) (1885, Толука или Юкатан; 1964, Мехико). Мексиканский политик, сторонник конституционалистов (с 1913 г.), в то же время сначала выступал против революции, начатой Ф. Мадеро против порфириата. В 1923 г., по утверждениям ряда авторов, поддержал делауэртистский мятеж против А. Обрегона и П. Элиаса Кальеса.

Один из создателей Банка Мексики и Банка Труда, в 1920 и 1943 гг. был избран в Палату депутатов Мексики. Автор ряда работ: «Прежний режим и революция» (1911) (явная аллюзия с работой Алексиса де Токвиля), «Что такое революция» (Веракрус, 1915), «Банковская революция в Мексике. Вклад в историю кредитных

учреждений Мексики» (1957). Несмотря на почти десяток опубликованных работ (в том числе – первой (!) работы по истории революции 1910-1917 гг.), почти не упоминается в историографии. Это вызвано, прежде всего, тем, что Манеро занял поначалу резко критическую в отношении Ф. Мадеро позицию. В то же время он, вопреки утверждению С. Пестковского, не являлся апологетом П. Диаса в полной мере.

С. 84

Мендиэта-и-Нуñez

Лусио Мендиета и Нуñez (исп. Lucio Mendieta y Nuñez) (11.02.1895, Мехико?). Окончил Национальный университет Мексики (бакалавр права). С 1921 г. возглавлял департамент народонаселения, бюро антропологии министерства сельского хозяйства и развития. Руководитель Института социальных исследований в бюро народонаселения министерства сельского хозяйства и развития (с 1934 г.), затем возглавлял Институт социальных исследований Национальной революционной партии (1935), директор журнала «Социальная политика». Советник департамента гражданского общества (1936). Директор «Мексиканского социологического журнала» с 1939 г. Президент Мексиканского аграрного института.

С. 88

«Большой круг свободных рабочих»

«Большой круг свободных рабочих» (Gran Círculo de Obreros de México) был создан в 1871 г., в его рядах состояло до 15 тыс. наемных работников с анархистскими взглядами. Но С. Пестковский, по-видимому, имеет в виду группу с одноименным названием – Gran Círculo de Obreros, созданную после стачки 1903 г. в Рио-Бланко. В 1906 г. она была основана при участии представителей Мексиканской Либеральной партии. Ее председателем стал член МЛП Хосе Нейра. Группа публиковала газету «Революсьон социаль», обличая церковь и правительство и требуя рабочего самоуправления и социальной революции.

С. 88

братьями Флорес-Магон.

Рикардо Флорес Магон (16.09.1873, Элохочитлан, Мексика – 21.11.1922, Ливенворт, США), Мексиканский анархист и деятель мексиканской революции. Анархистами были и его братья Энрике и

Хесус. Рикардо и Энрике издавали газету «Рехенерасьон» («Возрождение»), критиковавшую диктаторский режим П. Диаса и основали Мексиканскую Либеральную партию (несмотря на название, она была анархо-коммунистической и добивалась всеобщего равенства и уничтожения частной собственности) (1901 г.). Спасаясь от преследований со стороны властей, в 1904 г. Р. Флорес Магон эмигрировал в США. Приветствовал Октябрьскую революцию, назвал Ленина «наиболее яркой революционной фигурой в мире». В 1918 г. был осужден американским судом за антивоенную пропаганду на 20-летнее тюремное заключение и умер в тюрьме (есть версия, что его убили тюремные охранники).

Последователей братьев Флорес Магон называли магонистами. Имя Р. Флореса Магона высечено на Стене почета в зале заседаний Палаты депутатов конгресса вместе с именами Сапаты, Каррансы, Панчо Вильи, Мадеро, Обрегона, Карденаса.

С.88

Кананео в штате Сонора

Забастовка на медных рудниках в Кананео летом 1906 г. явилась одним из самых известных выступлений рабочих страны. Около 20 тыс. мексиканских трудящихся, получавших почти вдвое меньше американских работников Cananea Consolidated Copper Company, под влиянием агитаторов-анархистов бросили работу, требуя одинаковой заработной платы и увольнения ряда мастеров и менеджеров. Охранники-американцы, пытавшиеся остановить забастовщиков, открыли огонь и были почти тут же убиты. Забастовщики захватили оружейный склад, но почти сразу были разгромлены вызванной владельцами компании сотрудниками частной охранной фирмы из Аризоны, а затем – мексиканскими властями. В результате погибло около 20 человек, стачка считается прологом к мексиканской революции 1910-1917 гг.

ГЛАВА VI. ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1910 ГОДА

С. 96 сноски

Один из мексиканских литераторов этого времени, Роке Эстрада,

Роке Эстрада Рейносо (исп. Roque Estrada Reynoso) (16.08.1883, Сакатекас – 27.11.1976, Мехико). Мексиканский юрист, журналист и писатель. В 1904 г. создал небольшую социалистическую партию в

Гвадалахаре. В 1906 г. получил степень на факультете права в Университете Гвадалахары и в 1909 г. был одним из активистов президентской кампании Ф. Мадеро, вместе с ним был арестован в том же году. Позднее, после возвращения Мадеро из эмиграции, стал его секретарем. В 1914 г. являлся личным секретарем Венустиано Каррансы. В 1914-1915 г. Роке Эстрада командовал 2-й кавалерийской бригадой и дослужился до звания бригадного генерала. В 1915 г. являлся временным губернатором штата Агуаскальентес, а затем – в 1915-1916 гг. – министром юстиции. В 1920 г. – кандидат в президенты Мексики. В 1920-1922 г. – депутат мексиканского парламента от штата Сакатекас. В 1923 г. вместе с братом Энрике поддержал мятеж Адольфо де ла Уэрты против А. Обрегона и П. Элиаса Кальеса, после провала мятежа был вынужден эмигрировать, вернулся на родину только в 1929 г. С 1935 г. являлся секретарем по прессе Национально-революционной партии. С 1942 г. – судья, с 1952 г. – председатель Верховного суда Мексики.

С. 98

Франциско Мадеро.

Франсиско Игнасио Мадеро Гонсалес (исп. Francisco Ignacio Madero González) (30.10.1873, Коауила – 22.02.1913, Мехико). Мексиканский политик и государственный деятель. Выходец из семьи крупного землевладельца, окончил иезуитский колледж и Калифорнийский университет в Беркли. С 1904 г. – убежденный противник диктатуры П. Диаса. В 1908 г. организовал Антиреэлекционистскую партию, выступавшую против переизбрания П. Диаса на пост главы государства. Был одним из кандидатов на президентских выборах 1910 г., подвергся аресту, но сумел бежать, провозгласил результаты выборов недействительными и призвал народ страны к восстанию. В мае 1911 г., после свержения П. Диаса, стал президентом страны (6.11.1911 – 12.12.1913). Умеренно-либеральная политика вызывала недовольство как со стороны радикального крыла революционеров (прежде всего, крестьянского лидера Э. Сапаты), так и со стороны консерваторов. Ф. Мадеро был свергнут в результате переворота генерала Викторiano Уэрты 18.12.1913. Был расстрелян вместе с вице-президентом Пино Суаресом.

И вот «шеф революции» Франциско Мадеро в своей революционной платформе, называемой «План Сан-Луис де-Потоси», обещает уже нечто и мексиканским крестьянам.

План Сан-Луис Потоси – ключевой политический документ мексиканской революции, написанный Ф.И. Мадеро после его побега из тюрьмы и опубликованный 5 октября 1910 г. В нем содержался призыв аннулировать сфальсифицированные результаты выборов, якобы подтверждавшие избрание П. Диаса президентом, провозгласить Ф.И. Мадеро временным президентом и призвать мексиканский народ к восстанию 20 ноября 1910 года. Это стало началом мексиканской революции и краха порфириата.

Франциско Вилья

Панчо Вилья (исп. Pancho Villa) или Франсиско Вилья (исп. Francisco Villa) (наст. Хосе Доротео Аранго Арамбула (исп. José Doroteo Arango Arámula (05.06.1878, штат Дуранго – 20.07.1923, Парраль, штат Чиуауа). Один из наиболее известных революционных генералов и лидеров крестьянских повстанцев во время мексиканской революции 1910-1917 гг.

Родился в крестьянской семье и с детских лет работал. После того как один из сыновей хозяина изнасиловал старшую сестру Хосе, он застрелил хозяина и бежал в горы, где жил вне закона. В 1905 г. присоединился к вооруженному отряду крестьян, который вел борьбу против местных помещиков, полиции и федеральной армии. После смертельного ранения главы отряда Франсиско Вилья принял его имя, став Франсиско Вильей II.

Либерал Абрахам Гонсалес, представитель Ф.И. Мадеро, убедил Ф. Вилью в 1909 г. примкнуть к силам антиреэлекционистов. Во время революции не имевший образования Ф. Вилья проявил себя как талантливый военачальник, сумел создать дивизию хорошо обученных солдат. В мае 1911 г. его и Паскуаля Ороско отряды овладели Сьюдад-Хуаресом на границе, что позволило силам революционеров получать оружие и боеприпасы из США и начать наступление против П. Диаса. После свержения президента Ф. Мадеро в ходе переворота

В. Уэрты, Вилья сохранил верность смещенному главе государства и создал т.н. «Северную дивизию», которая объединила свои силы с

Конституционалистской армией Венустиано Каррансы. Отряды Вильи 1 октября 1913 г. овладели г. Торреон, разгромив армию В. Уэрты, что означало перелом в ходе боевых действий. Вскоре силы Ф. Вильи взяли под контроль почти весь штат Чиуауа, губернатором которого он стал.

США использовали расстрел в лагере Ф. Вильи британского землевладельца У. Бентона (за попытку покушения на жизнь революционного военачальника) как предлог для интервенции в Мексику и захвата порта Веракрус в 1914 г.

В том же году, после победы над В. Уэртой, между В. Каррансой и Ф. Вильей возникли серьезные противоречия: крестьянский лидер требовал углубления социальных реформ и решения аграрного вопроса, тогда как руководитель конституционалистов придерживался умеренной позиции. Созванный для примирения сторон Конвент командиров революционных армий (Мехико – Агуаскальентес) призвал Ф. Вилью и В. Каррансу подать в отставку, а временным президентом был избран генерал Эулалио Гутьеррес. В. Карранса не признал этого решения и перебрался со своими отрядами в Веракрус, после чего Ф. Вилья был назначен главнокомандующим и получил поручение разгромить В. Каррансу. К концу года его отряды, скоординировав свою деятельность с армией Э. Сапаты, заняли Мехико. После этого Ф. Вилья начал боевые действия против каррансистов на севере, а Э. Сапата – на юге и в центре страны. На территориях, которые контролировали отряды Ф. Вильи и Э. Сапаты, проводилась земельная реформа.

В 1915 г. крестьянские отряды потеряли столицу и потерпели ряд серьезных поражений от рук посланного В. Каррансой генерала А. Обрегона, Ф. Вилья был вынужден перейти к партизанским действиям, а также предпринял ряд антиамериканских акций, после того как США помогли А. Обрегону. В ответ президент США В. Вильсон направил в Мексику карательную экспедицию под командованием генерала Джона Першинга. Она, однако, не сумела пленить Вилью.

После свержения В. Каррансы в 1920 г. Ф. Вилья достиг компромисса с временными властями Мексики и отошел от революционной борьбы. В 1923 г. он и несколько его соратников были застрелены в штате Чиуауа. Большинство историков убеждены, что за организацией убийства стоял генерал П. Элиас Кальес, с ведома президента страны А. Обрегона.

Паскуаль Ороско,

Паскуаль Ороско Васкес (исп. Pascual Orozco Vazquez, 28.01.1882, Сан-Исидоро-20.08.1915, Эль Пасо). Военный и политический лидер периода революции 1910-1917 гг. С ноября 1910 г. поддерживал революционное движение Ф.И. Мадеро, его отряд нанес поражение армии П. Диаса в Чиуауа, ставшее первой серьезной победой повстанцев. Не получив после победы Ф. Мадеро серьезного правительственного поста (он рассчитывал на пост военного министра или губернатора Чиуауа), Ороско подал прошение об отставке. В марте 1912 г. поднял восстание против президента, обвинив того в невыполнении обещания о проведении земельной реформы, но вскоре был разбит армией В. Уэрты и перешел к партизанским действиям. После мятежа В. Уэрты и гибели Ф. Мадеро Ороско пришел к соглашению против конституционалистов с руководителем переворота и был назначен бригадным генералом, потребовав при этом гарантий проведения земельной реформы. Военная кампания отрядов П. Ороско против конституционалистов и вильистов оказалась неудачной, его силы были рассеяны, хотя сам он смог избежать плена и расстрела.

Летом 1915 г. Ороско планировал новое восстание против конституционалистов при поддержке В. Уэрты, с которым должен был встретиться на американо-мексиканской границе, около г. Эль-Пасо. Оба они были арестованы американскими властями по обвинению в нарушении нейтралитета США. Ороско удалось бежать, но через несколько недель он был застрелен преследовавшим его американским отрядом.

ГЛАВА VII. РАЗГАР КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕКСИКЕ

Из истории крестьянских движений в разных странах мы знаем, что обычно они носили местный характер благодаря условиям крестьянской жизни. Только там, где крестьянское движение находилось под руководством какого-либо другого общественного класса, оно принимало национальный характер. Так было во Франции в 1789 году.

С такой оценкой автором роли и места крестьянского движения во

время Великой французской революции трудно согласиться. Крестьянские восстания, усилившиеся после событий 14 июля 1789 г. в Париже, несомненно, способствовали обострению классовой борьбы во французской деревне. Весь ход Великой Французской буржуазной революции 1789-1794 гг. сопровождался непрерывным крестьянским движением, вылившимся в подлинную «крестьянскую революцию» — один из важнейших элементов революционных потрясений. Борьба крестьян сочетала пассивные и активные методы, но носила стихийный характер. Буржуазия пыталась учесть интересы крестьян при принятии законов, стремясь расположить к себе крестьянство, составлявшее большинство населения и развернуть противостояние феодалам. Однако эти два сегмента населения не сумели гармонизировать свои стремления и интересы, крестьяне не заметили серьезных улучшений для себя после краха монархии. Значительная часть крестьян в Вандее и вовсе выступила против революции: под роялистскими знаменами и руководством феодалов и католического духовенства.

С. 108

Викториано Хуэрта

Уэрта Ортега, Хосе Викториано (исп. José Victoriano Huerta Ortega; 1850-1916). Мексиканец индейского или метисного происхождения. Выбрал службу в армии как возможность избежать нищеты. Получил стипендию для обучения в Военной академии, где отлично учился. Президент Б. Хуарес, посетив академию, вручил ему награду и сказал: «Родина многого ожидает от индейцев, получивших такое образование, как Вы». Во время порфириата дослужился до звания генерала. Вышел в отставку в 1907 г. по состоянию здоровья и преподавал математику. После свержения П. Диаса В. Уэрта поддержал правительство Ф.И. Мадеро и вел борьбу с его противниками (такими, как П. Ороско). Вступил в заговор против Мадеро, поддержанный послом США. 18 февраля 1913 г. возглавил государственный переворот, в ходе которого были убиты Ф.И. Мадеро и вице-президент П. Суарес. В. Уэрта стал временным президентом страны. После отказа В. Уэрты провести демократические выборы США изменили свое отношение и высадили войска в Веракрус, чтобы лишить диктатора возможной помощи со стороны Германии. Против диктатуры выступили армии В. Каррансы, А. Обрегона, Ф. Вильи и Э. Сапаты, но на его сторону перешел П. Ороско. 8 июля 1914 г.,

после нескольких поражений от Конституционной армии В. Каррансы и А. Обрегона и повстанцев Ф. Вильи, В. Уэрта подал в отставку и бежал в Англию, затем в Испанию и США. Вел переговоры с кайзеровским правительством, надеясь с его помощью вернуться к власти. 27 июня 1915 г. вместе с П. Ороско был арестован в США по обвинению в нарушении американского нейтралитета и умер в тюрьме. В мексиканском общественном сознании считается предателем революции, тираном и убийцей.

С. 115

Маркец Стерлинг

Карлос Мануэль Агустин Маркез Стерлинг-и-Лорет де Мола (исп. Carlos Manuel Agustín Márquez Sterling-y-Loret de Mola; 28.08.1872, Лима – 09.12.1934, Вашингтон). Кубинский дипломат, политик, журналист, писатель и шахматист. Посол Кубы в Мексике и США, министр иностранных дел Кубы в 1933-1934 гг. Во время августовской революции 1933 г. на Кубе выступил против президента Х. Мачадо. В течение нескольких часов исполнял обязанности Президента Кубы (18.01.1934 г.), после чего передал полномочия Карлосу Мендиете. Был назначен послом Кубы в США, добился отмены поправки Платта.

С. 116

«Дом рабочих мира»

Дом рабочих мира (исп. Casa del Obrero Mundial) (до 1913 г. назывался Дом рабочих), анархо-синдикалистская организация, действовавшая в Мексике во время революции 1910-1917 г. Основан в июле 1912 г. на базе анархистской группы «Лус» по инициативе колумбийского анархиста Х.Ф. Монкалеано. Руководителями «Дома» были Антонио Диас Сото-и-Гама, Л. Гутьеррес де Лара, Селестино Гаска, Росендо Саласар и некоторые другие. Лидеры Дома, провозгласив профсоюзы основной формой организации рабочих, отрицали политическую борьбу. Дом рабочих мира издавал газету «Лус» («Свет»). Под влиянием Дома в Мексике возникло несколько крупных профсоюзных организаций. Вскоре участники организации разошлись во взглядах с умеренным правительством Ф. Мадеро и подверглись репрессиям. С приходом к власти В. Уэрты Дом возобновил свою деятельность, но вскоре выступил против диктатуры, и

его деятельность была запрещена (1914). В 1915 г. руководители Дома поддержали правительство конституционалиста В. Каррансы и участвовали в формировании рабочих «красных батальонов» для противостояния крестьянским армиям Ф. Вильи и Э. Сапаты. Осенью 1915 г. деятельность Дома рабочих мира была вновь разрешена правительством, а «красные батальоны» стали его главной опорой в рабочем движении, однако после их роспуска деятельность Дома прекратилась (январь 1916 г.).

С. 117

П. Кропоткин—«Завоевание хлеба»

Речь идет о книге российского анархиста П.А. Кропоткина «Хлеб и воля», основу которой составили статьи, написанные для французских газет. Книга была впервые опубликована во Франции в 1892 г. под названием «Завоевание хлеба». На русском языке опубликована в 1902 г. В этом труде Кропоткин резко критикует феодализм и капитализм как источники бедности и дефицита, выступает за децентрализацию экономической системы, в основу которой должны лечь взаимопомощь и добровольное сотрудничество. Автор являлся сторонником социальной революции на основе анархического коммунизма, полной ликвидации эксплуататорской собственности.

С. 117

Макс Нордау—«Конвенциональная ложь цивилизации».

Макс Нордау (нем. Max Nordau, настоящее имя Симха Меер (Симон Максимилиан) Зюдфельд (нем. Simon Maximilian Südfeld) (1849, Венгрия – 1923, Франция). Сын раввина, в 18-летнем возрасте стал строгим натуралистом и сторонником эволюционной теории. В 1874 г. изменил фамилию на Нордау. Работал врачом и одновременно был корреспондентом нескольких ведущих европейских газет. Известность Нордау принесли работы по политическим и экономическим прогнозам развития общества на ближайшее столетие. Пожалуй, самым известным его произведением стало «Вырождение» (Entartung, 1892), в котором он предпринял оригинальную попытку интерпретации «заката Европы», критикуя с моральных позиций «дегенеративное искусство», порожденное урбанистической цивилизацией. Разделял идеи Ломброзо.

Книга «Обычная ложь нашей цивилизации» была опубликована в 1883 г. В ней Нордау критиковал несоответствие институтов XIX в. потребностям человека, особо резкой критике в книге подверглись организованные сообщества, религия. Этот труд был запрещен в России и Австро-Венгрии, тем не менее, оказался переведен на множество языков и выдержал более 70 изданий.

Нордау «считал себя немцем и только немцем», но под влиянием антисемитского «дела Дрейфуса» и знакомства с Теодором Герцлем стал участником и теоретиком сионистского движения, призывавшего к переселению евреев на «историческую родину», в Палестину (в тот момент – часть Османской империи).

Останки М.Нордау в 1926 г. были перевезены в Тель-Авив.

С. 119

Феликс Диас, племянник знаменитого диктатора, поднял знамя контрреволюционного восстания в штате Вэра-Круц.

Феликс Диас Прието (исп. Félix Díaz Prieto; 1868-1945). Военный инженер, генерал. При режиме П. Диаса – генеральный инспектор полиции Мехико, депутат конгресса, консул в Чили. Критиковал влияние в правительстве группы «сьентификос», поддерживая их противника – генерала Бернардо Рейеса, претендовавшего на пост вице-президента (П. Диас не принял его кандидатуру и Б. Рейес отправился в изгнание). Предложение назначить на этот пост Ф. Диаса также было отвергнуто диктатором. После свержения П. Диаса и его изгнания остался в Мексике и 12 октября 1912 г. поднял восстание против Ф.И. Мадеро, подавленное правительственными войсками. Ф. Диас был приговорен к смертной казни за государственную измену, но президент заменил приговор пожизненным заключением. В то же время в заключении находился и генерал Б. Рейес. В 1913 г. вместе с Б. Рейесом Ф. Диас вновь выступил против Ф.И. Мадеро. Б. Рейес погиб при штурме Национального дворца, но Ф. Диас продолжал сопротивление. При посредничестве посла США заключил соглашение с В. Уэртой для прекращения кровопролития (Пакт посольства (Pacto de la Embajada). В. Уэрта был назначен временным президентом, пообещав поддержать кандидатуру Ф. Диаса на выборах, но не сдержал слова, отправив Ф. Диаса послом в Японию. Затем тот находился в изгнании – в США и на Кубе. Выступил против лидера конституционалистов В. Каррансы. Вернувшись в Мексику в

мае 1916 г., возглавил Национальную армию реорганизации (Ejército Reorganizador Nacional). В 1917 г. Ф. Диас руководил восстанием против правительства В. Каррансы, потерпел поражение и отступил на юг страны. После свержения Каррансы он стремился заключить мир с режимом сонорских генералов – А. Обрегона и П. Элиаса Кальеса. Получив разрешение покинуть страну, Диас вновь отправился в изгнание в США. На родину он смог вернуться только в 1937 г. по приглашению президента Карденаса.

С. 120

«Господину Генри Лейн-Вильсону, послу Соединенных Штатов в Мексике,

Генри Лейн Вильсон (англ. Henry Lane Wilson; 03.11.1857, Кроуфордсвилль-22.12.1932, Индианаполис) – американский юрист, журналист и дипломат, сын посланника США в Венесуэле. Посланник США в Чили (1897-1904), Бельгии (1905-1909) и посол в Мексике (1909-1913, в тот момент это была единственная страна, где американский дипломат имел ранг посла). Активно участвовал в февральском перевороте 1913 г. против правительства Ф.И. Мадеро, в ходе которого президент был свергнут и убит. Именно американский посол сумел свести воедино противников Мадеро. После того как президент США В. Вильсон вступил в должность (в марте того же года), он, узнав о характере деятельности Г. Лейна Вильсона, отозвал того с поста посла в Мексике. Кроме того, В. Вильсон был недоволен позицией посла в пользу признания В. Уэрты, на что новый глава государства был не готов пойти.

С. 122

президента Тафта».

Тафт, Уильям Говард (англ. William Howard Taft; 15.09.1857, Цинциннати – 08.03.1930, Вашингтон) – 27-й президент США (1909-1913), 10-й председатель Верховного суда США (1921-1930). Был избран президентом в 1908 г. как преемник Теодора Рузвельта, но при попытке переизбрания в 1912 г. проиграл демократу Вудро Вильсону. В 1921 г. был назначен председателем Верховного суда и занимал эту должность почти до самой смерти.

С. 122

Генерал Бланкет

Аурелиано Бланкет (исп. Aureliano Blanquet; 31.12.1849, Морелия – 07.04.1919) – генерал федеральной армии во время мексиканской революции 1910-1917 гг.

В 18-летнем возрасте присоединился к республиканской армии, ведшей осаду г. Керетаро, который удерживали силы императора Максимилиана I. После пленения Максимилиана был в составе расстрельного взвода, казнившего экс-императора и его генералов Мигеля Мирамона и Томаса Мехию. При диктатуре П. Диаса Бланкет сделал блестящую карьеру, дослужившись от капитана до генерала. Один из руководителей подавления восстания индейцев-мая в Юкатане в 1890-х гг. В 1911-1912 гг. активно защищал правительство П. Диаса во время революции, потом, уже служа под началом В. Уэрты, успешно подавил выступление П. Ороско против правительства Ф.И. Мадеро. В 1913 г. при диктатуре В. Уэрты назначен военным министром, повышен в звании до дивизионного генерала и одновременно назначен на пост морского министра. Позднее был назначен В.Уэртой на пост вице-президента. После краха военной диктатуры, подал в отставку и покинул Мексику вместе с В. Уэртой. В 1914 г. вернулся и неудачно пытался поднять восстание против В. Каррансы в Пуэбле. Потерпев поражение, бежал на Кубу. В 1919 г. вернулся в Мексику, чтобы присоединиться к мятежу Ф. Диаса против В. Каррансы и вскоре был убит в стычке с правительственной армией в штате Веракрус.

С. 122

прибыл из Толюки

г. Толука – столица штата Мексика.

Толука (официальное название Толука-де-Лердо, исп. Toluca de Lerdo) (в 1861 г. первоначальное название Толука было изменено в честь президента Себастьяна Лердо де Техады). Столица штата Мексика. Город расположен в одном из наиболее развитых промышленных регионов Мексики, где производятся продукты питания, металлы, станки и автомобили, бумажная и печатная продукция.

Генерала Ангелеса

Фелипе Анхелес Рамирес (исп. Felipe Ángeles Ramírez; 13 июня 1868, Закуалтипан, штат Идальго – 26 ноября 1919, Чиуауа). Родился в семье фермера – ветерана американо-мексиканской войны, участвовавшего в свержении императора Максимилиана. Окончил Военную академию (1892). В звании полковника направлен во Францию для изучения современной артиллерии. За усовершенствование французского полевого орудия был награжден орденом Почетного легиона (1911). Директор Военной академии в Чапультепеке (исп. Heróico Colegio Militar; 1912-1913). Бригадный генерал (1912). По приказу президента Ф.И. Мадеро сражался с сапатистами в штате Морелос (1912). После переворота В. Уэрты был арестован, отправлен в изгнание во Францию (1913). Вернулся в Мексику и присоединился к силам В. Каррансы в Соноре. Военный министр, затем – заместитель военного министра в правительстве конституционалистов. Из-за разногласий с В. Каррансой назначен командовать артиллерией Северной дивизии, став одним из ближайших соратников Ф. Вилье. Летом 1915 г. после поражения войск вильев бежал из Мексики и поселился в изгнании в Техасе. В 1918 г. нелегально вернулся на родину и присоединился к Ф. Вилье, безуспешно пытался убедить его в необходимости прекратить боевые действия и летом 1919 г. покинул того. Был арестован правительством В. Каррансы и приговорен к смертной казни.

Тут же Вильсон предложил, со всей соответствующей моменту торжественностью, чтобы господин Кологан

Бернардо Хасинто де Кологан-и-Кологан (исп. Bernardo Jacinto de Cologan y Cologan; 13.01.1847, Пуэрто де ла Оротава, Канарские острова – 30.07.1921, Мадрид). Испанский дипломат. В возрасте 18 лет был назначен переводчиком в испанскую миссию в Греции, с 1868 по 1871 гг. – секретарь испанской миссии в Константинополе. В 1894 г. назначен полномочным посланником в Пекин. С февраля 1907 г. по 1914 г. занимал пост испанского посла в Мексике. Во время «трагической декады» американский посол Г. Лейн Вильсон давил на дипломатический корпус, чтобы тот потребовал отставки президента Ф.И. Мадеро и хотя Кологан не вполне согласился с ар-

гументами Лейна Вильсона, он выполнил предложенную ему американцем миссию. Позднее испанское правительство перевело Кологана на пост посла в Аргентине, что стало его последней дипломатической должностью.

С. 125

Отказ только что вступившего в должность президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона

Томас Вудро Вильсон (англ. Thomas Woodrow Wilson; 28.12.1856, Стонтон – 03.02.1924, Вашингтон). Американский политик, историк и политолог, 28-й президент США (1913-1921). Лауреат Нобелевской премии мира 1919 года, присужденной ему за миротворческие усилия. Доктор философии в области истории и политологии (университет Джонса Гопкинса), преподавал в ряде американских университетов и написал «Историю американского народа» в пяти томах. В 1902-1910 гг. – ректор Принстонского университета. Губернатор штата Нью-Джерси в 1910-1912 гг. В 1912 г., победив на выборах У. Тафта, был избран президентом США.

В течение 1914-1917 гг. В. Вильсон удерживал страну от вступления в Первую мировую войну и даже предложил свои услуги в качестве посредника, но воюющие стороны не отнеслись к его предложениям серьезно. В. Вильсон завоевал симпатии пацифистски настроенных американцев, утверждая, что гонка вооружений приведет к втягиванию США в войну. В то же время Вильсон активно выступал против развязанной Германией подводной войны, в 1916 г. выдвинул немцам ультиматум о ее прекращении, а также отправил в отставку своего пацифистски настроенного госсекретаря Брайана. Германия согласилась с требованиями Вильсона, после чего тот потребовал у Великобритании ограничить морскую блокаду Германии, что привело к осложнению англо-американских отношений.

Во время второго президентства В. Вильсона США вступили в Первую мировую войну (1917) и активно участвовали в мирном урегулировании. Президент США призвал «объявить войну, чтобы закончить все войны» – это означало, что он хотел заложить основы для мира без войн, предотвратить будущие катастрофические войны. Эти намерения послужили основой для «Четырнадцати пунктов» Вильсона, которые были разработаны и предложены с целью решить территориальные споры, обеспечить свободную торговлю, создать

организацию по поддержанию мира (которая позже появилась как Лига Наций). Он оказался первым президентом США, посетившим с официальным визитом Европу (для участия в работе Парижской мирной конференции), а его предложения были положены в основу Версальского договора. Вильсон был одним из инициаторов создания Лиги Наций, однако американский Сенат отказался одобрить вступление страны в эту организацию.

При администрации В. Вильсона США продолжили регулярно вмешиваться в дела латиноамериканских государств, прежде всего, Мексики, Гаити, Кубы, Панамы. США ввели войска в Никарагуа и использовали их для поддержки одного из кандидатов в президенты страны, затем вынудили их заключить соглашение Брайана – Чамorro. Американские войска в Гаити вынудили местный парламент выбрать кандидата, поддержанного Вильсоном, и оккупировали Гаити с 1915 по 1934 гг.

ГЛАВА IX. КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

С. 126

Венустиано Карранца,

Венустиано Карранса де ла Гарса (исп. Venustiano Carranza de la Garza, 1859-1920). Мексиканский политик и революционер. Выходец из помещичьей семьи, был избран сенатором в 1901 году. После начала революции 1910-1917 гг. поддержал Ф. Мадеро, который, став президентом, назначил того губернатором Коауилы (1911 г.). Не признав переворот В. Уэрты в 1913 г., губернатор объявил себя «верховным главнокомандующим» Конституционалистской армии. После захвата силами генерала А. Обрегона столицы в 1914 г. он не стал провозглашать себя президентом, так как в этом случае не смог бы участвовать в президентских выборах и предпочел сохранить пост верховного главнокомандующего. Против его власти боролись как сторонники диктатора В. Уэрты, так и крестьяне-сапатисты, но конституционалисты нанесли им несколько серьезных поражений. Укрепившееся правительство Каррансы было в 1915 г. признано большинством стран полушария. В феврале 1917 г. была принята Конституция, а позднее, после состоявшихся выборов, В. Карранса занял пост главы государства. По утверждению индийского революционера, основателя компартии Мексики Манабендры Нат Роя, в 1919 г. президент встречался с назначенным генеральным консулом

РСФСР в Мексике М. Бородиным, и хотя двусторонние отношения восстановлены тогда не были, достаточно благосклонно отнесся к миссии посланца советского государства. 8 апреля 1920 г. противники В. Каррансы (недовольные тем, что он пытался навязать на выборах кандидатуру своего преемника), в том числе А. Обрегон, свергли президента, бежавшего на юг страны. Свергнутый глава государства был убит в ночь на 21 мая, а дата его смерти считается официальным концом мексиканской революции.

С. 126

губернатор штата Коауила

Коауила (исп. Coahuila de Zaragoza), полное наименование: Свободный и Суверенный Штат Коауила-де-Сарагоса (исп. Estado Libre y Soberano de Coahuila de Zaragoza) – штат на севере Мексики, на границе с США (третий по площади штат после Чиуауа и Соноры). Граничит с США (на севере) и штатами Мексики: Сакатекас (на юге), Сан-Луис-Потоси (на юго-востоке), Дуранго (на юго-западе), Нуэво-Леон (на востоке) и Чиуауа (на западе). Главная река штата – Рио-Гранде, которая здесь носит название Рио-Браво, формирует естественную границу с США. После достижения Мексикой независимости в 1821 г. из провинций Новая Бискайя и Новая Эстремадура был образован департамент Коауила и Техас, который в 1824 г. был, в соответствии с новой федеральной конституцией, преобразован в штат. В 1830-е гг. губернатор Коауилы и Техаса федералист Агустин Вьеска был вынужден уйти в отставку, а потом – арестован. В 1836 г. Техас провозгласил независимость от Мексики, что был вынужден признать президент А. Санта-Анна. В 1840 г. Коауила на короткое время стала частью сепаратистской Республики Рио-Гранде. После присоединения Техаса к США и американо-мексиканской войны Коауила окончательно потеряла свои территории за р. Рио-Гранде.

Во время порфириата в штате получила развитие горная промышленность, однако экономическая модернизация не принесла выгоды большинству населения, живущему в нищете. Именно в Коауиле начались волнения, ставшие началом мексиканской революции 1910-1917 гг. Из этого же штата родом был лидер конституционалистов Венустиано Карранса. Во время революции и гражданской войны территория Коауилы неоднократно становилась театром военных действий.

Альваро Обрегона

Альваро Обрегон Салидо (исп. Álvaro Obregón Salido, 19.02.1880, Сикисива, Навохоа, штат Сонора – 17.07.1928, Мехико). Родился в ирландско-мексиканской семье (фамилия Обрегон – испанизованная ирландская фамилия О’Брайен). В детстве работал на семейной ферме. Закончив начальную школу, работал токарем на сахарном заводе, занимался торговлей обувью, сельским хозяйством. Изобрел комбайн для уборки нута и основал завод по производству этих комбайнов. В 1911 г. был избран президентом муниципалитета Уатабампо. После отставки П. Диаса поддержал президента Ф.И. Мадеро, а после свержения последнего в 1913 г. стал – вместе с В. Каррансой – одним из лидеров повстанцев-конституционалистов. Платил своим солдатам из личных средств. В сентябре 1913 г. был назначен командующим повстанческими силами штатов Сонора, Синалоа, Дуранго, Чиуауа и Нижняя Калифорния. После побега в 1914 г. В. Уэрты и его преемника Карвахала из страны и занятия повстанцами Мехико А. Обрегон провозгласил В. Каррансу временным президентом Мексики и возглавил армию нового правительства. После того, как Карранса не смог достичь компромисса с Вильей и Сапатай, армия Обрегона начала войну с последними, нанеся им ряд тяжелых поражений. В сражении 5 июня 1915 г. у Тринидада и Санта-Ана-дель-Конде Обрегону оторвало снарядом руку.

В марте 1916 г. Обрегон был назначен военным и морским министром, позднее участвовал в разработке Конституции 1917 г., основал Национальную школу пилотов, Академию Генерального штаба и Школу военной медицины. 30 апреля 1917 г. подал в отставку, собираясь вернуться на ранчо. Но 1 июня 1919 г. при поддержке Мексиканской рабочей партии (Partido Laborista Mexicano) Луиса Моронеса выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах. 23 апреля 1920 г. В. Карранса был отстранен от должности. Временный президент Адольфо де ла Уэрта провел президентские выборы, на которых победил А.Обрегон.

Будучи главой государства, провел аграрные (в штатах Мексика и Морелос) и антиклерикальные реформы, создал первое в истории страны министерство просвещения во главе с известным философом Хосе Васконселосом. Пытаясь сохранить баланс политических сил в

стране, он распорядился об амнистии Франсиско Вилье и Сатурнино Седильо в обмен на прекращение боевых действий и содействие стабильности страны, предоставил им земельные наделы и семенной фонд. В то же время глава государства проявлял авторитарные тенденции во внутренней политике, вызывавшие протесты даже недавних союзников.

А. Обрегону удалось добиться признания со стороны США, пойдя на уступки в торговых отношениях в вопросах сельского хозяйства и нефти, получить помощь от Вашингтона в подавлении мятежа де ла Уэрты (1923 г.).

После избрания президентом П. Элиаса Кальеса, Обрегон вернулся к занятиям сельским хозяйством, часто посещал крупные города США, но не оставлял совсем без внимания и политику, встречаясь с президентом и министрами. На фоне растущего недовольства политикой Элиаса Кальеса личность Обрегона становилась все более популярной в армии, среди крестьян и католиков. В январе 1927 г. в конституцию Мексики были внесены изменения, позволявшие переизбрание, после чего Обрегон принял участие в выборах президента как единственный кандидат. Он был избран, но до инаугурации 17 июля 1928 г. был убит студентом – противником антиклерикальной политики правительства.

С. 128

Обрегон, Кайе, Саенц, Кандидо, Агвилаяр

После революции в Мексике установился режим «революционного каудильизма», опиравшийся на концепцию надклассового единства, но фактически выражавший интересы средней и мелкой буржуазии. В становлении этой системы власти и идеологии «революционного каудильизма» решающую роль и сыграли «генералы Соноры» – А. Обрегон (президент в 1920-1924) (см. биографическую справку выше) и П. Элиас Кальеса (президент страны в 1924-1928).

П. Элиас Кальес (исп. Plutarco Elías Calles, 25.09.1877, Гуаймас, Сонора – 19.10.1945, Мехико). Внебрачный сын мексиканца из обедневшего знатного ливанского рода и крещенной сефардки. Сменил несколько разных профессий: от бармена до школьного учителя. Активный сторонник революционера Ф.И. Мадеро, с 1915 г. – генерал, возглавил армию конституционалистов штата Сонора. Губернатор штата Сонора, в котором осуществлял политику индустриализа-

ции, вкл. развитие инфраструктуры, провел в жизнь законодательство, обеспечившее социальные гарантии рабочим, активно выступал против католической церкви. В 1919 г. президентом Каррансой был назначен министром торговли, промышленности и труда. В 1920 г. принял участие в перевороте, в ходе которого Карранса был свергнут с поста главы государства. Новым президентом, Обрегеном, назначен министром внутренних дел. Был близок к Мексиканской Лабористской партии. В 1924 г. Кальес, при поддержке крестьянских объединений, реформистской Региональной конфедерации мексиканских рабочих (исп. Confederación Regional Obrera Mexicana – КРОМ) и МЛП, политического рупора КРОМ, был избран президентом.

При П. Элиасе Кальесе обострились отношения Мексики с США, оно было вызвано отказом от «Соглашения Букарели» (1923), не позволявшего национализировать иностранные нефтяные компании. Оценка американцами режима Кальеса как «просоветского» укрепилась после установления Мексикой дипломатических отношений с СССР (1924) и оказания ею поддержки Армии защиты национального суверенитета Никарагуа генерала А.С. Сандино.

Позднее, однако, Кальесу удалось наладить контакты с президентом США Калвином Кулиджем и обеспечить проведение переговоров между мексиканским правительством и нефтяными компаниями при посредничестве американского посла Дуайта Морроу.

При президентстве Кальеса незаконнорожденным детям были предоставлены равные права с рожденными в браке. Правительство стремилось улучшить здравоохранение и гигиену в стране, считая здоровье граждан важным для экономического развития. Было создано Министерство общественного здравоохранения, введен санитарный кодекс, предписывавший, в частности, обязательную вакцинацию. Правительство выделяло больше средств на сельское образование, строительство школ. Важной целью сельского образования являлась интеграция коренного населения в национальное государство, обучение испанскому языку стало неотъемлемой частью государственного образования.

Важной частью политики президента оставалась борьба с церковью. 14 июня 1926 г. Кальес ввел в действие антиклерикальный закон, запрещавший религиозные ордена, лишавший церковь прав собственности, а священников – гражданских прав, в т.ч. права на

рассмотрение их дел судом присяжных (по делам, касавшимся нарушения антиклерикальных законов) и права голоса на выборах. Воинствующий атеизм главы государства вызвал ненависть к нему католиков и привел к гражданской войне («Восстанию кристерос»), в которой погибло до 250 тыс. человек.

В годы правления П. Элиаса Кальеса была принята поправка к конституции, позволявшая переизбрание на пост президента через один или несколько сроков и открывшая дорогу для переизбрания в 1928 г. Обрегона.

Однако после убийства победившего кандидата в том же году Кальес во избежание вакуума власти провозгласил себя «Верховным руководителем» (*Jefe Máximo*), положив начало режиму «Максимата» (исп. *Maximato*, 1928-1934), при котором президенты Эмилио Портес Хиль, Паскуаль Ортис Рубио и Абелардо Родригес являлись марионетками Кальеса, занимавшего пост военного министра. В период «Максимата» была запрещена компартия Мексики и разорваны дипломатические отношения с СССР (1930), прекращена помощь Армии защиты национального суверенитета Никарагуа, подавлялось забастовочное движение, правительство перестало перераспределять земли среди бедных крестьян. Из-за жесткой антиклерикальной политики властей были разорваны отношения с Ватиканом, и еще сильнее развернулось восстание «кристерос».

В 1929 г. Кальес основал Национально-революционную партию, впоследствии переименованную в Партию мексиканской революции, а затем – в Институционно-революционную партию, которая правила в Мексике более 70 лет и до сегодняшнего дня остается участником политической жизни страны.

Конец режиму «Максимата» положил президент Ласаро Карденас, избранный при поддержке П. Элиаса Кальеса, но отказавшийся чуть позже подчиняться его указаниям. В апреле 1936 г. бывший «верховный руководитель» вместе с генеральным секретарем КРОМ Луисом Н. Моронесом был депортирован в США. После возвращения в страну с разрешения президента Мануэля Авила Камачо (1941) в политической жизни не участвовал, но в 1942 г. поддержал объявление Мексикой войны странам Оси.

Аарон Саенс

Саенс Гарса, Аарон (исп. Saenz Garza, Aarón, 01.06.1891, Монтеррей, Нуэво-Леон – 28.02.1983, Мехико). Мексиканский государственный деятель. Участник революции 1910-1917 гг. Член генерального штаба генерала А. Обрегона (1913-1916). Секретарь, военный и военно-морской министр (1916), бригадный генерал (1924). Посол Мексики в Бразилии (1918), заместитель министра иностранных дел (1920-1924), министр иностранных дел (1924-1927). Специальный посланник для переговоров по договору о торговле и мореплавании с Японией (1924), для подписания конвенции о претензиях между Мексикой и Германией (1925), для подписания договора об экстрадиции между Мексикой и Кубой (1925). Посол со специальной миссией на Кубе на инаугурации президента Кубы Х. Мачадо (1925). Избран губернатором штата Нуэво-Леон (1927), кандидат в президенты (1929). Министр народного образования (1930), промышленности, торговли и труда (1930-1931). Президентом Л. Карденасом был назначен губернатором Федерального округа Мехико (15.12.1932 – 17.06.1935). Покинув этот пост в 1935 г., Саенс основал сахарную корпорацию и быстро произвел революцию в производстве сахара в стране. Он также был известен как «король мексиканского сахара», какое-то время фактически владел монополией на сахарную промышленность Мексики. Генеральный директор Национальной ассоциации сахара, директор Национальных железных дорог, президент Сахарного банка, Национальной ассоциации производителей алкоголя, Мексиканской ассоциации туризма.

Кандидо Агилар

Агилар Варгас, Кандидо (исп. Candido Aguilar Vargas, 23.02.1889, Веракрус – 20.03.1960, Мехико). Мексиканский политический деятель, дивизионный генерал. Зять В. Каррансы. Его первые политические шаги были предприняты в рамках «мадеризма», хотя до этого был читателем газеты братьев Флорес Магон «Рехенерасьон». Входил в Партию противников переизбрания. В 1910 г. возглавил восстание против диктатуры П. Диаса в штате Веракрус. После контрреволюционного переворота В. Уэрты в феврале 1913 г. присоединился к конституционалистскому движению, возглавляемому Каррансой. Активно участвовал в боевых действиях, в т.ч. против сапатистов в Морелосе и был назначен командующим силами кон-

ституционалистов в Веракрусе. Во главе первой восточной дивизии взял несколько городов, в т.ч. Тукспан, где основал столицу местного революционного правительства, обложил налогом всю собственность мексиканцев, а также нефтяные компании. Губернатор Веракруса (1914-1916). Издал в штате важные и революционные законы, в т.ч. первый в Мексике закон о труде. Предотвратил высадку десанта с эскадры адмирала Флетчера. Депутат Учредительного собрания от Веракрус, вице-председатель Учредительного собрания Мексики (декабрь 1916 – январь 1917 гг.). Министр иностранных дел в правительстве Каррансы (13.03-30.11.1916 г. и 04.02-10.11.1918). В 1916 г. активно участвовал в организации сопротивления интервенции США, направив резкую ноту протеста государственному секретарю в связи с незаконными действиями американских войск. После убийства Каррансы был вынужден эмигрировать в США из-за того, что был членом его семьи и отказался поддержать Обрегона. Вернулся в Мексику и в 1923 г. присоединился к движению сторонников А. де ла Уэрты. Был выслан из страны и смог вернуться на родину только в 1939 г., благодаря амнистии Л. Карденаса. Депутат и сенатор от штата Веракрус. 1 февраля 1949 г. президент М. Алеман назначил Агилара командующим только что учрежденного Почетного Легиона, одной из задач которого являлось чтить солдат и тех, кто достойным образом вносит вклад в формирование нации или защищает национальный суверенитет и независимость, закрепленные в Конституции. 30 октября 1950 г. вышел в отставку, при этом подверг критике президента за коррупцию и влияние на предвыборную борьбу. Основал Партию Революции, насчитывавшую почти 30 тыс. членов, которая стремилась принять участие в выборах 1952 г., чтобы отстаивать идеалы Мексиканской революции. Снял свою кандидатуру в пользу генерала Мигеля Энрикеса Гусмана и Федерации народных партий Мексики, которая вместе с другими организациями (Мексиканской конституционалистской партией Франсиско Х. Мухики и Коммунистической партией) противостояли Адольфо Руису Кортинесу, кандидату на пост президента от правящей ИРП. Фальсификация итогов выборов спровоцировала крупные протесты, жестоко подавленные властями. К. Агилар был заключен в тюрьму по обвинению в разложении общества, а затем депортирован на Кубу.

С. 129

Хохутля

Хохутля (исп. Jojutla) – город и административный центр одноименного муниципалитета штата Морелос. В 1873 г. поселение получило статус города.

С. 131

Тогда в Вашингтоне, по инициативе и под влиянием правительства Соединенных Штатов, в кабинете статс-секретаря Лансинга

Роберт Лансинг (англ. Robert Lansing, 17.10.1864, Уотертаун, штат Нью-Йорк – 30.10.1928, Нью-Йорк). Американский юрист, специалист по международному праву. Участвовал в нескольких международных арбитражах между США и Великобританией, Россией. Государственный секретарь США в администрации В. Вильсона (1915-1920 гг.). Выступал за доброжелательный нейтралитет по отношению к Антанте, а затем и за участие США в войне против Германии. В 1919 г. возглавлял американскую делегацию на Парижской мирной конференции.

С. 134

Один из рабочих лидеров—Антонио Сото-и-Гама покинул столицу, примкнул к Сапате и стал вскоре одним из лидеров этого движения.

Антонио Диас Сото-и-Гама (исп. Antonio Díaz Soto y Gama, Сан-Луис-Потоси, 23.01.1880 – Мехико, 14.03.1967). В начале XX в. был связан с группой Р. Флореса Магона, Мексиканской либеральной партией (Partido Liberal Mexicano), сотрудничал с газетой братьев Магон «Ихо дель Ауисоте». В августе 1911 г. вместе с Р.Флоресом Магоном он помог основать партию-преемницу, «Либеральную партию» (Partido Liberal), став секретарем и вице-президентом Либерального клуба «Пончиано Арриага». Был арестован, а затем отправлен в изгнание в США. В Эль-Пасо издавал либеральную газету «Социальная реформа». В 1913 г. присоединился к сапатистскому движению. Его участие съезде в Агуаскальентесе (1914 г.) во многом способствовало принятию Плана Айялы. Сото-и-Гама сотрудничал с Домом рабочих мира. После убийства Сапаты некоторое время продолжал сотрудничать с его преемником, а затем

присоединился к движению Обрегона, которого считал «исполнителем идей Эмилиано Сапаты». Основатель (13 июня 1920 г.) и лидер Национальной аграрной партии (Partido Nacional Agrarista). Четырежды избирался членом Палаты депутатов Мексиканского конгресса от НАП (1920-1928). Во время президентства Л. Карденаса служил в Министерстве сельского хозяйства. С конца 1930-х гг. заведовал кафедрой истории и сельскохозяйственного права Университета Мексики, а также работал газетным обозревателем.

Один из немногих крупных деятелей мексиканской революции 1910-1917 гг., умерших естественной смертью.

С. 135

Уже после единогласного принятия этой резолюции один из агентов Каррансы (Др. Атль) в решительных словах потребовал от собравшихся поддержать «карранцистов».

Доктор Атль (исп. Dr. Atl) – псевдоним мексиканского писателя и художника Херардо Мурильо (исп. Gerardo Murillo, 1875-1964). В 1897 г. он получил стипендию правительства П. Диаса и правительства штата Халиско для обучения в Европе, посетил Англию, Францию, Германию, Италию и Испанию, изучал философию в Римском университете и право в Сорбонне, посещал семинары на кафедре Эмиля Дюркгейма, слушал лекции по психологии и теории искусства Анри Бергсона. В Италии вступил в Социалистическую партию и работал в газете «Аванти». В Париже занимался журналистикой и живописью. Награжден серебряной медалью за автопортрет на Парижском салоне 1900 г. В 1902 г. получил в Париже прозвище «Доктор Атль» (на языке ацтеков Atl означает «вода»). По возвращении в Мексику работал реставратором коллекций живописи Академии Сан-Карлос. В 1906 г. опубликовал манифест с требованием создания нового, подлинно мексиканского искусства. В 1911 г. во второй раз отправился в Европу, где проходили выставки его работ. В Париже редактировал газеты художественных объединений «Аксьон д'Арт» и Международной Лиги художников и писателей. Вернувшись в 1913 г. на родину, активно включился в политическую борьбу. 28 июля 1914 г., по поручению Каррансы, убедил Э. Сапату присоединиться к войскам конституционалистов. После революции Доктор Атль был назначен директором Академии Сан-Карлос. После убийства Каррансы в мае 1920 г. был лишен поста и занимался

живописью и публикацией книг. В 1926 г. избран президентом Лиги американских писателей. Во время восстания «кристерос» сочувствовал антиклерикальному движению. В 1930-е гг. увлекся фашизмом и национал-социализмом и открыто поддерживал режимы Муссолини и Гитлера. В 1956 г. Сенатом Мексики Доктор Атль был награжден медалью Белисарио Домингеса. Лауреат Национальной премии за заслуги в области изобразительного искусства (1958 г.).

С. 138

Как лидер этой новой организации видную роль начинает играть бывший рабочий-электротехник Люис Моронес.

Люис Наполеон Моронес Негрете (исп. Luis Napoleón Morones Negrete, 1890-1964). Родился в семье рабочих-текстильщиков, окончил начальную школу, с 17 лет работал электромонтером. Во время революции 1910-1917 гг. участвовал в деятельности Дома рабочих мира (1913 г.), в создании Мексиканского профсоюза электриков (1915), присоединившегося к ДРМ. Один из основателей и первый генеральный секретарь Федерации профсоюзов Федерального округа. Был сторонником «конституционалистов» во главе с Каррансой, который искал в рабочем движении опору против популярных крестьянских вождей – Э. Сапаты и Ф. Вильи. Для этого генерал конституционалистов А. Обрегон заключил с профсоюзами Мехико соглашение, в ходе реализации которого стали формироваться «красные батальоны». Л.Н. Моронес, назначенный управляющим национализированной телеграфной и телефонной компании Мехико, выступил против этого решения, считая Обрегона и Каррансу лишь временными союзниками. После победы Обрегона над Вильей в 1915 г. пришедший к власти Карранса отказался от поддержки рабочих. После участия электриков во всеобщей забастовке в Мехико (1916 г.) Дом рабочих мира был закрыт, стачка объявлена предательством и президент пригрозил смертной казнью ее организаторам. Моронес, благодаря помощи Обрегона избежал расправы, но был заключен в тюрьму, а затем отправился в ссылку.

В 1916 г. лидер Американской Федерации труда Сэмюэль Гомперс пригласил мексиканских рабочих-лидеров Л.Н. Моронеса и Доктора Атля в Эль-Пасо, чтобы обсудить возможность участия Мексики в Первой мировой войне на стороне Антанты. Рабочие лидеры двух стран помогли разрешить кризис, вызванный убийством

на границе и захватом в плен американских солдат: они способствовали освобождению пленных и тем помогли предотвратить интервенцию США, которой угрожал президент Вильсон. В 1918 г. Моронес стал одним из основателей Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ) и ее генеральным секретарем (1918-1936). Он поддержал переворот «сонорских генералов» против президента В. Каррансы, помог А. Обрегону победить на президентских выборах и был назначен директором государственных военных заводов.

После Первого Национального социалистического конгресса (1919) Моронес, олицетворявший реформистско-националистическую линию в профсоюзном движении, создал политическое крыло КРОМ – Мексиканскую лабористскую партию и ее печатный орган «Соль». Будучи избранным в Палату депутатов Мексики, проводил линию на посредничество между рабочим классом и властью.

После поддержки Н. Моронесом Элиаса Кальеса во время антиправительственного мятежа А. де ла Уэрты (1923), лидер КРОМ был назначен министром промышленности, торговли и труда (1924-1928), стал автором «нефтяного закона» 1925 г., направленного на усиление государственного контроля за эксплуатирующим недра страны иностранным капиталом и предписывавшего иностранным нефтедобывающим компаниям переоформить свои концессионные договора.

Продолжая возглавлять КРОМ, Моронес использовал свой государственный пост не только для удовлетворения отдельных экономических требований рабочих (например, введения обязательных коллективных договоров на предприятиях, запрета штрейкбрехерства, подписания отраслевого тарифного соглашения в текстильной промышленности), но и для ослабления конкурирующих профсоюзов и противодействия забастовочной активности.

Он вел решительную борьбу против анархо-синдикалистской Всеобщей конфедерации трудящихся, преследовал католические профсоюзы, добился высылки из страны многих леворадикальных активистов, расправлялся с политическими противниками, разгромил независимое стачечное движение.

Перед выборами 1928 г., на которых снова баллотировался А. Обрегон, Моронес выступил против его кандидатуры, заявив, что КРОМ не будет сотрудничать с его режимом. После победы Обрегона на выборах и его убийства Моронес и другие лидеры Лаборист-

ской партии были постепенно отстранены от участия в правительстве.

Совмещая профсоюзную и правительственную деятельность, лидеры КРОМ значительно обогатились. С. Пестковский справедливо писал, что Моронес «является ловким политическим спекулянтом», относится к людям, разбогатевшим на революции.

Влияние Моронеса стало особенно ослабевать после раскола Конфедерации в 1932 г. В июне 1935 г. Моронес принял участие в попытке государственного переворота, предпринятой Элиасом Кальесом против президента Карденаса. В апреле 1936 г. руководитель КРОМ был арестован и выслан из страны вместе с бывшим президентом и несколькими его сторонниками. Жил в США, выступая с критикой Карденаса. Через несколько лет вернулся в Мексику, где продолжал оказывать влияние на деятельность уже утратившей прежнее влияние КРОМ.

ГЛАВА X. БОРЬБА НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛОВ С ИНОСТРАННЫМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

С. 145

Я получил следующую инструкцию от статс-секретаря, господина Брайена:

Уильям Дженнингс Брайан (англ. William Jennings Bryan; 19.03.1860, Сейлем, штат Иллинойс – 26.07.1925, Дейтон, штат Теннесси). Американский политик и государственный деятель, юрист, представитель популистского крыла Демократической партии. В 1890 г. избран в конгресс США от ДП. Кандидат в президенты США в 1896, 1900 и 1908 гг. Поддержал В. Вильсона на выборах 1913 г., после его победы был назначен государственным секретарем. Накануне первой мировой войны предложил план разрешения международных конфликтов путем арбитража и заключил 28 договоров с различными странами, по которым в случае возникновения конфликта между этой страной и США споры должны решаться через арбитраж. «Пацифизм» Брайана вступил в противоречие с антигерманской позицией США и привел к его отставке в 1915 г.

морская эскадра под командой адмирала Флетчера уже открыла враждебные действия, заняв порт Вэра-Круц.

Фрэнк Фрайди Флетчер (англ. Frank Friday Fletcher, 23.11.1855 – 28.11.1928). Окончил Военно-морскую академию в Аннаполисе (1875 г.), адмирал ВМФ США. Служил на различных военных судах и участвовал в кругосветном плавании на судне «Тикондерога» (1878-1881 гг.). Работал в Бюро боеприпасов, командовал первым торпедным катером ВМФ и разработал первую доктрину торпедной войны ВМФ. Затем он служил на линкоре «Мэн», торпедной базе, помощником начальника Артиллерийского управления, командиром яхты, геодезического судна, В 1905 г. принял командование крейсером «Роли», служил в Главном управлении ВМФ, командовал линкором «Вермонт». Весной 1910 г. получил звание контр-адмирала. С 1912 по 1914 гг. командовал дивизионами линейных кораблей Атлантического флота. В апреле 1914 г. Флетчер возглавлял силы ВМС США во время высадки в Веракрус, Мексика. Награжден высшей наградой вооруженных сил США, Медалью Почета «за выдающееся поведение в бою». В 1914-1915 гг. – командующий Атлантическим флотом, затем – член Объединенного совета армии и военно-морского флота и совета военной промышленности. Награжден медалью ВМС за выдающиеся заслуги во время Первой мировой войны. Вышел в отставку в 1919 г.

Его племянник – **Фрэнк Джек Флетчер** (англ. Frank Jack Fletcher, 29 апреля 1885 – 25 апреля 1973) также получил Медаль Почета за действия при Веракрусе (спас беженцев – граждан США, приняв их во время боя на борт корабля). Во время Второй мировой войны принимал участие в ряде операций против Японии, в августе 1942 г. назначен Командующим экспедиционными силами Союзников в Битве за Гуадалканал. В 1947 г. получил звание адмирала.

под общим командованием известного генерала Першинга.

Джон Джозеф Першинг («Блэк Джек») (англ. John Joseph Pershing; 13.09.1860, близ Лэклейда, штат Миссури – 15.07.1948, Вашингтон). Окончил Военную академию в Вест-Пойнте (1886), участвовал в операциях против апачей и сиу. Преподавал военное дело в

Университете Небраска-Линкольн (1891-1895), где параллельно получил юридическое образование. Во время испано-американской войны участвовал в сражениях на Кубе и Филиппинах. В 1901 г. участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае. В 1905 г. Теодор Рузвельт присвоил Першингу звание бригадного генерала (минуя при этом 3 звания). Военный атташе США в Японии (1905), наблюдатель в Маньчжурии во время русско-японской войны. Военный наблюдатель на Балканах (1908). Губернатор провинции Моро (Филиппины, 1909-1912). С января 1914 г. командовал бригадой в Форт-Блисс (Техас). Руководил в 1916-1917 гг. экспедицией в Мексике. Одним из предлогов для американского вторжения была поимка Вильи, бойцы которого захватили поезд с американскими золото-промышленниками и расстреляли их, а затем вторглись в Колумбус, где ограбили почту и банк, убили 14 американцев (это было первое вторжение иностранных войск на территорию США со времен «Второй войны за независимость» в начале XIX в.). Направляя экспедиционный корпус в Мексику, президент Вильсон имел в виду, что этот опыт пригодится в случае войны с Германией. Дж. Першинг поклялся привезти Вилью в клетке в Вашингтон, но, несмотря на несколько успехов, одержать победу над вильистами не смог. Действия корпуса носили жестокий, карательный характер и вызвали упорное сопротивление. Но, несомненно, боевой опыт Дж. Першинг и его подчиненные приобрели. Во время экспедиции Першинг получил звание генерал-майора (25 сентября 1916 г.). После вступления США в Первую мировую войну являлся командующим американскими экспедиционными силами во Франции, получил звание полного генерала, а затем был назначен главнокомандующим всеми американскими войсками в Европе.

В 1919 г. по решению Конгресса президент присвоил ему высшее звание Генерала армий США, учрежденное специально для Дж. Першинга (впоследствии было присвоено только Джорджу Вашингтону (посмертно)). В 1920 г. отказался от выдвижения в президенты США. В 1921-1923 гг. был главой Генерального штаба США. Вышел в отставку 13 сентября 1924 года.

С. 150

Федерация синдикатов федерального дистрикта,

Федерация рабочих профсоюзов Федерального округа (исп. Federación de Sindicatos Obreros del Distrito Federal – FSODF) создана 1 мая 1914 г., через несколько лет к ней также присоединился ряд университетских профсоюзов. В 1915 г. Федерация вошла в состав Дома рабочего мира.

С. 150

Рабочая конфедерация

Рабочая конфедерация – Мексиканская Региональная рабочая федерация (КРОМ). См. биографический комментарий Л.Н. Морона выше.

С. 150

Американской федерации труда, Самуилом Гомперсом, с целью предложить совместную акцию за установление мира.

Гомперс, Сэмюэл (англ. Samuel Gompers; 27 .01.1850, Лондон – 13.12.1924, Сан-Антонио, США). Родился в Англии, в семье еврейских эмигрантов из Голландии. В 1863 г. семья эмигрировала в США, где он стал организатором союза рабочих табачных фабрик. Делегат табачников на съезде Американской федерации труда (1881). На следующий год избран председателем АФТ, и с этого времени почти непрерывно возглавлял Федерацию. Гомперс считал, что в США, где обществу предоставлены основные политические права и свободы, рабочие могут бороться за улучшение своего положения без революционных потрясений, путем взаимовыгодного социального партнерства. Он являлся яростным противником социализма и участия профсоюзов в политике. Идеологию и практику АФТ, сформулированную Гомперсом, называют «гомперсизмом».

В 1917 г. Гомперс, несмотря на антивоенные настроения значительной части рабочих, поддержал вступление США в Первую мировую войну. В 1919 г. президент В. Вильсон включил его в состав комиссии по международному трудовому законодательству на Версальской мирной конференции. Руководитель АФТ резко выступил против революции в России, активно способствовал правительственной кампании против Индустриальных рабочих мира.

Он стал инициатором создания Панамериканской федерации труда (1918 г.) и участвовал в создании Амстердамского интернационала профсоюзов (1919). Председатель Панамериканской федерации труда (1918). Во время конгресса ПАФТ в Мехико (1924) Гомперс заболел, был направлен в США и вскоре умер в Сан-Антонио.

После его смерти АФТ пережила раскол, из нее в 1935-1936 гг. вышли профсоюзы, строившиеся по отраслевому принципу. Только в 1955 г. АФТ и Конгресс производственных профсоюзов объединились в АФТ-КПП.

С. 152

восхваляли деятельность «Промышленных рабочих мира» в Соединенных Штатах.

Индустриальные рабочие мира (ИРМ) (англ. Industrial Workers of the World, IWW, также известны как Wobblies). Рабочая организация, основанная в июне 1905 г. в Чикаго представителями социалистов, анархистов, радикальных профсоюзных активистов США (Даниель Де Леон, Юджин Дебс, Ральф Чэплин и др.) для противостояния политике АФТ. В период расцвета своей деятельности ИРМ насчитывали около 100 тыс. активных членов и еще 300 тыс. рабочих поддерживали ее деятельность. ИРМ выступали за объединение рабочих как класса, ликвидацию наемного труда, прямую рабочую демократию на рабочем месте. Историческую миссию рабочего класса сторонники организации видели в уничтожении капитализма: борьба между классами пролетариев и капиталистов будет продолжаться до тех пор, пока все рабочие, объединившись политически и экономически, не возьмут в свои руки все то, что сами производят своим трудом. Девиз ИРМ звучал так: «Несправедливость в отношении одного – несправедливость для всех». В отличие от АФТ деятельность ИРМ базировалась на отраслевом принципе.

Всеобщую забастовку ИРМ считали средством низвержения системы наемного труда, вместо которой должна была быть создана новая экономическая система, которая поставит людей выше выгоды, а сотрудничество – над конкуренцией.

ИРМ поощряли вхождение в свои ряды всех рабочих, включая женщин, иммигрантов, афроамериканцев.

Деятельность ИРМ осуждалась политиками и прессой США, против нее применялись как ненасильственные, так и силовые ме-

тоды противодействия, включая аресты и даже убийства. В 1914 г., например, шведский иммигрант Джо Хилл был обвинен в убийстве, и, несмотря на то, что против него существовали только косвенные доказательства, был казнен.

Внутри ИРМ существовали противоречия по вопросу участия в политической борьбе. Сторонники Де Леона считали, что целей организации можно достигнуть через деятельность Социалистической рабочей партии. Течение, включавшее представителей левого крыла Социалистической партии Америки и анархо-синдикалистов, считало эффективным методом борьбы тактику «прямого действия»: забастовки, пропаганду, бойкот, выступало против легальной политической борьбы. В результате фракция Де Леона вышла из ИРМ и создала Международный индустриальный рабочий союз (Workers' International Industrial Union).

ИРМ организовали сотни забастовок, самые известные из которых – забастовка текстильщиков в Лоренсе (1912), Патерсонская шелковая забастовка (1913) и Регионе Месаби (1916). Они были также вовлечены в конфликт, ставший известным как «Хмелевый бунт в Уитленде» (1913).

Значительная часть членов ИРМ выступала против участия США в Первой мировой войне, считая, что война является борьбой между капиталистами, в результате которой богатые становятся только богаче, в то время как бедные рабочие слишком часто умирают от рук других рабочих. Однако, после вступления США в войну, генеральный секретарь-казначей ИРМ Билл Хейвуд (Bill Nauwood) настоял на сдержанной позиции ИРМ, чтобы избежать предполагаемых угроз своей жизни. Антивоенная пропаганда как официальная политика профсоюза была прекращена. После дискуссий в руководстве была принята декларация, осуждавшая войну, но членам ИРМ советовали направить оппозиционные действия через правовые механизмы противодействия воинской повинности.

Власти США использовали войну как возможность для подавления деятельности ИРМ. За «организацию политического заговора с целью препятствовать набору в армию, поощрение дезертирства и запугивание других лиц в связи с трудовыми спорами», в соответствии с Законом о шпионаже» в 1917 г. были арестованы и отданы под суд многие лидеры организации. Все они были осуждены на длительные сроки заключения. Приговоренный к заключению и

отпущенный под залог Б. Хэйвуд бежал в Советскую Россию, где оставался до своей смерти в 1928 году. Урна с его прахом захоронена в Кремлевской стене, а часть праха – в братской могиле рабочих, казненных по «хаймаркетскому делу» в Чикаго.

Созданный в общественном мнении имидж члена ИРМ как презренного злодея и предателя приводил к жестоким расправам над ними. Некоторые члены организации подверглись суду Линча.

При преследовании членов ИРМ особо выделяли мигрантов. После вступления США в Первую мировую войну и волны репрессий против организации некоторые члены организации бежали в Мексику, где действовало Мексиканское управление ИРМ, издававшее свой печатный орган и активно участвовавшее в мексиканском рабочем движении. Его директор «Мартин Пэйли» (известный также как «Уильям Саймонс») был делегатом Радикального Красного конвента от Мексиканского управления ИРМ и рабочих нефтяной промышленности Тамаулипас и вошел во Временное Мексиканское бюро Международного совета профессиональных и промышленных союзов (Профинтерна, 1921).

Из-за преследований, организационного раскола и попыток американской компартии установить контроль над ИРМ численность организации резко сократилась, а затем она и вовсе прекратила свое существование.

С. 155

Но багаж его был задержан одним из блокирующих Германию английских боевых кораблей, и в этом багаже нашли копии нескольких писем, согласно которым, по утверждению английского министра иностранных дел, германский посол в Мексике предложил Карранце, во-первых, союз с Германией и объявление войны Соединенным Штатам Мексикой и, во-вторых, инициативу со стороны Мексики в вовлечение Японии, в союзе с Мексикой, в войну против Соединенных Штатов.

Речь идет о т.н. «телеграмме Циммермана», направленной министром иностранных дел Германии немецкому послу в США. Документ был перехвачен британским военным кораблем и расшифрован разведкой Великобритании, содержание телеграммы было доведено до сведения президента США В. Вильсона. Артур Циммерман 17 января 1917 г. сообщил свой план по привлечению Мексики на сто-

рону Германии: Берлин планировал начать тотальную подводную войну против судов Антанты, но пока хотел избежать нападений на американские корабли, чтобы не нарушать нейтралитет США. В то же время, в случае решения США о вступлении в войну, немецкому послу в Вашингтоне Генриху фон Экхарду предстояло связаться с президентом В. Каррансой и пообещать передать Мексике после победы Германии территории Техаса, Нью-Мексико и Аризоны, перешедшие к США после американо-мексиканской войны в XIX в. Ставшая известной в Вашингтоне телеграмма Циммермана спровоцировала стремительный рост антигерманских настроений и вступление США в войну 6 апреля 1917 года.

С. 157

невзирая на те новые осложнения, которые были внесены в отношения между Мексикой и Штатами принятием Конституции 1917 года.

Конституция 1917 г. провозгласила национализацию недр и земли страны, что затронуло интересы американских граждан, обладавших немалой собственностью в Мексике. В ответ Вашингтон отказался признавать правительство Обрегона, пришедшее к власти в декабре 1920 г. Только в 1923 г. на конференции в г. Букарели между представителями двух стран американцы согласились официально признать Обрегона в обмен на сохранение имущественных прав граждан США в Мексике.

ГЛАВА XI. КОНСТИТУЦИЯ 1917 ГОДА

С. 159

Конституция Хуареца являлась попыткой уничтожить все феодальные привилегии и расчистить путь для мексиканского капитализма.

Речь идет о Конституции 1857 г., одним из основных авторов которой был Б. Хуарес. Этот Основной закон, действовавший по 1917 год, провозглашал Мексику демократической представительной республикой, состоявшей из суверенных во внутренних делах штатов. Законодательная власть принадлежала избираемому на два года однопалатному конгрессу, а исполнительная – президенту, избираемому с помощью непрямых выборов на четыре года. Духовенству

запрещалось избираться в органы государственной власти. Конституция также декларировала неприкосновенность частной собственности, свободу слова, печати, собраний, тайну переписки, запрещала рабство и пеонаж.

ГЛАВА XII. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕКСИКИ

С. 169

В последнюю минуту даже умеренная Федерация Синдикатов, возглавляемая Люисом Моронесом

Речь идет о КРОМ.

С. 174

Еще Карранца прервал дипломатическую связь с Англией, а Обрегон не торопился восстановить ее.

Дипломатические отношения с Англией при В. Каррансе не были установлены, поскольку Лондон требовал от Мексики особых заверений в ее нейтралитете и обещания защищать интересы британских подданных. Руководитель конституционалистов Карранса расценивал это как унижение суверенитета своей страны.

С. 184

Когда в 1923 году вспыхнул контрреволюционный заговор против правительства Обрегона—заговор,- руководителем которого был Адольфо де-ла-Хуэрта

Фелипе Адольфо де ла Уэрта Маркор (исп. Felipe Adolfo de la Huerta Marcor; 26.05.1881, Гуаймас, Сонора – 09.07.1955, Мехико). Учился в Национальной подготовительной школе Мехико. После смерти отца вернулся в Гуаймасе, где работал помощником бухгалтера, торговцем, банковским служащим, управляющим магазином и учителем пения. Вступил в Антиреэлекционистскую партию против переизбрания (Partido Antirreeleccionista, 1908), являлся ее представителем в Гуаймасе. Уволен с государственной службы. Победил П. Элиаса Кальеса на выборах в законодательное собрание Соноры (1911), но после переворота В. Уэрты вместе с Кальесом присоединился к конституционалистам. В 1913 г. познакомился с Каррансой, в 1915-1917 гг. был его помощником (министром внутренних дел правительства конституционалистов). Временный губернатор штата

Сонора (май 1916 – август 1917), генеральный консул Мексики в Нью-Йорке (1918). Вел переговоры в Вашингтоне, чтобы убедить правительство США в необходимости нейтралитета для Мексики в Первой мировой войне. Федеральный сенатор (1918) и губернатор штата Сонора (1.09.1919 – 3.04.1920).

Вместе с Обрегоном и Элиасом Кальесом был руководителем Революции Агуа-Приеты – плана по свержению президента Каррансы (апрель 1920 г.). На время подготовки всеобщих выборов конгресс назначил А. де ла Уэрту временным президентом (1.06.1920 – 30.11.1920 г.).

Во время своего президентства добился умиротворения страны, установив отношения с сапатистами, одоблив казнь убийцы Э. Сапаты – Хесуса Марии Гуахардо, заставив сложить оружие генерала Ф. Диаса и обеспечив путем переговоров капитуляцию Ф. Вильи. После победы Обрегона на выборах был назначен министром финансов и государственного кредита (1.12.1920 – 21.09.1923). В результате его переговоров с председателем Международного комитета банкиров Томасом Ламонтом в 1922 г. был подписан Договор де ла Уэрта – Ламонта о долгах Мексики после революции, который считается первым шагом в нормализации международных отношений Мексики.

Перед новыми президентскими выборами в Конституционалистской Либеральной партии, стоявшей за Обрегоном, произошел раскол: обрегонисты поддержали кандидатуру генерала Элиаса Кальеса, а делауэртисты – Уэрту.

6 декабря 1923 г. генерал Г. Санчес в Веракрусе объявил о неподчинении своих войск правительству. Уэрты. Приехав в город, он опубликовал «План Веракруса», в котором критиковал правление Обрегона, в т.ч. за коррупцию, предлагал продолжить аграрную реформу, учредить банк для поддержки новых собственников земли, принять рабочее законодательство, предоставить женщинам избирательные права. Мятеж поддержали 8 из 35 командующих военными округами, католики, консерваторы, а также часть левых и анархо-синдикалистов (в целом консерваторы и реакционеры преобладали в рядах делауэртистов). У восставших не было ни единого командования, ни согласованного плана действий. Многие генералы-противники Обрегона не признавали «план Веракруса» и Уэрту в качестве лидера движения и творили беззакония на подконтрольной

им территории, прекращали проведение аграрной реформы, убивали профсоюзных и крестьянских активистов.

8 декабря 1923 г. в обращении к нации генерал Элиас Кальес назвал мятеж выступлением реакционеров и контрреволюционеров. Профсоюзы и компартия Мексики охарактеризовали мятеж как фашистский.

При поддержке правительства США, Национальной крестьянской лиги, профсоюзов и оставшейся верной президенту армии к февралю 1924 г. удалось подавить восстание. Около двадцати генералов-мятежников, сдавшихся на милость правительства, были расстреляны. Сам Уэрта 7 марта 1924 г. бежал в США, где работал учителем пения. В 1935 г. президент Л. Карденас пригласил его вернуться в Мексику и назначил инспектором мексиканских консульств в США. На этом посту Уэрта прослужил до выхода на пенсию в 1946 г.

С. 184 сноски

Книга была уже сверстана, когда, в конце 1927 года, вспыхнуло в Мексике восстание генералов Гомеца и Серрано против правительства Кайеса

Арнульфо Гомес (исп. Arnulfo R. Gómez; Навохоа, Сонора, 12.12.1890 – Катепек, Веракрус, 4.11.1927). Шахтер, участник знаменитой стачки на американском руднике Кананеа. Являясь оппозиционером в отношении режима П. Диаса, в 1910 г. присоединился к восстанию под руководством Ф.И. Мадеро. В 1913 под командованием Элиаса Кальеса боролся против режима Уэрты, позднее поддержал силы конституционалистов Каррансы в противостоянии с сапатистами и вильистами. В революционной армии прошел путь от солдата до дивизионного генерала (1924). В 1920 г. поддержал Обрегона в свержении Каррансы. Командующий гарнизоном Мехико (1922-1924), командующий военным округом в Веракрусе. Сыграл важную роль в разгроме мятежа Уэрты и был одним из тех, кто осуществил модернизацию мексиканской армии.

Франсиско Р. Серрано (исп. Francisco R. Serrano; Санта-Ана, Синалоа, 16.08.1889 – Уитцилак, Морелос, 3.10.1927). Получив начальное образование, работал клерком. Затем, перебравшись в г. Аламос (штат Сонора), работал в демократической газете «Критерио Либре». В 1907 г. опубликовал статью против переизбрания губер-

натора штата генерала Франсиско Каньедо, занимавшего этот пост 32 года. В начале 1913 г. – личный секретарь губернатора Соноры Хосе Марии Майторены. Оставил эту должность, вступив в ряды конституционалистской армии для противостояния Уэрте. Под командованием генерала Обрегона служил в Генеральном штабе Северо-Западного армейского корпуса. С 4 марта 1922 г. по 30 сентября 1924 г. – военный министр, дослужился до звания дивизионного генерала. Федеральный депутат и губернатор Федерального округа Мехико.

После объявления о намерении Обрегона баллотироваться на новый срок, вместе с генералом А. Гомесом выступил против его переизбрания; оба генерала выдвинули свои кандидатуры на пост президента: Гомес – от Национальной партии противников переизбрания и нескольких региональных партий, а Серрано – от Национальной Реформистской партии (в его избирательный блок вошли также Социалистическая партия Юго-Востока, бывшая Социалистическая партия Юкатана) и блок партий – противников переизбрания из различных штатов. И Серрано, и Гомес поддерживали проведение аграрной реформы, в то же время они требовали прекратить распределение земли «насильственным и произвольным образом» и желали привлечения в страну иностранного капитала (что делало их в глазах левых реакционерами и проимпериалистами), выступали за свободу религии. Кандидатуру Обрегона поддержали почти все левые силы, в том числе и компартия, опасавшиеся, что победа Серрано или Гомеса приведет к установлению в стране реакционной военной диктатуры.

Серрано и Гомес договорились о согласовании единой кандидатуры от оппозиции, выработке общей тактики борьбы. Однако, если Гомес вел активную предвыборную кампанию, пытаясь привлечь на свою сторону различные слои населения, включая рабочих, то Серрано, не веривший в свободные выборы, делал ставку на силовой приход к власти. В свою очередь Обрегон старался спровоцировать оппозицию на вооруженное выступление. Возможно, именно поэтому президент Плутарко Э. Кальес не отстранил Гомеса от должности командующего войсками в Веракрусе и не настаивал на отставке Серрано с поста губернатора Федерального округа, постов, которые давали им большие возможности в подготовке мятежа.

Выступление двух оппозиционных генералов в октябре 1927 г. не носило характера тщательно продуманного восстания (есть версия, что Ф. Серрано рассчитывал на поддержку Элиаса Кальеса) и мятеж был подавлен практически мгновенно. Серрано, Гомес и более 150 поддерживавших их военных были расстреляны.

С. 185

Больше всего распространена одна форма, известная под именем «лиги аграрных коммун».

Аграрные сообщества (коммуны) обозначали как форму совместного владения землей, так и, нередко, общину, объединявшую индейское население. В данном случае речь идет о первой трактовке термина. В ряде случаев аграрные общины объединялись в политические группы с целью обеспечения прав крестьян и для того, чтобы добиться ускорения и углубления аграрной реформы. Яркими примерами этого являлись аграрные сообщества в штате Мичоакан (которыми руководил Примо Тапия, связанный с Коммунистической партией Мексики) и в штате Веракрус (ими руководил Урсуло Гальван, также игравший важную роль в КПМ). Лига аграрных сообществ штата Веракрус была создана в марте 1923 г. в Халапе. Она пользовалась покровительством со стороны губернатора Адальберто Техеды, а среди ее руководителей – помимо Гальвана – выделялись Мануэль Альманса, Гильермо Лира, Хосе Мария Каракас и Хосе Кардель. Лига оказала серьезную помощь федеральному правительству в ходе подавления мятежа Уэрты в 1923-1924 г., ряд крестьянских активистов погиб в ходе этих событий (Кардель и Каракас были расстреляны мятежниками).

С. 186

Несмотря на эти препятствия, в ноябре 1926 года состоялся Первый национальный съезд крестьянских лиг. На нем были представлены крестьянские объединения 17 штатов (всего в Мексике 28 штатов). Организации эти представляли 480000 организованных крестьян.

Этот съезд организовал Крестьянскую национальную лигу

Идея создания НКЛ впервые прозвучала на III съезде Коммунистической партии Мексики. КПМ к тому времени обладала более или менее налаженными контактами с различными течениями агра-

ристов (А. Техеда и У. Гальван в Веракрусе, Франсиско Х. Мухика и П. Тапия в Мичоакане, Х.Г. Суно в Халиско). В 1923 г. делегат Лиги аграрных сообществ штата Веракрус У. Гальван участвовал в Первой Международной крестьянской конференции в Москве, учредившей Крестинтерн, был избран членом Бюро Крестинтерна. Мануэль Альманса представлял ЛАСШВ на III Международной конференции Крестинтерна (1925). 22-25 июля 1925 г. крестьянские делегаты из Веракруса, Мичоакана, штата Мексика, Федерального округа, Оахаки и Морелоса подписали пакт солидарности. К тому времени масштабное крестьянское движение наблюдалось (помимо указанных регионов) в Нуэво-Леоне, Пуэбле, Чиуауа.

1 октября 1926 г. У. Гальван, Исаак Фернандес, Каролино Анайя, Хулио Куадрос Кальдас и Мануэль П. Монтес подписали воззвание о проведении Съезда крестьянского объединения (Congreso de Unificación Campesina). Впервые в истории мексиканские крестьяне создавали общенациональную организацию, которая должна была называться Национальная крестьянская лига. Своими предшественниками крестьянское движение считало революционные армии Сапаты и Вильи.

Съезд состоялся 15-20 ноября 1926 г., на нем присутствовали 158 делегатов, представляющих 310 тыс. крестьян из 16 штатов, коммунисты играли одну из ключевых ролей в деле создания НКЛ. Председателем НКЛ стал У. Гальван, секретарем – М.П. Монтес, казначеем – Х. Гуадалупе Родригес. В мероприятии участвовали и представители Национальной аграристской партии А. Манрике и А. Диас Сото-и-Гама, а также близкие к правительству аграристы – Марте Р. Гомес и Луис Л. Леон (министр сельского хозяйства, впоследствии резко эволюционировал вправо), А. Техеда (министр внутренних дел и бывший губернатор Веракруса). В качестве «братских делегатов» присутствовали кубино-мексиканский коммунист Хулио Антонио Мелья и венесуэльские революционеры-эмигранты Сальвадор де ла Пласа и Густаво Мачадо.

НКЛ в 1926-1929 гг. являлась крупнейшей и влиятельнейшей организацией крестьян, нередко она выступала союзницей правительства в борьбе с реакционерами, в то же время Лига зачастую занимала гораздо более радикальные, чем власти, позиции. В 1929 г. она выдвинула генерала Педро Родригеса Триану кандидатом в президенты от Рабоче-Крестьянского блока, в формировании которого

участвовали НКЛ, КПМ и ряд профсоюзов. В том же 1929 г. часть НКЛ (во главе с членом ЦК КПМ Гальваном) резко разошлась с коммунистами во взглядах на возможность продолжения поддержки правительства. В то время как гальванисты считали необходимым сплотиться вокруг правительства для разгрома реакции, другая часть КПМ отрицала альянс с властями, полагая, что те совершили резкий поворот вправо, а после расстрела казначея НКЛ Гуадалупе Родригеса и ряда других радикальных аграристов сотрудничество с правительством стало недопустимо. Гальван и его сторонники были исключены из КПМ летом 1929 г., внутри Лиги произошел раскол. Часть Лиги осталась на стороне властей, часть – ушла вслед за коммунистами. Власти организовали переворот внутри лояльной им части лиги, заменив Гальвана (уже исключенного из КПМ) на верного сторонника правящей Национально-революционной партии. Все эти события стали мощным ударом по НКЛ, подорвавшим ее влияние в крестьянской среде.

С. 186

с этой целью вновь организованная лига вступила в Антиимпериалистическую лигу Америки.

С. 187

Всеамериканская антиимпериалистическая лига (ВААИЛ) (исп. Liga Antimperialista de las Américas) – международная массовая организация коммунистического фронта, связанная с Коминтерном, но формально не входившая в его ряды. Лига объединила ряд партий, профсоюзов и других групп, некоторых общественных деятелей в странах Северной и Южной Америки. ВААИЛ была провозглашена в 1925 г. в Мехико, а ее целью была обозначена борьба против империализма и колониального угнетения. ВААИЛ сыграла важную роль в организации кампаний протеста против империалистического влияния в экономике латиноамериканских стран, в поддержку Армии Сандино, боровшегося против американской интервенции в Никарагуа. Ключевую роль в ВААИЛ играл кубинский революционер-эмигрант Х.А. Мелья, проживавший в это время в Мехико. В деятельности Лиги активно участвовали венесуэльцы С. де ла Пласа и Г. Мачадо, кубинец Рубен Мартинес Вильена, перуанец Виктор Раль Айя де ла Торре, мексиканец Диего Ривера. Секции ВААИЛ существовали в Мексике, Венесуэле, на Кубе, в Никарагуа, Панаме,

Пуэрто-Рико, Колумбии, Перу, Сальвадоре, Бразилии, Гватемале. В Генеральном совете Международной антиимпериалистической лиги ВААИЛ представляли перуанец Хосе Карлос Мариатеги, мексиканец Диего Ривера, никарагуанец Аугусто Сесар Сандино. После убийства кубинскими агентами в Мехико Х.А. Мельи в 1929 г., левого поворота КПП в 1929 г. и исключения из рядов партии многих левых интеллектуалов, сочтенных недостаточно революционными и слишком близкими к правительству, разрыва между КПП и А.С.Сандино ВААИЛ вступила в полосу кризиса, В 1933 г. ВААИЛ прекратила свою деятельность, а вместо нее была создана Лига против войны и фашизма (эта организация уже была почти исключительно коммунистической).

Во многих местах это партизанское движение выродилось в «махновщину»,

Махновщина – массовое крестьянское движение на Украине под руководством анархо-коммуниста Нестора Ивановича Махно в 1918-1921 гг. В советской историографии «махновщина» характеризовалась как «анархистско-бандитское движение во время гражданской войны на Украине, возглавлявшееся Махно и выражавшее идеологию кулачества», «антисоветское анархо-кулацко-крестьянское движение на Украине в 1918-1921 гг. во главе с Махно, одна из разновидностей мелкобуржуазной контрреволюции. Социальной базой движения Махно являлось зажиточное крестьянство Левобережной Украины».

Махновцы вели партизанскую борьбу против германской оккупации, гетманщины, петлюровцев, деникинцев. Руководитель движения в 1918 г. в Москве встретился с В.И. Лениным и получил поддержку от советской власти для борьбы с германской оккупацией, несмотря на критическое отношение лидера большевиков к анархизму. Махно периодически заключал тактические союзы с Красной армией (например, при штурме Перекопа), но они длились недолго и тогда махновцы вступали в противоборство с силами большевиков.

В данном случае С. Пестковский, видимо, имеет в виду стихийность движения Махно, приобретавшего нередко формы бандитизма.

Впереди стоит знаменитый художник Диего Ривера

Ривера, Диего (полное имя – Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Баррентес Акоста и Родригес; исп. Diego María de la Concepción Juan Nepomuceno Estanislao de la Rivera y Barrientos Acosta y Rodríguez; 8.12.1886, Гуанатахато (Мексика) – 25.11.1957, Мехико). Мексиканский художник-муралист. Учился в Академии Сан-Карлос (Мехико), затем – в Европе (1907-1921). В Париже сблизился с Пабло Пикассо и увлекся кубизмом. Вернувшись в Мексику, создал Группу солидарности рабочего движения (1921), а в декабре 1922 г. вступил в компартию. Секретарь по внутренним делам Мексиканской лиги рабочего просвещения. Один из основателей, секретарь по внешним связям Синдиката революционных живописцев, скульпторов и граверов Мексики. Член Национального Исполкома КПМ, заведующий политическим и сельскохозяйственным отделами, директор газеты «Плебе» (II съезд, апрель 1923), политический секретарь и секретарь по сельскому хозяйству НК КПМ (июль 1923), кандидат в члены НИК КПМ (Расширенная конференция, апрель 1924), член ЦК КПМ (переизбран V конференцией, 1928). Один из основателей, соредактор газеты КПМ «Мачете» (3-6.1924). Один из основателей Всеамериканской антиимпериалистической лиги (1926). Директор журнала «Эль Либертадор». Секретарь мексиканской секции ВААИЛ. Член делегации Межрабпома (от Южной Америки), Антиимпериалистической лиги на праздновании X-летия Октябрьской революции, член президиума Конгресса друзей СССР; выступил с докладом о Мексике на заседании Исполнительного бюро Профинтерна; присутствовал на Международной конференции пролетарских и революционных писателей; участник мексиканской дискуссии в ИККИ (Москва, 1927). Член Подготовительной комиссии Латиноамериканской профсоюзной конференции в Москве (1928). По сведениям Давидо Альфаро Сикейроса, по инициативе Владимира Маяковского, был вместе с Альфаро Сикейросом и Маяковским принят Сталиным (5.1928). Член Комитета «Руки прочь от Никарагуа!». Вице-президент Рабочекрестьянского блока (1928). Член НК мексиканской секции МОПР (1929). Член Генерального Совета Лиги против империализма и за национальную независимость в 1928 г., переизбран Франкфуртским

конгрессом. Без разрешения партии принял пост директора Школы изящных искусств. Исключен из КПП решением пленума ЦК за «правый оппортунизм» (27 сентября 1929). Один из тогдашних руководителей партии Валентин Кампа обвинял его в выдаче присутствовавшего на пленуме представителя ИККИ «Педро» (Михаила Грольмана). Приехав в США для работы по росписи зданий, сблизился с американскими троцкистами (1930). Ходатайствовал перед президентом Мексики Л. Карденасом о предоставлении Л. Троцкому политического убежища в Мексике. Пригласил Троцкого в качестве гостя, предоставив ему свой дом в Койоакане. Генеральный секретарь и член Политбюро Интернационалистской коммунистической лиги (1936-1937). По сведениям историка из США У. Чейза Ривера, предоставлял журналистам и американскому консульству сведения о деятельности КПП и рабочих организаций, связях КПП с испанскими эмигрантами, о сотрудничестве КПП с фашистской Германией, внутрипартийной политике, коммунистических агентах в Мексике, заявил, что его показания Комитету Мартина Дайеса Палаты представителей США («Комитет по расследованию антиамериканской деятельности», 1938) разоблачат «активную деятельность сталинских агентов в Мексике и других странах Латинской Америки», передал список имен предполагаемых коммунистов в правительстве Мексики (1938-1940). Участвовал в основании Революционной рабоче-крестьянской партии (1939), но в том же году покинул ряды троцкистов. Руководитель президентской избирательной кампании генерала А. Альмасана (1940). Один из учредителей Мексикано-Советского института культурного обмена (1944). Признал свои ошибки перед КПП, восстановлен в партии 16 ноября 1952, это решение было утверждено XII съездом партии в 1954.

С. 190

КРОМ не примыкает ни к Амстердамскому интернационалу, ни к Профинтерну. Он входит в Пан-американскую федерацию и находится в дружеских отношениях с Американской федерацией труда.

Панамериканская федерация труда (исп. Confederación Obrera Panameñcana) была учреждена конференцией в Ларедо (США) в декабре 1918 г. по инициативе президента АФТ С. Гомперса, избранного президентом федерации (после смерти Гомперса в 1924 г. его

сменил Уильям Грин). Вице-президентом Панамериканской федерации являлся лидер КРОМ Л.Н. Моронес; секретарем ПАФТ по Латинской Америке с 1925 по 1933 г. был пуэрториканец Сантьяго Иглесиас, основатель Социалистической партии Пуэрто-Рико и доверенное лицо С. Гомперса.

Членами федерации являлись реформистские профсоюзы Гватемалы, Коста-Рики, Сальвадора, Колумбии, Кубы, Гондураса, Пуэрто-Рико, Никарагуа и Боливии, Венесуэлы, Доминиканской Республики, Панамы, Перу. Однако АФТ и КРОМ были единственными национальными центрами, входившими в ПАФТ. Состоявшие в ПАФТ организации в целом солидаризировались с идеологией «гомперсизма», декларировавшей «изначальное отсутствие» классовых различий в американском обществе, отвергавшей идею общеклассовых интересов пролетариата, проповедовавшей узконационалистический подход к проблемам международного рабочего движения, доказывая принципиальную неприемлемость накопленного им опыта в условиях США.

Деятельность ПАФТ в Латинской Америке оценивалась компартиями как стремление оторвать континентальное профсоюзное движение от влияния Профинтерна.

Успехами ПАФТ считаются активное взаимодействие реформистских профсоюзов США и Мексики относительно положения латиноамериканских трудящихся в Соединенных Штатах, осуждение репрессивных режимов Латинской Америки и некоторых политических мер США в Никарагуа и других странах.

Номинально ПАФТ функционировала до Второй мировой войны, но фактически – в условиях роста рабочего и антиимпериалистического движения в странах Латинской Америки – распалась в начале 1930-х.

С. 193

Это—Генеральная рабочая конфедерация.

Всеобщая конфедерация трудящихся (исп. Confederación General de Trabajadores) была основана в феврале 1921 г. в качестве альянса анархо-синдикалистов, коммунистов и либертарных социалистов на I Конвенте Коммунистической федерации мексиканского пролетариата («Красный радикальный конвент»). В ее организации активно участвовали эмигранты – анархо-синдикалисты испанцы

Хосе Рубио и Себастьян Сан-Висенте, сотрудничавшие в тот момент с компартией Мексики. Конвент направил делегатом в Москву коммуниста Мануэля Диаса Рамиреса, который стал делегатом Учредительного конгресса Профинтерна (Красного Интернационала профсоюзов) и был избран членом Центрального Совета Профинтерна от Мексики, участвовал в III конгрессе Коминтерна, во время которого встретился с В.И. Лениным. Осенью 1921 г. внутри ВКТ произошел раскол, в ходе которого коммунисты и сторонники сохранения отношений с Профинтерном были исключены из рядов организации, провозгласившей свой отказ от сотрудничества с любыми партиями и антикоммунистическую идеологию. На II съезде ВКТ (1922) М. Диас Рамирес представил доклад о поездке в Москву и внес предложение присоединиться к Профинтерну, отвергнутое съездом.

ВКТ была важнейшим конкурентом проправительственной реформистской КРОМ, но заметно уступала ей по численности. Часть активистов ВКТ поддержала мятеж Уэрты в 1923 г., надеясь на ослабление КРОМ в случае падения тесно связанного с ней в тот момент Элиаса Кальеса.

В последующие годы ВКТ так и не смогла восстановить имевшееся у нее в начале 1920-х гг. влияние, особенно после создания Конфедерации трудящихся Мексики в 1935-1936 гг., ставшей союзником правительства.

С. 193

Кроме того, существует еще Католическая рабочая конфедерация,

Католическая рабочая конфедерация (исп. Confederación Católica Obrera) была создана после мексиканской революции 1910-1917 гг. как одно из проявлений политического католицизма и христианской демократии, поддерживаемой светскими организациями. Представители Конфедерации считали католицизм базовой идентичностью, не менее важной, чем территориальная или национальная, а пост-революционные власти, исповедовавшие воинствующий антиклерикализм, полагали своим противником.

С. 195

В Нью-Йорке существует так называемый Интернациональный Комитет Банкиров

Международный комитет банкиров Мексики (МКБМ) (англ. International Committee of Bankers on Mexico, ICBM) был создан по предложению Т.У. Ламонта в 1919 г. по примеру Китайского консорциума из представителей американских, британских и французских банков, занимавшихся инвестициями в Мексике (впоследствии в комитете были представлены интересы также швейцарских, голландских и бельгийских банков). Идея была одобрена госдепартаментом США при условии американского контроля. Однако деятельность комитета проходила автономно от американского правительства, а его члены не связывали свою работу с противоречиями США и Мексики по вопросу толкования 27-й статьи мексиканской конституции и претензиями американских нефтяных компаний, отказом США в признании правительства Мексики. Основной целью комитета являлась защита держателей мексиканских ценных бумаг. В 1922 г. на переговорах Ламонта с Уэртой было достигнуто соглашение о признании задолженности в размере 500 млн долл. и возможности ее выплаты; оно стало важным шагом к соглашениям Букарели (1923 г.), приведшим к признанию США режима Обрегона. Разногласия в подходах вызывали конфликты Ламонта с официальными лицами США, считавшими, что отдельное соглашение между банкирами и мексиканским правительством противоречит интересам и США, и Мексики. Переговоры комитета с правительством Мексики продолжались в течение 1920-1930-х годов. Окончательно проблема была решена в 1942 г. подписанием соглашения Суареса-Ламонта, ратифицированном мексиканским конгрессом и держателями иностранных облигаций. Международный комитет банкиров Мексики существовал до 1948 г.

С. 195

председателем этого комитета является один из компаньонов Моргана—Ламмонт

J.P. Morgan & Co.— американская финансовая организация, основанная Дж. П. Морганом в 1871 г., одно из крупнейших банковских учреждений в мире. Исторически называлась «Дом Моргана»

или «Морган» и считалась одним из символов мирового господства финансового капитала.

С. 195

Томас Уильям Ламонт–младший (англ. Thomas William Lamont Jr.; Клаверак, Нью-Йорк, 30 сентября 1870 – Бока-Ганде, Флорида, 2 февраля 1948). Сын методистского священника. Окончил Гарвардский университет (1892), бакалавр искусств. Работал редактором в нескольких газетах. Оставил журналистику из-за низких доходов и начал работать в компании Cushman Bros., которую вместе с шурином Корлиссом позже преобразовал в Lamont, Corliss и Company, фирму по импорту и маркетингу. По предложению банкира Генри П. Дэвисона работал в Bankers Trust секретарем и казначеем, вице-президентом, директором. Вице-президент Первого национального банка. В 1918-1922 гг. был владельцем газеты «Нью-Йорк Ивнинг пост». В 1911 г. стал партнером J.P. Morgan & Co. В 1917 г., по просьбе президента Вильсона, был неофициальным советником миссии союзников Эдварда Хауса. После Октябрьской революции вместе с председателем Американского Красного Креста У. Тлмпсоном при поддержке премьер-министра Великобритании Ллойд-Джорджа безуспешно пытался убедить правительство США помочь большевикам, чтобы Россия продолжила участие в Первой мировой войне. Вместе с Норманом Дэвисом был назначен представителем Министерства финансов на Парижской мирной конференции для определения размера германских репараций. Участвовал в разработке Плана Дауэса (1924) и Плана Янга (1929) по сокращению суммы выплат Германии. Он был одним из самых важных представителей корпорации Моргана за рубежом. Входил в Совет по международным отношениям, был неофициальным советником администраций Вильсона, Герберта Гувера и Франклина Рузвельта. Посетил Японию с полуофициальной миссией для решения американских финансовых проблем в Азии (1920). Основатель Председатель Международного комитета банкиров Мексики. Поддержал Бенито Муссолини (1926), но критиковал его за агрессию в Абиссинию (1935), а после ареста итальянской полицией Д. Фумми, представителя корпорации Моргана в Италии, добился его освобождения (1940).

В «Черный четверг» 1929 г. президент США Г. Гувер выразил Ламонту беспокойство по поводу рыночных манипуляций Уолл-

стрит, но банкир уверил президента в отсутствии причин для беспокойства и в том, что вмешательство правительства не нужно, сказав: «Будущее кажется блестящим!». После обрушения рынка попытки Ламонта остановить панику оказались безуспешными. После реорганизации J.P. Morgan & Co. Ламонт избрал председателем совета директоров (1943). Он был членом Американской академии искусств и наук и Американского философского общества (1932).

С. 198

Они образовали консервативное, полурелигиозного типа общество под названием «Рыцари Колумба».

Рыцари Колумба – католическое движение, основанное в США (1882 г.) священником Майклом Мак-Гивни для благотворительной деятельности – помощи иммигрантам, сиротам и вдовам. Целью католического движения «Рыцари Колумба» является продолжение дела Христофора Колумба, принесшего христианство в Новый Свет. В начале XX в. движение развивалось и охватило своей деятельностью многие штаты США, а также Канаду, Центральную Америку, Филиппины. В Мексике «Рыцари Колумба» функционируют с 1905 г. Сегодня это одна из самых многочисленных католических организаций. Она по-прежнему активно влияет на политическую жизнь США, поддерживая на выборах кандидатов, выступающих на платформе, не противоречащей католическому учению в области нравственности и морали.

С. 199

Этот бойкот имел целью заставить среднюю и мелкую буржуазию требовать от правительства уступок по отношению к церкви. Нужно отметить, что в некоторых штатах, где влияние духовенства очень сильно, бойкот этот имел некоторый успех.

В конечном итоге давление власти на церковь и стремление реализовать светские и антиклерикальные статьи Конституции 1917 г. (3 августа 1926 г. – 21 июня 1929 г.) привело к восстанию кристерос (Война Кристеро, исп. La Guerra Cristera или Ла Кристиада) – вооруженному сопротивлению католиков Мексики в центральной и западных частях страны.

В ходе войны кристерос погибло около 250 тыс. человек, включая гражданских лиц, не принимавших участия в боевых действиях, некоторые штаты оказались без единого католического священника.

Конфликт был частично урегулирован в 1929 г. при временном президенте Эмилио Портесе Хиле, более толерантно настроенном в отношении церкви, нежели Элиас Кальес. Власти разрешили религиозное воспитание (вне пределов государственных школ), церковь была отчасти восстановлена в имущественных правах. В то же время власти не в полной мере соблюдали условия перемирия и несколько тысяч бывших повстанцев были убиты уже после того, как сложили оружие. Только в 1940 г., при президентстве Мануэля Авила Камачо, прямое противостояние церкви и властей завершилось. В 1988 г. при президенте Карлосе Салинасе де Гортари были возобновлены дипломатические отношения Мексики и Ватикана, а ст. 130 Конституции страны была модифицирована, церковь получила правосубъектность.

С. 201

Кроме нее существует еще Национальная аграрная партия.

Национальная аграристская партия (исп. Partido Nacional Agrarista) была создана 13 июня 1920 г. сподвижниками крестьянского лидера Э. Сапаты, прежде всего, Диего Сото-и-Гамой и Аурелио Манрике, при благожелательном расположении федерального правительства. Партия выступала за активное проведение аграрной реформы, а ее представители контролировали во многих штатах аграрные комиссии, созданные властями. Ряд местных организаций НАП обладали вооружением и на протяжении нескольких лет являлись важным актором мексиканской политики и реальным конкурентом Национальной крестьянской лиги. Партия прекратила свою деятельность в 1929 г.

С. 202

По методам организационного строительства от Английской рабочей партии

Лейбористская (Трудовая или Рабочая) партия (англ. Labour Party) – ныне одна из ведущих политических партий в Соединенном Королевстве, исповедует левоцентристскую идеологию. Была основана в 1900 г. как Комитет рабочего представительства, с 1906 г.

стала именоваться Лейбористской. В 1918 г. были приняты устав и программа партии («Лейбористы и новый социальный порядок»).

С. 203

Из них Студенческая коммунистическая партия имеет некоторую связь с официальной коммунистической партией. Другие—не имеют с ней ничего общ. щего, являясь рабоче-мелкобуржуазными группировками.

Коммунистическая партия студентов (исп. Partido Comunista de los Estudiantes) существовала в начале 1920-х гг. и обладала довольно эклектичной идеологией, которую можно было бы отождествить с марксистской еще в меньшей степени, нежели чем КПМ в начале 1920-х гг. Никаких формальных отношений с КПМ у нее не было, хотя отдельные активисты первой партии в разное время оказались в рядах коммунистов.

С. 203

Говоря о разных «коммунистических течениях», необходимо упомянуть о много шумевшей деятельности губернатора штата Юкатан, Филиппа-Пуэрто Каррильо,

Каррильо Пуэрто, Фелипе (1872 – 3.1.1924). Мексиканский революционер и политик, по национальности – индеец-майя. Железнодорожный служащий. Редактор газеты «Эральдо де Мотул» (1906), пропагандировал среди индейцев идеи свободы и равенства. Участвовал в мексиканской революции в рядах армии Сапаты (1913). Основал Центральную Лигу сопротивления Юкатана, Социалистическую партию Юкатана (с 1921 – Социалистическая партия Юго-Востока). Являлся инициатором созыва I конгресса социалистической партии и лиг сопротивления (1918) и одним из основателей Группы молодых красных социалистов (1918). По некоторым сведениям, в 1919 г. встречался с приехавшим в Мексику генеральным консулом РСФСР и эмиссаром Коминтерна М.М. Бородиным. В 1920 г. генеральный секретарь Мексиканской коммунистической партии (Partido Comunista Mexicano) Хосе Аллен, предпринимавший усилия по восстановлению работоспособности компартии, установил контакт с Каррильо Пуэрто. В январе того же года юкатанский революционер вступил в МКП и вместе с Х. Алленом и Франсиско Мухикой реорганизовал созданное в 1919 г. коммунистами Латиноамериканской

риканское бюро III Интернационала, занявшись пропагандой его идей в Сакатекасе. По словам Х. Аллена, Ф. Каррильо, Пуэрто был «искренним поклонником коммунизма, хотя и не знал ничего о марксизме». Вскоре, однако, он отошел от деятельности в МКП и ЛАБ, хотя и сохранил спорадические отношения с коммунистами, в частности, с Х. Алленом. Участвуя в избирательной кампании Обрегона (1920) и Каррильо, Пуэрто сблизился с КРОМ. В ноябре 1921 г. он стал губернатором штата Юкатан, его правительство рассматривалось как «первая советская республика на американском континенте». Во время мятежа Уэрты он был арестован и расстрелян мятежниками.

ИСТОРИЯ МЕКСИКАНСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Книга подготовлена к изданию
И.М. Вершининой, О.В. Авериной

Подписано в печать 27.08.2024.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Физ. печ. 24,0 л. Уч.-изд. 18,0 л.
Тираж 500 экз. (Первый завод – 100).
Заказ №17.

ПЛ ИЛА РАН. 115035 Москва, Б. Ордынка, 21/16.
Тел.: (495) 951-53-23. Факс: (495) 953-40-70.
E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

